

ВОЕННО
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

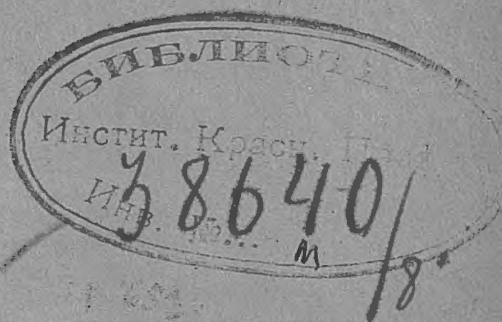
МАТЕРИАЛЫ

ТОМ II

Высший Военный Редакционный Совет

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

МАТЕРИАЛЫ
ТОМ
II

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА 1923

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ № 842
ТИРАЖ 1.000
ПЕТРООБЛИТ № 9399
ЗАКАЗ № 734
Военная Типография
Штаба Р.-К. К. А.
Площ. Урицкого, 10

СОДЕРЖАНИЕ.

1*

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий сборник материалов посвящен событиям на юге России после Октябрьской Революции. Как известно Октябрьский переворот на юге протекал в чрезвычайно сложной и своеобразной обстановке, вызванной местными условиями, из которых не последнюю роль играл национально-шовинистический элемент, искусственно раздутый в ходе борьбы Центральной Радой. Кроме этого на Дону, помимо Каледина, организовавшего реакционное казачество, прочно, под прикрытием того же казачества и при содействии Центральной Рады, — обосновалось все контр-революционное офицерство во главе с Корниловым, Деникиным, Алексеевым и др. видными белогвардейцами.

Видное место в этих событиях заняла борьба с румынами, а затем с австро-германскими оккупантами. Во всех этих событиях большую роль сыграли революционно-настроенные части разложившейся старой армии румынского и юго-западного фронтов.

Несмотря на сложность и богатство событий, материалов по этому периоду имеется чрезвычайно мало, а достоянием печати—широких масс—стало еще меньше.

Все это в достаточной мере об'ясняет причину, побудившую В. И. К. издать настоящий сборник, далеко все же не исчерпывающий всего того, что имело место на юге.

Поскольку части старой армии принимали видное участие в Октябрьских событиях на юге им также уделено известное внимание.

Наконец, несколько небольших очерков, принадлежащих перу рядовых бойцов, дают некоторый материал по истории возникновения и создания Красной Гвардии на местах.

Редакция выражает надежду, что при дружном сотрудничестве участников Октябрьских событий великая эпоха борьбы пролетариата станет достоянием широких масс и источником, воодушевляющим к дальнейшей борьбе подростающее поколение.

Л. Дектерев.

„Румчерод“ и организация Красной Армии.

I. Январский переворот.

После Октябрьского переворота Украина сделалась убежищем контр-революционных сил. Центральная Рада вела переговоры с белогвардейскими генералами, с донскими атаманами, не противодействуя собиранию белогвардейских сил в Донской области, устанавливала союз с румынской олигархией. Одновременно Центральная Рада усиленно формировала украинские части, снимая их с фронта.

Опираясь на кулачество и несознательность украинского середняка, а часто и бедняка, украинскую интеллигенцию и белогвардейское офицерство всех национальностей до великорусского включительно, Центральная Рада только вначале замаскировывала свои цели, а в декабре уже оффициально выступила против Советской власти известным Петлюровским воззванием к украинскому селянству о том, что большевики, дескать, хотят отнять от украинцев их землю, и селянство призывалось к борьбе с Советской властью.

Новорожденная Советская Россия была занята Донбасом, где уже шли бои с донскими атаманами. Героическая попытка восстания Киевских рабочих окончилась поражением. Попытка украинских большевиков опереться на созванный в Киеве Всеукраинский С‘езд Советов также провалилась. Большевистская часть с‘езда удалилась в Харьков, сделавшийся центром борьбы с южной контр-революцией.

Западная Украина до Полтавы и западной части Екатеринославщины была к началу января 1918 года в руках Центральной Рады.

На Юго-западном фронте шла упорная борьба между большевистскими и контр-революционными частями юнкеров, казаков и некоторых украинизированных полков.

В армиях Румынского фронта власть перешла в руки большевиков к началу декабря, но, фактически сила находилась в руках окрепшей, под защитой русских солдат, румынской армии, находившейся в переформировании в течение всего 1917 года. В армиях шла борьба за вывод войск.

19 декабря 1917 года (нов. ст.) в г. Одессе открылся с‘езд Румынского фронта, Одесской области и Черноморского флота, на котором был

избран уже большевистский „Румчерод“ (Исполнительный Комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области).

В самом городе Одессе в это время настроение рабочих было определенно большевистским. В их руках была Красная Гвардия, организовавшаяся еще в первые недели после февральской революции в целях борьбы с грабежами, бандитизмом и самообороны и, путем ряда чисток и переорганизаций, превратившаяся в надежную в политическом отношении боевую силу Советов. Гарнизон г. Одессы был обольшевичен, хотя он никогда не представлял серьезной боевой или политической силы.

После Октябрьской революции в него были введены украинизированные части. Первое серьезное столкновение между Красной Гвардией и гайдамаками произошло 14—16 декабря, стихийно, без подготовки со стороны Красной Гвардии. Оно кончилось неопределенно. Вмешательство посредников в лице полусоглашательского Румчерода первого созыва не дало борьбе дойти до решающего конца. На основании подписанного соглашения Красная Гвардия сохранила свою организацию и оружие, но власть перешла в руки поставленного Центральной Радой комиссара города Поплавко.

Такова была обстановка в г. Одессе и на Украине к новому 1918 году.

Начавшаяся еще в декабре 1917 года борьба Центральной Рады против Советского Правительства в России не дала возможности Одессе оставаться в стороне от этой борьбы.

Большевики вели агитацию, призывая к помощи в борьбе против Донской атаманской контр-революции. Посылка этих отрядов и была сорвана декабрьским столкновением Красной Гвардии с гайдамаками.

Большевики вели усиленную агитацию за переворот и готовились к нему. Декабрьская схватка ожесточила рабочих. Их настроение становилось все более и более боевым.

Начавшееся наступление Красной Гвардии Советской России и Восточной Украины на Бахмач, Полтаву и Екатеринослав-Знаменском направлении—отвлекали силы Центральной Рады от Одессы.

Зато с другой стороны резко ухудшалось положение со стороны Румынии. Во второй половине декабря (мы везде считаем по новому стилю) попытка фронтотдела Румчерода в г. Яссах взять власть в свои руки окончилась полной неудачей, разгромом фронтотдела, арестом его членов, из которых часть, во главе с руководителем тов. Рошалем, были расстреляны.

В январе начались попытки вывода русских войск из Румынии. Они проводились без единого плана и без общего руководства. В частях не было необходимой организации. Почти все офицерство было против большевиков. Национальные комиссары и социал-соглашатели с своей стороны всячески противодействовали. В результате одна часть за другой складывали оружие перед румынами и русскими офицерскими отрядами, одни после сопротивления, другие без боя—(см. „Октябрь Румынского фронта“ автора в № 6 „Красной Летописи“). Только немногим частям удавалось пробиваться на территорию Бессарабии или Украины, но для того, чтобы попасть в руки украинской националистической контр-революции, или вступить с нею в борьбу. На фронте главная тяжесть борьбы с украинской контр-революцией выпала, главным образом, на части юго-западного фронта.

Из частей Румынского фронта наиболее большевистской была 8 армия. Ей удалось вывести многие свои части. Да и обстановка в 8 армии была легче. Она была на крайнем правом фланге Румынского фронта. Ее штаб армии стоял в Могилеве-Подольском, т. е. в пределах Украины, а не Румынии. 25 января по войскам 8 армии был издан приказ № 3254, который пытался восстановить в частях дисциплину и превратить всю армию целиком в боевую силу для отпора румынской контр-революции. Содержание его следующее:

„Приказ войскам 8 армии от 25/12 января с/г. № 3254.

В связи с сложившимися событиями в Румынии, русские корпуса 9 и 4 армий фланговым маршем переходят на русскую территорию. От 8 армии требуется напряжение всех ее духовных и физических сил, проявление всей сплоченности и организованности, дабы безболезненно влить новые корпуса в свой состав. В связи с новыми перегруппировками корпусов, 8 армия выходит из состояния ведения позиционной войны. Новые условия жизни армии, пока не подписан мир, требуют от каждого воина от рядового до командира подтянуться, забыть все свои личные счеты и стать единицей одного общего целого. Приказываю всем начальствующим лицам, штабам, учреждениям и заведениям проявить крайнюю работоспособность, чтобы вывести армию из тяжелого положения.

Отныне приказываю: прекратить какие бы то ни было самовольные расформирования частей, самовольные уходы, дезертирства отдельных солдат, целых команд со своего поста, нежелание добросовестно выполнять свои служебные обязанности, всякого рода дележки и разделы вверенного народного достояния. Все эти акты, явно контр-революционного характера, будут караться всей силой революционного суда. Для чего, в полном согласии с Военно-Революционным комитетом армии, для спасения чести и достоинства революционной армии, приказываю: немедленно во всех частях до рот, батарей и команд включительно, образовать военно-революционные трибуналы, которые будут судить ослушников и изменников беспощадно. Товарищеский суд границ не имеет. Приказ этот прочесть . . . .

Командарм 8 Александрович.
Врид. Наштарм 8 Рейсон".

Но еще раньше этого румыны перешли р. Прут и заняли в Бессарабии местечко Леово, при этом жестоко расправились с исполкомом.

Советское правительство порвало с Румынией 26 (13) января, когда Совет Народных Комиссаров постановил:

„1. Все дипломатические сношения прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынских властей высылаются за границу.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии об'является неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранение этого фонда и передает его в руки румынского народа.

3. Восставший против революции бывший главнокомандующий румфронта Щербачев об'является врагом народа и ставится вне закона.

13 января 1918 г.
Таврический дворец".

Несколько слов надо сказать о Черноморско-Азовском флоте, сыгравшем столь большую роль в революционном движении юга. В революционном развитии он сильно отстал от Балтийского. Правда, в октябрьские дни, в целом, он занял позицию благожелательную к большевикам. Но они не сумели противостоять разлагающей агитации Украинской Центральной Рады. Многие из стоящих на рейде военных пароходов Черноморского флота подняли желто-голубое знамя. Но постепенно их сознание стало проясняться. Уже в середине января большинство из этих колебавшихся судов выносят резолюции, направленные против Центральной Рады и в том числе украинские националисты крейсера „Меркурий". Решающую роль в их переломе сыграла поддержка Центральной Радой донских атаманов. Флот, рабочие, гарнизон города Одессы и, правда, уже разгромленный Румынский фронт, были на стороне Советской власти, отряды Красной Гвардии которой приближались к Киеву. Наступило время действовать и в Одессе.

26 января Румчерод опубликовал, что власть переходит в руки Советов. Первый день, мирно без боя, занимался ряд учреждений. В ночь на 27 (14) января были стянуты белогвардейские силы и началось их выступление.

Красногвардейцы были захвачены немного врасплох. Бой продолжался четыре дня. На стороне красных основными силами были—Красная Гвардия и отряды матросов. Опорой петлюровцев были Штаб Округа (Пироговская) и вокзал, где стоял их бронепоезд. В их же распоряжении оказался отряд броневых автомобилей из Аккермана. Полки их были более регулярными. Не удивительно, что на исходе первых суток они стали теснить красногвардейцев, отбирая у них улицу за улицей и все больше и больше прижимая их к порту, к Воронцовскому дворцу, где помещался Румчерод, и к Пересыпи, дававшей основную силу Красной Гвардии.

Несколько броневиков были взяты штурмом. Тем не менее, еще через сутки красные были оттеснены по Пушкинской к бывшей Городской Думе до Городского театра и Дерибасовской улицы.

Красногвардейцы сделали последние усилия. Старый, но все еще мощный, броненосец „Синоп" вышел в открытое море и стал бить по вокзалу и по штабу округа с тыла. Ночью был брошен на подкрепление только что прибывший из 6 армии революционный отряд армейского комитета 6 армии, почему то названный „Болградским революционным отрядом".

В результате всех указанных условий совершился перелом. Петлюровцы стали отступать. Наконец, когда после упорного сопротивления штурмом был взят вокзал,—гайдамаки выслали парламентеров.

Обошлись с побежденными милостиво. Все они были отпущены домой; их офицеры удрали раньше. Победившая Советская Власть вступила в управление городом, стала наводить порядок, принялась „за социалистическое строительство".

В задачу нашей статьи не входит описание этих шагов в области Советского строительства. При оценке их следует только помнить, что редко где в России безработные играли такую роль, как в Одессе. Безработица здесь была теснейшим образом связана с прекращением вследствие войны работы порта и некоторых заводов.

Мы перейдем непосредственно к строительству вооруженных сил—„Одесской Советской Республики", просуществовавшей тогда едва $1^1/_2$ месяца (с 31 января по 16 марта).

2. „Народно-Социалистическая Гвардия".

К моменту окончательного установления Советской власти в Одессе, т. е. к 31 января, Советская Россия уже находилась в войне с Румынией. Румынские войска заняли большую часть Бессарабии и грозили Одессе. Ясно было, что в целях оказания помощи Украинской Центральной Раде и предохранения своей страны от „язвы большевизма", они отважатся наступать на Одессу. А поэтому надо было тотчас-же по захвате власти приступить к строительству вооруженной силы для отпора войскам румынской олигархии.

Поэтому на следующий же день была выделена специальная „Секция по организации Народно-Социалистической Гвардии Ц. И. Комитета Румчерода". А еще через день, т. е., 2 февраля, во всех Одесских газетах появилось воззвание Секции „Ко всем революционно-социалистическим организациям и комитетам, стоящим на платформе — вся власть Советам", следующего содержания (цитирую по „Голосу Пролетария" от 20 января 1918 г. № 85):

„К организации Народно-Социалистической Гвардии".

Ко всем революционно-социалистическим организациям и комитетам, стоящим на платформе—„Вся власть Советам".

Товарищи!

Пролетарская революция в опасности. Киевская контр-революционная Рада и Дон, румынская буржуазия, американские капиталисты и западно-европейские империалисты вошли между собою в соглашение задушить Великую русскую Революцию.

Товарищи!

На защиту пролетарской революции, на защиту Советской власти, на защиту интересов трудового народа поднимается единая и могучая рать—социалистическая гвардия. Пылая революционным энтузиазмом, трудовой народ тысячами по одиночке записывается в ряды социалистической гвардии под Красное Знамя Революции.

Для формирования и организации этой народно-социалистической гвардии 21 сего января в помещении Румчерода (в комнате № 9) к 9 часам созывается конференция представителей от всех революционно-социалистических организаций до 500—два, свыше 500—три, свыше 1000—четыре, свыше—пять; центральный рабочий комитет—трех; крестьянский земельный комитет — трех; профессиональные союзы — одного; районный комитет железнодорожного узла — пять; штаб Красной Гвардии — трех; Исполнительный Комитет матросских депутатов—трех; торговый флот—двух; почтовый союз—одного; комитеты С. Д.—большевиков и левых С. Р.—центральные—два.

„Секция по организации Народно-Социалистической
Гвардии Ц. И. Комитета Румчерода".

Конференция эта почему-то не состоялась. Тем не менее „секция" не ждала, а об'явила о приеме добровольцев. Аппарат приема был весьма примитивен. На лестнице был выставлен столик с надписью:—„за-

пись в народно-социалистическую гвардию", за которым сидел дежурный член секции и принимал записывающихся. Одновременно вышло воззвание комиссара фронтового окружного штаба и Одесского округа (о нем см. ниже 3-ю главу) т. Цейтлина с призывом всех граждан от 18 до 45 лет записываться в ряды „народно социалистической гвардии". Это воззвание уже говорит о некоторых основных принципах, на основании которых должна строиться новая народно-социалистическая гвардия.

Вот выдержки из этого воззвания, помещенного в „Известиях Одесского Совета" от 5 февраля 1918 г. н. с.

Товарищи! Мы всегда утверждали, что буржуазия и капиталисты в борьбе за свои интересы никогда и ни перед чем не останавливались. Сейчас Бессарабские помещики, в виду неизбежности перехода земель к трудовому народу и, борясь против этого, не остановились перед вводом чужеземных войск. Расчет их был таков: в Румынии до сих пор существует строй, обеспечивающий все блага буржуазии, помещиков и капиталистов, в то время как в России все переходит к трудящимся. И вот эта свора, желающая сохранить свои богатства, решила предать Бессарабию, распространяет листки, в которых утверждает, что они идут на помощь всему народу. А на деле мы видим бесчисленные расстрелы, страшнейшие репрессии, возобновление старой николаевской дисциплины, обязательное отдание чести румынским офицерам под угрозой суровых наказаний...Мы, свободный народ, не можем допустить того, чтобы наша страна из свободной Республики обратилась в провинцию царя Фердинанда Румынского. Если это случится, то не видать свободы, не видать всей земли всему народу, и потеряны будут все завоеванные кровью народной блага. Против силы контр-революционной мы должны выставить силы революционные. Главковерх К р ы л е н к о своим приказом отменил принудительную военную службу. Вместо армии, действовавшей при посредстве насилия и унижения человеческой личности, им предложено сформировать на чисто добровольческих началах революционную народно-социалистическую гвардию. В ряды этой гвардии мы призываем всех, стоящих на защите прав и достояния народа"...

На следующий день в приказе № 3 по Штабу фронт-округа Начальник Штаба т. Цейтлин уже ссылается на это воззвание, предлагая „обсудить воззвание Главного Штаба Народно-Социалистической Гвардии за № 2".

Тогда же в „Голосе пролетария" от 6 февраля в № 88 (24 января по старому стилю") под рубрикой „Запись в добровольческую армию" сообщается:

„Уже вчера, 23 января, с раннего утра Воронцовский дворец был переполнен желающими записаться в добровольную революционную армию. Среди добровольцев—товарищи и граждане всех профессий".

А „Известия Одесск. Совета" сообщают о том же днем раньше, т. е. еще 5 февраля (23 января с. с.) в № 235.

„В мобилизационной секции Румчерода.

Несмотря на поздний выпуск воззвания Р у м ч е р о д а, призывающего записываться в ряды добровольцев для борьбы с румынским вторжением, в мобилизационную комиссию уже поступил ряд заявлений от отдельных воинских частей о готовности немедленно отправиться на

фронт. Запись отдельных лиц также уже начата. К вечеру записалось около 200 человек“.

6 февраля (24 января) Военно-Революционный Комитет (Совнарком тогда еще только что конструировался) издал приказ „о мобилизации социалистической армии“, в котором даются раз‘яснения о порядке приема добровольцев, и хотя в приказе фигурирует уже новый термин „социалистическая армия“, но по смыслу и по тексту приказа ясно, что речь идет именно об упорядочении записи в народно-социалистическую гвардию. Недаром в п. 3 приказ снова говорит о „социалистической гвардии“. Во всяком случае эта неясность и сбивчивость терминов сама по себе говорит о той путанице в понятиях, которая была у руководителей этой „секции“ и которая не распутывалась президиумом Румчерода.

Приказ этот помещен в газетах только 12 февраля (30 января).

„Приказы Временного Военно-Революционного Комитета от 24 января.

1. Запись в социалистическую гвардию для борьбы с контр-революцией за народную Советскую власть производится в помещении Румчерода на прежних основаниях.

2. Солдаты и матросы представляют удостоверения от своих комитетов. Частные лица—удостоверения личности, паспорта или удостоверение от организации, членами коих они состоят.

3. Без названных документов прием в социалистическую гвардию производиться не будет.

4. Без санкции своего комитета ни один солдат или матрос не может оставлять свою часть или переходить из одной в другую.

5. Прежние распоряжения о приеме на нестроевые должности женщин отменяются.

Врем. Военревкомитет“.

Этот приказ является последним из числа тех, которые относятся к организации „народно-социалистической гвардии“.

Газеты ежедневно сообщали о большом притоке добровольцев. Так оно и было в самом деле. У Воронцовского дворца тянулась длинная очередь записывающихся. Но результаты этой записи были ничтожны, благодаря полной неорганизованности дела. Во-первых, в первые дни секция записывала без достаточной проверки. Через несколько дней понадобились дополнительные указания о порядке приема добровольцев (приказ Врем. Воен.-Рев. К-та от 24 января с. с.). Во-вторых, не были предусмотрены дальнейшие шаги по организации гвардии, самые простые и необходимые, как-то — не был выделен командный и хозяйственный состав, не были назначены места для сборов записывающихся, не было вообще ничего сказано о дальнейшей судьбе записывающихся.

К тому же скоро стали выдавать обмундирование и аванс. Желающих получить таковое было не мало, а вооруженной силы не прибывало ни на одного стрелка. Честные добровольцы, искренне хотевшие итти на борьбу, возмущались, жаловались. Наконец, еще через несколько дней местом сбора записывающихся добровольцев были назначены казармы, кажется, бывшего Ахтырского полка.

Будучи в это время уже начальником штаба румфронта, я сам лично по своей инициативе ездил тогда в эту казарму проверить, как добровольцы устроились там. Приезжаю в казармы. Темно. С большим трудом разыскиваю ход, подымаюсь со двора во второй этаж. Темнота. Группа в сотню человек окружила меня с любопытством и с жалобами. Все—зеленая молодежь. Оказалось, что нет у них света, нет дров, нет пищи. Что дальше будет — им неизвестно. Требуют одежды. Половина прибывших уже разбежалась. Дисциплины никакой. Галдежь и крики. Зато выдали оружие. А что делать с ним—не знают. Большинство обращаться с ним не умеет. Вчера неосторожным выстрелом ранили одного, отвезли в госпиталь.

Тут же я стал свидетелем наглядной иллюстрации. Только я хотел опять сесть в автомобиль, чтобы уехать, как в одном углу двора раздался выстрел, а в другом тотчас-же отозвался дикий крик:

„Мама, мама, убили“.

Велел в‘ехать автомобилю во двор и осветить фонарями угол двора. Обычная сценка. Один из „часовых“, балуясь винтовкой, выстрелил и попал в часового, стоявшего на другом углу, и случайно ранил в руку. Взял я раненого и отвез на автомобиле в госпиталь.

В общем, это была крайне кустарная попытка, при этом кустарничество возводилось в революционный принцип. Создание организованного аппарата так же как и выработка определенного плана формирования и организации „народно-социалистической гвардии“, считалось излишним, „не революционным“, „бюрократическим“ делом. Никакого положения о народно-социалистической гвардии не было, кроме тех замечаний, которые разбросаны в вышеприведенных приказах и воззваниях.

Из них видно:

1. Задачей народно-социалистической гвардии ставилась „защита пролетарской революции, Советской власти, интересов трудового народа“.

2. В основу ее организации клалось добровольческое начало, которое противопоставлялось методу „насилия и унижения человеческой личности“.

3. Состав ее устанавливался—классовый; для вступления в ее ряды требовались удостоверения от войсковых комитетов и от „Революционно-социалистических организаций, их комитетов, стоящих на платформе „вся власть Советам“. Но требование это выражено не ясно и не четко, в практике началось нарушение этого принципа.

Если выбросить отсюда противопоставление методам насилия и унижения человеческой личности принципов добровольчества, то станет ясным, что остальные пункты заимствованы из приказа Главковерха Крыленко „об организации народно-социалистической гвардии“ от 11 января 1918 г. н. с. Этот приказ дошел до Одессы и был опубликован в газетах еще до Советского переворота (числа 22 января н. с.). Но приказ Крыленко значительно более распространен и конкретен. Он устанавливает не только принципы, но и некоторые формы организации „революционных отрядов“; он говорит о добровольческом начале с оговорками, чего не было здесь.

Первые шаги по организации народно-социалистической гвардии показывают не только ошибки и неумение отдельных товарищей, руко-

водивших этой работой, но и отсутствие ясно оформленного опыта гражданской войны. Этот опыт уже имелся в различных частях Красной гвардии и в революционных частях различных фронтов, в том числе и Румынского. Эти же работники—носители фронтового опыта, сгруппировались вокруг двух других организаций—штаба фронт-округа и штаба Особой Армии, которые организовались почти одновременно с указанной секцией.

Вполне понятно, что очень скоро обнаружились недостатки кустарнической работы секции по организации народно-социалистической гвардии и что в конце концов дело формирования, организации оперативного руководства вооруженных сил, стало переходить в штаб Румынского фронта и Одесского военного округа. Но в силу целого ряда условий это случилось не сразу и не без борьбы.

3. Организация военного аппарата.

Рядом с „секцией по организации народно-социалистической гвардии“ постановлением того же президиума Румчерода или Военно-Революционного Комитета, организованного для дней восстания, начал формироваться более регулярный военный аппарат или, правильнее,—ряд параллельных военных аппаратов.

Так, в первый же день победы был назначен:

1. Комиссар по военным делам Одесского гарнизона—тов. Холопов.
2. Комиссар города—тов. Д. Гурьев.
3. Командующий войсками Одесского гарнизона—тов. Лазарев.

Организация этих аппаратов вытекала из задач, связанных с борьбой в самом городе Одессе. Командующий войсками Одесского гарнизона появился в результате начавшейся борьбы с гайдамаками. Комиссар города наследовал функции коменданта. Комиссар по военным делам Одесского гарнизона об‘единил все части гарнизона старой армии, главным образом, принадлежавших к тыловым командам б. Одесского военного округа, б. штаба Румынского фронта, стоявшего в Яссах. На его плечи легла работа по демобилизации частей старой армии, по их снабжению и по охране остающегося от них военного имущества.

Борьба против Румынии, имевшей сравнительно большую регулярную армию, заставили тотчас же подумать и об организации военного аппарата для руководства этой борьбой. Пленум ЦИК Румчерода в заседании своем от 4 февраля 1918 г. (22 янв.) постанавливает:

1. „Считать себя на положении войны с Румынией.

2. Об‘явить мобилизацию добровольческих отрядов и транспортной флотилии в Одессе и Тираспольском, Херсонском, Аккерманском, Бендерском и Одесском уездах.

3. Высшее руководство военными силами армий Румфронта и области взять на себя.

4. Непосредственное руководство военными операциями возложить на полевой коллегиальный штаб, получающий директивы от фронтово-окружного штаба.

5. Б. штаб Одесского военного округа реорганизовать во фронтово-окружный штаб.

6. Мобилизацию провести фронтово-окружному штабу".

На этом же заседании был назначен состав „коллегии комиссаров" фронтово-окружного штаба. На основе этих решений был издан следующий приказ ЦИК'а „Румчерода".

„Приказ ЦИК Советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта и Одесской области.

§ 1.

Высшее управление и руководство делами штаба Одесского военного округа и штаба Румынского фронта переходит с 21 сего января к коллегии комиссаров, назначаемых ЦИК Советов Румынского фронта и Одесской области во фронтово-окружный штаб Румынского фронта и Одесской области.

§ 2.

Канцелярии генерал-губернатора округа, главного начальника округа и военного комиссара округа при управлении штаба-округа—упразднить.

§ 3.

Назначаются: комиссаром фронта тов. Серебрянников, помощником комиссара фронта Визгирд, комиссаром штаба фронта тов. Сытин, помощником комиссара штаба фронта тов. Дегтерев, комиссарами отделений: Инспекторского—тов. Богуславский, Мобилизационного—тов. Ершов, Строевого—тов. Дмитренко, Хозяйственного—тов. Стоянов, Полевого-телеграфного—тов. Тимин, комиссаром-квартирмейстром—тов. Бекеш, Оперативного—коллегия в составе т.т. Геккера, Гиттиса и одного комиссара Черноморского флота, разведывательного и контр-разведывательного—тов. Шашин.

Коллегии комиссаров приступить к выполнению своих обязанностей с 21 сего января.

§ 4.

Впредь до прибытия т.т. Сытина, Геккера и Гиттиса из армий фронта, вступить в исполнение обязанностей комиссара штаба фронта тов. Цейтлину и комиссаров оперативного отделения штаба т.т. Корельскому и Кржевцу.

Председатель Юдовский.
Секретарь Христев.

В самом основании этого приказа лежит вопрос об упразднении раньше существовавшего штаба Одесского военного округа. Вместе с тем, совершенно правильно на этот аппарат было возложено руководство организацией и боевыми операциями всех вооруженных сил Румынского фронта и области. Этим приказом было положено начало строительства регулярного военного аппарата.

Удивляет этот необычайно широкий „демократизм", выраженный в принципе двойной коллегиальности. „Высшее руководство и управле-

ние" передано в руки коллегии в составе 14 человек, при этом внутри ее выделяется своя оперативная коллегия в составе 3-х человек.

На следующий день сам же президиум Румчерода вводит параллелизм и кустарничество в организацию высшего руководящего военного отдела (уже на примере „секции по организации народно-социалистической гвардии", именовавшейся одновременно „мобилизационной секцией"—мы видели эту нечеткость в названиях органов и постоянную множественность их), в качестве аппарата над штабом фронт-округа.

Членами этой коллегии были—т.т. Зайцев, Кривошеев и еще один товарищ, фамилии которого не помню и не удалось установить по материалам просмотренным мною.

Аппаратом этой коллегии стал аппарат „секции по организации народно-социалистической гвардии", если только можно назвать его „аппаратом".

Во всяком случае она унаследовала руководящую верхушку этой секции, методы ее работы и место ее размещения—именно: несколько комнат в Воронцовском дворце. Несомненной ошибкой президиума Румчерода было то, что он не ввел в состав военной коллегии ни одного работника прибывшего с фронта, или хотя бы только что организованного штаба фронт-округа. Не удивительно поэтому, что, во первых, военная коллегия продолжала кустарнические традиции секции по организации народно-социалистической гвардии—и, собственно говоря, все дело этой организации, которой уделена вся вторая глава, было уже делом рук военного отдела.

Во вторых, не было необходимой связи между штабом фронт-округа и коллегией военного отдела. А это при различии методов подхода приводило к целому ряду трений и конфликтов и взаимному непониманию.

Сами члены этой коллегии, как то: тов. Зайцев и тов. Кривошеев были славные, хорошие ребята. По партийным взглядам первый принадлежал к эс-эрам максималистам, второй—к левым эс-эрам. Теперь оба они хорошие коммунисты. Тов. Зайцев отличался мягким характером и парень он был неглупый. С ним при личном разговоре всегда можно было договориться. Но он не имел никакой военной подготовки.

Тов. Кривошеев—рядовой матрос, с твердой волей, тоже неглупый, глубоко преданный революции, но также без необходимой военной подготовки, а главное—без теоретических знаний и без организационной выдержки (чем и тов. Зайцев похвастать не мог) и именно он легче всего сбивался на „революционный путь", т. е. попросту к кустарничеству. Понять, а главное осуществлять идею регулярной красной армии он в то время не мог. К „спецам", как всякий матрос, он относился очень враждебно, так же как и ко всяким большим аппаратам.

В этих качествах он отражал в себе вообще состояние массы матросов Черноморского флота и рядового рабочего, еще не прошедших достаточной школы гражданской войны или советского и хозяйственного строительства. Теперь бы они не сделали прежних ошибок.

Относясь предубежденно против всякого большого аппарата, т. Кривошеев, а вместе с ним и военная коллегия, игнорировала только что создавшийся штаб фронт-округа. Именно этим об'ясняется продолжение работы по организации народно-социалистической гвардии непосредственно своими силами, вопреки постановления пленума ЦИК Румче-

рода от 4 февраля, ясно возлагавшего задачу „мобилизации добровольцев“, именно, на штаб фронт-округа.

Этим же об‘ясняется и то, что военная коллегия почти все свои приказы не проводила через аппарат штаба фронт-округа, а прямо публиковала в газетах (военная тайна тогда вообще не признавалась) и о решениях военной коллегии сам штаб фронт-округа узнавал из газет.

Насколько велико было различие взглядов на строительство вооруженных сил и насколько сам президиум Румчерода был невнимателен к вопросам организации военного аппарата и вооруженных сил, показывает тот факт, что 24 января 1918 года (по ст. стилю) в один и тот же день были утверждены два совершенно различных по характеру, по задачам и по подходу приказа—один вышеприведенный „о мобилизации социалистической армии“ и другой, о котором речь будет подробно итти дальше—„декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии“, разработанный штабом фронт-округа. И оба параллельных и взаимно-противоречивых приказа были опубликованы в Одесских газетах одновременно—именно 12 февраля (н. ст.), и, повидимому, и штаб и военная коллегия узнали об этом только из газет.

Для того, чтобы царствовавшая организационная путаница для читателя стала еще ясней, нужно принять во внимание, что, кроме вышеперечисленных военных организаций, штаб Красной гвардии существовал отдельно самостоятельно и не был подчинен штабу фронт-округа. Между тем, в первое время он проводил весьма большую работу в области привлечения добровольцев в ряды армии. Об его работе остановимся подробнее дальше.

Как бы не складывались взаимоотношения между всеми этими органами, ясно было, что прежде всего надо об‘единить все руководство военным делом в одних руках. Таким аппаратом по праву и по возможности был именно штаб фронт-округа. Он с самого своего основания и повел упорную борьбу за об‘единение вокруг себя всего дела строительства вооруженных сил. Первым был уничтожен аппарат „командующего войсками Одесского гарнизона“. На совместном заседании президиумов Советов и Румчерода, после моего доклада (в это время я был уже начальником и комиссаром штаба) было постановлено уничтожить этот аппарат, передав его функции комиссару гарнизона и штабу по указанию последнего. Сам тов. Лазарев тогда уже был назначен нами командующим Особой Армией. Этим самым предполагалось убить и второго зайца—установить связь с Полевым Штабом (т. е. Штабом Особой Армии) и подчинить его штабу фронта-округа. Скоро и комиссара города удалось вполне подчинить штабу. Хуже было дело с комиссаром гарнизона, который тогда считал себя подчиненным только Одесскому Совету. Но и тут при поддержке Румчерода удалось наладить необходимые в интересах работы взаимоотношения. Удалось добраться и до военного отдела. После ряда неудачных его опытов с одной стороны и нареканий на штаб фронт-округа в „бездействии“ и „бюрократичности“ с другой—вопрос о штабе и военном отделе был поставлен на обсуждение президиума Румчерода (это было 12—15 февраля). Помню, что штаб получил себе защитника в лице секретаря президиума т. Христева. В общем, президиум нашел нарекания на штаб неосновательными; военную коллегию все же оставил, обязав ее все решения проводить

исключительно через штаб фронт-округа. Еще через некоторое время военная коллегия была слита со штабом фронт-округа. Это уже случилось во времена Муравьева при назначении комиссаром округа т. Краузе. Тов. Зайцев тогда был назначен начальником штаба.

Штаб, в лице временно назначенного комиссара штаба т. Цейтлина, начал свою работу не совсем удачно. Он приступил „с революционным порывом“ к новому строительству. Кроме уже приведенного выше его воззвания об организации народно-социалистической гвардии (которое собственно и было приказом „№ 1“ штаба фронт-округа, хотя и носит название приказа № 2), им самостоятельно подписан приказ № 3, сыгравший резко отрицательную роль.

„Приказ по Одесскому военному округу и Румынскому фронту № 3.

Все войсковые части, учреждения и заведения Одесской области и Румынского фронта немедленно по получении сего, на общем собрании части или комитета должны:

1. Обсудить воззвание Главного Штаба Народно-Социалистической Гвардии за № 2.

2. Принять решительные, экстраординарные меры к тому, чтобы власть в комитетах и частях находилась в руках лиц, стоящих только на Советской платформе.

3. На всех солдат, не желающих записаться в ряды Народно-Социалистической Гвардии, представить списки для увольнения от военной службы.

Начальник Штаба Одесского военного округа и Румынского Фронта (подп.) В. Цейтлин“.

(„Голос Пролетария“ от 24 янв. 1918 г. № 88).

Именно последний пункт приказа, при резком демобилизационном настроении частей армии, усилил их тягу домой. Между тем, общая обстановка требовала постепенной демобилизации и сохранения боеспособности остающихся еще под ружьем частей для борьбы с Румынией. Как узнаем ниже, во многих отрядах, сформированных из революционных частей старой армии, применялся не добровольческий, а полупринудительный принцип. Приказ № 3 ломал эту намечавшуюся уже боевой практикой линию работы. Некоторые командиры и комитеты не решались опубликовать этот приказ, скрывая его от солдат. Такого же рода приказ он отдал и по штабу, предлагая всем нежелающим служить Советской власти убираться вон с военной службы. Этим приказом он узаконил саботаж, против которого надо было решительно бороться. Результаты не заставили себя ждать.

Штаб не явился на службу в полном своем составе. Зато у кабинета тов. Цейтлина образовалась очередь в несколько сот человек с прошениями о выдаче им увольнительных документов. Кроме того, с подобными же заявлениями и с просьбами о выдаче денег на дорогу стали прибывать резервисты, а их было до пяти тысяч человек.

У тов. Цейтлина мигом образовалась залежь заявлений в несколько сот штук, а у него не было ни одного делопроизводителя, ни одного

курьера. Все двери были настежь открыты, а через разбитый шестидюймовым снарядом угол здания по комнатам свободно гулял вольный морской ветер.

Когда я пошел „представляться“ тов. Цейтлину, я его застал одиноко сидящим в своем кабинете, буквально потонувшим в грудах заявлений и при моем появлении жалобно разведшим руками: „что делать с бумагами“. Когда же он узнал, что я являюсь его помощником, он посадил меня расхлебывать заваренную им кашу, а сам удрал „не то по делу, не то в район“, не то „в Румчерод“.

Пришлось повесить об'явление, что „приема сегодня нет“ и собрать всех бесцельно блуждающих комиссаров для обсуждения вопроса об организации штаба. Я, вообще, был противником об'единения и тыловой и фронтовой работы, но таково было предварительное решение „Совнаркома“ Области, исходившее из необходимости сокращения аппаратов, и это решение надо было брать не для критики, а для руководства. После прений пришли к следующим решениям: 1) приказ о роспуске всех служащих считать отмененным, приказав явиться под угрозой наказания всем служащим на свои места, а комиссарам постепенно подобрать из них себе работников, после чего приступить к увольнению ненужных. 2) Разграничить работу внутри штаба таким образом, что мне, главным образом, обратить внимание на фронт и оперативную часть, т. Визгирду на административно-финансовую. Напрасно мы после этого пытались поймать тов. Цейтлина для согласования наших решений. Он больше в штаб не показывался.

Некоторые товарищи, более близко связанные с руководящим составом Румчерода, доложили о состоянии штаба. Результатом этого явилось отстранение тов. Цейтлина и назначение меня комиссаром штаба.

Это назначение отмечено приказом № 5, который одновременно устанавливает ряд дополнительных указаний о подчинении служащих штаба комиссарам, об увольнении со службы только тех офицеров, „сверстники коих—солдаты—уже уволены со службы“. Интересен пункт, возлагающий на городские и земские управы отводить квартиры для войск „Народной Красной Гвардии“. Термин—„Красной Гвардии“ здесь в работе штаба фигурирует последний раз для того, чтобы уступить место „Рабоче-Крестьянской Красной Армии“.

Приводим приказ № 5.

„Приказ войскам, заведениям и учреждениям Румфронта и Одесской области. 27 января 1918 года. № 5.

§ 1. Согласно постановлению Ц. И. Комитета Советов С. Р. и К. депутатов от 23 января, тов. Дегтереву вступить в исполнение обязанностей комиссара штаба фронта и области.

Тов. Цейтлин отчисляется от должности комиссара штаба фронта и области.

§ 2. Согласно тому же постановлению тов. Черкунов назначается и. д. комиссара оперативного отделения.

Тов. Крживец отчисляется от должности комиссара оперативного отделения.

§ 3. Все служащие штаба фронта и области непосредственно подчиняются комиссарам соответствующих отделений.

§ 4. В виду переформирования на новых началах войсковых частей фронта и области приказываем: всех бывших офицеров и чиновников, как состоящих в резерве, так и из войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений области, сверстники коих—солдаты—по возрастному цензу уже уволены от службы, кроме специалистов, замена коих затруднена, теперь же, если они не избраны на командные должности, или же, будучи избраны, не пожелают остаться на таковых, или получить назначения, отправить в распоряжение соответствующих воинских начальников для снятия с учета и увольнения вовсе от службы. Всех увольняемых на общих основаниях надлежит снабдить проездными документами и установленными видами довольствия до мест следования, выдав на руки аттестаты и др. письменные сведения.

§ 5. Городским и земским управам Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний оказывать надлежащее содействие военным комиссарам по отводу квартир натурой, для вновь формируемых войск Народной Красной Гвардии.

Комиссар войск Румфронта Одесской области Серебрянников.
Комиссар штаба Дегтерев.
Помощник комиссара войск Визгирд".

4. Начало организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Самой первой нашей задачей явилось составление основного декрета-декларации об организации новой армии. Речь шла не об отдельных отрядах, а именно о регулярной армии. Часть из нее получила некоторый опыт строительства отдельных отрядов. В Бессарабии мы уже столкнулись с регулярной хотя и румынской армией. Опыт борьбы на Украине говорил о том же. Мы все понимали, что один регулярный корпус значит больше, чем все войска Центральной Рады.

В нашей печати это сознавалось также, хотя и смутно, неясно. Вот, например, статья „Революционная война" в № 235 „Известия Одесского Совета" от 23 января с.с., раз'ясняет значение ввода Румынских войск в пределы Бессарабии, который явился в действительности началом осуществления задуманного и подготовленного плана оккупации Бессарабии.

Между прочим, говорится следующее: „Борьба с Румынским вторжением есть в то же время борьба с империализмом и капитализмом не только чужой, но и своей буржуазии. Необходимо крайнее напряжение революционных сил для создания боевой Армии, сильной своей внутренней дисциплиной, спайкой и сознательностью. Подлинная священная война Революции началась, под ее знаменем должна вырасти и новая армия, грозная, непобедимая духом революции".

Конечно, никаких указаний ни откуда мы не могли получить. Это была эпоха импровизации, эпоха „красногвардейской атаки на капитал". Каждый должен был проявлять свою инициативу. Из этой нашей инициативы работников штаба вырос декрет „об организации Ра-

боче-Крестьянской Красной армии", принятый Румчеродом 6 февраля (24 января) и опубликованный в газетах 12 февраля (30 января с. с.).

Проект декрета обсуждался коллегией коммиссаров под моим председательством; многие из формулировок принадлежат лично мне. Президиум Румчерода изменений своих не вносил.

Приказ, приводящий текст декрета, снабжен подробным развитием его, инструктирующим о порядке применения и детализирующий его. Приказ назван первым номером для того, чтобы подчеркнуть начало новой эпохи в работе штаба и в жизни армии.

Приказ, как ценный исторический документ, приводим полностью.

„Приказ по фронту и Одесскому военному округу. № 1. 24 января 1918 г.

Постоянная армия служила орудием классового могущества буржуазии и строилась на принципе насильственного порабощения людей, скованных одной мертвой дисциплиной палки.

Правительство Народных Комиссаров ставит на место постоянной прежней армии всеобщее вооружение народа, защищающего те форты социального и политического строя общества, которое единственно обеспечивает полноту власти Советов—полновластие народов. Факт господства буржуазии в государствах Западной Европы и еще не ликвидированной войны накладывают, однако, на Советскую власть обязанность быть готовой в любой момент, вооруженной рукой не только отстаивать принципы возвещенного революцией демократического мира, но, в случае необходимости, вмешиваться и активно содействовать возможному в ближайшем будущем в Западной Европе восстанию пролетарских масс под лозунгами социалистической революции.

Исходя из этих соображений Правительство Народных Комиссаров находит необходимым немедленно приступить к организации Рабоче-Крестьянской Армии на следующих основаниях:

1) Рабоче-Крестьянская Армия формируется путем добровольного вступления в ее ряды граждан в возрасте от 18 до 45 лет по рекомендации революционно-социалистических партий и рабочих, солдатских и крестьянских организаций (Советы, профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, солдатские комитеты, губернские, уездные и волостные комитеты, стоящие на платформе Советской власти).

2) При организации корпусов Рабоче-Крестьянской Красной Армии в тылу принцип добровольчества проводится в жизнь немедленно.

3) При организации таких же корпусов на фронте принцип добровольчества проводится в жизнь постепенно, по мере замены всех демобилизуемых элементов Рабоче-Крестьянской Красной Армии формированиями из тыла.

4) Параллельно с формированием корпусов Рабоче-Крестьянской Красной Армии должно итти свертывание и сведение существующих военных об'единений в более узкие; одновременно с этим и свертывание обслуживающих технических частей.

5) Все остальные массы прежней армии должны быть демобилизованы, причем, впредь до окончания вышеуказанных формирований, из процесса демобилизации исключаются призывы нескольких годов, которые найдет нужным оставить К. по В. Д.

6) Порядок замены устанавливается по старшинству сроков призыва распоряжением К. по В. Д.

7) Создание кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии лежит на обязанности Советов, которые для этого пользуются имеющимися органами военного ведомства.

8) Солдаты Рабоче-Крестьянской Красной Армии состоят на полном государственном довольствии и на расходы получают не менее 25 рублей в месяц.

Примечание. Газетами и брошюрами солдаты снабжаются за счет государства.

9) Семьи солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии получают натуральную квартиру с отоплением и освещением, одежду, обувь, хлеб, жиры, крупу, соль, приварок, сахар и чай по местным потребительным нормам, а где таковых нет,—по местным нормам довольствия армии. В деревнях, взамен имеющихся в натуре перечисленных видов довольствия, выдаются металлические изделия, необходимые для хозяйства и мануфактура.

10) Семьи солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии пользуются бесплатной государственной медицинской и санитарной помощью.

11) Семьи воинов, погибших или пострадавших, должны быть обеспечены специальным государственным страхованием.

12) Принципы управления Рабоче-Крестьянской Армии устанавливаются декретами К. по В. Д.

13) Верховным руководящим органом является Совет Народных Комиссаров.

14) Управление, заведывание хозяйством и культурно-просветительная работа в частях и соединениях частей возлагается на штабы при этих образованиях.

Примечание. Порядок избрания должностных лиц штаба их права и обязанности определяются особыми положениями, издаваемыми Советом Народных Комиссаров по В. Д.

15) Записавшиеся добровольцы дают обязательство пробыть в рядах армии не менее 6 месяцев и беспрекословно подчиняться выборным организациям и выборному командному составу в полном сознании долга революционной дисциплины.

Во исполнение вышеизложенного прошу:

1) Безотлагательно открыть запись добровольцев во всех частях войск округа, управлениях воинских начальников, этапных комендантов, распределительных пунктах, в общественных демократических организациях и социалистических партиях, признающих власть Советов.

2) В управлениях воинских начальников, этапных комендантов, распределительных пунктах для приема записавшихся добровольцев и их боевой организации (полки, батареи, сотни и роты), образовать организационное бюро из представителей управления, врача управления, представителя Советов и представителей местных комитетов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

3) Добровольцев в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии принимать лишь физически здоровых. Для клинического исследования добровольцев в госпиталя и лазареты направлять не следует.

4) Бюро ежедневно телеграфно сообщает в штаб округа о количестве принятых добровольцев с указанием их рода войск, указывая, какое в том числе имеется количество специалистов и мастеровых.

5) Из принятых добровольцев организовывать роты в составе 180 человек, и о числе таких сорганизованных рот немедленно сообщить штабу по родам войск.

6) На приварочное довольствие при управлениях воинских начальников, этапных комендантов и распределительном пункте следует зачислять добровольцев в день их прибытия в управление.

7) На прочие виды довольствия добровольцы зачисляются по принятии в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

8) В частях войск запись и прием добровольцев возлагается на полковые, ротно-командные комитеты, каковым необходимо ежедневно сообщать в штаб округа о числе принятых добровольцев с указанием рода войск. В первом сообщении необходимо указать. какое количество солдат в части выразило желание остаться в рядах Красной Армии.

9) При приеме в частях добровольцев следует руководствоваться пн. 3 и для освидетельствования необходимо командировать врача, если таковой в комитете не состоит.

10) Общественным демократическим организациям и социалистическим партиям, признающим власть Советов, записавшихся у них добровольцев при общем списке надлежит направлять для приема в ближайшее управление воинского начальника или в часть, где также идет прием добровольцев.

11) Для успешного приема добровольцев в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии учреждениям, ведущим запись и прием добровольцев, необходимо широко оповестить граждан о месте и времени приема добровольцев.

12) Начальнику военно-окружного интендантского управления озаботиться принятием мер к тому, чтобы воинские начальники получили в кратчайший срок аванс на довольствие принятых добровольцев.

13) По всем вопросам, касающимся приема добровольцев, надлежит обращаться в штаб округа, в отделение по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

14) О порядке приема добровольцев-инструкторов будет об'явлено дополнительно.

15) Приступить к выполнению сего распоряжения по получении телеграммы или по об'явлении местным органом печати.

16) Имущество, состоящее в частях войск, передается в части Рабоче-Крестьянской Красной Армии по распоряжению штаба округа и ни в коем случае не подлежит продаже или раздаче солдатам, не выразившим желания служить в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

17) Лиц, имеющих оружие и снаряжение казенного образца, просят поступать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии с таковым.

Комиссар Румынского фронта и Одесской области Серебрянников.

Комиссар штаба фронта Дегтерев.

Комиссар мобилизационного отдела Ершов".

Рассмотрим этот документ подробнее. Декрет начинается с противопоставления постоянной армии, построенной „на принципе насильственного порабощения людей",—всеобщему вооружению народа. В несколько туманной форме выражена задача новой армии—„защита власти Советов"; статья рядом с этой и подчеркивает вторую задачу: „в случае необходимости вмешаться и активно содействовать возможному в ближайшем будущем в Западной Европе восстанию пролетарских масс под лозунгами социалистической революции". Подчеркивание, что задача новой армии „не только отстаивать принципы возвещенного революцией демократического мира", вызывалось теми настроениями пацифизма, которые тогда господствовали в разлагающейся старой армии и отчасти проникали в среду армейских молодых большевиков (и левых эс-эров, конечно). С ними мы в резкой степени столкнулись в борьбе за вывод наших частей из Румынии.

Не надо удивляться, что мы ожидали слишком скорого пришествия революции на Западе. Кто живо помнит этот период революции, тот вспомнит и то, что такие настроения тогда были господствующими среди руководящих работников Советской России. Достаточно вспомнить хотя бы речи тов. Зиновьева. Я приведу выдержки из одного документа, относящегося к периоду нашей борьбы на юге Украины в феврале 1918 года,— весьма характерно иллюстрирующему тогдашние настроения— разговор по прямому проводу с нами народного комиссара Антонова-Овсеенко:

„Главковерх по борьбе с контр-революцией (речь идет о Муравьеве) вел против Дона упорное победоносное наступление. На Севере около Могилева авантюра Довбора-Мусницкого продолжается, но и она подходит к концу. Одним словом, на внутреннем фронте все складывается в нашу пользу. На внешнем:—Берлин и Вена—восстали и восстановлена там Советская власть. Вся Германия загорелась от Великой Российской революции и, мы, накануне похода на Берлин, дабы совместно с демократиями мира покончить с капиталом. Теперь о Киеве"...

Не останавливаясь долго на вводной части, декрет переходит к установлению принципов строительства „Рабоче-Крестьянской Красной Армии". Первый принцип—политический (рекомендации революционно-социалистических партий и рабочих, солдатских и крестьянских организаций). Классовая база очень широкая. Идея—диктатура рабочего класса в Красной Армии—не подчеркивается. Но сравнивая эту формулировку с соответствующей формулировкой приказа Крыленко об организации народно-социалистической гвардии, мы видим, что они почти тождественны. Сравнивая же с формулировкой приказа—„о мобилизации социалистической армии" по невнимательности президиума Румчерода также утвержденного им в тот же день, видим, что декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии отличается значительно более точной, четкой и конкретно-детализованной формулировкой. Шаг вперед огромнейший.

Второй принцип—добровольчество. Идея общая этому времени. Но в отличие от „секции по организации народно-социалистической гвардии" и первых приказов т. Цейтлина, декрет совершенно правильно в практическом проведении этого принципа отступает от него; считаясь с окружающей обстановкой устанавливает, что „принцип добровольчества про-

водится в жизнь постепенно по мере замены всех демобилизуемых формированиями из тыла“, и оставляет за собой право в порядке принуждения из процесса демобилизации исключить „призывы нескольких годов, которые найдет нужным оставить Комиссариат по Военным Делам“.

В этой оговорке сказалось влияние опыта борьбы с румынами, а свое оправдание она нашла в тексте того же самого приказа Главковерха Крыленко о народно-солиалистической гвардии.

Совершенно сознательно декрет умалчивает о принципах управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которые „устанавливаются декретами К. по В. Д.“. Эта прямая противоположность первым советским приказам по Петроградскому (от 14 дек. 1917 г.) и Московскому военным округам, где первым основным пунктом является пункт о выборном начале. Также было и во фронтовых частях старой армии, где сейчас же по захвате власти армейские комитеты переходили к выборному началу. Румынский фронт не был исключением. В 4-й армии в декабре 1917 года командармом был избран Кондурушкин, в 6-й армии мы перешли к этому в январе, когда после ареста нами командарма Коцебу (ставленника Щербачева) командармом был избран автор.

Но тогда шла борьба за политическое овладение старой армией и выборность в наших руках была оружием к этому. Теперь надо было строить новую армию для военной борьбы. И мы после жарких споров, почти поровну разделивших голоса в коллегии, решили обойти этот вопрос. Насколько помню, одним из жарких сторонников „демократизма“ был комиссар инспекторского отделения т. Богуславский; наоборот, я защищал право штаба на назначение лиц командного состава, и это право мы стали осуществлять очень скоро, уже в начале февраля назначив тов. Лазарева командармом Особой. Назначения же должностных лиц по штабу стали практиковаться с первых же дней.

В этом сказался наш здоровый подход к действительности, наше правильное понимание уже полученных в борьбе уроков.

В защиту нашего положения говорила и практика Всероссийского Правительства.

Муравьев уже был назначенным Главнокомандующим по борьбе с контр-революцией Юга России. Да и странно было бы поступать иначе. Но для того, чтобы оценить значение этого пункта, надо снова представить себя в той обстановке, и тогда станет ясным, что составителям декрета нельзя отказать в известной чуткости и прозорливости.

Очень интересен пункт 14-й, возлагающий не только „управление и заведывание хозяйством“, но и „культурно-просветительную работу“ на штабы, то есть на командование. В этом сказалось понимание значения политической (культурно-просветительной) работы для армии и той тесной связи, которая существует между боевым и политическим руководством в ней. Надо помнить, что командный состав в то время, исключительно, составлялся из людей преданных делу революции, и что вначале мы и не мыслили комсостав иначе, как самых активных сторонников Советской власти. Вопрос о военных специалистах стал несколько позже.

Немного странна оговорка, попавшая в пункт 15-й, о том, что добровольцы дают обязательство беспрекословно подчиняться выборным организациям и выборному командному составу. Здесь выборность возве-

дена в принцип: гнали ее в дверь, она влетела в окно. Сторонники пункта 12 в спешке проглядели формулировку пункта 14-го. Кроме этого пункта „демократизм" взял свой реванш в обращении дальнейшего приказа, где говорится „во исполнение вышеизложенного прошу..." Сторонники „демократизма" в армии находили недопустимым обращаться к подчиненным иначе, как с равными. Этот стиль сохранился не надолго.

Вторая часть приказа № 1 очень конкретно устанавливает порядок призыва добровольцев, предлагая широко раскинуть сеть для записи добровольцев (а не только на лестнице Воронцовского дворца). Также устанавливается „организационные бюро", требуется точная ежедневная отчетность; указывается, что за организационную единицу принимается рота в 180 человек, устанавливается строгий порядок довольствия. Очень заботливо говорит приказ о сохранении военного имущества.

Основной ячейкой, формирующей части Красной Армии, согласно приказа, являются вышеупомянутые „организационные бюро", составленные из представителей управления и представителей Совета. Эти бюро организуются при военных частях и армейских комитетах. В их распоряжение и должны немедленно направляться добровольцы, записывающиеся во всех остальных организациях. Таким образом, по всей области устанавливаются эти первичные организационные ячейки, подобие будущих военных комиссариатов по декрету от 8 апреля 1918 года.

Несомненно, что приказ № 1 становится на почву государственного (а не кустарного) формирования регулярной Красной Армии. В этом отношении он не только на много опередил соответствующие приказы и декреты по различным областям России, но стал во многом на уровне Всероссийских начинаний, а в некоторых отношениях („организационные бюро") и опередил их. Причины ясные. Мы уже имели опыт борьбы не только с начинавшей организовываться украинской гайдамацкой армией, но с уже организованной румынской армией. Кроме того основная мысль о необходимости полной централизации в военном деле и во Всероссийском масштабе заставляла нас, где было возможно, руководствоваться уже имеющимися образцами. Эта жажда по централизованному руководству подталкивалась не только общими принципами, но и нашим опытом вывода войск из Румынии, где основной причиной нашей неудачи было отсутствие единого руководства по нашему фронту.

Из таких приказов Всероссийского масштаба, больше всего влияния оказал на наш декрет, упоминавшийся приказ Главковерха Крыленко об организации народно-социалистической гвардии, подписанном 11 января 1918 года и опубликованном в Одесских газетах в январе. Из него взято большинство пунктов нашего декрета. Но приказ этот использован не только внимательно, но и самостоятельно. Об этом говорит вторая часть приказа № 1 и ряд деталей в декрете и самое название. Мы назвали новую армию Рабоче-Крестьянской Красной Армией, как бы желая подчеркнуть наше особое внимание к ее строительству, как силы регулярной (а не партизанской), массовой армии (а не отдельные „отряды").

Сейчас затрудняюсь сказать, откуда мы заимствовали это название. Всероссийский декрет об организации Красной Армии, принятый 28 января 1917 года, дошел до нас и был опубликован в Одесских газетах только 21 февраля в виде краткой телеграммы о принятии такого декрета

в Петрограде и об ассигновании 20 миллионов рублей на дело организации. Ясно, что заимствовать отсюда мы ничего не могли.

Несколько раньше дошел до нас „декрет об организации Народно-Революционной Социалистической Армии на Украине“ от 20 января ст. ст. (2 февраля по новому стилю) 1918 года. Он был опубликован в Одесских газетах 15/2 февраля, то-есть на девять дней позже подписания нашего приказа № 1. Он тоже не мог оказать никакого влияния, да и отличается он в худшую сторону, меньшей конкретностью и значительно большей неразработанностью. Ниже приводим его полностью:

„Декрет об организации Народно-Революционно-Социалистической Армии на Украине от 20 января 1918 года.

Для великой рабоче-крестьянской революции Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской Республики, исполняя волю трудового народа, постановляет:

Для защиты и укрепления народной власти и для окончательной победы рабочих и беднейших крестьян над буржуазией, организовать новую социалистическую рабоче-крестьянскую армию („Червоне Казацтво“) на следующих основаниях:

1) Все солдаты, из которых должно состоять „Червоне Казатцтво“, поступают в армию добровольно по рекомендации революционно-социалистических партий и советских организаций.

2) Все солдаты находятся на полном государственном содержании и получают 25 руб. в месяц.

3) Поступающие в Червоне Казатцтво должны дать обязательство не бросать его в течение 6-ти месяцев, при чем они могут быть отпущены раньше указанного срока, когда победа и завоевания революции будут упрочены.

4) Семьи солдат Рабоче-Крестьянской Армии получают плату натурой по местным нормам, а также пользуются бесплатной медицинской помощью.

5) При оплате по должностям инструкторов-командиров руководствоваться следующими нормами платы: инструктору, командиру взвода—40 р., роты — 50 р., батальона — 75 р., полка — 100 р., дивизии — 125 р., армии—175 р.

6) Семьи убитых, потерпевших товарищей солдат „Червонного Казатцтва“ обеспечиваются государством.

Выполнение и проведение в жизнь этого декрета поручается Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Украины и Комитетам войсковых частей.

Народные Секретари: Внутренних дел Е. Бош, Юстиции—Люксембург, Финансов—В. Ауссем, Труда—М. Скрипник“.

В смысле дальнейшего развития некоторых принципов строительства новой армии интересен приказ № 4 от 25 января ст.ст. (7 февраля) 1918 г.

„Приказ войскам, заведениям и учреждениям Румфронта и Одесской области 25 января 1918 года. № 4.

§ 1.

Всем войскам армий Румфронта и Одесской области организоваться в боевой состав и немедленно оказывать вооруженное сопротивление

румынским военным отрядам, вошедшим в Бессарабию, а также и во всякой другой местности при попытке румынских войск к разоружению советских войск, либо захвату военного материала и снаряжения, составляющего народное достояние. В случае очевидной невозможности удержать опорные, базисные и продовольственные пункты, вывозить из этих пунктов всеми доступными средствами все народное имущество, а при невозможности вывозки таковое уничтожать, либо приводить в негодность. Заведениям и учреждениям, обслуживающим боевые части войск, принять самые радикальные меры по снабжению боевых частей всем необходимым в кратчайший срок.

§ 2.

В раз'яснение приказа от 24 сего января за № 3 предлагаем всем воинам призыва моложе 1906 года перейти немедленно на службу в части народно-социалистической гвардии для вооруженного отпора румынской олигархии и всем врагам революционного народа. До настоящего времени законно уволенными от службы считаются солдаты не моложе призыва 1906 года. Солдаты и бывшие офицеры и чиновники более молодых сроков службы, ушедшие или уходящие со службы самовольно, считаются дезертирами революции, и они не подлежат снабжению ни документами, ни деньгами, ни обмундированием. Войсковым комитетам о всех таких дезертирах сообщить по месту их приписки и жительства в местные исполнительные комитеты революционно-демократических организаций для обнародования.

§ 3.

Мужское население Одесской области (губернии: Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая) в возрасте от 18 до 45 лет призывается к добровольному вступлению в ряды народно-социалистической гвардии в целях вооруженного сопротивлении войскам румынской монархии, посягающим на свободу революционных народов России. Всем Советам солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов приступить к организации бюро по приему добровольцев и назначить в местные управления воинских начальников комиссаров. Условия службы добровольцев изложены в прилагаемой при сем инструкции.

Комиссар войск Румфронта и Одесской
области Серебрянников.
Комиссар штаба Дегтерев".

Этот приказ был почему то опубликован в газетах раньше приказа № 1 на три дня (27 января с. с.). Сейчас не помню точно, почему. Помню, что вообще газеты были весьма неаккуратны и небрежны в печатании наших приказов, но в данном случае, повидимому, в самом деле приказ № 4 был составлен и направлен в части раньше: это требовалось по самому смыслу событий. Необходимо было, во-первых, призвать части к отпору, во-вторых, раз'яснить неудачный приказ тов. Цейтлина за № 3.

Поэтому мы поспешили с ним, не ожидаясь разработки общего приказа № 1, а по формальным соображениям он должен был „выйти" позже основного. Этим об'ясняется и оперирование термином „народно-социалистическая гвардия".

Самое характерное в этом приказе—пункт 2-й, принцип принудительного перехода всех „воинов призыва моложе 1906 года на службу в части народно-социалистической гвардии". Очень определенно говорится, что „солдаты и бывшие офицеры и чиновники (чины были уже отменены в армии) более молодых сроков службы, ушедшие или уходящие со службы самовольно, считаются дезертирами революции, и они не подлежат снабжению ни документами, ни деньгами, ни обмундированием. Войсковым комитетам о всех таких дезертирах сообщать по месту их приписки и жительства в местные исполнительные комитеты революционно-демократических организаций для обнародования".

В последнем проглядывает маленькая утопия—приказ исходит из положения, что революционная власть уже установилась повсеместно и крепко.

Интересно в п. 3 указание о назначении „в местные управления воинских начальников комиссаров". Первый документ, указывающий на одновременное существование начальника и комиссара при нем, первый документ, полагающий необходимость привлечения военных специалистов, без установления взаимоотношений их с комиссарами.

У нас в штабе фронт-округа этот вопрос о взаимоотношениях определился ясно и четко: „все служащие подчиняются комиссару".

5. Еще о штабе.

С момента назначения меня комиссаром штаба взаимоотношения внутри штаба у нас сложились следующим образом.

Тов. Серебрянников главным образом занимался агитационной работой по предприятиям и служил связью между нами и всеми советскими и рабочими организациями. В дела, собственно штаба, он вмешивался мало.

Руководство работой по штабу есть обязанность начальника штаба. Но и в области принципиального руководства т. Серебрянников не проявил себя. Все основные начинания (декрет об организации Красной Армии, приказ № 5, формирования частей, назначение Лазарева, выделение частей армейского комитета 6 армии и т. д.)—проводились чаще всего инициативой комиссара штаба, а т. Серебрянниковым они просто утверждались, а иногда эти решения доводились до его сведения после их проведения в жизнь.

Эта самостоятельность положения комиссара штаба об'ясняется нашими личными взаимоотношениями. Т. Серебрянников был моим партийным воспитанником по 6 армии, в которой я был руководителем, и он относился ко мне с уважением, как к старшему партийному товарищу. И бывал он в штабе довольно редко.

Эти взаимоотношения весьма облегчали мою работу, но они были все же ненормальны и приводили фактически к тому, что у нас не было комиссара фронт-округа. Внутри штаба мы, не смотря на это, работу об'единили довольно скоро. Зато это приводило к отрыву нас от Румчерода, так как т. Серебрянников не всегда мог даже вполне осветить нашу политику и наши начинания. Поэтому очень скоро президиум Румчерода во всех важнейших случаях, когда дело касалось штаба или фронта, стал приглашать меня.

Что же касается помощника комиссара т. Визгирда, то он ведал, главным образом, административно-хозяйственной работой штаба, в его же руках находились секретные шифры. Комиссар же штаба ведал, главным образом, оперативными делами и формированием новых частей.

Оперативная коллегия в составе т.т. Геккера и Гиттиса так и не сформировалась, так как не смотря на мои настойчивые вызовы их из 8 армии, равно как и т. Сытин, не прибыли. Я даже не знаю, дошли ли до них наши телеграммы, так как связь с ними была весьма ненадежная. Нам удалось более тесней связаться уже при Муравьеве. Кто был назначен начальником оперода, я не помню. Во всяком случае лицо не столь известное, как другие товарищи. Это возлагало на меня, как на комиссара штаба, сугубую ответственность именно за это отделение.

Работа отделений, непосредственно входивших в состав штаба по приказу от 4 февраля (22 января), была об'единена вокруг комиссара штаба и помощника комиссара, несмотря на некоторое их сопротивление, довольно быстро. Хуже обстояло с остальными фронтовыми управлениями, как-то: снабжения (комиссаром был назначен т. Щучин) и военных сообщений (т. Лисовский). Они были назначены непосредственно президиумом Румчерода, начали персональную связь с работниками президиума и держались независимо по отношению к штабу. Излишне говорить о том, как такая децентрализованность влияла на работу, отнимая из рук штаба главное средство для об'единения частей фронта—снабжение.

Особенно же трудно налаживались наши взаимоотношения со штабом Особой армии, организованного из частей, расположенных на Бендерском направлении. Командующим этих частей был т. Венедиктов, выбранный представителями войсковых комитетов. Начальником штаба т. Каменский. В общем штаб этот организовался из остатков фронтотдела, находившегося в Кишиневе после разгрома его в Яссах и до занятия Кишинева румынами. Они считали себя наследниками фронтотдела, т.-е. верховным органом, руководящим полевыми войсками и именовали себя полевым штабом, считая себя независимым от штаба фронт-округа, кстати, находя его слишком „бюрократическим“ и неподвижным. Поэтому сносились они непосредственно с президиумом Румчерода и с Одесской печатью, не являясь в штаб фронт-округа вовсе. Потом они стали присылать нам оперсводки—для информации. Назначением т. Лазарева мы думали упрочить нашу связь с полевыми частями. В первое время действительно т. Лазарев довольно регулярно держал связь с нами, хотя и не отказывался принимать самостоятельные решения весьма принципиального характера и не входившие в круг его полномочий, не всегда удачных.

Внутри штаба, в первый же день нашей работы, мы столкнулись с вопросом об отношении к военным специалистам.

Наши мнения разделились. Одни говорили, что их всех надо гнать в шею, как заядлых контр-революционеров. Другие уже и тогда находили необходимым использовать их. Взяла верх вторая точка зрения. Выше уже указывалось, что комиссары были одновременно и начальниками отделений и управлений, так что речь шла об использовании военных специалистов в качестве технических руководителей, консультантов, помощников комиссаров, инструкторов.

По этому вопросу 13 февраля мы получили из ставки следующую телеграмму:

„Свяжитесь с Киевом, который уже взят нами. Сношение по радио со ставкой вполне возможно. Разрешение автомобили даю. Старый штат в штабах Румфронта может быть использован с большей осторожностью.

Главковерх Крыленко“.

Предупреждение об „осторожности“ было, пожалуй, излишним. „Симпатиями“ к спецам юг вообще не отличался. Как раз в эти месяцы по югу прокатилась идея „Варфоломеевской ночи“ и не далее, как в Севастополе, она была осуществлена в значительном масштабе.

И впоследствии, не только в течение ряда месяцев, но нескольких лет юг вообще отличался недоверием к спецам и ожесточенным сопротивлением ставки на спеца.

Мы взяли в общем верную линию. Это особенно ясно теперь, после пятилетнего опыта строительства Красной Армии. Нужно отметить, что эта линия, одним из горячих сторонников которой был я, встретила в Румчероде несколько холодное отношение и в частности со стороны „коллегии военного отдела“.

Несколько позже, когда наши части уже перешли на эту сторону Днестра и перед нами стал вопрос о возможном движении румын на Одессу, я попробовал привлечь к решению оперативных задач военных специалистов, нескольких генералов, находившихся в Одессе.

Их было очень много. Из них были выделены менее реакционные (в том числе, кажется, был генерал Маркс), разделены на две группы, и каждая самостоятельно была приглашена на два отдельных совещания. Вначале вопрос об обороне Одессы был поставлен мною политически, то-есть указанием на то, что в борьбе с румынами вокруг большевиков должно об‘единиться все честное, что есть в офицерстве, потому что об‘ективно большевики, борясь за свои интересы, осуществляют задачу национальной обороны.

Кой в ком этот подход нашел живой отклик. Во всяком случае часть полупартийных эс-эров, а особенно беспартийного офицерства, откликнулась на этот призыв.

Но доверять им, конечно, было еще рано. Поэтому эти совещания носили полуоффициальный характер и во избежание прямого предательства они были разбиты на две группы, с каждой из которых совещания состоялись отдельно и самостоятельно.

Для того же, чтобы на совещаниях мне не выступить совершенным невеждой, я предварительно посовещался кой с кем из штабных спецов, не участвовавших в совещании.

На совещании был поставлен основной вопрос об обороне Одессы.

Конечно, первым вопросом с их стороны было—на сколько войск можем рассчитывать мы и сколько войск у румын.

Увы, ни на тот, ни на другой вопрос ответить не смогли бы. Про румын мы, вообще, ничего не знали; число же наших войск было неопределенным, изменчивым, а главное настолько низким, что мы никоим образом не решились бы кому бы то ни было из них сообщить истинную цифру. Поэтому я предложил им решить три примерных задачи на

оборону Одессы, исходя из следующих количеств наших войск: пятьдесят тысяч, десять тысяч и две тысячи (на самом деле в этот период у нас еще не было и одной тысячи).

Уже на другом совещании я выступал с рядом вопросов, полученных из опыта первого, и у меня создалось впечатление, что „спецы“ немного удивились нашим знаниям таких деталей и военных секретов, каких они не ожидали от нас.

Хотя совещания не могли дать конкретных решений, но они нам многим помогли. Мы, во-первых, узнали и о старых планах обороны и о многих намеченных опорных пунктах и линиях, о материалах, о запасах оружия и прочих складах.

На основании этих данных был составлен наш первый план обороны. Как потом выяснилось, он оказался довольно удачным и когда, через месяц, приехал Муравьев со своим несомненно более знающим чем мы штабом, последний целиком принял наш план.

Так примитивно вначале решались наши первые военные вопросы.

Большую работу удалось развернуть штабу фронт-округа в области формирования новых частей. Уже через две недели у нас был сформирован кавалерийский эскадрон, несколько батарей, пулеметный батальон, различные инженерные части. Труднее давались пехотные части.

В общем, оценивая сейчас работу штаба, следует сказать, что он становился на верную дорогу. Тем не менее на него тогда сыпалось много нареканий. Одни были недовольны тем, что в штабе засели „контр-революционеры“. Другие жаловались на медлительность работы, требуя, чтобы сам штаб пек полки, как блины. Третьи жаловались на „бюрократичность“, на неисполнение просьб обращавшихся к нам.

Чтобы судить о характере этих нареканий и о том, как они приводили к недоразумениям, приведу один эпизод.

Из большого села Бессарабской губ. Аккерманского уезда приезжает в Одессу делегация с просьбой о помощи против румын. Ее направили в штаб ко мне. Принял. Сообщают, что у них „готово подняться все село—тысяч десять человек“, но что для этого им нужна маленькая помощь.

— „Какая?“

— „Три батареи, один конный полк, один пехотный, четыре броневика и один броненосец“.

— „Зачем же вам броненосец? Ведь ваше село стоит на суше в 18 верстах от моря“.

— „Так-то оно так. Да нам только попугать румын, лишь бы около упало, а румыны узнают и не пойдут“.

У нас еще было к этому времени в Одессе сформировано 2 батареи, формировалась третья, формировалась пулеметная команда, два кавалерийских эскадрона, но не могли же мы все это направить в „Дивизию“, т. к. у нас главное направление Бендеры—Тирасполь не было обеспечено, а румыны уже занимали Бендеры. Я всячески им раз‘яснял невозможность для нас этой затеи и предлагал им лучше агитировать за вступление в ряды нашей армии хотя бы отдельным отрядом, который мы из них сформируем, организуем, немного обучим и тогда их пустим в их же деревню.

Они обиделись. Пошли жаловаться в Румчерод. Там некоторые товарищи в этом усмотрели „засилие спецов“ и „бюрократизм“ и вызвали

меня на об‘яснение на заседание Румчерода. Об‘яснения мои, несмотря на резкую критику некоторых отдельных товарищей, получивших достойную отповедь, были признаны вполне удовлетворительными, и когда я заикнулся о „сложении с меня полномочий“—это было решительно отклонено. Больше того. Тогда мне удалось добиться решения, чтобы вся работа „военной коллегии“ проводилась бы через штаб, и чтобы все сношения частей и мест по вопросам формирования прежде всего и обязательно проводились бы через штаб.

Если в области принципиального руководства в общем штаб оказался на высоте положения, то нельзя того же сказать про оперативное руководство. Во-первых, у нас не было необходимой крепкой связи, т. к. не всегда со стороны частей было полное понимание необходимости этой связи, а главное, мы еще не успели вполне овладеть средствами связи, хотя с самого начала уделяли большое внимание этому вопросу. Все же до самого приезда Муравьева, то-есть в течение трех недель, ни я, ни т. Визгирд, ни т. Серебрянников не были ни разу в полевых частях. Во-вторых, у нас не было необходимых работников. Именно в области оперативного руководства мы были весьма осторожны в привлечении военных специалистов; вся работа пала лично на меня, человека безусловно не подготовленного к оперативной работе, неопытного в ней и, пожалуй, не чувствовавшего к ней призвания.

6. Наши первые формирования.

Дело формирования частей мы пытались поставить на широкую ногу, привлекши к этой работе все Советы и управления воинских начальников. Из последних почти никакого толку не получилось. Советская власть еще не успела утвердиться в деревне и, конечно, поэтому не могло быть речи об организации „бюро“ для формирования частей Красной Армии. Лучше пошло дело в самом городе Одессе, а еще лучше в частях, державших фронт.

Главную роль в деле привлечения рабочих в ряды Красной армии, в агитации среди них, несомненно, надо приписать фабрично-заводским комитетам и правлениям профессиональных союзов. Рабочие дружно откликались на призыв к борьбе против румынской опасности.

Газеты того времени полны об‘явлений следующего рода:

„Союз рабочих парикмахеров принял следующую резолюцию по вопросу об организации революционной армии: „Мы, рабочие парикмахеры, все единодушно, с гордо поднятой головой, решили вступить в Красную Гвардию для защиты революции и свободы от контр-революционной буржуазии. Сильные духом и крепкие телом, товарищи должны вступить в ряды революционной армии“.

Рабочий комитет завода И. Эллинга, т-ва Беллино-Фендерих постановили немедленно приступить на заводе к мобилизации революционной армии и предоставить ее частями в распоряжение Временного Революционного Комитета. Вместе с тем, Комитет, указывая на недопустимость несения караульной службы в городе отрядами, не стоящими на платформе „Вся власть Советам“, просит Революционный Комитет о немед-

ленном разоружении дружин, не стоящих на этой платформе и замены их надежными частями.

„Просим другие заводы принимать аналогичные резолюции".

Эта работа вначале невольно концентрировалась вокруг штаба Красной Гвардии, с которым фабрично-заводские комитеты были связаны прежде всего; вот напр.: в № 240 „Известий Одесского Совета" от 11 февраля 1918 г. сообщается:

„Вчера в течение всего дня беспрерывно поступали в штаб Красной Гвардии от заводских комитетов списки рабочих, долженствующих согласно приказа Румчерода, поступить в распоряжение штаба Красной Гвардии, для немедленного вооружения их и отправки в виде рабочих отрядов против румын. В течение вчерашнего дня в штаб Красной Гвардии поступили списки больше, чем от 100 заводских комитетов".

К вопросу о принудительной мобилизации вот, например, характерное сообщение:

„Об'единенное заседание по вопросу организации социалистической Армии и Красной Гвардии вынесло следующую резолюцию:

„Завтра 24 января в экстренном порядке собрать общие собрания и призвать рабочих записываться в Добровольческую Социалистическую Армию против международной контр-революционной буржуазии, причем при записи указывать род оружия.

Все работающие на фабриках, заводах, мастерских и профессиональных союзах должны стать под оружие без отказа в ряды Красной Гвардии для защиты завоеванной свободы. Те из рабочих, которые уклонятся от вступления в ряды Красной Гвардии, будут считаться пособниками буржуазии и удалены из предприятий, а на их места будут приняты новые борцы за идеи трудящихся. Всем находящимся, как на фронте, так и при несении патрульной службы, рабочим и их семьям жалование сохраняется полностью за счет фабрикантов".

Постепенно удалось добиться направления этих добровольцев в распоряжение штаба фронт-округа, хотя исполнялось это в общем неохотно, недоверчиво. Следует отметить, все же, что резолюций принималось больше, нежели в самом деле поступало в ряды Красной армии.

Но, кроме штаба фронт-округа, штабов полевых частей и штаба Красной Гвардии, формирования производились и многими другими организациями, „стоявших на советской платформе" или заявлявших об этом. Поэтому не в редкость было читать об'явления вроде следующего:

„Южно-Русская группа независимых анархистов начала организацию боевой дружины для отправки на фронт против румын. Всех рабочих, крестьян, солдат, желающих об'единиться под знаменем. „С угнетенными против угнетателей всегда" группа приглашает записываться в ряды батальона анархистов. Запись производится в доме № 21 по улице Петра Великого".

Отдельно эс-эры (левые) формировали свой „отряд Социалистической Армии". Даже было воззвание какой-то „Одесской великорусской организации" с приглашением записываться у матроса П. И. Иванова.

Уследить за ходом формирования всех этих организаций и даже их политической благонадежностью не было никакой возможности. Понятно, что рабочие очень чутко относились к организации таких отрядов

3*

и выносили резолюции, подобной—рабочего комитета завода И. Эллинга, хотя в данном случае речь идет не о новых формированиях, а оставшихся прежних, которые по старой привычке привлекались комендатурой к охране города, не считаясь с их политической платформой. Из одного об'явления (Од. Изв. № 234, 21 января ст. ст.) мы можем почти полностью восстановить список всех частей как советских, так и „лойяльных“, которые сохранились к моменту захвата власти.

„Комиссар города просит пожаловать представителей нижепоименованных организаций и участковых комиссаров по охране 21 января в 2 часа дня на ул. Скобелева, № 50, кв. Болгаровой на экстренное совещание по вопросу о распределении охраны:

1) Славянский батальон, 2) Еврейская военная организация, 3) Красная Гвардия, 4) Литовская организация, 5) Латышская организация, 6) Польская организация, 7) Союз Моряков, 8) Ахтырский Гусарский полк, 9) Георгиевские кавалеры, 10) Боевая дружина эсеров, 11) Болградский революционный отряд, 12) Сводный отряд моряков и 13) Независимая группа анархистов.

Комиссар города Одессы Д. Гурьев“.

Не все упомянутые здесь отряды принимали активное участие в советском перевороте. К ним принадлежали—Красная гвардия, Болградский революционный отряд, Сводный отряд моряков, Независимая группа анархистов, часть Ахтырского Гусарского полка. Остальные заявили себя нейтральными.

Разоружать их не решались, чтобы не увеличивать без нужды число своих противников. Поскольку же они существовали их вначале привлекали к охране—милицейской работе и к борьбе против грабежей. Пожалуй, самым крепким из этих „нейтральных“ был Славянский батальон, состоявший, главным образом, из сербов, а затем чехо-словаков.

Новые аналогичные формирования не разрешались, но проконтролировать было необычайно трудно. Кроме того при недостаточной централизации некоторые лица все же ухитрялись получать то от Президиума Румчерода, то от т. Серебрянникова мандаты на формирования отрядов, вроде „отряда великороссов“, получившего мандат от т. Серебрянникова без согласования со штабом.

Толку от таких добровольческих формирований было мало. В лучшем случае такие части становились нейтральными. В худшем—превращались в шайки бандитов, пользовавшихся советскими мандатами для грабежей, „конфискаций и контрибуций“. Против этого велась ожесточенная борьба. Изловленные бандиты расстреливались на месте, но бандитизм в городе не прекращался, не смотря на суровую борьбу с ним: слишком слаб был еще аппарат советской власти.

Особенно много бандитов прикрывалось знаменем анархизма, как наиболее удобным. Напрасно идейные анархисты вели с этим явлением борьбу, напрасно они печатно заявляли неоднократно, что они никому не дают мандатов на право конфискаций, что их отряды не замешаны в бандитизме—самим руководителям было слишком трудно уследить за тем, что делалось в их отрядах. Хотя, несомненно, бандиты чаще всего не входили в эти отряды, а только прикрывались их именем и их мандатами. Перепуганному обывателю некогда было разбираться, правилен

или нет данный мандат, раз каждая советская организация считала себя вправе их выдавать.

Формирования штаба Красной Гвардии были удачнее. Положительным фактом является огромное количество записавшихся—несколько тысяч. Хуже было с введением их в регулярные роты и с военным обучением. Тут уже подымался крик „о старом режиме“. Понимания необходимости регулярной Красной Армии в широких пролетарских массах не было.

К тому же следует отметить, что в ряды этих отрядов наряду с честными борцами шло много безработных только ради куска хлеба. Последние (речь идет о шкурниках, шедших ради куска хлеба, а не о всех безработных; среди них было не мало преданных революционеров вовсе не склонны были жертвовать собой. Вот почему направление на фронт таких частей сопровождалось некоторым сопротивлением со стороны шкурнических элементов, хотя их и было меньшинство. Кроме того и остальные добровольцы часто находили, что их задачей является, собственно, защита г. Одессы и борьба в самом городе.

Помню, когда румыны стали подходить к берегу Днестра против Маяка, у нас остро стал вопрос об охране Беляевского водопровода, по которому Одесса снабжалась водой и разрушение или захват которого означал сдачу Одессы, т. к. своей пресной воды Одесса не имеет. У нас не было под рукой отрядов. Пришлось обратиться к штабу Красной Гвардии. Красногвардейцы сначала наотрез отказались выйти из города. Только после долгих убеждений и раз‘яснения всего значения для города Беляевского водопровода удалось послать туда необходимый отряд.

Рядом с этим не было недостатка в энтузиазме, с одной стороны, и бесчинствах с другой.

Вот как „Одесские Известия“ в № 241 от 12 февраля н. с. описывают от‘езд первых частей на фронт:

„Вчера группа добровольцев отправилась на фронт; от‘езжающим в Бендеры выдано было полное обмундирование, при чем вместо шинелей им выдаются полушубки на меху.

При посадке в вагоны добровольцы вместо салюта дали залп в воздух из винтовок. Провожать революционные войска явились представители различных политических и общественных учреждений и много посторонней публики“.

Следует отдельно упомянуть про формирование красных румынских войск. В Одессе после февральской революции организовался румынский коммунистический центр, не мало сделавший в области большевистской пропаганды в Румынии. Им издавалась газета на румынском языке „Lupta“ (что значит „борьба“), имевшая большое распространение через наши армии. При содействии этой же организации стали теперь формироваться из румын-рабочих или пленных румынских солдат революционные румынские отряды. Отряд, сформированный в Одессе, насчитывал до трехсот человек. Кроме того были сообщения об организации „в Измаиле революционного румынского отряда в 500 человек, в Кюмш—300 чел., которые сражались в Красной Гвардии против Румынского правительства“. (Судьба этих отрядов неизвестна. Одесский отряд отступал вместе с частями Красной Армии и сражался на многих фронтах гражданской войны).

Независимо от штаба фронт-округа шла организация добровольческих отрядов бессарабских крестьян. Везде при этом повторялась одна и та-же история. Пока румыны были далеко—крестьяне не тревожились. Приближались румыны—они начинали организовывать отряды. После первого боя отряды рассыпались. Иногда они одерживали победы. Тогда энтузиазм в окружающих селах подымался необычайно и отряд увеличивался, но он обыкновенно не оказывал помощи другим селам и не преследовал противника. Румыны же, собрав более значительные силы, обрушивались на село, окружали со всех сторон, артиллерийским огнем зажигали избы. Такому боевому селу не было пощады. Всех, у кого находили оружие—расстреливали, так же как и заподозренных в большевизме. Подробнее остановимся дальше. Сейчас же мы хотим только указать, что крестьянские отряды в этот период были совершенно не организованы и нигде не об'единялись в крупные формирования и не входили в части Красной Гвардии или Красной Армии. Наши предложения подобного рода обыкновенно отвергались под мотивировкой—„мы сами справимся",—просили только оружия, боевых припасов, иногда денег. Только по мере того, как Румыны занимали Бессарабию, революционные элементы деревни бежали на нашу сторону, вливаясь в наши части. Из них очень быстро (уже через 3 — 4 недели после начала строительства) сформировался, например, конный отряд Катовского.

Хорошо шли формирования под непосредственным наблюдением и руководством самого штаба и округа. Нами были выделены инструктора из числа офицеров, стоявших близко к нам в политическом отношении. Так, например, инструктором по формированию конных частей был назначен некто т. Перпер. Остальных фамилий не помню. Были во всяком случае инструктора по пулеметному делу, по техническим частям, по артиллерии. В этих областях бесспорно была признана необходимость привлечения специалистов. В тех случаях, когда инструктор не был политически благонадежен, к нему назначался комиссар. Эти инструктора в свою очередь назначали инструкторов батарей, команд, рот, эскадронов. После сформирования части выбирался ротный, эскадронный и т. д. комитет. Тогда же производились обыкновенно выборы командиров. При этом, если он не удовлетворял необходимым военным требованиям, то при нем оставался инструктор, а он назывался комиссаром. Инструктора назначались, а не выбирались. Иногда назначались и командиры (особенно когда он совмещал в себе и инструктора).

Добровольцев, вступающих в наши ряды, следует разбить на две части: первая—гражданское население, не обученное военному делу, главным образом рабочие г. Одессы,—вначале формировались через штаб Красной Гвардии; не состоявшие в профсоюзах поступали обыкновенно через „секцию". Другая—староармейцы, уже обученные военному делу, демобилизованные или находящиеся в частях старой армии. Штаб ориентировался главным образом на них, полагая, что обучение военному делу займет не мало времени, а держать фронт было необходимо немедленно. Поэтому для вступления в ряды, собственно, Красной Армии (в отличие от Красной Гвардии) был установлен, кроме прочих условий („рекомендации организаций, стоящих на платформе советской власти"), минимум

военных знаний и военной выучки („инструкция о приеме добровольцев в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию“).

Таких добровольцев тогда было не мало. Задача всеобщего военного обучения в первое время не ставилась. При таких требованиях не удивительно, что первые регулярно организованные батареи, эскадроны, пулеметные команды появились через пару недель. Всего до приезда Муравьева было сформировано 3 или 4 батареи, 2 кавалерийских эскадрона, пулеметный батальон, саперная рота, понтонная рота и несколько маршевых пехотных рот.

Для районного совета это было бы недурно. Для штаб-фронта округа это было мелочью, но эти сведения имелись у нас. Что же было сделано в остальных городах, сведения поступали очень отрывочно и скудно и никаких материалов об этом не сохранилось. Во всяком случае организация отрядов в других городах было заслугой не столько Румчерода, или штаба фронт-округа, сколько местных Советов.

Штаб фронт-округа уже на вторую и третью неделю своего существования стал рассылать своих инструкторов по городам округа. Прежде всего были посланы инструктора в Вознесенск, Ананьев, Елисаветград. Сведений об их работе не сохранилось.

Зато больше сохранилось сведений о работе формирований прифронтовых частей, которые и провели главную работу в этой области. Эти прифронтовые части, входившие, фактически, под руководство фронт-округа, были об‘единены в два штаба—штаб Особой Армии и штаб Армейского комитета 6-й армии.

Кроме того формально нам должна была подчиняться и 8-я армия, но до приезда Муравьева связи с ней не было.

Итак, главной опорой Одессы и Румчерода явилась Особая Армия, к описанию которой и перейдем.

7. Революционные отряды фронта.

В то время как в Одессе шла борьба на улицах, а потом шла первоначальная организационная работа, на полях Бессарабии продолжалась кровавая борьба отдельных отрядов старой армии, не желавших подчиниться воле румынских помещиков и русских белогвардейцев офицеров. Эти отряды из частей 4-й и 6-й армий, отступая, расположились сначала вокруг Кишинева, а после его занятия отошли к Бендерам, потом к Тирасполю. Собственно говоря, своей задачей они ставили демобилизацию, провести которую мешало румынское нашествие. Волею активных работников и революционеров они превратились в революционные отряды, защищавшие советскую власть. Под Кишиневым этими войсками руководил фронт-отдел. Его руководство не было блестящим. Во время боев за Бендеры активное участие приняли советские и партийные работники города Тирасполя. Части, принимавшие участие в Бендерской операции, решили сорганизоваться. Были созваны представители войсковых комитетов, которые и образовали Военный Совет. 14 февраля 1918 года Военный Совет выбрал президиум Военного Совета в составе—председателя, представителя инженерных частей, комму-

ниста т. Княгницкого [1]), тов. председателя—тов. Рожкова [2]), второго тов. председателя—тов. Красника и секретаря тов. Зельвянского.

Немного раньше этого был организован штаб Особой армии. На заседании Военного Совета были избраны: Командующий—тов. Венедиктов [3]) и начальником штаба тов. Каменский. Во главе других управлений были назначены в большинстве коммунисты. В числе технических работников начал свою работу и тов. Якир (герой перехода Южной группы в 1919 г. и впоследствии командующий Киевским военным округом), тогда еще не бывший большевиком.

Основой этой армии стали 5-й и 6-й Заамурские конные полки, почти целиком примкнувшие к революционной борьбе и заставившие вместе с ними присоединиться большинство своего командного состава. В этих полках, в общем проникнутым высоким революционным сознанием, сохранилась дисциплина и спайка. Вокруг них стали организовываться и другие части. В середине февраля в состав Особой армии входили кроме двух Заамурских полков—Днепровский пехотный полк, составленный из мелких отступающих частей 4-й и 6-й армии, Кавалерийский отряд Катовского (из добровольцев-молдаван (бессарабских крестьян), три легких батареи 4-х орудийного состава, гаубичный дивизион в составе 11 орудий, броневой отряд, саперный батальон и некоторые другие мелкие части, в том числе Одесский отряд анархистов в полтораста человек. Общая численность достигала до 5—6 тысяч человек, в том числе до 1200 сабель и 1500 штыков.

В начале февраля в Тирасполь прибыл новый командующий, назначенный штабом фронт-округа, тов. Лазарев; тов. Венедиктов без спора сдал ему командование, продолжая работать в штабе.

Зато Военный Совет собирался специально для обсуждения новой кандидатуры. Военный Совет нашел неправильным новый порядок назначения. В частности, товарищи большевики были недовольны тем, что тов. Лазарев был эс-ер (хотя и левый). Все же, принимая во внимание, что назначение санкционировано высшей советской, а значит и партийной организацией области—Румчеродом, постановили нового командующего принять, установив за ним политический контроль со стороны Военного Совета. Тов. Лазареву, в общем, удалось наладить свои взаимоотношения и его работа протекала более или менее нормально без особых трений.

В феврале же при штабе Особой армии был организован и Ревтрибунал для борьбы с грабежами и погромами в районе расположения армии. Он превратился в Военный Революционный Трибунал, судивший и по воинским преступлениям: за трусость, шкурничество и т. д.

---

[1]) Павел Ефимович Княгницкий впоследствии отступал с частями 3-й армии, командовал 8-й дивизией, потом 9-й советской армией. Летом 1919 г., во время отпуска попал в части 45-й дивизии, окруженной на юге Украины, командовал 58-й дивизией на Польском фронте. Ныне Начдив 51 и Член ВУЦИК'а.

[2]) Тов. Рожков был впоследствии комиссаром 14-й дивизии 9-й армии, временно даже командовал ею и был убит в боях против Врангеля. Повидимому это тот тов. Рожков, который в 1917 г. был в IV Сиб. Корпусе, стоявшем в Галаце, в инженерной роте один из первых большевиков солдат этого корпуса.

[3]) Тов. Венедиктов отступал с частями, стоявшими на Тираспольском направлении. В Донской области в районе станции Мигулинской, во время казачьего восстания, был захвачен и в Новочеркасске расстрелян.

Командиры частей обыкновенно выбирались, хотя в таких частях, которые формировались кем нибудь, выборы были фикцией—организатор отряда механически становился командиром ее (например, Катовский).

Военный Совет вел всю политическую работу. Уже с начала февраля было начато издание газеты, вышло несколько номеров.

Дисциплина Заамурских полков заставляла по себе равняться и другие полки. Даже отряд анархистов должен был подтягиваться, и совершенно основательно. (В номере 172 „Голоса Революции“ от 23 февраля) помначштаба Особой армии тов. Левензон в беседе сообщает: „В армии, действующей против румын, установилась, благодаря самодеятельности солдат, строго революционная дисциплина, со всяким нарушением которой борются сами же товарищи солдаты“.

Вообще этот отряд, попав на фронт, почувствовал себя очень плохо. По отношению к ним штаб занял твердую линию. Строевые армейцы постоянно трунили над неподготовленностью и распущенностью анархистов. Военный Совет взывал к революционной сознательности. Штаб грозил Реввоентрибуналом. Окруженные стальной щетиной крепких частей, отряд анархистов из кожи лез, чтобы подтянуться и перестать быть предметом насмешек окружающих. Окружающие все же были недовольны присылкой подобных частей и просили лучше вовсе не присылать. Эта просьба была неправильной. Именно среди регулярных частей и в полосе фронта можно было перевоспитывать и закалять новые красно-гвардейские части.

В штабе Особой армии первые приказы тов. Цейтлина были приняты. В Заамурских полках приказ о переходе на добровольческое начало не был опубликован из боязни разложения. Дело в том, что Заамурские полки были добровольцами—коллективно всем полком из‘явившие желание защищать завоевания революции. Постановление было принято большинством, и меньшинство, в силу, так сказать, „родовой“ общинной дисциплины полка, должно было подчиняться. Приказ Цейтлина, развязывая руки сначала шкурникам, открывал дорогу для демобилизации менее стойким в волевом отношении, хотя и революционным по духу элементам—и таким путем неминуемо должно было наступить разложение всего полка.

Эти приказы подорвали доверие к штабу, и хотя декрет об организации Рабоче-Крестьянской армии и последующие приказы были приняты весьма внимательно и одобрительно, но нужно было время для того, чтобы завоевать на деле, на практическом руководстве, полнейшее доверие Особой армии. Район Особой армии вначале ограничивался городом Тирасполем и Бендерским мостом через Днестр. Штаб фронт-округа возложил на них обязанность охранять линию Днестра от Дубоссар до Чембручей (20—25 в. к ю-в. от Тирасполя). Войска не были растянуты в тонкую линию, а держались массой в городе Тирасполе. В Парканах, Григориополе, Дубоссарах и Слободзее стояли небольшие гарнизоны. Берег охранялся конными патрулями.

К югу от Чебручей до Черного Моря был район действий штаба армейского комитета 6 армии. Организация штаба здесь была менее солидной, зато Армейский комитет во главе с председателем тов. Кагановичем был крепкой организацией, кой-чему научившейся на своих бессарабских неудачах. (См. мою статью в 6 № Красной Летописи „Октябрь Румынского фронта“).

Политическая работа здесь сразу была поставлена на большую высоту. В состав этой армии входили более мелкие отряды конные, пехотные и пулеметные. В их же распоряжении находилось несколько батарей, в том числе тяжелая у Бугаза. В Днестровском лимане у них был один или два вооруженных транспорта.

Эта организация просуществовала до приезда Муравьева, когда обе армии были об'единены в одну, под названием „третьей", и армейский комитет 6-й армии целым составом отправился в Москву, где, по распоряжению Всероссийского Агитационного Бюро, был направлен почти целиком на Урал для формирования частей Красной Армии на Урале.

Их опыт в Бессарабии и в Одессе значительно помог им. Недаром на Октябрьском с'езде агитпросветов в Москве в 1918 г. Уральское агитационное бюро занимало по постановке своей работы одно из первых, если не самое первое место. Вместе с ним ушел и демобилизовавшийся Болградский революционный отряд.

Мелкие части во время отступления распались или влились в другие более крупные части.

Иная, более славная, хотя подчас и трагическая судьба постигла впоследствии части Особой армии. 5-й Заамурский полк стал под конец основой 14-й дивизии 9-й армии, 6-й Заамурский полк в районе Луганска частью демобилизован. Другая часть влилась много позже в дивизию Киквидзе. Днестровский полк во время отступления по дороге слился со Ставропольским полком, весьма крепким и сознательным, удивлявшим всех жителей своей дисциплиной и стойкостью. Он почти целиком был уничтожен в районе Мигулинской станицы восставшими казачьими частями. В общем, революционные отряды из частей старой армии были единственной опорой в полевой войне. Они задержали наступление румын. Они вели борьбу с немцами и с казачьей контр-революцией, часто погибая в боях целиком. Именно они же послужили основой и для первых регулярных частей Красной Армии.

8. Начало войны с Румынией.

Война началась еще в румынских селах и городах арестами румынами русских солдат и расстрелом большевиков. После занятия румынами местечка Леово и ареста командующего 4-й армии, а затем расстрела Рошаля и разгона фронт-отдела в Яссах, Российское Советское Правительство арестовало и выслало румынского посла Диаманди, конфисковало золотой фонд Румынии и прервало дипломатические сношения с Румынией—(постановлением от 26 января 1918 года). Таким образом, к моменту советского переворота в Одессе, Советская Россия находилась в состоянии войны с Румынией. Румынские войска к этому времени заняли Кишинев и Бендеры и двигались на Аккерман. В первые же дни организации Советской власти 4-го февраля Пленум Ц. И. К. Румфронта и области принимает следующее решение:

По вопросу о событиях в Бессарабии постановлено: считать себя на положении войны с Румынией, об'явив мобилизацию добровольческих отрядов и транспортной флотилии в Одессе и Тираспольском, Херсонском, Аккерманском, Бендерском и Одесском уездах.

Меньшевики в то время усиленно доказывали, что румыны вовсе не думают наступать на Одессу и, вообще, воевать с Россией. Это мнение иногда разделялось и некоторыми советскими кругами. Мнение это неверное. Тогда же, в ночь на 5-е февраля в районе Бендер румыны начали переправу на левый берег Днестра. (Вообще, такие попытки были неоднократно. Например, в конце февраля—в районе Рыбницы, 1 марта—у села Троицкого). Наши части дали отпор и в результате ворвались в гор. Бендеры. Приехавший в Одессу для доклада в президиум Румчерода начальник тогда еще полевого штаба тов. Каменский так передает об этом бое:

„Румыны стали переправляться через Днестр на нашу сторону. Это послужило поводом, что между румынами и нашими войсками завязалась перестрелка. После маленького напора со стороны наших войск и при помощи нашей артиллерии 23 в 8 часов утра нам удалось занять город Бендеры. Румыны стали отступать быстрым темпом по направлению к Кишиневу".

В Бендерах наши части продержались несколько дней и только после ожесточенного боя наши части отступили. Тов. Княгницкий рассказывает, что решающим фактором в нашем отступлении оказалось следующее обстоятельство. Произошел взрыв пороховых складов и боевых припасов, разбросанных в огромном количестве прямо на открытом воздухе около старой Бендерской крепости, от случайно попавшего туда снаряда. Несмотря на адский грохот рвущихся в самом ближайшем расстоянии от батарей крепости, только что захваченных нами, наши артиллеристы не покидали позиций, бешено отвечая на огонь противника. Несколько из бесчисленного множества взорвавшихся снарядов попали в поезд с химическими снарядами, находившимися в районе самой крепости. Тогда было приказано бежать из крепости. Это решило судьбу Бендер и они были снова захвачены румынами.

Получив первый серьезный отпор, румыны стали опасаться за новое наше наступление. Правда, в эти дни такого наступления мы не смогли бы сорганизовать: для этого не было ни необходимого под'ема духа, ни достаточных сил. Наоборот, мы сами опасались, что не сегодня—завтра румыны захватят Беляевский водопровод. Все же несомненной ошибкой Румчерода явилось его обращение к союзным консулам с предложением организации смешанной комиссии „для урегулирования русско-румынских взаимоотношений". Этой нотой Румчерод положил начало длинной цепи подобных же соглашательских сепаратных выступлений отдельных губерний, называвших тогда себя „Республиками" (например, Донской, Кубанской, Таврической, Кривдонбаса и т. д.). Содержание этой ноты ясно из следующего документа, сообщенного „Изв. Од. Сов."

„Вчера Итальянский консул отправил в Яссы на французском языке следующую радио-телеграмму: Итальянской Миссии. Яссы. Румчерод обратился к союзным консулам со следующей нотой: „Настоящим ЦИК Румчерода имеет честь довести до Вашего сведения нижеследующее постановление и просит обсудить его и дать ответ по существу данного сообщения: По вопросу урегулирования русско-румынских отношений, Ц. И. К. признал необходимым создать смешанную комиссию, составленную на паритетных началах из делегатов ЦИК и представителей Румынского консульства Одессы и Военной Миссии с участием представи-

телей центральных в данном случае консульств, которая выезжает для расследования всех имевших место событий, в последнее время в Бессарабии и территории фронта. после чего представители Румчерода совместно с представителями нейтральных консульств выезжают в ставку румынского правительства с протоколами комиссии и для ведения официальных переговоров от имени России с Румынским правительством по поводу занятия Бессарабии румынскими войсками и сопутствующих этому обстоятельств.

При этом Румчерод находит нужным просить Коллектив консульств Одессы гарантировать неприкосновенность означенной комиссии, а также беспрепятственность ее работ.

Румчерод просит представителей держав в Одессе довести до сведения своих посольств, аккредитованных при Румынском правительстве, о том, что в ЦИК поступили и поступают в большом количестве жалобы на враждебные действия румынских войск и властей к военно-служащим Русской армии и к мирному населению Бессарабии.

Считая, что занятие Бессарабии румынскими войсками и при той обстановке, в которой оно происходит, является по существу военной оккупацией, Румчерод считает необходимым довести до сведения Коллектива консулов, что он вынужден будет принять все необходимые меры для обеспечения интересов русских граждан и сделать все соответствующие выводы.

Имея честь сообщить о всем вышеизложенном старшинам Коллектива консульств Одессы, Румчерод просит старшин, по возможности, в спешном порядке дать ответ по существу настоящей ноты. Подписано: Юдовский—Председатель Румчерода, Терзиев—Председатель Интернациональной Секции, Христев—Секретарь".

Принимая во внимание серьезность положения в Одессе, а именно опасность для Румынского Консульства, смешанной комиссии и Румынской колонии, нижеподписавшиеся консула, через посредство своего декана, просят Итальянскую миссию соблаговолить сообщить настоящую телеграмму министрам союзных стран в Яссах и дать нижеподписавшимся консулам возможность в кратчайший срок ответить на ноту Румчерода. Подписано Д. Визар—Итальянский генеральный консул, Капсамбели—Греческий генеральный консул, Рей—консул Соединенных Штатов, Цемович—Сербский консул, Вотие—Французский консул, Лаудон—заведывающий Великобританским консульством".

Тов. Раковский в своем предисловии ко 2-й Красной книге: „Советская Россия-Украина и Румыния" следующим образом говорит об этой политике:

„Румыния хотела захватить Бессарабию, а союзники, желая сохранения Румынии в их лагере, охотно пошли ей навстречу и поддержали румынскую авантюру. Это тогда уже было ясно Советскому правительству, исключая меньшевиков. Последние в Одессе пользовались влиянием в иностранной секции Румчерода и вели самую предательскую политику. Среди них, между прочим, находились и явные агенты французского правительства, в роде офранцузившегося русского меньшевика Рейхтзамера, который пользовался своим влиянием для того, чтобы убить всякие стремления протеста и борьбы против румынских захватчиков".

В ответ на эту ноту румыны ответили согласием. Им надо было выиграть время для усмирения восставшей Бессарабии.

И, как рассказывает тов. Раковский в своем предисловии дальше: „В Одессе меньшевикам удалось разыграть комедию отправки в Яссы на поклонение румынскому правительству делегацию, состоявшую из меньшевика Терзиева, французского капитана Рейхтзамера и представителя румынских парламентариев в Одессе румынского депутата Юниона". Эта делегация уже 8 февраля поспешила заключить перемирие, сообщив о нем следующей телеграммой, переданной председателем Румчерода немедленно и непосредственно в полевой штаб, минуя штаб округа:

Полевому Штабу.

„Сообщаем для исполнения следующую радио-телеграмму, принятую 27-го января в 10 часов утра: Одесса, Румчерод. Президиуму".

„Согласно заявлению генерала Братиану, всякие военные действия будут прекращены со стороны румын на 48 часов, считая с 12 дня 26 января—8 февр., дабы дать нам возможность придти к каким-либо результатам при переговорах в Яссах. Упомянутое условие действительно лишь при условии такого же приостановления с советской стороны. Румыны сообщают, что в случае пушечных выстрелов с советской стороны румынская артиллерия будет отвечать на каждый удар десятью. Все мы приехали благополучно в Кишинев, сейчас уезжаем дальше. Впредь до нашего возвращения просим не предпринимать решительных дипломатических шагов. Подтвердите получение настоящей радио-телеграммы Яссы.

Передайте все немедленно начальнику полевого штаба. Представитель Румчерода Терзиев, представитель Рейхтзамер. Председатель Румчерода Вл. Юдовский".

В этот день (7 февраля) мы только что покинули Бендеры, не столько под давлением румын, сколько в силу роковой случайности.

Угроза, что „румынская артиллерия будет отвечать на каждый удар десятью" была немного смешной.

Эти переговоры оказали плохое влияние на части, уже сражавшиеся с румынами и горевшими жаждой мести за причиненные им насилия, обиды, побои и разоружения, чинившиеся в пределах Румынии, и усилило демобилизационную тягу.

Еще более отрицательно отозвались переговоры на Бессарабском крестьянстве, ведшим хотя и неорганизованную, но ожесточенную борьбу против румынских оккупантов и усиленно просивших помощи.

Толку от переговоров не получилось никакого. В это время в самой Румынии происходила смена кабинетов, означавшая перемену ориентации Румынии от Антанты на Германию. Для румын было выгодно оставить свои руки в бессарабском вопросе и в отношении к Румчероду развязанными и они медлили с ответом. Наша делегация ограничивалась передачей информаций о положении в роде следующего:

„Интернациональная Секция при ЦИК'е Румфронта и области получила следующую телеграмму: 1) кабинет Братиану низвергнут. До сегодняшнего дня (воскресенья) правительство еще не сформировано. Можно ожидать, что оно будет миролюбивым и сепаратным и мир будет заключен в ближайшем будущем.

Заключен вчера мир. Можно верить, что есть полное согласие в этом вопросе между Румынией и Украиной.

2) Кабинет сформирован. Председатель Совета Министров Авереску, временно мин. иностранных дел, военный министр генерал Занковеску. Остальные министры новые лица и их политическое кредо неизвестно. Терзиев". (14 февраля 1918 г.).

В то время, как на Бендерском направлении соблюдались условия перемирия, на Аккерман было поведено наступление гайдамаками. Этим румыны формально не нарушали соглашения о перемирии, а занятием Аккермана они хотели довершить дело фактической оккупации всей Бессарабии. Один этот факт лицемерного отношения румын достаточно говорил об их истинных намерениях. Гайдамакам удалось было занять город Аккерман, но сейчас же они были выбиты нашими подоспевшими частями. Вот рассказ очевидца событий в Аккермане (Изв. Од. Сов.):

„Ездивший в Аккерман член Од. Исп. Ком. С. Р. Д. тов. Фельдман передает подробности кратковременного пребывания украинцев в этом городе.

„Наступление украинцев на Аккерман было задержано тем, что несколько железнодорожных мостов на их пути были взорваны. Небольшая часть гайдамаков на автомобилях и подводах вступила в город к вечеру 28 января и заняла помещение Совета, правда, не об'являя его распущенным.

Скоро, однако, они были вытеснены подоспевшими советскими войсками. В настоящее время украинские войска находятся на расстоянии 30—40 верст от Аккермана. Мосты у Бугаза и Маяк разведены, переправы же через реку охраняются сухопутными и морскими частями с достаточным количеством артиллерии.

Что же касается румын, то их войска еще дальше украинских".

Занятие румынами Бессарабии сопровождалось страшными жестокостями, расстрелами, сожжением иногда целых сел и другими насилиями и бесчинствами. Тот же тов. Фельдман рассказывает о румынах:

„Во всех занятых местах они прежде всего разгоняют советы и вообще демократические организации...

Румыны являются с особыми проскрипционными списками лиц, которых следует в первую очередь „укротить". В селе Кубей ими было арестовано несколько человек из непокорных. Интересно также заметить, что к помещикам румыны относятся весьма предупредительно. По первому их требованию ими высылаются отряды для защиты их родовых земель".

Везде румыны вместо разгоняемых органов советской власти и демократических организаций восстановляли бывшие волостные земские управы, издавая при этом приказы подобные нижеследующему:

„Приказ от имени Румынской армии и Сфатул-Церий в Кишиневе.

Довожу до сведения всех, что отныне не существует других властей в Тарутине, кроме волостной земской управы, которая одна признана и облечена властью Румынской армии.

Все комитеты и советы, которые существовали до сих пор, прекращают свои действия и свои дела. Кто же не подчинится этому приказу, будет арестован. Кто попытается бежать, или скрыться не сдавая дел, семья того будет арестована.

За Коменданта—Капитан Гр. Каранкану".

При вступлении в село или город, румыны прежде всего вводили осадное положение, обезоруживали население, разгоняли советы, арестовывали заподозренных в большевизме, заподозренных же в сопротивлении—расстреливали. Следующий типичный приказ дает достаточное представление о характере их оккупации:

„Приказ“.

1) „Об‘являю населению всех населенных пунктов, что с момента входа в любой из них румынских войск население обязано в течение 10 часов сдать добровольно все огнестрельное и холодное оружие военным властям.

2) Лица, у коих по истечении вышеуказанного 10-часового рока будет обнаружено оружие, будут преданы расстрелу.

3) Выезд из населенных пунктов в ночное время, а именно с 7 часов, воспрещается.

4) Никому не разрешается циркулировать за пределами населенных пунктов без пропусков, выданных военными властями.

5) Жители всех населенных пунктов, в которых квартируют или через которые проходят румынские части, обязаны указывать румынским властям всех жителей большевиков, а также всех лиц, подстрекающих к бунту.

6) Укрыватели всякого рода будут наказаны наравне с преступниками, согласно воинским законам военного времени“.

Начальник I Румынской Кавалерийской дивизии генерал Скино“.

Совершенно не единичным, а массовым явлением были случаи, описываемые в заявлении члена Бессарабского земельного комитета Георгия Родионовича Киоссе поступившем в ЦИК Румфронта:

„В последних числах января в селе Тараклию, где я состоял секретарем волостной земской управы, появились румынские военные отряды, которые по распоряжению командира полка Нягу без всяких причин и лишь по указанию известного в селении вора Тимофея Окшизара забрали гражданина села Петра Мокано, Евдокима Селитрари, Карпа Дедова, Богдана и Калистрата Юрко и отправили в ближайшее местечко Каушаны. Там расстреляли Мокано, а остальных подвергли наказанию розгами. Сами же румыны отправились в Бендеры, оставив коменданта в Каушанах. Спустя два дня те же румынские части доставили из села Телпиза в село Баймаклию (Тараклиевской волости) 7 человек, из коих 4 на глазах всего местного населения расстреляли“.

Розги являлись в их руках обычным способом ведения политических дискуссий, при этом мало разбирались в истинности доносах.

„ . . . . а тот, кто был еще до прихода румын большевиком, подвергается наказанию розгами, так, например, в Бендерах подвергся такому наказанию врач Перельштейн, на которого донесли, что он большевик, врачу дали 25 розог“. (Од. Изв. № 263 26/11).

Начав с разгона советов, потом всяких других демократических организаций, они не терпели голоса возражения своим грабительским планам, никакого протеста, стремясь к полному поглощению, к полной ассимиляции всего населения Бессарабии. Молдаванские офицерские организации, содействовавшие вторжению румын, не избегли той же

части. Что же касается крестьянства, то румыны сейчас же приступили к мобилизации его и распределению по румынским частям. Об этом ясно рассказывается, например, в следующей заметке в Изв. Од. Сов.:

„Прибывшие из Кишинева сообщают, что в последние дни между представителями молдаванских военных и общественных организаций и румынским офицерством, захватившим власть, стали возникать инциденты. Румыны проводят в жизнь репрессивные меры, парализуя деятельность молдаванских политических организаций, возникших в Кишиневе и Бессарабии до захвата и вторжения румын. Молдаване учредили в Бессарабии свои два полка, но румыны поспешили по вторжении их в Кишинев распустить молдаванское воинство под предлогом, что оно имеет малочисленный командный офицерский состав. Молдаванские военные части были распределены небольшими группами по частям румынских отрядов.

Обессилив и расформировав молдаванские части, румыны принялись удалять с важнейших административных постов молдаван-интеллигентов, заменяя их румынами или украинцами. На днях румыны об'явили общую для всех жителей Бессарабии мобилизацию и все мобилизованные силы подчиняются лишь румынским военным властям".

Очень трогательно в этой заметке отмечена роль украинцев в „демократизации" Бессарабии. Самую черную работу контр-революции им пришлось вести с самого заключения договора Центральной Рады с румынами.

Под покровом же румынской оккупации и за ширмой мирных переговоров российское контр-революционное офицерство уже приступило к формированию „корпусов спасения родины", принуждая к поступлению в них и все колеблющееся офицерство.

Даже меньшевик Терзиев вынужден признать черную контр-революционную работу румын. „Одес. Изв." в № 246 от 19 февраля сообщают:

„Член мирной делегации тов. Терзиев в докладе своем сообщает: „румыны вмешиваются во внутренние дела Бессарабии по приказу Братиану, которым Румынское правительство недовольно. Генерал Братиану отговаривается требованием населения. Фактическая власть в Кишиневе принадлежит военной партии, а комитет 1-го Молдавского полка в Кишиневе, который стал против Сфатул-Цсрии, распущен. Тов Моргулис был освобожден по требованию французского посланника, а Гринфельд освобожден и выслан из пределов Бессарабии. Генерал Асташев формирует корпуса „спасения родины" из офицеров за высокую плату. Под угрозой расстрела все офицеры должны отправляться в Яссы в распоряжение Щербачева. Офицеры подвержены явочному режиму. Распространяются провокационные слухи о расстреле офицеров в Одессе. Буржуазия празднует—устраиваются балы, вечера и танцы".

Вполне понятно, что бессарабские крестьяне повсеместно подымали восстания, проявляя в них много героизма и самоотверженности. Тов. Юхимец рассказывает про следующий случай:

„Старик молдаванин 60-ти лет, взяв малолетнего внука, подошел к орудию, заявив о том, что он старый фейерверкер и не может в та-

кой критический момент сидеть сложа руки. Ему дано было орудие, внук подавал снаряды, старик беспрерывно стрелял, пока не был убит. Жители Бессарабии страшно обозлены против румын и в настоящее время формируют партизанские отряды для борьбы с насильником".

Обычной судьбой всех таких восстаний было—разгром повстанцев. Иногда повстанцам удавалось разбивать первые отряды румынских войск. Тогда последние обрушивались большими силами на непокорные села, окружали их, зажигали артиллерией дома, жестоко избивали и расстреливали десятки и сотни восставших. Совершенно обычными были сообщения вроде следующего: (Изв. Од. Сов.).

„Село Камрат Бендерского уезда было окружено небольшим румынским отрядом, подошедшим со стороны Татарбунар. Болгары, большей частью населяющие Камрат, организовали партизанский отряд, но он не мог противостоять румынам, которые одержали верх".

После таких поражений, активные работники вынуждены были бежать из пределов Бессарабии. Вслед за ними тянулось много добровольцев. Но нужно было пережить бессарабскому крестьянину целый год румынской оккупации и на примере своей неудачной борьбы, с одной стороны, и удачной победоносной борьбы Красной Армии с другой, чтобы они поняли необходимость организованной регулярной силы. В 1919 году из добровольцев молдаван была сформирована уже целая бригада, очень стойко сражавшаяся с Деникиным, а в 1920 году и с поляками. Но в 1918 году этого сознания не было, и борьба бессарабских крестьян против румын поэтому окончилась неудачей.

Правда, независимо от результата повстанческого движения, шелест победы было пронесся над нашими революционными отрядами, когда Советская власть от нерешительности перешла к твердой революционной политике.

9. Наше первое наступление в Бессарабию.

Приезд тов. Раковского совпал с рядом побед Красной гвардии на севере Украины. 12 февраля по прямому проводу получено было сообщение об аресте и стрельбе на улице с гайдамаками в Елисаветграде, об окружении Каледина, сведения о том, что Киев, Полтава, Николаев, Кременчуг в руках Советской власти. „Харьков организует большие силы, в революционные полки вступают казачьи части. Каждая волость посылает добровольцев. Солдаты, прибывшие с фронта, принимают горячее участие в борьбе с контр-революцией.

К нам были посланы представители казачьих полков, которые уже участвовали в боях с контр-революционерами и один из них убит.

На вашу телеграмму о положении дел в Румынии отвечаем: не беспокойтесь, силы громадны. Они поступают отовсюду. В Екатеринославе дела хороши. Киев занят нами".

Все это весьма улучшало наше положение и для твердой революционной политики давало необходимую реальную основу. 15 февраля были прерваны мирные переговоры и вместо них пред'явлен ультиматум:

„Вчера прибыли делегаты румынского Генерального Штаба полковник Родалеску и капитан Кадери, предложившие перемирие до завтра,

3/16-го февраля, до 5-ти часов утра, чтобы выслушать условия мира, которые будут предложены нам представителем французской военной миссией капитаном Рейхзгамером.

С этой целью предложение было принято, условившись при этом, что в протоколе будет оговорено, что прекращаются только военные действия, а что касается передвижения и сосредоточивания воинских частей, мы сохраняем за собой полную свободу действий и допускаем тоже и для румынского Генерального Штаба. Оказалось однако, что капитан Рейхзгамер, по его же заявлению, никаких полномочий не имеет, а лишь уполномочен предложить образовать смешанную Русско-Румынскую комиссию для того, чтобы выяснить положение. Мы считаем, таким образом, что румынская делегация, в лице полковника Родулеску и капитана Кадери, ввела нас в заблуждение, недопустимое в международных правовых отношениях. Но наше революционное достоинство вменяет нам в обязанность сохранить перемирие до определенного срока, т.-е. до завтрашнего утра, при прежнем условии свободы передвижения и сосредоточивания войск. В то же самое время мы отправляем наш ультиматум, давая румынскому правительству срок до завтрашнего утра, чтобы принять наши следующие условия:

„Немедленная эвакуация Бессарабии от румынских войск и от национальных контр-революционных войск, действующих под предводительством Щербачева и русских контр-революционеров. Немедленный возврат всего захваченного румынскими властями имущества, принадлежащего России и находящегося на территории Бессарабии и Румынии. Беспрепятственный пропуск вооруженных русских войск через румынскую и бессарабскую территорию. Выдача генерала Щербачева, об'явленного вне закона Советом Народных Комиссаров Российской Республики крестьян, рабочих и солдат. Выдача виновников коварного убийства тов. Рошаля и расстрела русских солдат и русских матросов, из которых в Измаиле сразу было расстрелено 14 человек.

Считаем своим революционным и социалистическим долгом заявить, что мы воюем против румынского правительства, но не против румынских рабочих, крестьян и солдат, которых считаем нашими братьями и обещаем им нашу революционную поддержку для низвержения помещичьего румынского правительства. Доводим до сведения всех революционных армий, оперирующих против румынских контр-революционеров—генералов, что с завтрашнего утра, т.-е. 3/16 февраля, с пяти часов утра начинаются военные действия в защиту русской революции“.

Подписали:

Верховная Комиссия по борьбе с Румынской и Бессарабской контрреволюцией.

Члены Верховной Коллегии: Х. Раковский, Кондренко и Брашеван.

От Румчерода подписали:

Председатель Юдовский

Члены президиума:

М. Богари, А. Чарнецкий.

Секретарь (подпись).

Одесса, 2/15 1918 г.

Вместе с этим началась и военная подготовка. В один из первых дней по своем приезде, тов. Раковский посетил штаб для ознакомления с его аппаратом и заслушания доклада о положении. Он очень внимательно выяснял возможность нашего наступления на Румынию. Он ставил вопрос не только и не столько об освобождении Бессарабии, сколько о том, чтобы силой штыка помочь революции в Румынии.

Поэтому его не удовлетворила ни наша пассивность, ни наши ничтожные завесы. Он требовал немедленного похода в Румынию.

Я считал, что с нашими силами такой задачи еще ставить было нельзя, что хорошо, если румын, вообще, удастся задержать на территории Бессарабии и, только подготовив более внушительные и более крепкие части, можно будет перейти в наступление. Главным операционным направлением я считал Бендеры—Кишинев—Яссы. Христиан Георгиевич находил такое решение вопроса слишком затяжным. Поэтому его мысль направлялась по другому направлению. Он думал о дессантной операции по Дунаю для удара на Галац, где уже было бы можно поднять румынских рабочих и подробно выяснял возможность такой операции.

Я высказывал, что такая операция в качестве самостоятельной, решающей, окончится неудачей, так как, во-первых, дессантная операция требует более организованных и регулярных войск, чем те, на которые мы можем рассчитывать. Во-вторых, ради этой весьма рискованной операции нельзя снять войска с главного решающего Бендерского направления, где румыны, перейдя в наступление, в два-три дня могут занять Одессу и тем самым сразу подорвать нашу дессантную операцию.

Поэтому я настаивал на переходе в наступление на Бендеры, а на Измаил, Килию произвести лишь демонстрацию с достаточными силами, но не для того, чтобы в случае успеха итти в Галац, а наоборот на перерез румынской армии в Бессарабии.

Тов. Серебрянников принимал в разработке этого вопроса пассивное участие, поддакивая то одному, то другому.

Раковский говорил, что войска у нас будут, что пятитысячный отряд из черноморских матросов, мариупольских и ростовских рабочих, участвовавших в походе на Дон, уже движется к нам, что еще идет целый ряд других отрядов, что Муравьев наступает от Киева и что войск у нас будет более чем достаточно.

Предложил штабу готовить дессантную операцию. Через пару дней действительно ко мне явился командир Мариупольского отряда. Первым его словом было: „дайте лошадей, повозок, людей, обмундирования, винтовок, пушек и продовольствия“.

— Да что же у вас есть?—спросил я его.

— 120 человек и две пушки.

— Исправны ли пушки?

— Да, пушки исправны, только вот патрон и зарядных ящиков нет.

— А лошади?

— И лошадей нет.

Из Мариупольского отряда получился один „пшик“. Его надо было еще только формировать. И отряд был очень доволен, когда узнал о том, что его только будут формировать.

Кроме Мариупольского отряда пришла часть Черноморского флота. Им и была произведена первая диверсия к устью Дуная. В первые дни

там была одержана победа над румынскими мониторами. Полученные сообщения говорили о воодушевлении наших матросов. Вот как сообщается об этом в газете. (Изв. Од. Сов.).

„Нами сообщалось об обстреле посада Вилково румынскими мониторами. Прибывший командир Дунайской флотилии тов. Лебедев сообщает, что возле Вилково произошел бой между румынскими мониторами и нашими миноносцами, в результате которого один румынский монитор погиб, а другие отступили. Наши войска, по свидетельству тов. Лебедева, сражались с воодушевлением. Все находившиеся в Вилкове матросы приняли участие в бою“.

Но через несколько дней картина боя „изменилась“. Оказалось, что большая часть флотилии, стоявшей в устье Дуная, боя не приняла, а бежала, покрыв себя позором. Их поступок был решительно осужден остальными моряками:

„Об‘единенное заседание военных и вольнонаемных моряков Одесского рейда, заслушав доклады доктора Раковского и других ораторов о положении дел на Дунае, вынесли следующую резолюцию: „насколько велик свет павших с честью революционеров, настолько нечестны поступки товарищей, панически бежавших с устья Дуная. Собрание громогласно призывает всех товарищей стать на защиту и отомщение за смерть революционеров, принять самые решительные меры по отношению к тем, кто будет стремиться к расстройству рядов революционных работников, кто будет халатно относиться к исполнению долга и отказом в то время, как льется кровь товарищей матросов и солдат.

Собрание дает все силы для реальной и мощной трудовой революции, дабы быстро и мощно сломать гидру румынской реакции и помочь братьям рабочим, крестьянам бессарабскими румынам поднять знамя восстания, красное знамя мировой трудовой революции, и отомстить за наших товарищей. Вперед! Все для революции, все для борьбы не на словах, а на деле!“

Несмотря, однако, на решительный тон резолюции, она все же была только резолюцией, не отражавшей истинного настроения матросов. Собственно говоря, они и сами себе не сознавались в своих демобилизационных настроениях, стараясь революционным криком заглушить далеко не революционное настроение. Разложение в Черноморском флоте уже тогда было довольно глубоким, но революционная фразеология обманывала не только самих матросов, но и многих ответственных руководителей. На этом заблуждении были основаны широкие планы „о походе на Берлин“, на Яссы и т. д.

Вилковского урока оказалось еще недостаточно.

На Бендерском направлении тогда уже была сделана попытка нашего наступления. Она окончилась неуспехом. Мост был захвачен, но снова наши войска были отбиты румынами. Мост попрежнему оставался ничьим.

Со своей стороны румыны предприняли попытку наступления в обход Тирасполя с юга. Для обеспечения этой операции они продвинули свои части в Каркмазы и Паланку. В обоих пунктах произошли бои с отрядами Армкома. Наши отряды, несмотря на упорное сопротивление, вынуждены были отойти на левый берег Днестра. Вместе с этим румыны заняли и Аккерман. После этого они переправились у села Троицкого,

но нашими частями, при поддержке местных крестьян, румыны с большим уроном отступили во-свояси. Одесские газеты так описывают этот бой:

„Румыны появились в значительном количестве у моста вблизи села Троицкого, где захватили мост и укрепились. Организованные в селе Троицком дружины крестьян, вооружившихся винтовками, выбили румын из засады у моста. Бой продолжался несколько часов. Румыны отступили и бросились к лодкам, намереваясь переправиться через Днестр. Во время переправы наши крестьяне захватили в плен 30 румын, обезоружили их и отправили в село Яски. Теперь организован большой революционный отряд из крестьян села Троицкого и прилегающих деревень для отпора наступающим румынам“.

Все бои окончились в ничью. Наличных сил было недостаточно для наступления в Бессарабию. Еще важнее то, что не было необходимого воодушевления и веры в победу. И тут надо признать известную вину и на штабе фронт-округа, хотя в своем диагнозе он оказался и прав. Но война требует не правоты стратегических и тактических предположений, а победы. Ее не было.

В это время была установлена железнодорожная связь с освобожденным Киевом. На своем поезде прикатил Муравьев. За ним в эшелонах двигались части Красной Гвардии, несшие с собой ореол победы над Красновым, под Петроградом, на Дону и на Украине. Сил сразу прибыло. Кроме того, штаб Муравьева был более боевым. За ним была слава первого советского полководца.

С его приездом началась новая реорганизация. Штаб фронт-округа превратился в штаб округа, будучи лишен оперативного руководства фронтом, перешедшего непосредственно в руки штаба Муравьева. Комиссаром округа был назначен тов. Краузе, комиссаром штаба тов. Зайцев.

Тов. Серебрянников был назначен Комиссаром организационного отдела, тов. Дегтерев, несмотря на его протесты, назначен Комиссаром оперативного отдела, самое существование которого при наличии штаба Главнокомандующего тов. Дегтерев признавал излишним.

Фронт был разделен на 3 армии—одна в районе Могилева Подольского, вторая в районе Рыбницы, третья в районе Тирасполя—Одессы. Вторая была организована из частей Красной Гвардии, первая из революционных отрядов 8 армии. Начинается третий период нашей борьбы с Румынией. Но прежде надо остановиться подробнее на личности Муравьева и всей окружающей среде, которая создавалась вокруг него.

10. Муравьев и муравьевщина.

Муравьев заявил о себе за несколько дней до своего приезда в Одессу разговором по прямому проводу из Киева (14 февраля). Уже в этом разговоре проглянула какая-то хвастливость и выпячивание своей личности на первый план. Приводим этот характерный разговор:

„Дорогой товарищ! я с революционными армиями после 3-недельного похода по Украине и бесчисленного множества боев, особенно под Киевом, где шел ожесточенный бой пять суток, занял город окон-

чательно. Старая Рада и все контр-революционные деятели убежали, а власть была перебита во время уличных боев. Я убежден, что это окончательная наша победа. Петлюра и Порш бежали в Австрию, по дороге организуя из гайдамаков дружины. Мы соединились с войсками Юго-Западного фронта, гвардией и 7-й армией, часть которой уже вступила в Киев. Отсюда вы можете заключить, что мы сидим в Киеве крепко.

Все иностранные агенты были у меня с заверением лойяльности и порицании старой Рады, 4-й универсал которой они не признавали. Румынские представители и генерал Коанда то же самое сказали. Последний выражает полную лойяльность и обещал мне вывести войска обратно из пределов Бессарабии. Если он этого не сделает, то я организую карательную экспедицию на Румынию и беспощадно расправлюсь с румынскими помещиками и офицерами, виновниками убийства наших революционеров".

18 февраля он сам прибыл в г. Одессу. Вечером было устроено военное совещание, на котором были: тов. Раковский, Муравьев, тов. Серебрянников, тов. Железняков, командовавший в это время Придунайской флотилией, и автор.

На совещании мною был сделан доклад о положении на фронте и в области; были приняты решения о реорганизации штаба и командования, и условились, что для передачи фронта я вместе с пом. нач. штаба Главкома об'еду весь фронт наших войск.

На этом совещании я впервые познакомился с Муравьевым. При нем явился на совещание тов. Железняков, который Муравьева знал еще по „октябрьским" боям под Петроградом. Муравьев истово расцеловался с ним, но была в этом какая-то нарочитость, неестественность. Мне показалось, что Муравьев как-бы демонстрирует свою „дружбу с пролетариатом". Мне Муравьев не понравился сразу и решительно. В этот же вечер он предложил мне занять место начальника штаба одной из его армий. Я отказался, так как у меня сложилось о нем впечатление, как об авантюристе, который рано или поздно втянется в какую-нибудь авантюру.

За время пребывания Муравьева в Одессе мне удалось его узнать довольно хорошо.

Внешне он был обыкновенно вежлив, даже предупредителен, но за этим чувствовалась какая-то неискренность, которая нет-нет и прорвется каким-нибудь неожиданным криком, злой гримасой, резким словом, тоном голоса.

Что-то кошачье было в его обращении с людьми, в манере держаться и говорить. Движения его были нервно-порывисты. Казалось, что он подпрыгивает в движениях. От старого строя он унаследовал безапелляционность своих суждений и от подчиненных терпеть не мог возражений. Революция требовала быстрых решений. Это было в его характере. Решения он принимал быстро, безаппеляционно, тут же отдавал приказания, не всегда взвешивая последствия своего решения.

Был у нас такой случай. По распоряжению Муравьева комиссаром артиллерийского снабжения (фамилии не помню) в 3 армию были посланы из Одесского артиллерийского склада снаряды в новых ящиках, не распечатывавшихся со времени их получения с заводов. На ящиках были заводские и приемочные отметки и клейма.

На позиции при раскрытии ящиков выяснилось, что многие снаряды были начинены вместо пороха песком. Так зарабатывали во время войны на военных поставках наши промышленники-патриоты.

Комиссар артснабжения, конечно, не мог догадаться о такой подделке и не предпринял мер заблаговременного осмотра совершенно запечатанных ящиков.

Когда Муравьев узнал, он взбесился. Тов. был ответственный партийный работник. Расстрелять без суда его нельзя было. Он тогда передал ему, что он, Муравьев, считает необходимым комиссара расстрелять, но, принимая во внимание его революционные заслуги, он предлагает ему застрелиться самому.

Только подняв Румчерод на ноги, отстояли товарища от расправы. Конечно, он был снят с этой работы.

В другом случае пришлось активную роль сыграть мне.

При моем вступлении в должность комиссара штаба самым трудным делом бесспорно явились вопросы о разведывательном и контр-разведывательном отделах штаба.

Одесский военный округ в этом отношении в ряду других округов занимал особое положение. В его разведывательном отделе сосредоточивалась разведка по всему Ближнему Востоку и Югу Европы. Дело это очень сложное и чрезвычайно конспиративное. А поэтому многие секреты хранились незаписанными, а в памяти начальника отдела. Между тем в этом отделе мы не могли доверять абсолютно никому. В нем служило два или три заведомо румынских шпиона. Но из'ять их нужно было необычайно осторожно и тщательно. Начальником разведывательного отдела был, насколько я помню, некто Васильев.

Мы решили назначить комиссаром отдела одного офицера, болгарина Попова, который добровольно явился предложить нам свои услуги по формированию армии и по борьбе с румынами.

Я его очень долго испытывал вопросами.

Родом он был болгарин. В русской армии служил в корпусе Радко-Дмитриева. Имел ордена, был ранен раза два. Кавалерийский офицер-разведчик. Я понял так, что итти к нам на службу его заставляет, главным образом, нужда, но, как болгарин, он национально ненавидит румын; против последних был весьма настроен.

С его назначением я полагал возможным начать новую разведывательную работу для наших нужд, но независимо, отдельно и тайно от старого аппарата; последний даже не должен был подозревать об этой работе; поэтому для вида и на него возлагались бы кой-какие задачи по старой разведке.

С другой стороны, думал, что к офицеру сотрудники отдела отнесутся как „к своему“ и ему легче будет постепенно перенять хотя бы часть связей.

Иначе было с контр-разведкой. Ее начальником был назначен эс-эр Шошин, служивший раньше в разведке Черноморского флота, а Комиссаром—председатель чрезвычайной комиссии Румчерода (она называлась тогда что-то тоже в роде контр-разведки).

В Шошине мы хотели использовать патриотическую струнку защиты отечества от наглых румын. А так Шошин казался нам честным малым. (И не ошиблись—он служит и теперь в Красной Армии).

Шошину дано было задание поставить особо внимательное и особо секретное наблюдение и за Поповым и за Васильевым.

Разведот с самого же начала усвоил тактику саботажа. Васильев отговаривался различными причинами, задерживая ознакомление Попова с делами.

Он приходил и ко мне, спрашивая, все ли в самом деле он должен передать Попову, и получал каждый раз категорические указания. Тем не менее Попов жаловался на то, что в отделе не слушают его приказаний.

Наконец, сотрудники отдела просили меня прийти к ним для переговоров для сообщения мне каких-то важных сведений.

Сотрудники обратились ко мне с просьбой оставить им начальником Васильева, и что они не могут подчиняться иностранцам, да еще с которыми мы находились в состоянии войны.

Очень спокойно я указал им на неуместность такого заявления и предложил исполнять все распоряжения Попова.

Тогда выступил кое-кто из сотрудников с протестом. Особенно помню одного румына, который, по моему мнению, был румынским шпионом в нашем штабе. Этот „романешти“ имел наглость очень дерзко говорить, указывал, что по некоторым сведениям Попов—подозрительная личность, и в своих требованиях ссылался на выборное начало. Не желая показать, что вмешательство именно этого господина является особенно подозрительным, я сделал вид, что очень внимательно слушаю его, и обещал подумать об указанных мне обстоятельствах.

Тогда Васильев вообразил, что им удалось околпачить меня, что я поддался их наскоку и начал новую атаку на меня, настаивая на том, чтобы Попов был убран. Он так увлекся, что потерял свой прежний покорный лисий тон и начал грозить, что он не передаст дел Попову, как подозрительному человеку, и что я должен уважить „голос демократии“.

Я понял, что он зашел слишком далеко и что надо его оборвать так, чтобы он понял, что игра его раскрыта и понята.

Я сделал ему строгий выговор за нарушение дисциплины и заявил, что ответственность за назначаемых лиц я не буду делить с ними, и что всякое дальнейшее неисполнение распоряжений Попова я буду понимать, как неисполнение моих, и отвечать они будут „по законам военно-революционного времени“. Васильев понял, что он ошибся, и что он зарвался. Он сейчас же начал заглаживать, но было поздно. Его душа была слишком раскрыта.

Я решил, что он останется на самое короткое время, и что он будет скоро арестован, как только Попову удастся найти хоть несколько новых сотрудников. Этому не суждено было случиться, благодаря приезду и вмешательству в это дело Муравьева. Хитрая лиса Васильев раскусил Муравьева в один прием.

В первые же дни приезда штаба Муравьева к нему настойчиво добивается войти какой-то господин по весьма важному делу.

Называется заведующим разведывательным отделом штаба и сообщает под глубоким секретом, что у него есть сведения, что Попов, тогда уже привлеченный для организации военной разведки при штабе Муравьева, весьма подозрительная личность, что за ним есть даже спе-

циальное наблюдение и что ему нельзя доверять. Муравьев сейчас же вскипел и приказал неизвестному: „немедленно доставить сюда Попова“.

На его языке это означало, что Попов будет расстрелян.

Неизвестный вначале опешил от такой быстроты. Даже он предложил сначала проверить факты, а пока только ограничиться отстранением от должности. Но разве можно было переубеждать Муравьева?

Через полчаса Попов был извещен по телефону из разведота округа, что его вызывает к себе Муравьев.

Попов догадался, что тут что-то неладно. Стучится и будит ночью меня с тысячью извинений за беспокойство и с просьбой дать ему совет. Я понял, в чем дело. Чтобы ему не нести ответственность за неявку, я арестовал Попова, а утром решил отправиться лично для об‘яснений с Муравьевым.

Муравьев утром уехал куда-то на фронт дня на два. За это время я связал дело Попова еще с несколькими ответственными товарищами, потому что каждый из нас в отдельности не мог быть уверенным за сохранение своей жизни в минуту свирепости Муравьева.

Когда он вернулся, его первым вопросом было, почему к нему не явился Попов.

Между прочим выяснилось, что Муравьев даже не спросил фамилии неизвестного лица, говорившего с ним.

Но все же очень больших усилий стоило это дело „замять“ и спасти жизнь Попову, который попросил разрешения немедленно убраться подальше от Муравьева.

Начавшаяся налаживаться работа разведки была сорвана.

В отряде охраны поезда Муравьева строгая, жестокая дисциплина сочеталась удивительным образом с распущенностью отряда вне поезда. Расстрелы солдат отряда были нередки.

Конечно, в рассказах о Муравьеве часто прибавляют много лишнего, а враги Советской власти очень старательно раздували всякий жестокий факт гражданской войны. Например, расстрел саботажника железнодорожника часто являлся самой необходимой вещью. Но эти расстрелы, в условиях отсутствия достаточного политического контроля, превращались иногда в расправу жестокую и не всегда нужную. Эта черта была свойственна всему первому периоду красногвардейской борьбы, когда с врагами революции расправлялись самосудом без всяких органов революционного правосудия. Но при Муравьеве эта неизбежная в первое время борьбы жестокая необходимость превращалась как бы в принцип. Результаты подобных расправ приводили к обратному результату: они отталкивали от себя трудящиеся массы еще не прошедшие школы гражданской войны.

Особенно нашумел в Одессе случай с одним Одесским отрядом, сформированным из одесситов, еще не обученных и недисциплинированных.

Ему был отдан приказ выехать на позицию. Приказа он не исполнил, а устроил собрание, на котором постановил требовать обмундирования и продовольствия и только тогда ехать на фронт, о чем и сообщили Муравьеву. Последний приказал отряд разоружить, посадить на пароход и отвести на остров Тендер, безлюдный и бесплодный, где и бросить их на произвол судьбы.

Отряд был арестован и посажен на пароход. Ко мне обращались многие родители и родственники с просьбой сообщить им о судьбе арестованных.

Только благодаря вмешательству Румчерода приказ был отменен.

Нельзя считать только одного Муравьева виновным в такой жестокости и безоглядности решений. Это явление было более общим.

У Муравьева и под его руководством эти отрицательные черты красной гвардии приобретали особый, я бы сказал, жандармский оттенок болезненного характера. С его легкой руки в Одессе снова стали широкой волной разливаться самосуды и расправы. Советская и партийная печать по этому поводу забила тревогу. В № 172 „Голоса Революции" от 23 февраля помещена статья Максим Курса: „Анархия и контрреволюция", в которой между прочим говорится:

„Нет большего врага революции, чем насилие, грабежи, самосуды— все эти позорные явления, ставшие столь обычными в Одессе в последние дни. Налеты, самосуды совершенно развращают массу, подавляют в ней всякое чувство законности. До чего развращение может дойти, показывает кошмарное преступление, имевшее место на днях в Воронцовском дворце. Варварски бесчеловечно был убит один несчастный безработный по подозрению в краже какого-то мандата. Произошла притом роковая ошибка: убитый был невинен, и на него лишь случайно пало подозрение.

Убийца недолго колебался перед расправой. Уведя в сторону свою жертву, он предварительно заявил окружающим, что надо поступить согласно приказу с уличенными...

Узнавши про эту расправу, толпа безработных хотела учинить самосуд над убийцей, оказавшимся комендантом дворца. С трудом удалось предотвратить новое преступление"...

Из этой же статьи видно, как развращающе такая политика действовала на сознание трудящейся массы, отталкивая их от Советской власти.

Еще больше навредил Советской власти приказ Муравьева об удалении из Одессы „в двадцатичетырехчасовый срок" всех бывших солдат, не вступивших в ряды социалистической гвардии; в этом же приказе об'явлены вне закона все лица, незаконно носящие воинскую форму, и все „отдельные части и лица, занявшие нейтральное положение", об'явлены „врагами революции и народа" и обещано, что „с ними будет поступлено как с находящимися вне закона", то есть, иначе говоря, самосуд над ними возводился в революционную добродетель.

Вот выдержки из этого замечательного приказа, живо выражающие сущность муравьевщины:

Главнокомандующий Армиями Северного и Румынского фронта тов. Муравьев приказал:

1. Всем офицерам, классным чинам и солдатам, не находящимся в частях Одесского гарнизона, надлежит немедленно выехать из пределов Одессы по направлению к Знаменке, при чем офицеры и классные чины должны оставить пределы Одессы в 24 часа (т.-е. с 12 час. дня среда 20/7 февраля до 12 час. 21/8 четверг). Солдаты должны оставить город в течение трех суток, т.-е. 12 час. дня 20/7 до 20/10 февраля с. г. 12 часов дня.

2. Все офицеры и солдаты, живущие постоянно в Одессе и имеющие квартиры с семействами, могут оставаться в городе при условии обязательного зарегистрирования в комендантском управлении и у воинских комиссаров.

3. Все военно-служащие, офицеры, классные чины и солдаты, не вошедшие в рабоче-крестьянскую социалистическую гвардию и не служащие делу революции, обязываются немедленно снять военную форму. Все неисполнившие приказания о снятии военного платья в двух дневной срок будут об'явлены вне закона.

4. В переживаемое исключительно тяжелое время для Революции не может быть как отдельных частей, так и отдельных лиц, не давших себя в полное распоряжение Советской власти, а потому лица и отдельные части, занявшие нейтральное положение, считаются врагами революции и народа и с ними будет поступлено, как с находящимися вне закона.

5. Все преданные делу революции призываются в ряды Красной Гвардии в качестве инструкторов и бойцов за достаточное денежное вознаграждение.

(Обращаться в Штаб Красной Гвардии, Торговая № 4).

Комендант города Боровский.

Офицеры немедленно стали выполнять приказ и часть их явилась на вокзал, но распоряжение коменданта города не было согласовано с управлением военных сообщений, которое не приготовило поездов.

Многие офицеры ушли пешком из Одессы. Другие просто перешли на нелегальное положение или попрятались в окрестностях Одессы.

Нечего и говорить, что все они, в том числе бывшие вчера нейтральными обывателями, а иногда немного сочувствовавшими Советской власти за ее борьбу с румынами, после этого возненавидели Советскую власть.

Солдаты поступили иначе. Они собрались у коменданта города и устроили огромнейший митинг, на котором они потребовали от Советской власти и от Муравьева об'яснений. Митинг был использован контрреволюционными элементами с целью поднять недовольство Советской властью и воспользоваться этим для более широких операций.

Корреспондент „Изв. Одесск. Совета" так описывают происшедшие события: (26 февраля).

„Вчера в управлении коменданта города собралось около 4000 солдат, которые по приказу Муравьева должны выехать из города. Были и солдаты, уволенные вовсе от службы. При обсуждении приказа особое внимание было уделено пункту приказа, гласящему, что уволенные солдаты обязаны носить штатское платье. Обсуждение приказа перенесено на митинг, в Городской театр. Туда же решено было пригласить тов. Муравьева для совместного обсуждения приказа. Среди солдат находились, как это выяснилось, офицеры в солдатской форме, агитировавшие против Муравьева.

Полковник Муравьев, узнав об этом, заявил, что приедет в сопровождении вооруженного отряда кавалеристов и матросов. Им было также отдано распоряжение об оцеплении театра вооруженными отрядами для изолирования контр-революционных элементов. Спустя полчаса Муравьев прибыл в театр. Сообщив собравшимся о том, что контр-

революционные офицерские элементы собираются убить его, он дал просимые об'яснения. После этого толпа разошлась."

Эта заметка характеризует Муравьева как человека находчивого, решительного, смелого и осторожного в то же время. Это импонировало массе.

Этот приказ был предметом обсуждения всех Советских организаций в г. Одессе. 26 февраля на соединенном заседании Советов при обсуждении доклада Совнаркома г. Одессы, военный комиссар т. Холопов предложил собранию принять резолюцию, которая успокоила бы часть офицерства и солдат, сильно возмутившихся последним приказом тов. Муравьева об об'явлении вне закона солдат и офицеров, которые не пожелают итти с советскими войсками против румын. Была единогласно принята следующая резолюция: „в виду возникших недоразумений по поводу приказа Главнокомандующего советскими войсками тов. Муравьева, об'единенные советы рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов постановили:

1. Поставить в известность все революционные организации и товарищей, что Советской власти никакой опасности не угрожает, а потому призывает их к спокойствию и категорическому недопущению каких-либо эксцессов и самосудов.

2. Все лица, к коим относится приказ т. Муравьева, также призываются к спокойствию, так как совет примет меры, чтобы неясные пункты приказа были раз'яснены дополнительно".

Приказ этот был отменен Муравьевым, но недоразумения этим не исчерпались. Очередной скандал разыгрался через день. Муравьев нашел, что в Одессе мало порядка и 26 февраля, приказом за № 1, об'явил Одессу на осадном положении. В приказе, между прочим, говорится: п. 10. „запрещаю собрания и митинги и скопления народа на улице". В. п.п. 7, 8 и 9 приказывается движение трамваев и работу ресторанов и кафе прекращать в 21 час, а спектакли в 19 часов. п. 11 „Организационные собрания революционных организаций разрешаются до 21 часа в закрытых помещениях с наличием у членов собрания мандатов".

В п. 13 говорится о выезде из Одессы безработных солдат. Конечно все это под угрозой об'явления „вне закона".

Приказ этот не установил порядка. Налетчики теперь пользовались именем Муравьева для открытия себе дверей в любой дом, и ссылались на его же приказы об об'явлении огромных групп населения—„вне закона" для расстрела их и „конфискации" их имущества, главным образом—денег и драгоценностей.

Зато не мало невинных граждан должно было пасть жертвой осадного положения: ведь исполнителями были люди подчас совсем неграмотные—где им было разбираться во всех тонкостях мандатов и удостоверений. Еще до Муравьева со мной произошел один случай, наглядно иллюстрирующий нашу караульную службы. Будучи тогда еще комиссаром штаба, я шел как-то поздно вечером по Преображенской улице. Меня останавливает караул. Оказывается комендатура города оцеплена со всех сторон караулами, никого не пропускающими проходить даже по ближайшим улицам. Мне такие предохранительные меры показались совершенно излишними. Я решил пройти в комендатуру выяснить причины такого распоряжения и отменить его.

Прошу караул (их было двое красноармейцев пеших и один конный) пропустить меня в комендатуру.

— Нельзя! грубо отвечает один.

— Надо сначала спросить мое удостоверение, а потом—говорить, раз‘ясняю я ему.

— Да что там. Сказано нельзя, да и все тут.

— Это неправильно. А может быть, мне по делу надо пройти к коменданту.

— Да его нет там.

— Все равно к дежурному.

Достаю свой мандат и настойчиво сую ему в руку.

— Да вы прочитайте сначала.

Моя настойчивость взяла верх. Он подзывает конного:

— Вот просит пройти в комендатуру и бумажку какую-то показывает все.

Под‘ехал конный к свету на углу, взял мою бумажку и по складам начал читать (видимо он был единственный грамотный).

,,М-мы-ан-ды...ат.. Э, да у него мандат! Конечно, можно! И он дальше не стал читать, что за мандат: ,,Раз мандат значит можно‘‘! повторил он.

Вряд ли много могло измениться за последние две недели. Результаты поверки мандатов и удостоверений вряд ли могли быть лучше.

Рабочие энергично запротестовали против осадного положения. Завопили и все советские работники.

Опять обсуждение вопроса в Совнаркоме и в Советах. Вместе с этим сызнова решается вопрос о взаимоотношениях советских организаций с военным командованием.

„В заседании Совнаркома 27 февраля обсуждался вопрос об об‘явленном осадном положении. Тов. Христев предлагает предложить тов. Муравьеву снять осадное положение. Тов. Воронский сообщает, что рабочие всех районов категорически требуют немедленно снять осадное положение, а в противном случае неминуемы столкновения между отрядами и рабочими. Тов. Смирнов докладывает, что Муравьев поручил ему дать приказ о снятии осадного положения.

В том же заседании по вопросу о координации власти принята резолюция:

1) Власть в Одессе и Одесском округе принадлежит Совету Народных Комиссаров, под‘отчетному Совету Рабочих Депутатов.

2) Главнокомандующий по должности состоит членом Совнаркома.

3) Главнокомандующему принадлежит полная власть в отношении боевых операций на фронте, при чем штаб Одесского воен. округа рассматривается, как штаб округа, не находящийся непосредственно на театре военных действий, а потому, действуя по приказаниям и нарядам Главнокомандующего, является вполне самостоятельным в исполнении своих действий‘‘.

Пункты, устанавливающие ,,координацию власти‘‘, уже значительно ограничивают власть Главкома, так как в первое время ему была предоставлена в области военного дела почти неограниченная власть, которая постепенно урезалась. Еще только накануне последнего постановления Совнаркома в связи с осадным положением, а именно 26 февраля

после улажения конфликта с удалением всех бывших офицеров солдат из Одессы, Совнарком обсуждал тот же вопрос о ,,координации'' высшей военной власти на фронте и области'' и принял следующее решение: „Совнарком постановил, что высшей военной властью является главнокомандующий революционными армиями, действующими против румынской олигархии. Все революционные и общественные организации, ведающие вопросами укомплектования, формирования, снабжения, как материальною частью, так и боевыми припасами, эксплоатации жел. дор., транспорта, эвакуации и, наконец, обеспечение тыла в политическом отношении, как-то охрана революционного порядка... по указанию Совнаркома''.

На этом же заседании постановлено было назначить к Муравьеву политического комиссара и таковым был назначен т. Фишман.

Муравьев, скрепя сердце, принял это назначение, но он совершенно не считался с ним, отдавая ему приказы, как своему подчиненному, обыкновенно оставлял его в Одессе при своих поездках по фронту и попрежнему отдавал все свои распоряжения единолично.

Муравьев любил выступать на митингах. Речи его были однообразны. В них он грозил всякими карами буржуазии и врагам революции, взывал к „революционной чести“ и „социальной совести“ и везде безмерно выпячивал свою личность. Вот, например, как Одесские газеты передают первую речь, сказанную Муравьевым в Одессе:

„В заседании представителей рабочих организаций тов. Муравьев обратился к рабочим Одессы со следующим призывом к организации Красной Армии: „Враги нарушили права человечества, разрушают юг, расстреливают наших товарищей, идут на революцию. У кого есть социальная совесть, у кого есть революционная честь, все от повседневных работ к защите свободы пролетариата, все под ружье! Откиньте все, не ждите, пока враг подойдет к Одессе, ибо вас назовут изменниками революции. О материальном обеспечении нечего беспокоиться. Везде, где я проходил, вопрос об уплате, об обезпечении семей всегда разрешался быстро и положительно. Я сумею заставить буржуазию дать все пролетариату. Сегодня требую от вас начать запись в батальоны, батареи и роты. Товарищи рабочие! сегодня же об'явите всем вашим товарищам по специальности запись в Красную гвардию. Вернитесь на заводы, дайте гудки, соберите своих товарищей, передайте им привет от меня и начните запись. Все материальные вопросы будут улажены. Борьба идет беспощадно. Сами на себя надейтесь. Требую к работе всех. Буду сам об'езжать заводы, буду просить к себе представителей рабочих. Буду следить за организацией. Мои Армии идут сюда. Они три месяца воевали. Они утомлены. Вы все должны стать под оружие“.

Нужны ли к этому какие-нибудь комментарии? Отношение к Муравьеву было самое различное. На его приезд смотрели и советские и рабочие организации с надеждой:—ореол—первого боевого командующего Советскими войсками был вокруг него. Его первые речи нравились менее сознательным массам: он был недурной демагог. Но разочарование наступало скоро. Тогда вспоминали его прошлое, говорили, что он бывший жандармский полковник, настораживались, ожидая с его стороны предательства по отношению к рабочим массам. Вот почему Совету приходилось принимать резолюцию о том, что „Советской власти никакой

опасности не угрожает.“—Речь шла не о внешней контр-революции, а о Муравьеве. Рабочие массы в общем чутьем почувствовали в нем что то не свое, чужое.

Муравьеву не раз приходилось клясться перед Советами в своей верности Советской власти, в роде заключительной части его доклада на об‘единенном заседании Советов в самых последних числах февраля.

Указав на то, что по его адресу делаются выпады, будто бы он является угрозой для Советской власти, ибо хочет низвергнуть эту власть, заявляет, что такое обвинение ложно, так как он только простой солдат Советской власти и в гражданские дела совершенно не вмешивается, что касается безработных, то он боролся только с темными элементами, проникшими в их среду, и контрибуцию, которую он положил на буржуазию, он делил с безработными“.

И здесь он оставался неизменным демагогом („контрибуцию, которую я наложил на буржуазию, я делил с безработными“—отвечает он в ответ на упрек о неуместном вмешательстве его в организации безработных, от которых он потребовал „регистрации“ в его штабе).

У меня лично о нем сложилось впечатление, как самодержавном самодуре, волею революции вознесенному наверх не по заслугам, а по случаю. „Победитель Керенского“ бесомненно был случайным гостем в революции. Я тогда никак не мог понять, почему ему доверяли. Диктатор, „бонапарт“ так и выпирал изнутри его. Будучи тогда левым эс-эром, т.-е., однопартийцем, я изумился тому, как левые эс-эры терпят его в партии.

Когда после июльских дней я узнал, что Муравьев застрелен после неудачного „похода на Москву“, я со вздохом облегчения встретил это известие—я был твердо убежден, что Муравьев и революция—эти два слова рядом стоять не могут.

Но со всеми этими отрицательными свойствами все же приезд Муравьева был живительной грозой, растормошившей провинциальное болото, сразу стряхнул со всех разгильдяйство, халатность, медлительность, быстро стал восстанавливать воинскую дисциплину в штабах и управлениях. Особенное впечатление он производил на спецов всякого рода, военных и железнодорожных. Те сразу почувствовали железную руку, не любящую шутить, и, пожалуй, свою родную, знакомую им прежде до революции.

Железнодорожный аппарат заработал вполне удовлетворительно. Особенно поезд Муравьева летал с необычайной скоростью. Он же научил нас методам гражданской войны. Мы были слишком прикованы к земле, к окопам, к рубежам. Опыт империалистической войны тяготел над нами. За ним же уже был опыт красногвардейской борьбы с ее необычными переходами и переездами в эшелонах, быстрыми ударами, партизанскими действиями, умением самоснабжаться, быть независимым от громоздких организаций. На известной стадии борьбы это было необходимо. Без эшелонной войны, без партизанских набегов в определенный период не могло быть победы.

Наши революционные отряды научились от Красной Гвардии большой подвижности, легкости, самостоятельности, самоуверенности.

Очень жаль, что прибывшие отряды Красной Гвардии не сразу восприняли положительные черты наших революционных отрядов фронта, организационную выдержку, военную выучку, строгую дисциплину.

Этих качеств как раз и не хватало прибывшим с Муравьевым частям Красной Гвардии. Самосуды—были обычным явлением, а вместе с ними и всякие бесчинства, вытекавшие из неправильного понимания революционного долга, революционной дисциплины, а еще больше из неправильной организации снабжения: эти части снабжали сами себя. Такой порядок вызвал соответствующий отпор со стороны тех командиров, которые привыкли в наших частях к другому порядку.

Так, например, командующий третьей революционной армией по этому поводу обратился со специальным приказом № 6 (6-го марта):

Приказ по третьей революционной армии № 6.

§ 1.

Из поступающих донесений от крестьян видно, что идущие на фронт эшелоны добровольческой армии совершают на деревни и села набеги с целью грабежа и пьянства, открывая при этом беспорядочную стрельбу, которая наводит на мирных жителей панику. Батальонные, ротные комитеты, а также военные советы, где таковые имеются, прошу обратить на это самое серьезное внимание и раз'яснить товарищам солдатам, что они записались в ряды революционной армии и получили оружие не для того, чтобы расхищать крестьянское имущество и обстреливать села, где живут их же дети, матери и отцы. Советую товарищам проявлять больше такой удали впереди в окопах, а не в тылу среди безоружных жителей. Лиц, замеченных в подстрекательстве товарищей к пьянству и производящих стрельбу без всякой цели, об'являю вне закона.

§ 2. В дополнение к приказу моему № 5 о всеобщей мобилизации в Тираспольском, Маякском, Аккерманском и Овидиопольском уездах прошу принять к руководству следующее: мобилизованные лица по мере надобности отправляются на фронт, могут перебрасываться по отрядам, и не заступившие временно на позицию должны выполнять инженерные работы по укреплению позиции, как на фронте, так и в тылу.

6 марта. Команд. 3 рев. арм. Лазарев.

Характерно, что с легкой руки Муравьева это об'явление „вне закона" быстро утвердилось среди подчиненных штабу Муравьева. Какой переход от обращения к подчиненным „прошу" приказа № 1 штаба фронт-округа к этому, ставшему обычным „вне закона".

11. Последнее наше наступление и мир с Румынией.

Муравьев вступил „в главнокомандование над революционными войсками, действующими против Румынии" (текст приказа № 1)— 19 февраля. В этом же приказе он призвал „всех, кто имеет честь и мужество, встать на защиту пределов „Российской Федерации" и дать отпор врагу, позволившему вмешаться в наше внутреннее дело".

Уже на первом военном совещании Муравьев принял оперативные решения. План его был прост: наступать на Яссы тремя направлениями; от Могилева Подольского, от Рыбницы и Бендер. Мысль о десанте он

оставил. В это время румынские части и на севере Бессарабии выходили к линии реки Днестра. В тот день, когда, об‘езжая части фронта, я приехал в Рыбницу, с противоположной стороны околицы местечка Резины, расположенного как раз против Рыбницы, с которым оно соединилось деревянным мостом, появилась румынская разведка. Она подняла панику среди населения. Группы добровольцев, взявшихся за оружие, отогнали эту разведку. Тогда румыны повели наступление.

В Рыбнице не было никакой охраны и никакого управления. Пришлось мне остаться для организации обороны и управления. Помнаштаба Муравьева уехал в Могилев без меня. Быстро удалось поднять местных жителей молдаван. По соседству нашли какую-то артиллерийскую часть, отступавшую с румынского фронта, мелкие отряды пехотные. Живо сорганизовали оборону, заняли блокгаузы укреплений железнодорожного моста, перешли реку и повели наступление. Румын встретили наши части артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем. Бой кончился в нашу пользу. Румыны были отогнаны верст на 15.

Сорганизовав оборону, я назначил командующего участком и ночью уехал в Одессу. Побывать дальше Рыбницы мне так и не удалось.

В течение нескольких дней подтягивались эшелоны частей Красной Гвардии для выполнения приказа о наступлении на Яссы. В это время румыны сделали еще одну попытку занять Резину. Эта попытка совпала с подходом красногвардейских частей 1-ой армии, взявшей Киев. Наши части перешли в контр-наступление. В результате, румыны потерпели полное поражение, оставив орудия, пулеметы и пленных в наших руках. По одним источникам указывалось о взятии нами 26 орудий, по другим 15. Эта победа была широко по-муравьевски разглашена.

На других направлениях у нас еще не было достаточно сил, а на Могилевском уже началось наступление австро-германцев и частям бывшей 8 армии было не до румын.

Одесские рабочие относились к начавшейся борьбе более равнодушно, чем прежде. Слабые части фронта не получили ни людской, ни моральной поддержки.

В районе Жмеринки появились петлюровские отряды, нападавшие на наши эшелоны и действовавшие в нашем тылу.

В последних числах февраля на об‘единенном заседании Советов тов. Муравьев делал доклад о положении на фронте, переданный газетами следующим образом:

„Вернувшись с фронта, тов. Муравьев в своем докладе сообщил собранию, что советские войска разбили румынские войска в бою под Резиной, при чем нами взято 15 орудий. Граница соприкосновения советских и румынских войск доходит до линии Днестра, представляющего мощную преграду румынскому наступлению. Слухи, что Беляевка занята румынами, ложны. Но нужна для отпора румынам также и мощная армия и сейчас нужно заняться организацией ее. Все армии, бывшие на румынском фронте, разложились, остались только штабы. Многомиллиардное имущество брошено на произвол судьбы ушедшими с фронта солдатами. Сейчас там организуется новая социалистическая армия, которая отправляется на север для того, чтобы дать отпор отрядам, нападающим на Жмеринский железнодорожный узел, где находятся также отряды Жмеринских советов. Везде в деревнях вдоль фронта кре-

стьяне мобилизуются от Каменец-Подольска до Одессы. Но фронту нужна поддержка со стороны тыла. Без этой поддержки фронт погибнет. Этой поддержки в Одессе нет, к сожалению...

Отрядов на фронт Одесса почти не посылает. Всего выехал один отряд террористов. Сейчас, когда германскими армиями мы отрезаны, особенно нужно напрячь силы для отпора румынам и немцам".

Прибытие Муравьева, победы Советской власти на Украине и на Дону, прибытие новых частей в лице Красной Гвардии, наши активные операции встревожили румын не на шутку. Они снова попытались воздействовать на нас через союзных представителей. В ответ на наш ультиматум от 16 февраля, Итальянский министр, старшина союзных представителей в Яссах, Фасчиотти 21 февраля обратился ко всем союзным консулам в Одессе с протестующей телеграммой, в которой говорит:

„Союзные министры осведомлены об ультиматуме, адресованном Румчеродом Румынскому Правительству. Мы должны протестовать энергичным образом против занятого положения, которое совсем не считается с состоянием переговоров, начатых нами по просьбе самого Румчерода, а равно предложением, обсужденным между их собственными уполномоченными и союзным уполномоченным. Мы протестуем, главным образом, против ареста румын и бесчеловечного обращения с ними. Сообщая Румчероду вышеизложенное, благоволите самым решительным образом настоять, чтобы румыны были освобождены и чтоб переговоры были возобновлены согласно правилам, существующим у демократических и цивилизованных народов, между румынскими союзными уполномоченными и Румчеродом. Мы рассчитываем, что каждый из наших консулов примкнет к этому всей силой своего личного авторитета. Касательно Бессарабии благоволите упомянуть, что вмешательство румынских войск представляет военную операцию без какого либо политического характера, предпринятую несомненно с гуманитарной целью гарантировать снабжение провиантом русские и румынские войска и гражданское население".

Итальянский Министр, Старшина Союзных Представителей
Фасчиоти".

г. Яссы, 8/21 февраля, 1918 г.

Английский представитель полковник Бойль и французский консул полк. Аркье посетили т. Раковского и предложили образовать смешанную комиссию „для улаживания русско-румынского конфликта". Но теперь не была повторена прежняя ошибка интернациональной секции. На заседании Верховной Русско-Румынской Коллегии 23 февраля, на котором присутствовали Раковский, Юдовский, Брашеван, Рузер, Фишман, Муравьев, Гурьев, Куль, Кондренко, по этому вопросу было постановлено принять эти предложения, но на определенных условиях. 24 февраля Председатель Сов. Нар. Ком. Одесской области т. Юдовский дал следующий ответ на предложение о посредничестве для мирного улаживания русско-румынского конфликта, сделанное военными английской и французской миссиями в Одессе:

„1. Румынское правительство обязуется сделать формальную декларацию, касающуюся эвакуации Бессарабии оккупационной румынской армией. В первую очередь эвакуация Бендер и Жебриан. Оккупационная армия должна быть в течение двух месяцев сокращена до размера

отряда в 10 тысяч человек, обязанности которых будут заключаться в охране румынских складов и путей железнодорожного сообщения.

Полиция в городах и местечках будет состоять из местной милиции, образованной из тамошних жителей. По мере эвакуации румынской армии необходимые русские военные силы займут эвакуированные места для поддержки порядка.

Румынское военное командование отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии. Оно не может исполнять функций, принадлежащих местным выборным властям.

Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов.

2. Продукты Бессарабии, ненужные для питания местного населения и военных русских отрядов, находящихся в Бессарабии, будут исключительно назначены для продовольствия Румынии.

3. Комиссии, которая будет составлена из представителей России, Румынии, Франции, Англии, Соед. Штатов будет вменено в обязанность разрешать все спорные случаи между русскими и румынами.

В случае, если румынская армия принуждена будет отступить на русскую территорию, она там найдет убежище и продовольствие.

В случае военных параллельных действий против центральных держав и их союзников, устанавливается непосредственный контакт между высшим военным командованием русской Советской армии и румынским командованием".

Сравнивая эти предложения с предыдущим ультиматумом, мы видим, что и Советская власть пошла на ряд уступок. 18 февраля немцы начали на нас наступление по всему фронту. 21-го ими уже были заняты Минск, Орша, Режица. Воевать на два фронта было трудно. Социалистическое отечество было об'явлено в опасности. Обстановка требовала примирительных решений. Но Советская Одесса, под руководством Раковского, все же взяла достаточно твердый тон. К этому моменту наши части одержали победу под Рыбницей. Румыны убедились, что сила Красной армии не ослабела, а увеличилась. В первых числах марта председатель румынского Совета Министров Авереску ответил почти полным принятием наших условий, за исключением немедленной эвакуации Бендер.

5 марта контр-предложение Авереску было принято и подписано представителями Советской власти в присутствии подполковника Ж. В. Бойля. 8 марта получился утвердительный ответ Авереску и в эти же дни был подписан „Протокол ликвидации Русско-Румынского конфликта" следующего содержания:

„Высшая Автономная Коллегия, Румчерод, Совет Народных Комиссаров Одесской области, Исполнительный Комитет Советов об'являют, что считают военный конфликт между Россией и Румынией улаженным, базируясь на основе условий, предложенных нами в нашем ответе от 24 февраля 1918 г. и на основе изменений, внесенных Румынским правительством, согласно декларации, подписанной Авереску—председателем Совета Министров Румынского Королевства. Мы в то же самое время принимаем к сведению декларацию г. полковника Бойля, что

обмен русских пленных на румынских распространяется на всех пленных без исключения, в силу чего мы и подписываем настоящий протокол.

Председатель Высшей Автономной Коллегии
Раковский".

Вице-Председатель Высшей Коллегии Комиссар Иностранных дел
Брашеван.

Председатель Румчерода Юдовский.

Одесса, 20 февраля, 1918 года.

На врученном нам румынами оригинале подпись:

Председатель Совета Министров, Министр Иностранных дел
Авереску".

г. Яссы, 24 февраля 1918 г.

12 марта в Одесских газетах было сообщено о заключении мира между Россией и Румынией. (Голос Революции № 188, 12 марта).

„Третьего дня на аэроплане прилетел в Одессу из Ясс член Русско-Румынской мирной делегации английский полковник Бойль. Он привез официальный документ о заключении мира между Россией и Румынией. Мирный договор с румынской стороны подписал румынский министр Авереску. Румынией приняты все пред'явленные условия. При этом условии из Бессарабии должны быть уведены румынские войска в течении двух месяцев. По мере увода румынских войск, Бессарабию занимают русские революционные войска. Румыния оставляет только патрули общим числом не больше 10.000 человек по линии железной дороги, где расположены румынские правительственные склады. Порт Жебрианы немедленно занимается нашими войсками. Все русские граждане, арестованные в Румынии и Бессарабии, немедленно освобождаются. В свою очередь освобождаются арестованные в России румыны. В случае сепаратного мира между Румынией и Австро-Германией, русские войска, оставшиеся в Румынии, пересылаются в Россию. Румынским политическим арестованным и дезертирам об'явлена амнистия".

Не все верно в этом сообщении. Во-первых, в договоре ни слова нет о политической амнистии. Повидимому считались, что красные войска и рабочие будут недовольны нашими уступками. Это была несомненная переоценка революционной готовности трудящихся масс и рабочих к борьбе. Такой готовности и воли к борьбе в массах тогда не было.

Руководители Одесской организации до такого понимания еще не дошли. В последние дни пребывания Советской власти в Одессе им суждено было получить более жестокие уроки. 12-го же марта и по военной линии был подписан приказ о прекращении военных действий против румын, следующего содержания:

„В Одессе Верховной Коллегией по русско-румынским делам получено уведомление от румынского правительства, что Румыния признает все пред'явленные ей условия и считает войну с Румынией законченной. Румыния обязалась немедленно прекратить военные действия против России и вывести из Бессарабии свои войска. Об'являю это для всеобщего сведения и приказываю всем частям Революционного Румынского фронта немедленно прекратить боевые действия и войти в сношение с румынскими частями, всем раз'яснить все изложенное. Призываю товари-

щей крестьян, восставших на защиту революции и освобождения родной земли, также прекратить враждебные против румын действия и терпеливо ждать вывода из пределов Бессарабии румынских войск. Приказываю начальникам отрядов, что прекращение военных действий не должно повлечь за собой оголения фронта. Только когда мы будем иметь наготове достаточно сильную армию, мы сможем заставить Румынию точно в срок выполнить поставленные ей условия.

Начальник Штаба Главнокомандующего Смирнов".

Так кончилась наша война с Румынией, официально продолжавшаяся шесть недель. Формально эту войну мы выиграли, заставив румын признать необходимость вывода их войск из Бессарабии и возвращения последней России.

Население города Одессы и армия отнеслись к заключенному договору безучастно. Все внимание их было обращено в сторону приближавшихся австро-германских войск, и ими решалась судьба революции на Украине. Заключение мирного договора осталось незамеченным и до сих пор многие граждане Советской Федерации не знают, что румынами было подписано обязательство—очистить Бессарабию в двух-месячный срок. С тех пор прошло пять лет, а Бессарабия продолжает стонать под игом румынских помещиков. Но все же этот документ когда-нибудь сослужит свою службу, хотя бы в качестве еще одного доказательства лицемерия буржуазной „законности" и некрепости международных обязательств, за которыми не стоит сила.

Красная Армия должна делать из этих документов свои выводы.

12. Последние дни борьбы.

Как известно, немецкое наступление началось 18 февраля. По всей России пролетел лозунг: „социалистическое отечество в опасности". В Одессу он докатился в конце февраля. 26 февраля все газеты вышли с призывом к борьбе против международного империализма. Вот, например, обращение „Голоса Революции": „Помещики-капиталисты мира ополчились на революцию. Жандармы и предатели свободы возобновили кровавую бойню. Они требуют свержения советов, превращения России в колонию империалистов. На борьбу с Радой, Калединым мы шли батальонами и отрядами. Армиями неукротимых львов станем против шакалов международного империализма. Все мобилизуйтесь. Все под оружие. Не уступим свободы. Не сдадим революции. Выход один: смерть или победа".

Газеты начинают снова обсуждать вопрос о возможности партизанской войны. В войне с Румынией никто не выдвигал партизанчества—теперь он усиленно обсуждается в такой примерно плоскости: „Вопрос о том, возможна ли партизанская война при теперешних условиях военной техники и науки, не подлежит обсуждению. Когда народ чувствует потребность пойти в битву за правую идею, не за материальные достижения, теоретические рассуждения военного характера являются глупой болтовней... А если они не послушают нас, и если мы окажемся не в силах; если эти несчастные народы растопчут нашу свободу, разда-

вят нас, вырвут безвольными руками ростки будущей прекрасной жизни, втопчут нас в грязь и обесплодят наши жертвы — тем хуже для этих народов. Пока же мы должны довести дело до конца — организовать нашу Красную Армию на началах новой дисциплины". („Голос Революции № 174 от 26 февраля в статье „Партизанская война").

Здесь обращает на себя внимание и идеалистическая фразеология („битва за правую идею, а не за материальные достижения") и неверие в победу и отожествление Красной Армии с партизанской войной. Это несомненный регресс по сравнению с перво-февральскими статьями, с курсом на регулярную Красную Армию.

3 марта Советской Россией был подписан Брест-Литовский мирный договор. Украина должна была защищаться своими силами. Ясна была безнадежность борьбы. И настроение рабочих и более широких трудящихся масс резко меняется. Еще вчера полные энтузиазма и веры в близкую победу, в приход мировой революции, они сегодня отчаиваются во всяком сопротивлении, считая его совершенно напрасным и ненужным. Начинается быстрый спад революционной волны. Контр-революционеры всех мастей широко пользуются упадочным настроением и усиливают свою разлагающую работу. Попрятавшиеся „петлюровцы" вылезают из своих лесных берлог, формируют отряды и ведут наступление с тыла.

Революционные войска фронта при первых встречах с немцами ведут ожесточенные бои, переходя в неоднократные атаки и одерживая частичные успехи.

Еще 6 марта „Штаб Верховного Главнокомандующего" сообщал: По всей линии от Слободки до Знаменки идут ожесточенные бои с австро-германскими войсками и гайдамаками с переменным успехом. На правом фланге на линии Помошная—Знаменка советские войска разбили противника и гонят его к Бобринской. На левом фланге около Слободки сначала наши войска потеснили австро-германцев до Рыбницы, но те, получив подкрепление, вновь перешли в наступление. Балта была занята мелкими гайдамацкими отрядами, но подошедшие советские войска их уничтожили и вновь заняли Балту. Во время боя под Слободкой были попорчены броневые германские поезда".

Борьба эта велась исключительно силами частей, стоявших и прежде на фронте без поддержки тыла. Только Одесский отряд террористов выехал на позиции, сражался под Вапняркой, где потерял 28 раненых, но после боя и он покинул позиции и вернулся самовольно в Одессу, сообщив посредством печати, что „остатки 2-го Одесского отряда террористов, доблестно исполнившие свой долг перед революцией и родиной... прибыли в г. Одессу для отдыха и пополнения". Следует привести хотя бы выдержку из их заявления, необычайно живо характеризующее их облик:

Штаб Одесского отряда террористов просит отметить следующее:... „3. К Заведующим всем госпиталям. Штаб террористов извещает, что раненые члены нашего отряда должны быть приняты беспрепятственно во все лазареты, куда они направятся по своему усмотрению.

4. Штаб террористов извещает, что остатки 2-го Одесского отряда террористов, доблестно исполнявшие свой долг пред революцией и ро-

диной, после упорных и ожесточенных, боев прибыли в гор. Одессу для отдыха и пополнения.

5. Штаб террористов просит поместить список членов отряда, раненых в боях: Яблоновский, Сергеенко, Фегт, Камлет, Лугар, Шлайн, Рульков, Щепанский, Цейттленок, Коган, Соколов, Поляк, Лахман, Бойко, Головин, Калягин, Кошин, Толокин, Чернуха, Андриенко, Лопатка, Соколюков, Ленский, Кандлер, Фильковский, Кравчук, Солодуха и Беленький (Изв. Од. Сов. № 260 7 марта).

Но настроение в тылу все ухудшалось, а это не могло не оказать влияния на действующие части. Уже 7 марта „соединенное заседание всех Советов и Румчерода“ не состоялось „вследствие крайне малого числа явившихся членов Совета“. Раньше этого не бывало. Мелко-буржуазная трусливость заглянула в сердца многих советских работников: они были больше обеспокоены мерами по спасению своей личности, чем делами защиты революции. Только моряки старались показать себя боевыми и продолжали принимать не только революционные резолюции— „все до одного стать на защиту революции и ее завоеваний“, но и грозили разрушить город и „не оставить камня на камне“, если жители не будут защищать его.

Собственно идея эта была внушена Муравьевым на одном из митингов. Вот эта резолюция, принятая на об‘единенном заседании моряков:

„Марта восьмого дня 1918 г. 11 часов ночи. В виду угрожающего положения города Одессы мы, собравшиеся на линейном корабле „Ростислав“, решили защищать город от занятия его приближающимися бандами и требуем немедленного принятия рабочими и всем населением мер к защите:

1. Все до одного стать на защиту революции и ее завоеваний.

2. Не откладывать ни одной минуты и приступить к рытью окопов на подступах к Одессе. Если население Одессы бросит нас, моряков, в этот критический момент, то да возопиет кровь наших убитых товарищей и падет проклятием на тех трусов и изменников делу революции, которые не пожелают защищать свободу, добытую ценой нашей крови.

Мы, нижеподписавшиеся команды, обязуемся защищать город до последней капли нашей крови, и мы скорей разрушим его и не оставим камня на камне, чем отдадим в руки врагов, и пусть тот, кто не захочет стать на его защиту и бросит нас, борцов за свободу, пусть будет виной его разрушения.

Команды Линейных Кораблей „Ростислав“ и „Синоп“, посыльного судна „Алмаз“, эскадренных миноносцев „Звонкий“, „Завидный“, „Жаркий“, „Живой“, „Зоркий“, бригада траления, Гидро-катер „Румыния“, Средства высадки, Учетная канцелярия транспортного флота, Партизанский Черноморский отряд, Школа мотористов, Транспорт, № 147 „Добыча“, отряд Гидро-авиации.

Председатель общего собрания Федоров

Секретар Бойко“.

Собственно говоря, морякам нечего было терять,—да и пути к примирению с контр-революцией у них были отрезаны. Матрос в при-

морских городах был синонимом большевизма. Еще незадолго перед этим в самый разгар войны с Румынией, бывший главнокомандующий войсками Румынского фронта генерал Щербачев грозил перестрелять всех матросов до единого, обещая за голову каждого убитого русского матроса платить по 1000 руб. Этот факт был широко известен матросам и некоторые команды даже обсуждали этот вопрос. В одном из номеров одесских газет находим, например, следующую заметку:

„Генерал Щербачев отдал приказ по румынским и украинским войскам, находящимся под его руководством, о том, что за голову каждого убитого русского матроса будут платить по 1000 руб.

Команда миноносца „Счастливый", обсудив этот приказ, нашла, что таковая цена является дешевой, и что они в свою очередь за каждого матроса убьют 50 контр-революционеров румын".

Да и положение флота было более безопасное, чем сухопутных войск: на Черном море полное господство было в руках Красного флота.

Аналогичные резолюции принимались и другими воинскими частями. В № 185 „Голоса Революции" (10 марта) находим резолюцию 1-го Одесского Драгунского полка Красной Армии" за подписью комиссара кавалерии Перпера с призывом о защите революции. В ответ на оживление деятельности контр-революционеров, начавших подымать голову и даже подстреливавших ответственных работников (так, 5 марта был убит комиссар одного из отделов штаба тов. Черкунов), и оживление буржуазии, революционная часть рабочих, а особенно моряки требуют „мобилизовать всю буржуазию для рытья окопов" и контрибуции и потребовать от них внести в Чрезвычайный Революционный Штаб в течение 48 час. 20 миллионов рублей",—как говорит резолюция „общего собрания военных моряков совместно с боевой дружиной левых социалистов-революционеров".

Еще более решительны заявления анархистов.

В № 183 „Голоса Революции" от 8 марта помещено воззвание Одесской Федерации анархистов против контр-революционных элементов гор. Одессы, которые „начинают вылезать из своих нор" и проти „социалистического отродья" (меньшевиков и правых эс-эров) с заявлением, что „всякая попытка контр-революционных элементов к реставрации старого порядка встретит самый решительный вооруженный отпор со стороны анархистов". Подписано Одесская федерация анархистов-коммунистов, анархистов синдикалистов, анархистов завода Анатра, анархистов союза моряков торгового флота, анархистов кожевников, анархистов фабрики Попова, Пересыпского района, Полей орошения, анархистская боевая дружина и советская фракция анархистов".

Но угрозы буржуазию не пугали—они считали уже дни, когда немецкие войска займут Одессу, а рабочих только отталкивали.

8 марта произошла забастовка рабочих типографии, где печатались газеты „Известия Одесского Совета" и „Голос Пролетария". Забастовка произошла вследствие агитации социал-соглашателей членов городской думы, только не задолго перед этим разогнанной Советской властью. Это был предательский нож в спину уже уходившей Советской власти.

В эти дни и Советские власти города Одессы стали терять голову, бросаясь от одной меры к другой. Опять усилилась организационная сумятица и несогласованность.

Комиссар организационного отдела штаба округа тов. Серебрянников пишет и публикует 6 марта новую „инструкцию по формированию добровольческой рабоче-крестьянской красной армии“, в которой устанавливает целую революцию в области организации первичных аппаратов по записи добровольцев и формированию отрядов, возлагая эту работу на земельные комитеты, которые „выделяют из своего состава равно и приглашают особых лиц для организации и формирования Красной Армии“. В первых числах марта в г. Одессу является „Уполномоченный Всероссийской Коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии на юге России, тов. Гусарский“, который, не учитывая ни обстановки на фронте и в области, ни уже проделанного почти двухмесячного опыта строительства регулярной Красной Армии, а только опираясь на инструкции Всероссийского центра, начинает сызнова и параллельно уже существующим органам об‘являть о приеме добровольцев в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, создавать свой отдельный и независимый аппарат, который помещается на Итальянском бульваре вдали от других органов Советской власти.

В это время Муравьев покидает Одессу. Лазарев, командуя 3-й армией, об‘являет себя высшей военной властью и диктует приказы штабу округа, который их не исполняет. Отдельно организуется штаб обороны г. Одессы. 4 марта—Об‘единенное заседание исполнительных комитетов при закрытых дверях обсуждает доклад т. Гусарского о мерах по обороне г. Одессы и постанавливает „организовать единый чрезвычайный революционный штаб г. Одессы и Одесской области“, который является исполнительным органом, проводящим в жизнь постановления, выносимые соединенными Исполнительными Комитетами Советов и ЦИК Румчерода.

Между прочим уже на этом заседании часть членов Советов устами Гильдина заявляет, что „нужно не оборонять Одессу, а только охранять ее от погромов. Надо считаться с апатией масс, забывших свой революционный долг. Сражаться должна не одна Одесса, а вся революционная Россия“. Тов. Гильдину возражал тов. Раковский, который никак не хотел уступить контр-революции без боя.

9 марта происходит последнее об‘единенное заседание всех Советов, которое особенно ярко показало, как глубоко проникло упадочное настроение в среду рабочих и даже коммунистов, и которое вообще показало, какие настроения господствуют среди различных групп трудящихся. Матросы и очень немногие и главным образом неимеющие значения группы рабочих (представители сахарного завода Александрийского Т-ва, Союза смотрителей дворов, завода Беллинга-Фендерих и пекарей) заявили готовность защищать Одессу с неизменной угрозой по адресу остальных (пекари обещали не давать хлеба). Но эти голоса тонули в массе остальных рабочих (железнодорожники, металлисты, рабочие и служащие порта, завод Анатра, городские скотобойни и т. д.), к ним же примкнул Совет Военных Депутатов—частей Одесского гарнизона старой армии, еще не успевших демобилизоваться.

Часть советских руководителей признавали невозможность обороны Одессы. Не мирился тов. Раковский, который в горячей речи призывал исходить не из интересов Одесских рабочих, а всего Российского пролетариата и русской революции. Он приглашал оставшихся верными

революции продолжать борьбу. Его, повидимому, не совсем поняли, и, вопреки своему внутреннему убеждению, заседание постанавливает об'явить всеобщую мобилизацию всего взрослого здорового населения.

Это историческое заседание несомненно представляет такой большой интерес, что мы считаем нужным привести даже те отрывистые выдержки, которые сохранились о нем в различных одесских газетах:

„На очереди вопрос о положении Одессы. Докладчик Старостин подробно останавливается на общем положение фронта. До сих пор положение считалось почти безнадежным, но сегодня положение изменилось. Наши отряды 3 армии заняли Балту и находятся почти у Слободки. С другой же стороны противник уже на станции Затишье, и если не будет предпринято самых решительных мер, то к завтрашнему вечеру мы можем иметь неприятеля. Сюда двигаются только наемники Рады. На это указывает радио-телеграмма Макензена с запросом, когда будут открыты русские порты Черного моря. Оратор призывает Одесский пролетариат высказаться о настроении рабочих масс".

После доклада тов. Старостина говорит тов. Лазарев: „Я пришел поставить вопрос: в одной полосе с нами, вы, или против? Ваши товарищи крестьяне проливают кровь. 3 армия бежала, не будучи в силах дать отпор австро-германским войскам. Я просил подкрепления, но вы мне не дали. Одесса не встала на высоту, она выслала нам подонки".

Большинство ораторов хотя и высказывается за всеобщую мобилизацию, однако, тут же заявляют, что масса итти явно не хочет, что многие прикрываются нейтралитетом. Замечательно выступление представителя завода Беллинг-Фендериха с сообщением о том, что общее собрание завода единогласно постановило—поголовно вооружиться и приостановить работы, в виду появившейся опасности, грозящей городу. Представитель пекарей заявляет, что, если рабочие города не будут защищать, то пекаря им хлеба не дадут.

От матросов тов. Кондренко предлагает закрыть все заводы и пойти завтра отстаивать Одессу от гайдамаков.

Один из представителей рабочих сахарного завода Александрийского т-ва заявляет, что рабочие на высоте положения. Представитель железнодорожников говорит „на наши мастерские смотрят как на авангард рабочего класса. Они изменили теперь рабочему делу. Раньше на заводах было настроение хорошее, теперь, когда положение меняется, они становятся какими-то нейтралитетчиками". Другой представитель железнодорожников заявляет, что он скажет всю правду. „Дух ослабел и буржуазия вводит раздор и смуты в рабочие массы".

От служащих Одесса-Порт представитель заявляет, что в их организации большое влияние имеют всякие соглашатели.

Представитель завода Анатра сообщает: „У нас течение таково: на вопрос, будут ли они защищать революцию и как, они ответили: мы не пойдем, мы будем защищать Одесские кварталы, если нужно будет.

Представитель от городских скотобоен сообщает: „Они говорят, что нечего воевать, ибо мир подписан. Они все сыты и пока не будут голодны не почувствуют пролетарского горя".

Представитель смотрителей дворов заявляет, что они все пойдут на защиту революции.

От союза металлистов (15.000): „Наша революция разменена на деньги. Идут в Красную Армию и торгуются: просят за месяц, за три месяца вперед“.

Тов. Воронский делает сводку всех сообщений: „Перед нами был поставлен вопрос, пойдет ли Одесский пролетариат на защиту Одессы, и мы получили вполне определенный ответ: нет, не пойдет! Одессу защищать нельзя!

Во всеобщую мобилизацию я не верю. Нужно только обеспечить отход нашей армии“.

От имени матросов т. Кондренко заявляет, что все должны пойти под ружье, иначе их заставят... Если железнодорожники устроят саботаж, то ни одного паровоза не останется. Вы не получите хлеба. Утром завтра все рабочие должны пойти, иначе посчитаемся с вами „по-матросски“.

Тов. Раковский говорит: „Наше лишнее слово может стоить жизни невинных людей. Я во всех разговорах слышал только об Одессе, но есть более важный вопрос о Русской Революции. Для Русской Революции не безразлично настроение Одесского пролетариата. Надо сказать правду. Рабочие продались буржуазии, даже если бы в лице социалистов-оборонцев. Анатровцы выпустили аэропланы над банками для защиты банкиров, нам же не дали ни одного аэроплана и ни капли бензина. Положение тяжелое, но не надолго. Приглашаю отдельных революционеров, не взирая на общее настроение, защищать Одессу“.

Совет Военных Депутатов настаивает на голосовании резолюции о необходимости посылки делегации к противнику. Предложение отвергается. Ставится на голосование предложение о необходимости призвать все здоровое население под ружье. Принимается.

Тов. Евдокимов сообщает, что Совет Военных Депутатов, обсудив вопрос о текущем моменте, постановил, что политика народных комиссаров поведет страну к гибели. Гибельная полоса диктатуры должна быть прекращена. Нужен немедленный созыв Учредительного Собрания.

Что могла дать принудительная мобилизация, когда у Одесского пролетариата не было необходимой воли к борьбе и достаточного классового сознания, да еще при полном развале организационных аппаратов. Для проведения мобилизации была организована секция Чрезвычайного Революционного Штаба, которая 12 марта выпускает приказы № 1 и № 2 о мобилизации 12 марта с 7 часов утра граждан в возрасте от 18 до 30 лет, а 18-го марта—граждан от 30 до 45 лет.

Тогда же сообщается о том, что „взамен бесчисленных властей, существующих ныне в городе, образуется Верховная коллегия в составе следующих лиц: Краузе, Юдовский, Брашеван, Лермонтов, Зайцев и один представитель от товарищей моряков. Командующим всех войск, защищающих Одессу, назначается тов. Лазарев, начальником штаба тов. Смирнов, Совнарком всецело подчиняется этой коллегии и исполняет все ее распоряжения“.

Это уже была агония Советской власти. Проведение мобилизации несомненно было возвращением к методам импровизации в духе первых шагов „секции по организации народно-социалистической гвардии“. В самом деле, какой в мире аппарат мог бы так импровизованно справиться с мобилизацией в два дня всего взрослого населения полумил-

лионного города, т. е. принять сразу до ста тысяч человек. Никаких из‘ятий по классовому положению не было сделано. Начало явки было назначено раньше, чем газета вышла из печати („7 часов утра“). Это был самый глупый акт, какой только можно было придумать в то время. Он может быть об‘яснен только необычайной растерянностью Советской власти, совсем потерявших в организационной сумятице свою голову. Последствия сказались на следующее же утро. На Куликовом поле „мобилизованные“ устроили, как писали газеты, „грандиозную демонстрацию протеста против войны“. „Демонстранты кричали „долой войну“. Многие ораторы выступали с речами, в которых приказ о всеобщей мобилизации подвергался самой ожесточенной критике“.

Матросы и солдаты, настаивавшие на этой мобилизации, сами стихийно взялись за оружие. „В 12 часов утра,—описывают дальше газеты, — на Куликовом поле появился отряд вооруженных солдат и матросов, которые после сделанных толпе предупреждений произвели несколько залпов в толпу. Последняя немедленно рассеялась, оставив несколько раненых людей“.

Так, накануне ухода Советской власти произошло вооруженное столкновение между двумя группами „пролетариата“ (газеты сообщали, что „среди демонстрантов преобладали малосознательные рабочие и солдаты“). Само собою разумеется, что контр-революционеры широко использовали эти столкновения. Буржуазия приветствовала демонстрантов. Лично я был свидетелем одной картинки у кафе „Робина“ часа в 4 дня. В это время в г. Одессу на мотоциклетах прибыли немецкие парламентеры с предложением сдачи города. Гулявшая по улице буржуазия столпилась у Румчерода, устроив демонстрацию с требованием мира, но при первом появлении вооруженных матросов разбежалась по окрестным улицам дворa и кафе. Кое-кто из них был побит, кое-где пострадали окна кафе.

Соглашение с парламентерами не было достигнуто. Все же сопротивления под Одессой почти не было. Немецкие отряды с района Раздельной пошли прямо на восток на перерез линии железной дороги, идущей из Одессы на Вознесенск. Часть войск 3 армии пошла на Знаменку, упорно отбиваясь от наседавших немцев и гайдамаков. Другая часть—главным образом войска, расположенные в г. Одессе и у Днестровского лимана, погрузились на пароходы.

Последних было собрано до 80-ти. Были подняты пары на многих старых уже забракованных пароходах. Тут надо отдать должное матросам. Они оказались на месте и своей энергией весьма способствовали эвакуации всех советских и партийных работников Красной Гвардии и войск. Погрузка на пароходы началась за много дней (дней за 10) до сдачи Одессы и производилась ночью, когда обыватель не мог выходить на улицу. В общем эвакуация для того времени была произведена достаточно удовлетворительно.

Командование флотом с „Алмаза“ руководило движением каждого парохода, стоящего на рейде, угрожая при малейшем ослушании потопить снарядами тяжелых орудий „Синопа“ и „Ростислава“.

13 марта вышли последние советские газеты. 14 вышел экстренный листок. Ночью на 15-е, когда в одной части города еще громыхали советские грузовики, грузившие последние группы семейств и работни-

ков, в другую часть города входили отряды австро-германских и гайдамацких войск, а в Одессе начались выступления отдельных белогвардейских партизанских отрядов. Утром 15-го противником была занята большая часть города, но порт оставался советским, где заканчивалась погрузка последних отрядов советских войск. В это время на Ланжероне, Пушкинской улице, около Городской думы и в других местах города шел уличный бой. Два раза наши части отходили в порт и снова переходили в атаки, чтобы отогнать от порта противника, назойливо мешавшего погрузке на пароходы, и занимали окружающие склоны высот. Над пароходами носились неприятельские аэропланы, встречаемые гулким рокотом пулеметов, орудий и винтовок с пароходов. С Ланжерона тарахтел белогвардейский пулемет, злобно плевавший свинцом в морские волны. Длинной цепью, растянувшись до самого горизонта, уходили советские пароходы по взмыленным волнам Черного моря, бросая прощальные взгляды на покидаемую Одессу. Многие говорили: „Если Советская власть уходит из Одессы такой мощной вереницей пароходов, то рано или поздно она должна вернуться в Одессу“.

Так мы уходили из Одессы.

13. Заключение.

Главной чертой строительства вооруженных сил Советской Одесской области за этот период является раздробленность, распыленность, децентрализованность этого строительства. Попытки об‘единения всего военного строительства штаба фронт-округа, который ясней всех понимал необходимость централизации военного дела, не привели к полной централизации, во-первых, потому, что историей не было отпущено достаточно времени для этого, во-вторых, рабочий класс г. Одессы еще не сознал необходимости регулярной Красной Армии. Он уже начинал понимать необходимость координированного действия всех частей красных войск, но решительно не признавал права вмешательства штаба фронт-округа в дело внутреннего строительства Красной Гвардии, которая сохранила свою полную организационную самостоятельность и обособленность. Штабу фронт-округа в некоторой степени удалось об‘единять революционные отряды фронта, у которых осталась еще старая армейская выучка. Таким образом, в течение всего периода Советской власти в Одессе, рядом раздельно существовало две линии строительства — две армии: Красная Гвардия и революционные отряды фронта.

Первая—была непосредственно выражением вооруженной силы пролетариата, еще только что приступившего к ее строительству, не имеющая ни необходимого опыта, ни военной выучки, ни военных знаний.

Вторая охватывала более широкую массу трудящихся, была вооруженным союзом рабочего и крестьянина. Но роль рабочего класса в ней не была достаточно руководящей. Политическое руководство этой силой проводилось не только коммунистической партией, но союзом партий, „стоящих на советской платформе“. Зато она унаследовала военную выучку и военные знания. Она уже становилась регулярной армией. В ней в зародыше мы отмечаем все основные принципы строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии в том виде, как они сложились те-

перь за исключением главного, решающего фактора: идеи диктатуры пролетариата. Только связь Красной Армии с пролетариатом, только руководящая роль последнего в строительстве Красной Армии делает ее Рабоче-Крестьянской Красной армией, как органа диктатуры пролетариата.

Эта идея и тогда уже чувствовалась, высказывалась некоторыми товарищами, но недостачно ясно, недостаточно четко и определенно. Большое влияние в смысле задержки прояснения этого пролетарского сознания оказала сама неопределенность, нечеткость Советской власти в Одессе, в организации которой недостаточно решающим было руководство со стороны коммунистической партии. Из ряда примеров видно, что левые эс-еры со всей их путанной идеологией (я не говорю об отдельных личностях, бывших редким исключением среди них), даже меньшевики с их ясной антикоммунистической позицией—имели влияние на вооруженную борьбу Советской власти с ее врагами, сеяли сомнения, плодили колебания в таких вопросах, где требуется особенная ясность, решительность, определенность.

Итак, было две силы—одна сила Одесского пролетария, отражавшего все его качества не только положительные, но и отрицательные. К числу последних относится политическая неустойчивость Одесского пролетария, чистая южная экспансивность, нервность и быстрая смена настроений. Дружно проведя восстание, Одесский пролетарий не менее дружно отозвался на призыв к борьбе с румынской контр-революцией, угрожавшей Одессе, но необходимой настойчивости в кропотливом строительстве вооруженной силы, в подготовке и довершении борьбы у него не оказалось. Он не послал необходимых отрядов на фронт, предоставленный исключительно слабым силам отдельных революционных отрядов фронта.

Наконец, третьей вооруженной силой, опять же недостаточно связанной с этими двумя группами, была Красная гвардия, пришедшая с Муравьевым.

Ее зародышем были отряды Красной гвардии Питера и Москвы, решительные, находчивые, полные высокого революционного энтузиазма. Эти качества дали им победу в боях гражданской войны. Но в процессе этой борьбы они быстро перерождались. Оторванные от своих социальных баз—рабочего Петрограда и рабочей Москвы, они наполнялись самым разнообразным элементом; местными отрядами рабочих освобождаемых ими городов, безработными, искавшими куска хлеба, люмпен - пролетариатом и др.

И именно на этих отрядах Красной Гвардии особенно ярко сказались все отрицательные черты децентрализма. Децентрализация способствовала рассасыванию пролетарских элементов среди приставших к ним разнородных групп, пролетарии поддавались в конце концов влиянию мелко-буржуазной идеологии.

Не в меньшей степени оказало вредное влияние отсутствие организационного руководящего политического аппарата. Лишний раз отряды Красной гвардии, сколоченные вначале из лучших элементов рабочего класса, своей историей показали роль компартии в революции. Эти отряды Красной гвардии пришли в Одессу уже значительно разложенными. Они принесли с собой необычайную революционную активность, подвижность, решительность, энтузиазм, передали часть этих качеств и рево-

люционным отрядам фронта, но вместе с тем они принесли с собой такое бесчинство, своеволие, разнузданность, увенчанное авторитетом Муравьева, что этим не мало содействовали отходу от революции отсталых и мало сознательных пролетарских масс Одессы. Вместе с этим им не удалось об'единить организационное строительство Красной армии. Да этот вопрос и не ставился никогда в отрядах Муравьева, как вопрос классовой политики. Наоборот, со времени приезда Муравьева в этой области мы имели явно заметный регресс.

Вместе с этим отряды Муравьева все же были нерегулярными отрядами. Отсутствие военных знаний и военной выучки они покрывали революционным порывом и политической сознательностью. Когда последние качества по мере разложения отрядов стали улетучиваться, эти отряды перестали быть боевой опорой.

Полуторамесячный опыт строительства Красной армии в Одессе дал уроки и в области организации командного института. Он показал необходимость привлечения более широких масс и более опытных военных специалистов, а вместе с этим необходимость разделения военно-оперативной от военно-политической работы, необходимость одновременного существования и института „военруков" и политического аппарата, но взаимоотношения между ними еще не успели вылиться в более или менее определившуюся форму.

Значительно больше выводов этот опыт дал в области формирования вооруженных сил. Здесь уже вполне определенно было признано необходимым от системы добровольчества перейти к системе обязательной воинской повинности. Первые опыты по мобилизации рабочих для Красной Гвардии еще дали кое-какие результаты, зато основная мобилизация накануне падения Одессы дала урок, как не надо производить мобилизаций: без политической, во-первых, без самой тщательной организационной подготовки, во-вторых.

Небольшая крупица в опыте строительства Красной Армии, помогшим построить ее остов, есть и от полуторамесячного опыта в Одесской области и поэтому можно надеяться, что исследование этого периода не будет лишним материалом в изучении истории строительства нашей Красной Армии.

А. Кривошеев.

Октябрь на юге [1]).

Я постараюсь изложить все, что делалось на юге со дня февральского переворота в 1917 году и до того момента, когда пришли на юг немцы и началось наше отступление,—короче говоря—до 8-го марта 1918 г.

Если в центре перевороты совершались так быстро, что за ними нельзя было угнаться, то в провинции, на окраинах, делалось все это очень медленно, неумело, подчас, без всякого плана и общей связи.

Если же еще учесть отсталость масс украинской провинции, где пролетариата много меньше, чем в центрально-промышленных районах, то станут вполне ясным и те большие ошибки, которые нами там делались и их причины.

Черноморский флот.

1.

Черноморский флот в старое время считался революционным. Там еще не успели угаснуть идеи лейтенанта Шмидта, Матюшенко, Частника, Масленникова и других. Но к началу февральской революции, все это было настолько вытравлено из матросской среды особой системой „царского воспитания", что когда началась революция, то почти не

---

[1]) Воспоминания т. Кривошеева, по сообщаемым материалам, рисующим этапы борьбы за власть советов на юге России, представляют несомненный интерес; однако, слишком суб'ективное изложение фактов в значительной степени уменьшает их историческую ценность.

Чрезмерный суб'ективизм автора мешает ему дать точную историческую картину того, как назревал и созрел Октябрь в Донбассе, Одессе и Екатеринославе. Автор ничего не говорит о том, что до его приезда в Екатеринослав и Одессу делалось местной организацией РКП, профсоюзами и др. организациями, в той или иной степени работавшими в направлении борьбы за власть Советов.

В настоящем сборнике напечатана статья тов. Л. Дегтерева „Румчерод и организация Красной Армии", дающая известное представление о том, какую роль, какие факторы играли в Одессе в процессе борьбы за власть Советов. Ознакомление с этой работой даст читателю более полную картину того, что происходило в тот период в Одессе.

В отношении Донбасса и Екатеринослава редакция надеется, что товарищи-участники тамошних Октябрьских событий своими воспоминаниями дополнят пробелы в работе тов. Кривошеева. **Редакция.**

нашлось матросов, которые хотя бы как-нибудь умели об'яснить свои задачи, т. е. первоначальные и последующие этапы революции. Для нас было ясно только одно: свергнут кровавый Николай и, значит, будет некоторое послабление в военном режиме, затем, очевидно, можно будет свободно защищаться от неосновательных нападок начальства.

Этим, пожалуй, и исчерпывался небольшой горизонт тех чаяний, которые намечали себе моряки.

О большевиках в то время среди матросов и понятия еще никто не имел, и это создало такое положение, что вождями февральской революции стали не массы, а тот же офицерский состав и часть севастопольской буржуазии, попавшей в первый Исполком через бывшую цензовую думу...

Теперь, т. е. в 1923 году, когда вспоминаешь все эти этапы, то становится смешно от всей той неразберихи и беспомощности, которые царили первое время на юге. Но тогда это было в порядке вещей. Думаю, что такое же явление имело место и во многих других районах.

Весть о свержении Николая Романова попала, конечно, первоначально не к массам, а к командующему флотом адмиралу Колчаку.

По получении известия о перевороте, он немедленно поднял сигнал на флагманском корабле приблизительно следующего содержания:

„Адмирал приглашает всех командиров отрядов, судов всех трех рангов, командующих отдельными дивизионами, командира и помощника порта, начальника гарнизона и командующего крепостной артиллерией, всем явиться не позже двух часов дня для секретного совещания".

Я заранее оговариваюсь, что неточности в изложении всяких документов будут, но смысл их передаю верно, так как в моей памяти все, что переживалось мной лично, очень хорошо запечатлелось.

Таким образом, к двум часам дня у командующего собрались все начальствующие лица, которым адмирал прочитал телеграмму Родзянки и предложил следующее: „тот, кто не может примениться к новому строю, обязан немедленно подать прошение об отставке; те же, которые присоединятся, должны здесь же у меня оставить о сем письменные заявления. Что же касается лично меня, то я не только подчиняюсь новому строю, но и приветствую его".

Из нежелающих оказались только адмирал Новицкий и, если мне не изменяет память, адмирал Петров-Чернишин. Все остальные присоединились.

После этого командиры раз'ехались по своим кораблям для того, чтобы прежде всего предупредить всех офицеров, и второе—ждать сигнала с флагманского корабля с поздравлением офицеров и команд с происшедшим переворотом.

Таким образом, быть провозвестниками революции,—инициатива попала в руки офицеров.

Не позже трех часов на флагманском корабле взвился сигнал, приблизительно гласивший нижеследующее:

„В Петрограде—революция; Николай II Романов свергнут; власть перешла к избранной народом Государственной Думе; поздравляю г.г. офицеров и команды с грядущей революцией.

Команды вызвать „во фронт", всем об'яснить сущность и значение переворота, в дальнейшем все пока остается по старым уставам до ука-

зания центра, самое же главное—это спокойствие, дабы темные силы не попытались сделать покушение на завоевания революции".

На следующий день уже был избран Исполком, но не пропорционально—матросов и офицеров, а по одному матросу и по одному офицеру с корабля, при чем не со всех кораблей, а из насчитывающих известное количество команды, остальные выбирали от отряда по одному представителю.

Таким образом, Исполком оказался состряпанным, чуть не в один день, при чем в нем не было ни рабочих, ни крестьян, т. е. фактически это был Исполком военщины, так как в него, кроме представителей флота, вошли еще и представители крепостной артиллерии и гарнизона, Брестского и Белостокского пехотных полков. Впоследствии, туда попал еще от Думы гражданин Зорохович, кажется, этим и закончились выборы Исполкома.

Из офицерского состава в него вошли: лейтенант Левгофт, Ромушкевич, Сегаль; из сухопутных, помню только полковника Верховского (впоследствии военного министра Керенского) и прапорщика Невского.

По прошествии двух-трех дней проснулись и рабочие, во главе которых стали социал-демократы т.т. Васильев, Сигачев, Мальков и Марченко.

Необходимо сказать несколько слов о взаимоотношениях между матросами и офицерами, попавшими в Исполком.

Матросы не успели освоиться с новой ролью правителей: зная по рассказам старых матросов, как погибли Матюшенко, Частник, Шмидт, Масленников и прочие, они находились, вне всяких сомнений, под впечатлением неуверенности в окончательной победе революции, поэтому работы в Исполкоме велись до смешного нелепо. Так, напр., матросы не отвыкли еще козырять, и когда какой-либо офицер обращался к матросу со словом „товарищ", то последний подбегал и по старой привычке козырял, потом опускал руку и конфузился; краснел и офицер, просил не делать этого, а помнить, что они теперь равноправные; одним словом, офицеры скорей приспособлялись к новому положению, нежели матросы.

Все занялись, конечно, мелочами, только Колчак мелочами не занимался, а занялся действительно серьезными делами. Первое: он немедленно издал приказ о том, что Исполком является высшей властью гражданского управления города и крепости, равно, как и в военном отношении, но командование остается в руках штаба и никакие вмешательства со стороны Исполкома в оперативные дела штаба не могут быть допущены, при чем действия его, как командующего, и его штаба не могут быть контролируемы, ибо это создаст медлительность в отдаче распоряжений. Взамен этого он, командующий, по желанию, может делать секретные доклады Президиуму Исполкома о положении на море.

Второе: арест офицеров за старые неправильные действия, равно, как и за злоупотребления, может осуществлять Исполком, но с его ведома, или ведома того начальника, которому подчинен подлежащий аресту офицер, при чем для ареста офицера должен подписываться ордер, кроме Исполкома, и соответствующим начальником, а сам арест офицера должен

быть осуществлен тоже офицером, так как арест офицера матросом или солдатом не соответствует офицерскому достоинству.

Вот те из основных и первых распоряжений, которые отдал Колчак после февральской революции. Назвать их неудачными в смысле защиты дворянства, пожалуй, нельзя. Но революция прорвала плотины и, конечно, не старыми излюбленными методами можно было остановить великие грядущие события.

Рабочие Севастопольского порта собрали свое совещание по инициативе вышеуказанных лиц, где немедленно решили сорганизовать свой Исполком с участием рабочих и гражданского населения, привлекши туда и все воинские части, как моряков, так и сухопутных, всех родов оружия.

Немедленно были проведены выборы по цехам Севастопольского порта, от гражданского населения Севастополя и воинских частей; таким образом, рядом с первым, создался и второй Исполком.

Первый занял помещение на Нахимовском проспекте, а второй поселился на Приморском бульваре; в первые же дни работы сразу стало ясно, что второй Исполком есть действительно отражение масс и в своей практической работе. Он был жизненней, нежели офицерский; в него вошли все вышеуказанные лица, как партийные лидеры, и, кроме того, он пополнился большим количеством рабочих.

Новый Исполком отдал распоряжение о том, что для рабочих и гражданского населения распоряжения первого Исполкома не обязательны.

К этому времени появилось распоряжение Военного и Морского Министра Гучкова о приведении войск и гражданского населения к присяге Временному Правительству; рабочий Исполком, получив это распоряжение, дал циркулярное предписание населению и рабочим от присяги воздержаться до получения более конкретного указания от Петроградского Исполкома. Старый Исполком попытался было этот акт осветить в печати, как что-то противо-революционное, но этим только больше подорвал свой авторитет, так как на его сетования никто не обратил внимания и не посчитал их серьезными.

После этого случая в руках старого Исполкома осталась только эскадра, да и то не вся; часть судов, которые не могли послать своих представителей в первый Исполком, благодаря системе выборов Колчака, послали во второй. Сюда дали представителей и все экипажи. Я тоже прошел в этот Исполком от кондукторов флота команды крейсера „Прут“ (быв. турецкий „Меджидие“). Городская Дума дала в этот Исполком прогремевшего в свое время гр. Баткина, на котором пытался выезжать Колчак, посылая его на фронт, в Петроград и во все концы, где рабочие начинали наступать на деятелей контр-революции и буржуазии.

Старый Исполком, видя как у него ускользает почва из-под ног, и чувствуя неизбежность столкновения, могущего повести за собой кровопролитие, предложил нам назначить совещание по вопросу о ненормальности существования двух Исполкомов.

Старому Исполкому настолько было нежелательно расставаться с захваченной властью, что совещание длилось ровно два дня и в результате было решено слиться.

После слияния был пополнен президиум из наших представителей и, вообще, были распределены все члены рабочего Исполкома.

6

Работать практически было еще почти некогда, так как первая волна революции еще не успела отхлынуть и в городе непрестанно шли манифестации, где неизбежно должны были присутствовать и члены Исполкома. „Лозунги“ того времени были „равенство и братство“, народ ликовал, а начальство думало, что все, что ему надо—достигнуто. Надо сознаться, что немногие и из нашей среды эти иллюзии тоже считали за завоевания. Да и как же не завоевания, когда командир судна дает руку матросу; больше того: на берегу, встречая своего унтер-офицера или просто матроса, командир первый козыряет, и доходит до того, что знакомит со своей женой, дочерью и даже предлагает пройтись вместе!

2.

Попав в Следственную Комиссию, (я был к тому времени уже шкипером, и знал все проделки портового начальства, где царило взяточничество),—немедленно принялся за эту отрасль.

Злоупотреблений было так много, что их совершенно не приходилось и разыскивать, а они сами об‘являлись со всех концов, одно громче другого.

В порту был поставщик матросской обуви, который, вместо шитья ботинок, закупал по заводам товар по казенной цене, получал вагоны и, перевозя в другие города, продавал этот товар по вольным ценам, а затем снова закупал. Прибыль он делил с командиром порта генералом Петровым. В течение трех месяцев этот делец составил кругленький капиталец—до миллиона рублей. Купил дачу и продолжал дальше свои грязные операции. Освобождал целую кучу других спекулянтов от военной повинности, беря их на учет, как работающих у него в мастерской. Все это он проделывал, делясь прибылями с командиром порта генералом Петровым, а последний ставил свою „визу“ на все необходимые документы.

Этим я и занялся прежде всего. Просмотрев дела и договоры по этим поставкам, я немедленно предложил Петрова арестовать до окончания следствия. Следственная комиссия со мной согласилась и Колчаку немедленно было предложено подписать ордер об аресте Петрова. Колчак запросил, на каком основании Исполком хочет арестовать Петрова; я ему ответил, что это дело пока секретное, которое нельзя разглашать, так как часть преступников может успеть скрыться, поэтому арест должен быть произведен немедленно. Колчак на мое требование заявил следующее: „Если бы генерал Петров был уже осужден, то я не колеблясь подписал бы не только ордер на арест, но и нечто большее, до смертного приговора включительно, но так как Петров еще не осужден, то арест его я считаю незаконным. Если же Петрова Исполком желает арестовать, рассматривая арест, как меру пресечения, то с этим он (Колчак) опять-таки несогласен, так как еще нет конкретных данных о том, что Петров причастен к злоупотреблениям. Если же Петрова хотят арестовать для того, чтобы он не совершил побега, то и в этом отношении—Петров—старый заслуженный генерал и никуда не убежит. Если этого мало, то я, наконец, как командующий, могу взять генерала Петрова на поруки“.

Тогда я задал ему вопрос: „Значит, вы отказываетесь подписать ордер?“ На что Колчак ответил: „ордер незаконный и я его не подпишу“.

„Хорошо“, ответил я, „знайте, адмирал, что Петров так или иначе, но будет сегодня же арестован“. На этом мой разговор и окончился.

Вернувшись в Исполком, я в возмущенном тоне доложил о действиях Колчака; Следственная Комиссия решила потребовать ареста Петрова. Председатель комиссии лейтенант Левгофт приказал созвониться с Колчаком по телефону и сообщить, что постановление Комиссии не отменяется, и что комиссия арестует генерала Петрова вопреки протестам командующего и просит немедленно назначить и выслать в Исполком для проведения этой меры офицера согласно приказа о том, что офицера арестовывает только офицер.

Когда я вторично стал звонить к Колчаку, то на корабле его уже не было, а был только начальник штаба Смирнов, который соединил меня с квартирой Колчака, и я снова передал ему требование комиссии и просил прислать офицера. Колчак, выругавшись по телефону, бросил трубку.

После такого ответа, лейтенант Левгофт сам написал ордер, сам же его и подписал и через час генерал Петров был нами взят и посажен в Михайловскую крепость.

Таким образом, начиналась некоторая расслоенность в единодушии между Колчаком и Исполкомом, а тем самым между матросами и офицерами.

Колчак в отместку отдал приказ о списании лейтенанта Левгофта с эскадры в экипаж, т. е. на берег, как непригодного офицера, что морально убивало Левгофта, как честного и лучшего из офицеров.

Узнавши об этом, мы составили протест и, проведя его через Исполком, потребовали возвращения Левгофта на эскадру. Правда, это было с нашей стороны не совсем законное требование, так как мы действительно не имели права вмешиваться в оперативные дела эскадры, а стало быть и в вопросы перемещения командного состава. Но Колчак, видя, что далеко зашел, на этот раз не стал с нами спорить и приказ свой отменил, не взирая на то, что в данном случае он был прав, хотя бы формально.

Через несколько времени в Петрограде Гучкова „ушли“ с поста военного и морского министра.

Черноморский флот получил об этом извещение, и Колчак первый явился в Исполком с докладом о том, что ему Гучков известен, как человек редкого ума и как противник царского режима. Поднялись кучи ораторов, не только со стороны офицеров, но и матросов и немедленно был составлен протокол о том, что Черноморский флот протестует против снятия Гучкова с поста министра. Тут же была составлена телеграмма и послана в Петроград.

Делу это, конечно, не помогло, просто потому, что Петроград действовал больше через Исполком, который был авторитетом для рабочих и последние заявили, что, очевидно, „там виднее“ и необходимо подчиниться. Тем и кончилась шумиха против снятия Гучкова с поста министра.

Мне необходимо сказать несколько слов о тех трудностях, в которых приходилось работать мне лично.

Дело в том, что, как я указал выше, я не был матросом, а уже выдержал экзамен на шкипера (класс кондукторов). Эта корпорация людей во флоте была самая ненавидимая всеми фибрами матросской души.

Всякий стремился попасть в кондуктора, а это значит: иметь офицерскую форму за исключением погона, носить кортик, офицерскую фуражку и матросы уже отдают честь.

Этот кадр администраторов для матросов был самым невыносимым, так как практически он проделывал всю работу на кораблях по всем решительно отраслям, офицеры же, за редким исключением, были только лицами наблюдающими или даже, правильней, интересующимися, как идет работа и жизнь корабля. В последнее время,—уже к вахтенному начальнику назначался и дежурный кондуктор, значит, и в смысле обыденной жизни матроса, он являлся первым его душителем, ограничивая своей властью даже право с‘езда на берег и т. д. Основное же, это то, что на 70% производились в кондуктора не по экзамену, в виду того, что он слишком тяжел и не под силу крестьянину, тем или иным путем ставшему унтер-офицером, а выходили преимущественно в кондуктора за уменье льстить начальству и в большинстве случаев предавать матросов, заметив у них революционную наклонность.

Некоторые шли дальше и делались провокаторами и, благодаря этим качествам, выходили в кондуктора.

Отсюда-то и становится вполне ясным, что мне, как кондуктору-шкиперу, нельзя было работать так, как-бы мне этого хотелось и настолько полезно, насколько у меня хватало энергии; вместе с тем, именно на эту часть, если бы ее предварительно профильтровать, только и мог бы действительно опереться Черноморский революционный флот. Но как говорят: „скажи мне кто твои друзья и я скажу кто ты таков“. Не взирая на то, что я был членом Исполкома, первое время ко мне почти не было того доверия, которое должно было бы быть со стороны матросов, т.-е. крестьян и рабочих, из среды которых я вышел.

Таким образом, арестом генерала Петрова раскол среди офицеров и матросов был сделан, оставался неясным вопрос, нужно ли этот раскол углублять или нет?

Эскадра уже не имела единодушия, часть судов осталась „верноподданными“ Колчака, другая часть подчинялась больше Исполкому. На эскадре начали появляться эксцессы, правда, беспочвенные и не имеющие решающих значений, как, напр.: матросы за какие-либо пустяки арестовывали офицеров, тянули их в Исполком; последний, разобрав по существу дело, отпускал обратно.

Так тянулось время „пассивного меньшевизма“ в Черноморском флоте до прихода и включения в состав эскадры нового дредноута—„Воля“, команда которого жила во время его постройки совместно с рабочими Николаевского завода „Неваль и Ремсуд“ и успела уже основательно изучить все события, которые творились в Петрограде, так как до нее через рабочих все сведения доходили быстрей, а главное, в неизвращенном виде, как это преподносилось Черноморцам. По партийности же, в общем, эскадра представляла 95% социалистов-револю-

ционеров и 5% социал-демократов. Но это вовсе не значит, что здесь было что-либо идейное, это просто напросто говорило за то, что эскадренный состав матросов состоял преимущественно из крестьян и тянется за тем лозунгом, где слышно о земле. Программы, как те, так и другие не знали, да и не интересовались ею.

„Воля", придя на рейд и войдя в состав эскадры, сразу внесла с собой и новый дух. Правда, она не принесла с собой ничего точного и определенного, но, по крайней мере, то заплеснелое болото, которое существовало до ее прихода и на поверхности которого культивировались махровые цветы будущей контр-революции, начало рассасываться.

„Воля" первая присоединилась ко всем событиям, беспрестанно происходившим в Петрограде, и вообще в политике держалась левого направления. Так, например, когда была послана комиссия на розыски тела лейтенанта Шмидта и когда сообщили, что тело найдено, и Исполком нарядил туда целый кадр священников для отдания религиозных почестей, то „Воля" не послала своих делегатов, и Исполкому пришлось составить новую делегацию, но священнослужителей все же послали.

Приблизительно в первых числах июня возник конфликт, а именно: на корабле „Пантелеймон" (быв. Потемкин) команда обратила внимание на то, что офицеры, запершись в кают-компании, вели какой-то секретный разговор, удалив вестовых (матросов-денщиков).

Команда, заподозрив, что подготовляется заговор, немедленно подняла сигнал и тут же заявила, что арестовывает всех своих офицеров и обезоруживает их, просит за одно присоединиться к ним и другие корабли, так как это, очевидно, имеет место среди всех офицеров эскадры.

На эскадре везде стали появляться ответы: „ясно вижу" и через час все офицеры эскадры частью были арестованы, а частью только обезоружены.

Дошла очередь и до Колчака.

Когда Колчаку предложили сдать его золотое оружие, то он заявил, что оружие им получено за боевые отличия в Японскую войну и он не позволит себя обезоружить. С этими словами Колчак снял с себя кортик и бросил в море.

Через час в дело вмешался Исполком. Началось выяснение и в тот же день оружие офицерам было возвращено, а за Колчаковским лазили водолазы чуть не сутки, пока его не достали и вручили ему, извинившись, что здесь произошло недоразумение, оскорбившее героя Дальнего Востока и Балтийского моря.

Колчак еще держался кое-как, но вдруг матросы начали вести себя, по мнению офицеров, прямо-таки недопустимо, а именно: составилось несколько групп матросов, солдат и рабочих, человека по два-три и стали на всех улицах встречать офицеров, снимать с них погоны, а кокарды мазать красной краской, для чего каждая группа вооружилась коробочкой с красной краской и кисточкой.

Правда, это все мелочи, и особых эксцессов они нигде не вызывали, так как все подчинялись добровольно, зная, что может получиться печальный конец для сопротивляющихся, ибо к этому времени матросы уже успели несколько освоиться с новым положением и если еще не прониклись революцией, то, во всяком случае, анархией заразились больше, нежели это было в тот период нужно.

Но все же для Колчака это были новые и новые доказательства того, что власть из его рук ускользает. Правда, тут и Исполком ничего не мог предпринять. Вскоре Колчак ушел.

Куда он ушел? Кажется он уехал в Петроград, но больше не вернулся и на его место был назначен уже Керенским т. Немитц, Александр Васильевич (впоследствии Коморси).

3.

К этому времени во флоте появилась Островская (первая большевичка), за ней рабочие Севастопольского порта Марченко, Васильев, солдат крепостной артиллерииОсосков—и дело оздоровления флота пошло быстрей.

Ими был создан комитет большевиков, который за неделю вырос в группу около 40 человек. Но матросы, спровоцированные комиссаром флота Бунаковым, нагрянули на этот комитет, уничтожили литературу, часть собравшихся членов комитета были ими избиты, часть разбежалась.

Тем не менее на следующий день на делегатском собрании, которое состоялось в цирке Труцци, при выборе президиума вдруг от большевиков поступило заявление: дать в президиуме одно место представителю этой партии; поднялся шум, гам, свист, но поскольку партия народилась, собрание место вынуждено было дать, тем более, что это требование было поддержано делегатами дредноута „Воля“ и крейсера „Прут“.

Таким образом, большевики приобрели официальное положение.

Момент развития большевистских идей, пожалуй, и надо считать самым интересным явлением в жизни Черноморского флота.

На митингах новые пророки и провозвестники Октябрьского переворота умели кричать о своей идее так сильно, что неизбежно обращали на себя внимание.

Все, кто был в городе, сходились на эти импровизированные дискуссии.

Когда соц.-рев. и соц.-демокр. пытались с ними спорить и просили их говорить хладнокровно, то они обещали быть хладнокровными, но через несколько секунд входили в экстаз и кричали, привлекая новые и новые толпы слушателей.

Не прошло и месяца, как Исполком был переизбран, куда уже вошли и большевики, правда, в слишком незначительном количестве, зато матросы, социал-революционеры, стали быстро выписываться из партии, мотивируя это тем, что во главе партии стоят несколько бывших севастопольских буржуа (к сожалению, фамилии лидеров партии соц.-рев. я забыл).

Группы уходивших из партии никуда не вступали и флот снова стал беспартийным, зато ядро большевиков медленно, но верно росло.

Я пытался все время гальванизировать разлагающийся труп партии соц.-рев. Будучи ее членом, созывал собрания на своем корабле, на берегу, где это можно было, и все время пытался доказать необходимость переизбрания лидеров и поставить во главе людей из пролетар-

ской среды, но каждый заявлял только одно: „надо думать, как бы скорее убраться домой, а нечего тут заниматься политикой“.

Таким образом, с большим трудом, удалось заложить новую партию, т.-е. левых эсеров, в организации которой самое живейшее участие принял т. Спиро, бывший комиссар флота, вместо Бунакова, но все же было видно, что это не те люди, нет у них той прямолинейности, которая так ярко выступала у большевиков; они, например, без стеснения громили офицеров, Керенского, его политику и прочее.

Возрождающаяся же партия левых эсеров все как-то пыталась везде искать компромиссы и вообще держалась примиренческой позиции.

К этому времени по стране уже шло знаменитое „равное, прямое, тайное“ и проч. голосование за учредилку, а у Керенского уже существовал знаменитый предпарламент, так как Июльское восстание большевиков в Петрограде было уже раздавлено. Я, в числе других, также был послан на Дон учить, как голосовать, но, прибыв в свое родное село Батайск, Донской Области, я через день уехал обратно; этому способствовало то обстоятельство, что я заколебался в своей правоте, как „полулевый“ эсер.

На обратном пути я узнал, что случился переворот и власть взята советами. На следующий день я был уже в Севастополе. К моему удивлению, эта весть только в день моего приезда официально дошла до Севастополя, но эскадра ничем не реагировала, ни „за“, ни „против“.

Первым моим делом было узнать мнение своей команды, т.-е. крейсера „Прут“. Последние оказались целиком на стороне переворота, т.-е. за Советы. Я предложил команде немедленно запросить флагманский корабль о разрешении выйти на манифестацию, тем более, что к этому времени анархия и демагогия стала итти на убыль, а на место их выступает более здравый смысл. Ко мне со стороны команды отношения стали самые лучшие и я уже был избран членом судового Комитета. Этому предшествовало следующее обстоятельство.

Когда команда навела обо мне справки, то оказалось, что я в 1905 г. был арестован на крейсере „Очаков“, по подозрению в изготовлении бомб, что во флот я, не взирая на то, что пошел добровольцем, сразу не попал по тем же причинам, т. е. по подозрению в революционности еще с 1905 года, т. е. с ростовских событий, где я чуть не был арестован во время отправления новобранцев, за агитацию не ехать на службу; затем, что во время 13-летней службы во флоте я был тем единственным матросом в команде канонерской лодки „Донец“, который не боялся распевать революционных песен Черноморцев, и что, наконец, за все прошлое время я был активным защитником команд перед боцманами и унтер-офицерами.

Словом, вернувшись с Дона, я встретил самый радушный прием у команды, которая, оказывается, в мое отсутствие занималась и тем, что наводила справки по всем кораблям, где я плавал, так как в это время уже начались аресты моих коллег, которые, как оказалось, не только в большинстве были провокаторы, но были между ними и такие экземпляры, которые выполняли и роль палачей, или вообще в большинстве были верные люди старого строя, как, например: Щербак с нашего крейсера, удравший в отпуск и не вернувшийся, Карaнфилов, знаменитый вешатель с крейсера „Очаков“, Кравченко—боцман с „Трех Святителей“, Киричек с канонерской лодки „Черноморец“, а впоследствии

боцман нашей канонерки „Донец“ и много других участников расстрела матросов.

Команда немедленно приняла мое предложение о запросе относительно манифестации сочувствия перевороту и мы немедленно на фок-мачте подняли сигнал. Ответа, как надо было и ожидать, никакого не последовало. Тогда мы решили поднять второй сигнал, а именно: „команда крейсера „Прут“ приветствует новую власть и для солидарности с ней выходит на манифестацию, приглашает всех желающих присоединиться“.

Сигнал провисел на фок-мачте около часу, но так как мы стояли в порту, то и не могли видеть, присоединился ли кто к нам, или нет.

Тем не менее было переписано знамя, на котором вместо прежнего лозунга был написан новый лозунг. „Смерть милитаризму и капитализму“ и мы с ним вышли на манифестацию, в количестве около 400 человек.

Нашему примеру последовала „Воля“ и тоже вышла со знаменем и оркестром.

Больше с эскадры, как мне помнится, никто не вышел. Правые эсеры тоже вышли на манифестацию и пошли нам в кильватер со знаменем „вся власть учредительному собранию“, но группа их была почти в три раза меньше нашей.

Эскадра заняла выжидательную позицию: многие корабли мотивировали свое нейтральное положение тем, что необходимо дождаться делегатов, бывших в предпарламенте, и после их доклада обсудить всей эскадрой создавшееся положение, а тогда уже решить: присоединиться, или нет.

Наконец, прибыли и делегаты. Начались собрания, доклады, каша получилась самая невероятная; одни указывали на то, что переворот совершен правильно, что в „учредилку“ с‘ехались помещики; другая же часть говорила, что переворот совершила группа анархистов, которая пролила массу крови рабочих и по их трупам взошла на трон. Тем не менее, большинство стало на сторону новой власти. В дальнейшем к этому присоединилась и вся эскадра, за исключением крейсера „Очаков“, на котором Бунаков-Фундаминский успел изрядно насадить идею „учредилки“.

Командующий эскадрой адмирал Немитц заявил, что он не кадет и потому согласился принять командование эскадрой, но идеи большевизма не разделяет и посему просит освободить его от этой должности и тоже, как и Колчак, немедленно выехал в Петроград.

Эскадру принял адмирал Саблин (впоследствии командующий эскадрой Деникина).

На Дон!

4.

К этому времени дошли слухи, что Корнилов повернул фронт на Петроград, на Дону Каледин начинает разоружать идущие с фронта части, за исключением кубанских и донских казаков, что слово „товарищ“ преследуется, т.-е. что контр-революция фактически начинает поднимать голову.

Сама эскадра уже фактически стала разлагаться, многие самовольно раз‘ехались по домам, дисциплина упала, прекратились эксцессы по отно-

шению к офицерам, так как более контр-революционный элемент оставил ее, а масса оставшегося офицерства держала себя инертно, на кораблях появилась грязь, посты заброшены и вообще стало ясно, что эскадры, как боевой мощи, больше не существует.

Кавказский фронт валился и эскадра ничего не помогала, в смысле спасения дорогого военного имущества армии; нагруженные этим имуществом корабли Черноморского флота, вместо того, чтобы итти в Севастополь по назначенному рейсу, самовольно шли в Новороссийск и другие порты, где распродавали полевые динамо-машины, телеграфное и телефонное имущество и вообще все то, что имело хорошую цену.

По всему было видно только одно: что Севастополь в революции больше никакой роли не сыграет, вследствие этого я решил покинуть эскадру и ехать на Дон.

Не раздумывая долго, я сейчас же собрал своих земляков донских матросов и предложил им дать в „известиях" об'явление, чтобы собрать всех донских матросов и составить боевую часть, с которой и пойти в Донскую область для защиты новой власти, надеясь, что там уже есть такие части, составленные из шахтеров.

Вместо Севастопольского Исполкома был уже Ревком во главе с левыми эсерами, большевиками и анархистами.

Об'явление немедленно было выпущено, но донские уроженцы собрались, поговорили, а когда дело коснулось записи, то оказалось желающих только 12 человек. С этой группой я и отправился на Дон, мечтая пристать где-либо к более мощной части шахтеров.

Этим и оканчивается первый революционный период деятельности Черноморского флота. Ничего особенного сделать не удалось, отчасти потому, что не с кем было, а отчасти потому, что я и сам был тогда человеком новым в деле революции.

Первоначально я не то, чтобы плелся в хвосте событий, но и не выделялся против других; причины этому мной были указаны выше.

Прибыв в Юзовку, я со своей группой явился в Ревком и доложил о цели своего приезда. Нас приняли радушно, но здесь почти ничего не было. Каледин расставлял по шахтам воинские части, с какой целью никто не знал; на требования шахтеров, не ставить частей, Каледин отвечал, что их никто и не думает ставить, но что демобилизация идет так стихийно, что нет возможности все казачьи части быстро распускать по домам и на линиях получаются заторы, и поэтому Донской круг вынужден некоторые части останавливать среди шахт, на время, пока не рассосутся пробки.

Наивные товарищи этому верили и смотрели на это, как на обыденное явление, казаки и сами говорили, что им внутреннего кровопролития не надо, но вместе с тем к себе никого не допускали ни из шахтеров, ни из солдат.

Я предложил этот вопрос поставить на обсуждение в Ревкоме, утверждая, что на „Шипке не так уже все спокойно", как многие думают. Моему утверждению помог тот случай, что казаки 2 отдельного казачьего баталиона, стоявшего в Макеевке, отобрали пять подвод с винтовками, которые везлись в адрес шахтеров Рыковского рудника. Это отрезвило Ревком Юзовки и было принято предложение, что, в виду неимения организованной вооруженной силы из числа шахтеров, немедленно

приняться более энергично за вооружение рабочих и параллельно вести агитацию среди казачьих частей.

К этому времени уже стали доноситься слухи о первых расправах казачьих частей с агитаторами, попавшими к ним.

Первое, что я сделал,—это за ночь написал воззвание к Донским казакам, которое на утро было одобрено Ревкомом, а к 10 часам отпечатано в количестве 10.000 экземпляров. И вот моя группа немедленно двинулась с этими воззваниями по всем дорогам и к казачьим частям. В этом направлении нам оказывал большую поддержку тов. Залмаев.

Это возымело свое действие и 2-ой отдельный казачий батальон первый заявил, что он признает воззвание правильным и что если к нему явятся агитаторы, то он, невзирая на приказ Каледина „ловить и расстреливать", поступит наоборот, т.-е. примет и выслушает.

Имея такие сведения, я немедленно решил ехать с кем-либо в батальон; т. к. тов. Залмаева не было, то Ревком заявил, что это „утка" и что казаки все равно арестуют. Тогда я поехал сам и был действительно арестован дежурным по батальону. Но комитет тоже сдержал свое слово и немедленно заявил дежурному, что они передавали рабочим обещание под честным словом агитаторов не трогать и поэтому предлагают меня освободить. Меня освободили.

Комитет принял меня благосклонно. И когда я доложил о цели своего приезда и о том, что я заодно и автор воззвания и к тому же их земляк, то казаки согласились собрать батальон. Но было уже поздно, так как командир уже весь батальон разослал по разным нарядам.

Тогда мы условились, что я приеду завтра, а казаки, с своей стороны, дали обещание собрать весь баталион.

На следующий день я прибыл, и батальон был действительно собран. Казаки не были враждебно настроены. Первоначально мы, конечно, начали расспрашивать, кто из какой станицы, поговорили о родине, о старых временах, нашлись и земляки, живущие в 15—20 верстах от меня. После этого я выступил и говорил около 2 часов.

Офицеры пытались первоначально прервать, но, в конце концов, комитет предложил им не перебивать оратора и они вынуждены были успокоиться.

После митинга казаки вынесли резолюцию, что позиция, которую проводит рабоче-крестьянское правительство, правильна, что она направлена на пользу трудового казачества и что они ее всецело поддерживают.

Получив от них такую резолюцию и трех представителей от батальона, которые должны были явиться представителями батальона в Ревкоме, я уехал вместе с ними в Юзовку.

Ревком был рад таким результатом. На следующий день представители батальона сообщили следующее: очевидно, после нашего вчерашнего решения, командир батальона о всем донес атаману Каледину, потому что имеется приказ батальону немедленно погрузиться и итти на станцию Зверево, где он станет в резерв, а на место его идет на смену полк.

Только сейчас Ревком понял, что я был прав. Факт уже был налицо: не фронтовые части задерживались среди шахт, а посылались с тыла, т. е. с самого Новочеркасска.

Представители же батальона предложили следующее: если я с ними немедленно поеду на Зверево, не ожидая погрузки всего батальона, то, вне всяких сомнений, мы там встретим идущий на смену полк и если я и там так же, как и у них в батальоне, сделаю доклад, то возможно, что идущий полк дальше Зверево не пойдет.

У Ревкома некого было послать от себя, почему я решил ехать сам с представителями батальона и около 5 часов вечера мы уехали.

Под'езжая к станции Зверево, я услышал среди представителей батальона следующий разговор, который они вели вполголоса, полагая, что я уснул, так как в это время я лег отдыхать: „А что, если это идет полк мобилизованных Калединым стариков? ведь они разорвут нашего матроса?“ Другие стали спорить, что едва ли это тот полк, но что, во всяком случае, они меня не дадут этой ораве на растерзание.

Услышав такую новость, я потянулся и поднялся, как будто уже выспался. Мне говорят, что скоро будем на ст. Зверево.

Наконец, мы на ст. Зверево. Вся станция забита эшелонами, полон вокзал казаков. Мои комитетчики, надо отдать им справедливость, все-таки молодцы, сперва пошли в разведку, а вернулся только один, заявив, что идущий полк один из самых контр-революционных, составленных Калединым из числа добровольцев казаков, прибывших на призыв Каледина для защиты „вольностей Дона“ от посягательства хохлов, во главе с хохлацким правительством. Кроме этого полка, имеется офицерский взвод, задачи которого—ловить и расстреливать агитаторов. Но есть также около роты идущих с фронта „ударников“, которых можно было отличить по георгиевским погонам, нашитым правительством Керенского, и что эти „ударники“ как раз проникнуты нашими идеями. Поэтому он считает возможным попробовать внезапно выступить в I классе вокзала, где сейчас имеются перемешанные казаки. А раз я начну говорить и меня сразу не догадаются схватить, то дальше они заслушаются.

Не зная совершенно этого зверья, я согласился и мы немедленно отправились в буфет I класса.

Меня поставили на стол и я оттуда начал говорить. Сначала все затихло, и как будто получился порядок; от столов стали все толпиться ко мне. Но когда я дошел до вопроса, куда они идут, кто их посылает и кого им предстоит убивать, то немедленно поднялся шум. Одни кричали: „тащи его на линию да пустим под поезд“, другие, что надо немедленно расстрелять, третьи „немецкий шпик“ и проч. Я, не понимая этой озверелой толпы, крикнул: „товарищи, дайте же говорить“. Как только орава услышала слово „товарищ“, ко мне потянулись сотни рук, крича „убить“. Кто-то сильно меня толкнул и я полетел под стол, совершенно не соображая, что происходит. Вдруг, слышу снова громовую речь и все снова стихло. Я поднялся, смотрю: на столе стоит детина редкостной величины и кричит: „я ваш сын тихого Дона, хочу говорить“. Первым долгом он сорвал с плеч георгиевские погоны, плюнул на них и бросил в толпу со словами: „вот те тряпки, за которые нас заставляли умирать в окопах, неизвестно за чьи интересы. Так как наш Дон очень далеко от фронта, а вас, старых дураков, забрали, чтобы здесь, на тихом Дону, полилась наша кровь и живущих среди нас крестьян и шахтеров. Что эта кровь будет, в этом у меня нет сомнения и я считаю, что вы зря не дали говорить матросу“.

Кто-то меня схватил за руку, сорвал с меня фуражку и потащил за собой. Только по выходе из станции каким-то служебным ходом я узнал, что это один из комитетчиков 2 отдельного казачьего батальона. Он сказал, что сорвал фуражку для того, чтобы за мной потерял след офицерский взвод, который уже меня заметил, и что необходимо сейчас же удирать, так как своего оратора, хотя он говорит и против, все-таки не тронут, тем более, что ударников очень много на станции, но что меня они, вне всяких сомнений, „разменяют на мелкую монету“.

К счастью нашему, на станции стоял на отходе какой-то состав из вагонов 4 класса, в сторону Иловайской и мы немедленно вбежали в последний вагон. Комитетчик мой опять куда-то ушел, а через несколько минут прибежал кондуктор и сказал, что мой товарищ казак просит, чтобы я немедленно вылез на крышу, так как в поезде идет обыск и ищут ораторов. Я немедленно спрятался на крышу вагона, где и обосновался.

Мороз был около 15°, а при ходе поезда он, очевидно, доходил до 25. Было невыносимо холодно, я чувствовал, как стынут ноги и руки, но инстинкт самосохранения брал свое. Поезд несколько раз останавливался на станциях, но, по счастью, я не попадал в полосу света, так как вагон был в хвосте. Наконец, около 6 утра или позже, мы оказались на станции Иловайской. Здесь только меня снова, не позвали, а сняли, так как у меня все пальцы и уши оказались обмороженными. Патруль, оказывается, пересел на какой-то пассажирский состав и отправился в обратный путь.

На Иловайской, как оказалось, стоял наш пост, которому подчинялась дорога и он не пропускал сразу больших казачьих частей, а распылял их и вообще стремился к тому, чтобы участок линии не попал во власть Каледину. Здесь же мне сообщили, что на станции Никитовка есть наш штаб красной гвардии, формирующий части из шахтеров. Услышав эту новость, я немедленно отправился в Никитовку. Около 8-ми утра был уже там.

Здесь действительно оказалась часть Юзовского Ревкома: старый революционер из ростовских рабочих тов. Данилов, тов. Ворошилов, поднимавший Луганский район, и, наконец, прибывший из Таганрога т. Хильков старый революционер, эмигрант царского режима, с редкостным даром слова. В Никитовке стоял штаб и дивизионный комитет знаменитой кавалерийской дивизии под командой небезызвестного генерала Бискупского (мужа певицы Вяльцевой). Дивизия состояла наполовину из казаков и наполовину из кавалеристов крестьян.

Дивизионный комитет, помещавшийся здесь же, насчитывал около 50-ти человек: все как на подбор меньшевики-оборонцы.

Дивизионный комитет отдал приказ по полкам агитаторов не принимать, сам делал тоже, т.-е. никого не принимал.

Видя, что к нему подкопаться никак нельзя, мы приняли иную тактику, а именно: начали ловить комитетчиков в одиночку и агитировать. Таким образом, через сутки в комитете получилось расслоение и мы были допущены на его очередное заседание.

В повестке дня стояли все чисто хозяйственные вопросы и мы внесли предложение обсудить впереди всех вопросов о „текущем моменте“.

С большим скандалом, наконец, повестка была изменена и мы имели возможность выступить и говорить. Наша слабость была только в том, что ораторов, кроме меня и тов. Хилькова, не было.

Началось состязание. К нашему счастью, и в дивизионном комитете тоже не оказалось сильных ораторов, за исключением некоего Володьки.

Наконец, перевес перешел на нашу сторону и дивизионный комитет почти уже решил принимать предлагаемые нами резолюции о поддержке власти Советов, как попросил слово начальник дивизии генерал Бискупский.

Я удивился в то время его таланту и уменью говорить. Он говорил около часу и после его речи дивизионный комитет опять заколебался. Тогда мы принялись снова выступать, примешивая без всякой пропорции демагогию и, наконец, в 2 часа ночи наша резолюция была принята и нам разрешено было выступать перед всеми полками дивизии; против остался только Бискупский с офицерами, да „Володька“.

На следующий день мы были уже в селе Железном и выступали перед лучшим из кавалерийских полков в числе около 1.200 сабель. Сюда прибыл состязаться и „Володька“. Но в 4 часа дня ему не стали давать говорить, заявляя, что он их и так достаточно дурачил. Офицеры пытались сорвать митинг и несколько раз вносили внеочередные заявления о том, что лошадям не давалось корму и воды с утра, но кавалеристы, наконец, прогнали и офицеров, заявив, что лошади за один день не пропадут, а товарищи едва ли еще приедут, да и вообще придут ли подобные настоящим.

Здесь к 8-ми часам вечера была вынесена резолюция о поддержке власти рабочих и крестьян. Таким образом, дивизия была на нашей стороне.

Мы тогда предложили дивизии двинуться на Ростов, дабы отнять его у Каледина, но дивизионный комитет заявил, что на это он не пойдет по тем причинам, что у него нет никаких директив, равно как и у нас, что необходимо для прохода создать соответствующие условия, т.-е. штабы командования, связь и прочее.

Кроме того, они старшим своим командованием признают Екатеринослав, т.-е. выполняют директивы, идущие оттуда.

Екатеринославские же директивы были одно и то же, что и Каледина, так как они исходили от Киевской Центральной рады и ее военного министра Семена Петлюры. Видя неуспех первой, мы добились второй резолюции о неподчинении Екатеринославу. Это нам удалось сравнительно легко. Кроме того, добились выслать заставы на линию Ростов—Таганрог, так как Деникин пытался распространить свою власть и на Таганрог. С этим дивизия согласилась и предупредила Ростов, чтобы он не пытался распространять свое влияние на Таганрог, так как в противном случае все попытки в этом направлении будут беспощадно раздавлены. Мы решили, что надо убрать командира и потребовали ареста всех офицеров и переназначения вообще всего командного состава.

Пошли опять собрания комитета. Наконец, после долгих 5-часовых споров, в которых, надо кстати упомянуть, участвовал и сам Бискупский, оппонируя самым прекраснейшим образом, была проголосована резолюция о переназначении командного состава и об аресте самого Бискупского.

Когда была принята эта резолюция, Бискупский заявил, что он совершенно не думает сопротивляться, но просит разрешить ему перед арестом слово. Комитет это слово дал и он сказал приблизительно следующее.

„У меня уже нет больше аргументов, которые я бы мог привести в защиту правоты того, что я здесь говорил в течение почти трех суток.

Говорю прямо: я побежден большевиками. Это вовсе не потому, что они лучше меня, как ораторы, а исключительно потому, что правда на их стороне, т.-е. на стороне народа; затеянная борьба с большевиками на основании новых лозунгов ничего из себя необычайного не представляет. Это одно из новых звеньев в длинной цепи переходных эпох человечества, на экономической или на религиозной почве, но это так.

Так веками совершались новые и новые перевороты и всегда побеждало новое. Я сейчас еще не уверен в том, что большевики своей идеей победят идеи демократии, но больше шансов за это. Могу сказать короче, вы правы со своей идеей. Я больше не хочу спорить, что это не так, разрешите же мне, я обращаюсь к вам, избранники славной дивизии, сказать вам прямо и открыто, хотя вы и правы, но мне с вами не по пути.

Я имею только в одной Франции капитал больше 6-ти миллионов, в России же почти не имею ничего, поэтому мне нет большого смысла ввязываться в новую гражданскую войну внутри страны, так как здесь еще неизвестно, кто победит. Для меня пока ясно, что здесь прольются моря крови. Если бы я вздумал здесь драться плечо к плечу с Калединым, то очень много шансов за то, что меня убьют, как, вне всяких сомнений, убьют и многих других.

Здесь для меня почти ничего нет, за исключением моей усадьбы, поэтому для меня десять раз выгодней просто уехать из России, которая для меня уже больше не родина, так как трудиться я не собираюсь плюс и не умею, да и не вижу в этом надобности.

Поэтому я обращаюсь к вам, избранники дивизии, и говорю: отпустите меня и через десять дней меня на территории России не будет. Вы же продолжайте ваше дело, ибо оно право, но знайте, что вам будет трудно. Вы меня знаете не первый день. Все время империалистической войны мы были вместе, каждый солдат нашей дивизии знал все, что нам предстоит, потому что я с вами делился горем и радостью. Мы дрались лучше всех и несли меньше потерь против своих соседей. Вы также знаете, что не было случая, чтобы когда либо ваш начальник дивизии обещал и не исполнил или вообще говорил неправду. Вспоминая, как вы меня любили и как любил я вас, я думаю, что вы отмените свое первое постановление и отпустите меня. Если же я вам попадусь снова в стане ваших врагов, то, конечно, вы меня должны без всякого стеснения расстрелять, как изменника своего слова“.

Если не ошибаюсь, то кажется, он и не принимал участия против нас непосредственно на территории Республики, так как из газет видно, что он находится где то во Франции.

Таким образом, дивизия стала, наконец, нашей.

Но дивизию надо было использовать, а для этого необходимо было сделать советским и Екатеринослав. Было решено немедленно ехать в Екатеринослав, куда мы и отправились ночью с т. Хильковым.

События в Екатеринославе.

5.

В Екатеринослав мы прибыли около 6-ти часов вечера 2-го Декабря 1917 г. Здесь на станции стояли патрули из гайдамаков, которых легко можно было отличить по дурацким колпакам красного цвета, пришитым к шапкам, вместо верхушки и спускавшимся или на спину или пришпиленным с боку.

Это для нас было сигналом, сразу не влопаться, а быть осторожным.

Мы немедленно пустились на розыски Ревкома, который оказался где-то на Александровском или, как его называют, Потемкинском проспекте.

Явившись туда, мы сейчас же доложили о цели приезда. Ревком стал нас отговаривать, заявив, что едва-ли сейчас можно что-либо сделать, но что пробовать нужно. Мы предложили немедленно на утро назначить митинг по частям гарнизона, тем более, что мы с собой привезли и представителей дивизионного комитета. Наконец, Ревком согласился. Из командного состава оказался в 221-м запасном полку т. Яковченко, который всецело стоял на нашей стороне. Он предложил свои услуги оповестить полк и выслушать оратора большевиков.

Мы дали сейчас же повестки следующего содержания: на 3-е Декабря 1917 г. назначаются митинги по частям гарнизона: в 221-м полку с 8-ми часов утра; в полку атамана Орлика в 12-ть часов дня (украинизированный), в 4 часа дня в батареях и в 8 часов вечера в куренях; выступят прибывшие из Донской Области ораторы всех партий.

На утро нам достали автомобиль. Рада не вмешивалась и была какой-то пассивной. Мы к 8-ми часам прибыли в 221-й полк, застав здесь настоящий хаос. Начальствующих лиц никого не было, они, оказывается, вообще давно на него махнули рукой и полк фактически самоуправлялся. Полон двор женщин, скупающих обмундирование. Все солдаты делят цейхгаузы, некоторые немедленно все укладывают и раз‘езжаются по домам, некоторые тут же продают и идут снова получать. Вообще разложение в полной мере. Половина солдат уже рас‘ехались, но все же еще около 1500 человек было в полку.

Прождав немного времени, мы увидели, что полка не собрать. Тогда мы стали самочинно распоряжаться: закрыли цейхгауз, разогнали баб со двора, начали стыдить солдат за их поведение и, наконец, насильно загнали в полковой клуб около 20 человек. Яковченко собрал оркестр и притащил его в клуб.

После того, как музыка начала играть, подошли еще солдаты и митинг был начат. Говорили все время о том, что начинается внутри страны, о продажности Петлюры, о том, что им дома все равно придется воевать за землю, которую рада и Деникин возвращают помещикам, и прочее.

Митинг длился ровно до 12-ти часов дня, т. е. мы с т. Хильковым проговорили, почти, по 2 часа. Полк настолько отрезвился, что вынес резолюцию домой не раз‘езжаться, буржуазную раду в Екатери-

нославе разогнать, всем вернуться к своим обязанностям, внести дисциплину и прочее.

Полк отдает себя в полное распоряжение власти крестьян и рабочих и будет защищать ее до последней капли крови.

С этой резолюцией мы отправились в полк атамана Орлика. Командир его тогда был прапорщик Чикаленко,—ярый самостийник (впоследствии, т. е. в 1920 и 21 году уже сознательный коммунист и помощник Киевского губвоенкома). Полк на редкость дисциплинированный, все солдаты, как на подбор. Численностью полк был до 2000 штыков.

Здесь также первым выступил т. Хильков, за ним выступали все, начиная от командира и кончая всеми имевшимися офицерами, но все же речь их клонилась в сторону поддержки Центральной Петлюровской рады. После всех с заключительным словом выступил я вместо т. Хилькова, проговорив полтора часа. Я тут же прочитал им резолюцию 221 полка и предложил немедленно голосовать. Начальство полка было попыталось как-либо оттянуть, но мы немедленно потребовали голосования и получилась преуморительная картинка: полк, как один подняли руки за резолюцию 221 полка, а начальство, когда увидело, что осталось в единственном своем лице, т. е. 10—15 офицеров, то тоже подняли руки. Я тогда же после голосования подошел к т. Чикаленко и сказал: „плохой же, брат, ты Украинец, если так скоро меняешь убеждения", на что он, усмехнувшись, ответил: „прежде чем менять, надо было их иметь. У меня „по отношению к Раде" их не было, а просто, как то видишь, что на своей родине, как будто что то хорошее люди затевают, а главное свое родное. Но после такого раз'яснения, как сегодня, смешно бы было протестовать против неприкрашенной истины".

Отсюда же отправились в батареи, но здесь оказалось совершенно излишне заниматься митингами, так как солдаты были частью на митинге в 221 полку и почти все остальные в полку атамана Орлика, так что только для формы проголосовали резолюцию.

Дальше мы отправились в курени, но здесь банда офицеров разослала всех до одного гайдамаков по нарядам, дабы не слушали митинга, но нам это не очень уже было и нужно, так как оба куреня насчитывали не больше 400 человек.

Мы, вернувшись в Ревком, предложили ему немедленно об'явить власть Советов. На утро уже весь город был оклеен об'явлениями, что власть „Рады" низложена.

Она, к счастью, куда то за ночь испарилась во избежание недоразумений.

Полки уже прекратили всякое деление имущества, по городу прошли с музыкой и все приняло какой то особенный революционный вид, вместо бывшей до сего времени рассеянности.

К вечеру мы получили сведения, что наша дивизия снова занялась какими то „нейтралитетами" и что в Одессе выступившая красная гвардия пыталась взять власть в свои руки, но была раздавлена силами „Рады" и что бой еще не кончен. Мы немедленно же решили, что т. Хильков едет обратно в дивизию с представителями дивизионного комитета, где сообщит результаты, добытые в Екатеринославе, а я не-

медленно двинусь в Одессу, где попытаюсь при помощи эскадры, как моряк, взять власть в руки советов. Директив ни откуда нам не было и, вообще, мы действовали на свой риск и страх.

На следующий день я выехал в Одессу, а т. Хильков обратно на Никитовку.

В Одессе.

6.

Проезжая Раздельную, мне навстречу стали попадаться беженцы. Из их рассказов ничего определенного нельзя было установить, за исключением того, что по городу не прекращается стрельба и что очень много убитых. Я поехал дальше и ночью прибыл в Одессу.

Потолкавшись по станции, я заметил прежде всего, что никакой стрельбы нет. Второе, вслушавшись в разговоры, я узнал, что бой был, как будто очень жаркий, но убитых было всего лишь 13 человек, что эскадра держала нейтралитет, а иначе—гайдамаки были бы раздавлены. Фактически матросы не дрались, но они же предложили „Раде" прекратить сражение, грозя стать на сторону красной гвардии.

„Рада" прекратила бой, и, таким образом, штаб красной гвардии остался каким то полулегальным учреждением.

Власть была у „Рады" и буржуазия ликовала.

На утро я отправился в порт посмотреть на эскадру. На рейде стояли все суда транспортной флотилии и боевые: „Ростислав", „Память Меркурия", „Синоп", „Алмаз", два миноносца и минный заградитель „Дунай".

На „Ростиславе" висел на грот-мачте украинский флаг, на „Память Меркурия" тоже. Увидев эту позорную тряпку на мачтах боевых кораблей, я не упал духом, решив немедленно действовать. Я начал с того, что нашел Исполком, в котором имелась матросская секция. Потолкавшись в этой секции, я увидел, что здесь идейной контр-революции нет, а есть просто глупость, благодаря которой и украсились корабли Петлюровским „жовтоблакитными" тряпками.

Инициатор этой контр-революции был старый знакомый мне по заграничному плаванию, морской фельдшер Жук, ярый приверженец Петлюры.

Комиссаром транспортной флотилии был т. Кондренко, парень, как будто очень боевой и вовсе не настроенный к уважению „Рады". Закоренелым же контр-революционным кораблем надо считать крейсер „Память Меркурия", куда были собраны команды со всего Черноморского флота специально из украинского кулачества, как и сам командир, мичман Дьяченко. Ясно, что этот авантюрист пошел сознательно на подобную „провокацию", пользуясь тем, что во флоте нет хозяина.

Поговоривши с секцией, я предложил им, чтобы мне разрешили провести на кораблях митинги. „Братишки" согласились, предупредив, что на „Меркурий" ездить безнадежно. Появился и Жук, мило со мной расшаркавшись. Я ему здесь же сказал, что он „прохвост" и что я из Одессы не уеду, пока не добьюсь возможности расстрелять его, в знак старой длительной дружбы в заграничных портах и кабачках.

Мне сообщили, где находится штаб красной гвардии и знаменитый матрос Шерстобитов, проваливший восстание исключительно потому, что взялся не за свое дело.

Я прибыл на Торговую, 4 (штаб красной гвардии), нашел там тов. Чижикова—командира красной гвардии. Все они помещались в подвальном помещении дворца князя Урусова. Тут же был развернут и лазарет, где лежало около двух десятков тяжело и легко раненых. Штаб представлял собою разгромленное гнездо революционеров. Настроение у всех плохое.

Ознакомившись поверхностно, я доложил о цели приезда. Тов. Чижиков немедленно взялся раз'яснять, что он не виноват, что его подвел Шерстобитов. А Шерстобитов заявил, что он отсюда уезжает, так как обывательщины подобной Черноморцам он вообще не встречал. На это я возразил, что, очевидно, не с того конца начали, так как, по собранным мною сведениям, на судах не было сделано даже по одному серьезному докладу о текущих событиях. Если-бы начали с этого, т.-е. первоначально оперлись на эскадру, то, конечно, дело бы вышло совершенно иначе, и тут же предложил снова начинать, так как Екатеринослав нами уже превращен в Советский. На Дону также идет работа и необходимо отнять у „Рады" Одессу, т.-е. тогда у нее фактически останется только один Киев.

Товарищ Чижиков со мной согласился, а Шерстобитов, выругавшись, еще несколько раз сказал, что „можете пробовать, если хотите, а я отсюда уеду". И, действительно, уехал.

После этого я нашел тов. Кондренко, с которым первым долгом мы решили начать проводить митинги. Он дал распоряжение, чтобы меня принимали на судах.

Прежде всего я отправился на „Синоп". Там нечего было долго агитировать, так как команда не считала себя украинцами и заявила, что она давно бы присоединилась к красной гвардии, но ввиду того, что „Ростислав", как лучше вооруженный, не присоединился, то им, конечно, нельзя было, ибо „Ростислав" мог пустить их ко дну.

После этого я отправился на „Ростислав" и выступил там перед командой, которая, выслушав меня, немедленно приняла мою резолюцию о подчинении корабля советской власти. Национальный флаг Петлюры с грот-мачты был приспущен на палубу, здесь же разорван и выброшен за борт. После этого вынес тождественную резолюцию „Алмаз", за ним миноносец „Зоркий" и заградитель „Дунай". „Меркурий" не мог выносить такой резолюции, так как там были собраны все кулаки украинской контр-революции.

Но „Меркурий" уже не был и нужен. Я предложил „Ростиславу" следить за „Меркурием", на случай, чтобы он не попытался выйти в море и начать всех обстреливать, на что „Ростислав" согласился и поднял сигнал „Меркурию", что при первой попытке выйти в море без согласия комиссара и судового комитета „Ростислава" он будет пущен ко дну.

„Меркурий" поднял сигнал: „ясно вижу", т.-е другими словами „подчиняюсь". Затем прислал протест, что такое недоверие к нему со стороны эскадры ничем не вызывалось и что он, как украинское судно, пришел в Одессу для защиты интересов Украины. Тогда я вызвал его

командира мичмана Дьяченко и потихоньку сказал ему нижеследующее: „Независимо от того, что может произойти с командой, в случае, если с вашей стороны будет дальнейшая активная поддержка Петлюровского Правительства, вы первоначально будете расстрелены, о чем я уже позаботился и в любой момент по моему приказу вы превратитесь в труп, независимо от вашего местонахождения, т.-е. будете ли вы на берегу или на корабле. Предлагаю вам происшедший между нами разговор в ваших же интересах хранить при себе, а еще лучше, если вы сами будете склонять команду на сторону власти Советов".

Дьяченко, выслушав меня, сразу изменил тон, стал клясться, что он тут совершенно не при чем, что, наоборот, он вообще стремится делать то, что будет делать остальная эскадра, но, конечно, не могут же украинские матросы убивать украинских солдат (сиречь, гайдамаков). „Хорошо, сказал я, этого от вас и не требуем, но вы должны будете, когда начнется бой, принять охрану города своей командой во избежание бандитских налетов".

На это Дьяченко согласился.

Оказалось, не все выполнялось так со стороны „Меркурия", как уверял его командир. Не позже, как через два дня мне сообщили, что „Меркурий" грузит на палубу винтовки со складов „Рады"—20.000 штук. Назначение их: „Республика крымских татар", т.-е. Бахчисарай, с которым „Рада" заключала дружественное соглашение. Между тем, как было давно уже известно, крымские татары об'явили себя отдельной Республикой и готовились выступить против Севастополя, т.-е. против остальной эскадры, с целью перебить матросов и овладеть эскадрой. Я немедленно отправился на „Меркурий" лично и увидел, действительно, ящики с винтовками. Я приказал немедленно сдать винтовки красной гвардии. Комитет стал было отказываться, что он исполняет приказания своего правительства. Тогда я заявил уже без обиняков комитету: „нам валять дурака совершенно некогда. Если из вашей головы нельзя выбить контр-революционной дури моими словами, то она через час будет выбита 10-ти дюймовыми пушками „Ростислава". Винтовки предлагаю теперь же выгрузить на баржу". Публика увидела, что говорят очень коротко и ясно, взялась за разгрузку, а я вернулся на „Ростислав" и доложил команде, как „Меркурий" хотел отдать на расстрел Черноморскую эскадру.

Команда настолько возмутилась, что потребовала к себе представителя „Меркурия" и заявила, что если еще хоть что нибудь будет подобное повториться, то, даже вопреки запрещению комиссара Кондренко, мы вас самолично пошлем „ловить раков".

Это совсем отрезвило зарвавшихся кулаков. Винтовки к ночи были выгружены на баржу, но караул к ним поставлен от „Меркурия". Ночью мы подменили его нашим, после чего баржа была увезена и разгружена командиром красной гвардии тов. Чижиковым.

Таким образом, эскадра целиком уже была в наших руках. Надо было приниматься за береговые части и, конечно, первым долгом за те, которые не очень верят в правоту „Рады". К счастью, к этому времени Киевская Рада раскололась и ее трудовая часть из крестьян выделилась и организовала в Харькове новую „Раду". До этого момента нам приходилось говорить от имени Московской власти, а националисты, зани-

маясь демагогией, кричали, что мы агенты Вильгельма, что мы продали Россию немцам, а теперь хотим сделать тоже с Украиной и, конечно, для темной массы это были в руках „Рады“ прекрасные козыри.

Но в связи с появлением Рады в Харькове, у контр-революции были выбиты и эти ценные козыри.

Первым полком, за который мы принялись, был „Кольтовский“ пулеметный. В полковом комитете были товарищи Волошин и Шкуть (последний в 1919 году был уже комбригом одной из бригад 44-й дивизии). Полк немедленно вынес резолюцию о том, что он отдает себя в распоряжение власти трудящихся и что будет драться против гайдамаков в случае, если последние попробуют устроить кровопускание Одесскому пролетариату по примеру 2-го декабря.

Состав полка насчитывал около 400 человек и имел в наличии около 600 пулеметов. 180 из них полк немедленно передал на броненосец „Синоп“, так как в них могла оказаться надобность у красногвардейцев. Полк был размещен в кадетском корпусе, что давало возможность, в случае удачного боя, взять гайдамаков с тылу.

После этого было обращено внимание на Ахтырский гусарский полк, стоявший в селе Юсупове в 6 верстах от Одессы. Полк (украинизированный) насчитывал около 500 сабель. Прекрасно дисциплинированные кавалеристы, все уроженцы Украины. Туда я и направился. Рада, видя как из ее рук вывалилась эскадра, „Кольтовский“ полк, наконец, и „ахтырцы“, стали больше слушать меня. Поехал, наконец, к „ахтырцам“ и сам профессор Чеховский. По прибытии Чеховского к ним, „ахтырцы“ немедленно по телефону вызвали и меня, чтобы выслушать обоих ораторов и тогда у них сразу же должно было определиться мнение. Я, конечно, приехал. Чеховский уже коверкал слова, превращая их без всякого сожаления в польские, галицийские и даже болгарские, думая, что он говорит по-украински. После него выступил я. Сперва назвал его просто на просто „мерзавцем“, потому что он профессор и не может не знать, что он говорит явную ложь о том, что мы агенты Вильгельма II и, что это последняя ставка украинской буржуазии, а затем уже по существу его речи. Надо было, конечно, постараться, чтобы раз и навсегда убить остатки национализма. Я говорил больше двух часов, а окончив, немедленно предложил голосовать резолюцию, которую тут же прочитал, но в порядке поступления, т. е. первую Чеховского, которую уже успели основательно забыть, и за ней свою.

За его резолюцию подняли руки командир и офицеры, за мою— весь полк.

Чеховский уехал. Я потребовал немедленной смены командира и назначения нового—из среды „Ахтырцев“. Это было немедленно тут же выполнено. Комитет также переизбрали и назначили новых—сочувствующих нам.

Полк заявил, что больше ни одного оратора к себе не пустит и будет арестовывать всех приходящих от Рады.

Таким образом, лучшие два полка, на которые могла опереться контр-революция, были на нашей стороне.

За ними присоединилась к нам рота самокатчиков, авио-парк и другие мелкие части.

На стороне „Рады“ оставались три „куреня“ (полки) в общей численности около 7.500 штыков, казачий полк 300 сабель, представлявший

собою изрядно развалившуюся пьяную банду, артдивизион полного состава, автоотряд из 15 автоброневиков и школа юнкеров украинцев около 2.500 человек, наконец 11.500 чел. офицеров, с'ехавшихся сюда после демократизации армии товарищем Крыленко. Силы, конечно, большие против того, что имели мы.

Мы с тов. Кондренко продолжали свое дело агитации и принялись уже за курени. Хотя мы и заранее знали, что от них ничего не добьешься, но нам необходимо было разложить их до последней степени, чтобы они не представляли серьезной угрозы при начале сражения. Правда, этому помогала и сама „Рада", накачивая ежедневно гайдамаков спиртом.

У „Рады", фактически, оставалась школа юнкеров—2.500 штыков и 11.500 офицеров, итого 14.000 надежных головорезов. Если же считать и гайдамаков, то „Рада" имела 18.500 бойцов. Мы же имели—матросов—1.500 чел., рабочих—не больше 1.500 чел., „Ахтырцы"—500 чел. и „Кольтовцы"—400, итого 3.900 человек. Остальные части считать нечего, так как их резолюции важны просто, как политическая победа, но не как боевая помощь. Зато у нас была эскадра, а главное, на нашей стороне была правда.

В куренях, как ни пытались нас не допускать, угрожая расстрелом, мы все таки начали проводить свои операции. Так возились мы с ними около 10 дней. Эта банда десять раз выносила резолюции о присоединении к нам, но как только „Рада" привозила новые боченки спирта, сразу же все менялось. Все же мы вскоре признали агитационную часть законченной и решили приниматься за организацию боевых штабов и прочих управлений. К этому времени комиссар Кондренко, видя, что моя популярность настолько возросла, что почти уже вся эскадра считает меня своим руководителем, стал мне ставить понемногу палки в колеса. Видя такое дело, я со своей стороны сразу изменил тактику, а именно: совершенно незаметно для него эскадру держал в своих руках, а на всех митингах, собраниях и вообще публичных выступлениях непрестанно его рекламировал и превозносил. Кондренко, мало разбираясь в моей тактике, на этом и успокоился и мы снова заработали дружно. Я предложил 9 января 1918 года устроить манифестацию и под давлением рабочих, матросов и перешедших на нашу сторону полков об'явить власть Советов, заранее приготовив все, что есть, на случай боя.

Сперва с этим все согласились, но вот 8 января около 6 часов вечера, когда у нас уже разработан даже порядок шествия, т. е. намечен путь следования манифестации, приготовлены „Кольтовцы" и матросы с „наганами" для сопровождения манифестации и на случай провокационных выходок „Рады", и как будто, все шло как нельзя лучше, как вдруг меня вызывает президиум Румчерода и приказывает отменить мой план, ввиду того, что „Рада" уже все знает и, конечно, получится кровопролитие. Я, выслушав указание, задал вопрос—откуда у них такие сведения? Они заявили, что уже по пути следования манифестантов „Рада" в 4 часа дня расставила пулеметы. Тогда я задал другой вопрос, а какой же наш путь следования? Мне ответили совершенно правильно, т. е. тот, который нами и намечен. Тогда я сказал следующее: путь, указанный вами, правилен, именно по этому пути нами и намечено шествие, т. е.: Преображенская, Б. Арнаутская, обратно Пуш-

кинская, Николаевский бульвар и по домам. Но не Рада нас провоцирует, а наша меньшевистская трусость и нерешительность, потому что здесь собрана вся меньшевистская братия, не взирая на то, что вы себя именуете чуть ли не большевиками. „Рада“ не могла ставить по этим улицам в 4 часа пулеметы уже по одному тому, что сам план шествия манифестации были вчерне нами намечен только в 6 часов вечера. Значит, вы узнали со слов т.т. Федорова, Чижикова или Спиридонова, которые вам доложили не больше, как час назад. Вы же перепугавшись того, что может произойти, начинаете бить отбой. За что же мы здесь у вас тратили силы и энергию с 8 декабря 1917 года? Неужели должны пропасть все наши труды и „Рада“ должна продолжать царствовать в Одессе? Ведь „Октябрь“ по стране прокатился, самое позднее в конце ноября 1917 года, а у нас уже 1918 год. И Одесса еще не видела „Октября“. Или вы думаете, что надо одеть белые перчатки и по-меньшевистки делать пролетарские революции? Так всегда делают меньшевики, но у власти никогда не бывают. У власти при такой работе всегда буржуа, а они ей прислуживают. Второе, в манифестации будут перемешаны и гайдамаки с нашими, значит, не станут они стрелять по своим. Наконец, у нас выходит только одних матросов около 500 человек, вооруженных „наганами“ совершенно секретно, которые на случай провокационных выстрелов все мигом уничтожат, так как они распределены по всей цепи манифестантов. Самое же главное это то, что на манифестацию воинские части выходят без оружия.

Высшие меньшевиствующие власти, увидев, что они пойманы с поличным в своей трусливой провокации, заявили прямо, что они на себя никакой ответственности не берут. Тогда я спросил: „значит вы предлагаете даже не праздновать и 9 января, но ведь это будет черное пятно в нашей революции, которое вам запишется“. Мне тогда ответили, что должна быть манифестация и лозунги должны быть, но завтра к вечеру об‘явить власть Советов от имени Румчерода не следует, а надо обязательно добиться полного присоединения к нашей платформе всех гайдамачьих куреней и юнкеров.

Я тогда ответил: „поскольку вы не желаете брать на себя ответственность, нам, конечно, приходится подчиниться вашему решению, потому что, если мы не подчинимся, то от вас можно ждать и сообщения „Раде“ о нашей дерзости. Меня все таки поражает ваша нелепость, как это вы сумеете офицера с‘агитировать бороться против себя самого за пролетарские лозунги?“

Тем и кончился наш разговор.

9 января 1918 года вышли на манифестацию все гайдамаки, матросы, рабочие и Красная Гвардия. При начале манифестации картина трусости Румчерода подтвердилась. Оказалось, что почти некому и приветствовать манифестантов. Пришлось и здесь отдуваться мне, тов. Ачканову, деду Трофимову, тов. Сергееву, да старику тов. Юдовскому. Только к концу манифестации увеличилось число представителей власти, которые посмелели и начали лепетать приветственные слова.

Так или иначе, но „9 января“ показало, что весь пролетариат Одессы на нашей стороне.

С 10 января мы всетаки начали организовывать новую власть. Прежде всего предложили через штаб красной гвардии выбрать и при-

слать от всех промышленных предприятий представителей для создания Ревкома, тоже самое сделали и по отношению ставших на нашу сторону воинских частей и эскадры.

13 февраля уже было первое заседание (полулегальное) всех представителей, в числе приблизительно около 45 человек. Послано было приглашение в гайдамачьи курени с просьбой прислать представителей. На заседании распределены должности: командующим всеми береговыми отрядами назначался тов. Чижиков, его заместитель матрос Спиридонов, команды миноносца „Зоркий“.

Руководство эскадрой за комиссаром флотилии тов. Кондренко, в штабе для постоянных распоряжений тов. Ачканов, тов. Мукомель (ныне Мукомль) комиссаром штаба Одесского военного округа, часть представителей Румчерода была назначена разными комиссарами, как то: почты, телефонной станции, редакций газет, банков и прочее.

Тов. Зайцев назначался комиссаром железнодорожного узла Одесской сети и начальником боевого участка этого же района.

Наметилась и немедленно была проведена в жизнь телефонная связь города, эскадры, станции и желездороги и штаба Одесскаго военного округа, помещавшегося на Пироговке.

На судах остается необходимое количество матросов только для обслуживания орудий и подачи снарядов, остальные все выходят и присоединяются к красной гвардии. Фабрикам и заводам дано распоряжение в условленное время дать тревожные гудки, по которым все рабочие соберутся со своим вооружением на Торговую № 4 и поступят в распоряжение командира Красной Гвардии. Ахтырцам дается самое серьезное задание: занять штаб Одесского военного округа, т. е. здание, на которое должны обрушиться первые наступательные колонны со стороны белой „Рады“.

Силы подсчитаны точно и их оказалось очень мало, по сравнению с гайдамаками, так как у них был, кроме большого перевеса в людях, перевес и в квалификации бойцов, плюс артиллерия и автоброневики. Надо упомянуть еще следующее: 8-ая рота 3-го куреня, во главе с ее сотенным командиром прапорщиком Курганом, целиком присоединилась к нашим резолюциям, но выйти из куреня и присоединиться к нам ей не разрешили. Это, пожалуй, был наш плюс, а впоследствии оказалось, что это для меня, лично, было спасением моей жизни.

15-го февраля мы запрашиваем вечером снова, когда же, наконец, будут присланы делегаты от куреней, но курени уже не дают вовсе ответов.

Мы немедленно наряжаем разведку в самые курени. Разведка приносит сведения, что „Рада“ тоже организовала, параллельно нам, свой Ревком.

Больше медлить нельзя, наш Ревком, фактически полулегальный, и мог быть в любой момент раздавлен.

Градоначальник, поставленный „Радой“—полковник Поплавко, видно, был умней других, посчитав за лучшее удрать в Киев по каким то „делам“, выехав 15-го ночью, передал свою должность профессору Чеховскому, который ни с сего, ни с того вдруг оказался военным.

16-го февраля мы решаем занять город, без боя, просто обезоружив караулы во всех правительственных учреждениях, а главное

в штабе военного округа захватить редакцию и на утро город обклеить об'явлениями, что власть „Рады“ низвергнута.

Председателем Ревкома был избран я. Новый начальник гарнизона Чеховский назначает гарнизонное собрание на 6 часов вечера, куда приглашает и нас, а в „Вечерней почте“ появляется его же заметка, кажется, под заголовком: „незаконно-рожденный ребенок“, примерно следующего содержания: „В Одессе по имеющимся сведениям организовывается Ревком, состоящий из людей, ничего общего с украинским народом не имеющих, цели и задачи которого сделать переворот и захватить власть, другими словами желание продлить кровавые дни 2-го декабря, дабы Новый год начать с крови, как окончили и старый. Законные власти и войска украинского народа надеются, что попытки к восстанию и напрасному кровопролитию будут уничтожены в самом зародыше“.

Прочитав то и другое, мы поняли только то, что Чеховский пустил раньше в „Почту“ означенное об'явление, а позже перепугавшись, учтя, что у нас эскадра, которая может снести город и все в нем живущее в течении двух-трех часов, он уже приглашает нас и на гарнизонное собрание, на котором до этого момента всегда освистывали большевиков, в особенности главный вожак контр-революции полковник Вербицкий.

Я внес предложение не итти на гарнизонное собрание и тем самым не создавать шумихи о своем существовании и не раскрывать нашего плана. Мое предложение было принято.

К 9-ти часам вечера на Николаевский бульвар и Торговую № 4 стали прибывать наши вооруженные силы, т. е. рабочие, красногвардейцы и матросы. Ночь была темная, все проходили тихо и исчезали во дворе Румчерода на Николаевском бульваре. В штабе шла известная в такие моменты нервная быстрая работа по отдаче последних заданий группам вооруженных людей кому, что занимать и т. д. Основными распоряжениями всем было: стремиться снимать посты без выстрелов и, вообще, только в крайнем случае допускать применение оружия.

Тов. Мукомлю для занятия штаба округа и морякам на телефонную станцию были даны особые инструкции: по захвате всей сети телефонных проводов, выключить и включить абоненты только тогда, когда уже мы со штаба разрешим, а по включении всех необходимых нам абонементов, остальные не включать до утра.

Отряды и их командиры лезут за раз'яснением тех или иных вопросов, вместо своего начальника т. Чижикова, ко мне. Тут же немедленно в десятый раз раз'ясняется, чтобы по боевым вопросам обращались, как сейчас, так и на случай боя, только к тов. Чижикову, а по всем остальным к нам, сообщая все в копии и ему, чтобы не случилось параллелизма.

Тов. Зайцеву дается запечатанный конверт на имя железнодорожного комитета, в котором предлагается последнему подчиниться новой власти и ее комиссару тов. Зайцеву и, вообще, оказывать полнейшее содействие во всех проводимых мероприятиях. Пакет приказано вскрыть в комитете только тогда, когда на станцию прибудет начальник отряда для захвата станции и обезоруживания гайдамачьих постов, а последнему приказано быть на станции тогда, когда город уже в большей части перейдет в наши руки, дабы он не мог оказаться отрезанным.

Вдруг, в темноте ведут в Ревком гражданина Чеховского. Привели и доложили, что начальник гарнизона по срочному вопросу просит, чтобы его Ревком сейчас принял и заслушал. Его пропустили. Чеховский, войдя в Ревком, поздоровался и, увидев меня председательствующим, сделал большие глаза и что-то промурлыкал, вроде „мы с вами, как будто знакомы“, на что я ответил: „да, хотя для меня такое знакомство было не совсем приятно“.

Я вспомнил, что он был в Ахтырском полку, но умолчал, а напомнил другое: „если не ошибаюсь, кажется на собрании почтовиков?“

Чеховский ответил: „эгеж, эгеж, у поштовиків“, сказал и сам испугался своих слов.

Но сказанного не вернешь,—Чеховский эту встречу у почтовиков подтвердил. Дело это рисуется в следующем виде.

„Меркурий“, как-то в воскресный день выпустил на берег около взвода людей с музыкой и украинским флагом, о чем немедленно сообщили нам. Мы запросили, куда направляется команда и оркестр и получили ответ, что для торжества поднятия на почтовом отделении Одессы украинского флага, вместо красного. „А кто украинизировал почту?“—спрашиваем. Нам ответили, что там будет выступать профессор Чеховский и после этого состоится голосование за присоединение к украинской Раде. И за одно под „заповіт“ Шевченки, будет поднят украинский флаг.

Первое, что мы предложили, это немедленно оркестру вернуться назад, что попросили комитет „Ростислава“ и тов. Кондренко подтвердить.

Последние потребовали в категорической форме оркестру вернуться назад.

Сам же я с солдатом румфронта тов. Безпалько немедленно отправился на почту. Здесь были уже в сборе все чиновники и чиновницы, около 500 человек. Между ними низших чиновников и вообще „мелкой сошки“ не больше 30-ти человек. Оказывается, собрание было организовано таким образом, что из низших служащих никто не был оповещен.

Чеховский уже ораторствовал и указал, что большевики—все немецкие шпионы, получают ежедневно от Вильгельма по 30 карбованцев, а Ленин и Троцкий по 500. После его речи я попросил „слова“, мне „слова“ не давали. Не дали также и тов. Безпалько. Я не стал больше просить, а нахально полез к трибуне под кошачий концерт почтовиков. Тогда президиум вздумал меня оттеснить назад. Я полез прямо через его меховые шубы и вскоре оказался на трибуне. Кошачий концерт почтовичек еще больше усилился. Выдержав несколько, я крикнул во все легкие: „неужели я зверь и кого нибудь скушаю, если скажу несколько слов“. Здесь же присутствовали Поплавко, Иваницкий, Вербицкий и прочие начальники Петлюры.

Наша „братва“, т. е. низшие чиновники, не взирая на то, что их было несколько десятков, присоединились к моему крику, и расшумевшиеся обыватели, наконец, притихли. Первое, что я сказал, это следующее: „оркестра не ждите, как и Меркурьевской команды“. „Почему?“ раздались вопросы. „Очень просто“, отвечаю, „потому, что мы им запретили итти сюда и они вернулись. Если бы нас крейсер не послушал, то был бы потоплен. Вам, ведь, не жаль напрасно проливаемой крови. Вы думаете по своему, а мы по своему это понимаем“.

„Теперь разрешите сказать по существу здесь говорившегося устами гражданина Чеховского. Я вовсе не пришел сюда говорить речь, так как ее не перед кем говорить, ибо здесь настоящих тружеников имеется не больше трех десятков, остальные—прислужники помещиков и богачей, это я говорю по адресу вас, чиновники и чиновницы. В ответ истерическое кривлянье и взвизгивание. Вам же, гражданин Чеховский, я заявляю, что вы самый бесстыдный провокатор, каких только мне приходилось встречать до сих пор. Знайте, что за все ваши проделки пролетариат представит вам счет; когда это будет, я не знаю, но вы это примите к сведению. Собрание считаю незаконным, так как здесь собрались только жалкие прислужники буржуазии, ухитрившись не оповестить рабочих данного учреждения, т. е. низших служащих, а у вас их большинство и они против украинизации почты. Вот все то, что меня заставило сегодня заехать к вам“.

К трибуне стал проталкиваться градоначальник Поплавко и заявил, что он начальник гарнизона и заставит меня замолчать. Чеховской же, не зная чем кончится скандал, успел куда-то юркнуть.

Я ответил: „С вами у меня вообще желания говорить нет, так как на ваших плечах еще красуются погоны, а по нашему это эмблемы кровавого Николая и говорят только за то, что тот, кто их носит, еще не перестал мечтать вешать крестьян и рабочих или делать из них пушечное мясо. Арестовывать же себя я просто не дам, не взирая на то, что вас здесь целое стадо“, и немедленно схватился за наган и полувытащил его из грудного кармана матросского бушлата. „Если вы сильны, то арестовывайте, а потом мы поговорим, так как мои товарищи знают, где я сейчас нахожусь и едва ли вы далеко меня успеете свезти“.

Банда оторопела от такого поворота дела. Я спрыгнул на пол, толпа шарахнулась в сторону и я преспокойно пошел к выходу.

Кошачий концерт возобновился только тогда, когда я и тов. Беспалько были на ступеньках наружных дверей почты.

Это и было самое мое знакомство с Чеховским, почему нет ничего удивительного, что его глаза при виде меня в качестве председателя приняли неестественную величину, когда он попал ночью к нам в Ревком.

Испуг у гр. градоначальника прошел, и я задал ему вопрос: „Чем может вам служить наш Ревком?“

Чеховский: „Я пришел доложить вам, что меня, как вам известно, Поплавко назначил своим заместителем; сегодня я назначил гарнизонное собрание, куда приглашал и вас, думая вместе обсудить, как нам лучше жить в городе, дабы не создавать нежелательных эксцессов между войсками Украины и красногвардейцами. Вы же, очевидно, были заняты и не явились, поэтому я собрание распустил и пришел к вам за советом, как мне быть, вступать ли в должность градоначальника или нет. Если вы согласны действовать заодно, то я вступлю, если нет, то я гарнизон принимать не буду“.

Я. Прежде всего, слово „гарнизон“ вами неверно толкуется. Вы можете говорить только о своих гайдамаках, так как эскадра вам не подчинена, а Ревкому и Комиссару транспортной флотилии, которые, как вы знаете, вас не признают; кроме того, Ахтырцы, кольтовцы, авиация, самокатчики тоже признают только нас“. Затем, обращаясь к Ревкому, я спросил:

— Не желает ли кто из членов Ревкома взять слово по вопросу, заданному гражданином Чеховским.

Поднялся представитель судового Комитета „Ростислава“ тов. Федоров и задал вопрос:

— Гражданин Чеховский, скажите, пожалуйста, какую Раду вы признаете, Харьковскую или Киевскую?“.

Чеховский: „Конечно, Киевскую“.

Федоров: „Тогда я думаю, что нам говорить с вами не о чем, ибо Ревкому с Киевской не по пути, думаю, что Ревкому сейчас нет времени тратить слова на подобные вопросы и предложил бы гражданину Чеховскому этим удовлетвориться и оставить Ревком“.

Я: Вы слышали, гражданин Чеховский, наш ответ. Это мнение всего Ревкома. Мы признаем Раду трудящихся Украины, образовавшуюся в Харькове из числа отколовшегося трудового крестьянства из общего состава Киевской буржуазной рады“.

Чеховский: „Еще один вопрос: для чего у вас полон двор и бульвар вооруженных людей?“

Я: „Мы не позже, как через час, занимаем город без боя, обезоруживая все ваши посты. На утро у нас будет об‘явлена власть Харьковской рады, ваша же будет об‘явлена низвергнутой. В отношении же того, вступать или не вступать вам в должность начальника гарнизона, Ревком полагает, что это личное ваше дело, так как для Ревкома это никакого значения не имеет“.

Чеховский: „Боже меня упаси, я именно хотел вступить в эту должность с вашего согласия, но раз вы против, то я ни за что не вступлю. Если вы не верите, то я дам подписку“.

Я: „Это для нас совершенно лишнее, ибо, повторяю, для Ревкома, это решительно ничего не значит. Засим прошу нас оставить, так как мы сейчас заняты оперативными делами“.

На этом была окончена аудиенция, и Чеховский от нас вышел. Часть Ревкома предложила его арестовать за старые проделки, но я высказался против, так как он не военный и нам никакого вреда принести не сможет. Что же касается того, что он может уведомить курени, то было уже поздно, так как части уже начинали выступать по данным им директивам, а тов. Мукомель уже даже успел подойти к штабу округа и начал его окружать. Отряды немедленно тронулись по городу.

К 10-ти часам начали получать сообщения о том, что тот или иной пункт или государственное учреждение нами занято, гайдамаки обезоружены; нас радовало и то, что везде, как сообщалось, дело проходит без кровопролития.

Первым был занят тов. Мукомелем с отрядом моряков и красногвардейцев штаб военного округа, за ним телефонная станция, почта и телеграф. При занятии телефонной станции оказался убитым один верноподданный рады, не желавший уходить с поста и, мало того, открывший огонь по пришедшим через дверь станции.

Около 12-ти часов ночи город был наш, при одной жертве со стороны гайдамаков.

С Пироговской получился запрос: „что делать с гайдамаками, возвращающимися с гулянья из города вооруженными; не имея от вас

директив, мы их обезоруживаем, а затем пропускаем свободно в курени".

Отвечаем: „делаете правильно, продолжайте в том же духе".

Телефонная станция звонит нам: „зовут курени — отвечать или нет?"

Даем ответ: „включиться и прослушать, что просят. Если говорится что-либо против нас, то выключите и не давайте говорить". Оказывается, курени просят соединить их с Ревкомом. Станция соединяет. Вызывают председателя Ревкома.

Курени: „У нас волнуются казаки, почему вы их не пригласили в Ревком; было ведь условлено, что будем действовать заодно, чтобы не было кровопролития, а теперь ваши обезоруживают казаков и не только на постах, а идущих с гулянья. Кроме того, неподчиняющихся бьют прикладами".

Я: „Значит, надо подчиниться, тогда не будут бить прикладами. Что же касается вашего неприглашения, то мы вас ждали с 14 февраля, а вы, вместо того, чтобы прибыть, организовали свой параллельный Ревком.

Курени: „Но ведь надо же избежать кровопролития, которое неизбежно, так как наши гайдамаки обозлены и заявляют, что немедленно возьмутся за оружие".

Я: „Сделайте ваше одолжение, хоть по две винтовки на гайдамака. Знаю только, что здесь виноват командный состав, а не гайдамаки. Предупреждаем, что сражаться вам долго не придется, мы все предусмотрели".

Курени: „Но, тов. Кривошеев, неужели не лучше всего этого избежать? Ведь вам только стоит приехать,—наши казаки вас уважают,—вам только взять наших представителей и дело с концом; нам они сейчас не верят и заявляют, что мы (командный состав) здесь во всем виноваты".

Я: „Если этим все кончится, то я сейчас же еду к вам, предупредите ваши посты у куреней, чтобы не обстреляли мою машину, я прибуду с украинским матросом крейсера „Память Меркурия", т.-е. с вашим представителем".

„Хорошо" отвечают курени, „мы все сделаем". Я передал разговор Ревкому. Последний запротестовал, заявив, что офицерам Рады терять нечего и они пытаются захватить меня и расстрелять.

Я с такими доводами не согласился и привел свои, что если нам действительно удастся заполучить представителей, то мы просто утром общим постановлением произведем арест всего командного состава, и власть будет удержана без кровопролития. Более же реакционно настроенную часть гайдамаков нам тогда будет совершенно легко обезоружить и разогнать по домам.

С матросом с крейсера „Память Меркурия" Цыбулько мы покатили в курени. Под'езжая к куреням, мы увидели здесь море пьяных голов, гайдамаков, крики, ругань, никакого порядка. Одни кричат, что надо вырезать командный состав, ибо он виноват, другие кричат „до зброи, та на жидів и кацапів".

Выскакивая с машины, я крикнул: „товарищи, успокойтесь, сейчас все уладим. Это я, ваш знакомый матрос Кривошеев, и со мной ваш украинец тов. Цыбулько".

Банда утихла, но видно было, что она страшно перепилась, так как в куренях, как оказывается, недавно выдавали спирт без всяких норм.

Идя в Ревком, я пропустил впереди себя тов. Цыбулько. На лестнице, в темноте, меня остановил тов. Курган. Задержав меня, он сказал: „Чого вы, тов. Крывошія, йихали, вони вас мають росстрилять. Я тут уже до всего довідався“.

Возвращаться было некуда, так как внизу стояла раз'яренная толпа, тем более, что тов. Цыбулько уже прошел в Ревком Рады на 2-й этаж.

— „Ладно, говорю, ты будь здесь и собери вокруг себя свою сотню на случай чего“.

— Та мої хлопці вже давно тут,—отвечает тов. Курган.

— „Ну и хорошо, сам далеко от меня не уходи, а ребятам прикажи, чтобы внизу вели агитацию за то, что виноваты ваши офицеры и предлагали бы их арестовать, начиная с Ревкома“. Дверь вверху отворилась, и разговор прервался. Я вошел в белый Ревком Рады.

Не будучи еще почти ни разу в подобных переплетах, я сразу же опешил. Ревком был исключительно из офицеров в числе около 50 чел. Лица такие же пьяные, как и у гайдамаков, глаза у всех выползли из орбит, зрачки налиты кровью и вообще люди-звери.

Меня потащили за стол, и следом замкнулась людская цепь.

Между офицерней, прижавшись к стенке, мелькнула фигура моего друга по несчастью тов. Цыбулько и исчезла.

Председательствовал какой-то дуралей фельдфебель (но не Лопата, а какой-то более умный контр-революционер), служивший маскировкой в том, что в Ревкоме есть, мол, и гайдамаки, а не одни офицеры.

Первый вопрос, который мне был задан каким-то прапорщиком, был следующий:

— „Ві щож це наробили? Льеця рідна кров українців, льють її кацапи, німецькі шпики. Невже ви думаете, що це все пройде даром, невже ви думаете, ви відсіля вийдете живім? „Эге, думаю, Артем, плохи твои дела“. Тут мне вспомнился и визит Чеховского в Ревком, и Чеховский на почте, и Чеховский в Ахтырском полку, и все мои прегрешения. Только одно я мог сообразить: за дурной головой и ногам не место, а тут еще душонка в пятки просится, хоть ты плачь.

Ко мне продолжаются все вопросы на подобие первых, а я уже почти ничего и не соображаю и думаю, авось Курган вывезет. Вдруг ко мне с словами: „до зброї!“ рванулся какой-то высокий полковник и замахнулся кулаком, но я все же не струсил, успел отклониться, и он задел меня только по плечу. Остальные тоже стали порываться к столу, но допрашивавший прапорщик отстранял их и продолжал. „Вы хтіли крови, ну так знайтеж, мы вас напоім цією кровью, напоім так, щой море почервоніє“.

Снова ко мне рванулась какая-то длинная сухощавая фигура с оселедцем на голове, очевидно, пытаясь просто схватить за горло. Но поймал он меня только за самовяз, который лопнул, и я ударился о стену. Вдруг в толпе крик: „большевики окружили курень и ревком!“ За криком—выстрел. Банда шарахнулась куда попало. Я кинулся через стол и тоже схватил свой „наган“ и выстрелил, не знаю куда и, кажется не один раз, а несколько. Все смешалось. Я кинулся в двери, где меня на лестнице схватил Курган и, согнув вдвое, поволок. Выска-

кивая на улицу, я только припоминаю, что он крикнул: „Хлопцы, наші охвицери на верху застрелили тов. Крівошію. Смерть ійм за це". Банда заорала и кинулась к дверям. Меня же Курган потащил к автомобилю. Но его оказывается и след простыл. Цыбулько был умней и удрал во время. Тогда для меня стала более понятней картина. Мы побежали каким-то проулком. За нами послышались шаги. Курган окликнул бегущих: оказались его казаки. Он передал меня им, сказал, как скорее добраться до Пироговской, а сам помчался назад к куреням, продолжать путать пьяную ораву.

Мы стали отдаляться, крики стали стихать. Недалеко от Пироговской мы услышали топот бегущих людей навстречу нам и вдруг: „стой! руки вверх!" Но здесь я уже сразу понял, что это бегут „братишки" вызволять. „Свои! отвечаю". „Он"—раздается в толпе. Снова вопрос: „кто идет?" „Кривошеев", отвечаю. „Братва" подошла, держа винтовки в упор, но потом все выяснилось. Оказывается, автомобиль с Цыбулько был задержан, и он передал, что на его глазах меня расстреляли, пустив два выстрела, сам же он успел убежать. Выслушав такую новость, братишки, частью, очевидно, из штаба на Пироговской и частью из заставы, кинулись бежать в курени для того, чтобы навести расправу. Присматриваюсь—оказывается почти все, кроме винтовок, имеют бомбы. Пошли вместе обратно. Каждый показывает примеры, как бы он рванул эти банды вместе с их Радой, размахивая во все стороны бомбой. Через штаб с Пироговской мне вызвали машину, и я прикатил в Ревком. Здесь меня встретили с овациями, в особенности тов. Федоров. Расспрашивают, как же все это случилось, а я и сам ничего толку не могу понять. Смотрю, стоит тов. Цыбулько. „Рассказывай, говорю, ты, тов. Цыбулько, ты ведь за стол на почетное место не попал и тебе, наверно, было видней".

— Та я, тов. Кривошія, тильки бачив, як вас схватили и почали бить, а дали закричали и началы в вас стріллять, а я тім часом по пид стіной та вныз на машину, та скорійше в рівком, щоб доложить, а матросы з заставы побигли до куринів, я ім сказав, що вас расстрилялы.

— Все это, брат, говорю верно, кроме одного: бить они меня начинали, а стрелял не знаю кто, но не в меня. Когда же началась суматоха, то и я стрелял, а куда, тоже не знаю, потому что с перепугу не только душа, но и мозги куда-то спрятались.

Но так или иначе, город был взят без лишних жертв, или вовсе без жертв, если не считать убитого на телефонной станции.

С Пироговской заставы снова звонят и сообщают, что там в куренях стихает; очевидно, пьяная банда, навоевавшись вдоволь языком, расходится спать. Мы отдали соответствующие приказания смотреть в оба, а утром большую часть людей оттянуть в резерв, а я немедленно лег спать, так как почти уже два дня не спал.

Таким образом, Одесса на утро 16 января 1918 г. стала красной. Добрался, наконец, и до нее Октябрь.

Часов около 8 меня разбудили и показывают: на левой странице „Одесской почты" написано, примерно, следующее: „Известный матрос Кривошеев, председатель Ревкома, участвовавший в эту ночь в перевороте, убит при ночной схватке с украинскими войсками". Я прочитал и снова закрыл глаза. Те, кто выспались, рассмеялись.

Проснулся я около 10 утра. Никогда, кажется, в жизни я так сладко не спал.

День оказался на редкость теплый и тихий. Все, как будто, радовалось. По городу небольшими группами шли красногвардейцы и матросы, одни патрулируя, другие расхаживая на постах около общественных зданий. Народ, проснувшись, даже не знал, что случился переворот, и жадно читал расклеенные на каждом шагу об'явления, что власть перешла в руки Ревкома, Рада низложена и прочее, т.-е. все то, что имеет место в таких случаях во всех вновь занимаемых городах. Газеты вышли не все, так как, захваченные нами, успели понабрать только об'явления.

Но все же это затишье было тем затишьем, которое всегда бывает перед грозой. Контр-революция, оставшись в дураках, вовсе не думала сдавать без боя свои позиции и готовила кровавую баню.

Представители гайдамаков и Ревком не прибыли, их стали усиленно накачивать спиртом, кроме того, они по отношению к нам стали злыми за то, что мы их ночью почти на 20% обезоружили, когда они возвращались с гулянья, а главное, поотобрали самое ценное оружие, т.-е. револьверы, сабли.

К часу дня наша разведка, блуждавшая среди самих гайдамаков, донесла, что курени готовятся к бою и полно каких-то ораторов, которые призывают отнять обратно город. Одни кричат, что надо просто итти и выбить, другие предлагают пред'явить ультиматум: сдать обратно город без боя.

Автоброневики все готовятся и делают ходовые пробы во дворах куреней. Одним словом, запах пороху стал слышаться более явственно, нежели до сих пор. Но тут уже наступала игра почти в открытую, а мы знали, что на нас готовятся итти, и стали осматривать и подсчитывать не только все наши посты и резервы, которых оказалось не больше 800 человек, но и вообще все свои рессурсы. Городской станции приказали пустить трамвай на Софийский спуск до Торговой, где думали вагоны снимать с рельс и, таким образом, около штаба образовать уличные баррикады. Во многих местах разрыли мостовую и устанавливали пулеметы. На рейд пришел из Сулина или Измаила пароход „Ростов“, привезя с собой полевую артиллерию из разоруженной отдельной балтийской бригады, кажется, и разоруженной тем же Щербачевым, продавшимся „Раде“. Но эта артиллерия попала опять к нам, и немедленно пушки были без лошадей вытащены и поставлены по одной на улицу. Анархисты вооружились кроме винтовок, все поголовно, бомбами и попросили, чтобы на них специально возложили задачу ловли броневиков, которые они будут взрывать из засад ручными гранатами. Это ими было поручено, и они отправились занимать посты по Б. Арнаутской и Александровскому проспекту и по улице Полтавской победы, где должны были по нашему мнению проходить автоброневики. На эскадре были уже приготовлены дежурные командоры у орудий, на мостиках сигнальщики и дальномерщики, по заводам подтвержден приказ держать котлы под парами, так как возможно, что, по нашему расчету, гайдамаки попытаются ночью отнять у нас город.

„Кольтовцам“, стоявшим в тылу гайдамаков, были также даны соответствующие указания.

Ахтырцы вызваны все до одного и оставлены в штабе, за исключением полуэскадрона, отосланного тов. Мукомлю в Пироговский штаб, заявившего, что ему там хорошо и что едва ли потребуется смена.

Вообще, гроза надвигалась, но когда она разразится, никто не знал; время шло к вечеру, и все были в нервно-приподнятом настроении.

Около 8 часов вечера нам сообщили, что пришли представители Украинского Ревкома и просят срочно принять их.

Мы их приняли. В Ревком ввалилась орава гайдамачьих офицеров, около 5-ти человек, между которыми был один идиот-фельдфебель, по фамилии Лопата.

„Чем можем служить?" задали мы вопрос. Лопата, положив на стол лист исписанной на машинке бумаги, заявил: „будь ласка, почітайте, тут все написано".

Я взял и прочитал. Оказывается, Ревком Рады, созданный параллельно нашему, представил нам ультиматум, примерно, следующего содержания:

„Революционный Комитет Украинской Армии и народа Украины, обсудив вопрос о самочинном захвате города чужеземцами—большевиками, наемниками немецкого кайзера и жидами, постановил: а) предложить незаконному Ревкому, тайно организовавшемуся на территории Украинской Республики, сдать к 12-ти часам ночи обратно город законным властям; б) выдать зачинщиков и разоружить так называемую красную гвардию, оружие которой сдать законным Украинским властям". Дальше следовали подписи.

Прочитав ультиматум, я, улыбнувшись, сказал: „недурно для начала". Спросил, не может ли кто из Ревкома взять „слова" по поводу предложенного белогвардейцами ультиматума.

В Ревкоме воцарилось молчание. Члены один по одному стали куда-то уходить, и через несколько минут Ревком опустел. Остались одни только матросы. Я, видя, что Ревком фактически разбегается, оглянулся на оставшихся: остались исключительно одни представители эскадры, а из рабочих тов. Ачканов, Сергеев и, кажется, тов. Юдовский. Мы один одному улыбнулись, и я сказал: „кажется, все действительные члены Ревкома налицо".

— Кто желает взять „слово" по предложенному ультиматуму?

Председатель Ростиславского Комитета тов. Федоров ответил: „Я думаю, что самое лучшее, ты сам можешь от имени Ревкома дать ответ этой банде".

Гайдамаки попытались протестовать и просили меня, как председательствующего, призвать к порядку тов. Федорова, но я ответил, „что он высказал мнение Ревкома, и мы, вообще, вас считаем за кровожадную банду, но тем не менее не желая, чтобы пролитая кровь считалась на нашей совести, мы вам ответ дадим".

Я предложил Ревкому дать ответ в 11 час. 30 мин. ночи, т.-е. за полчаса до срока, требуемого Украинской бандой.

Ревком согласился, но гайдамаки стали протестовать, что им приказано ответ принести немедленно. На это я ответил, что ведь они бой с нами будут начинать в 12 часов ночи. Если мы им не дадим ответа, значит, этого права мы их не лишаем. Если ответа до 12 не будет, то

они могут начинать. „Мы со своей стороны только благодарим за предупреждение и заявляем, что мы ждали начала далеко раньше и уже давно к бою готовы. Ответ, повторяю, Ревком, безусловно, даст в срок, как и указано. Вы свободны“.

Гайдамаки заявили, что они будут ждать. Мы ответили, что ничего против не имеем и вообще представляем все на их усмотрение, а сами немедленно отправились на эскадру для того, чтобы оповестить команды, что нам, во-первых, предстоит бой, а во-вторых, со слишком неравными силами, так как представители рабочих, при пред‘явлении ультиматума, в большей своей части разбежались.

На всей эскадре мы встретили редкое единодушие бороться до конца. В случае невыдержки, матросы обещали громить город из морских орудий. Оттуда мы вернулись в 11 час. ночи. Гайдамаки ночью побоялись нас почему-то ожидать в Ревкоме и удрали обратно в свои курени. Но ответ надо было тем или иным путем доставить в стан белогвардейцев. Ответ был с предупреждением, что мы города не сдаем и что все жертвы, которые могут оказаться при попытке отнять власть у рабочих и крестьян, лягут на голову белогвардейцев, и что мы проведем самую жестокую и беспощадную расправу над всеми, кто поймается в наши руки, так как за кровь тружеников мы в своей мести будем беспощадны.

Нужно было снова кому-то ехать в курени для вручения контрультиматума. У меня, конечно, после вчерашней передряги, никакого желания не было быть расстрелянным, но мы видели, что и гайдамаки были настроены не совсем победоносно, потому, решили, что все же они, хотя и звери, но парламентера нашего не расстреляют.

Вызвался тов. Цыплаков (матрос с „Ростислава“).

Цыплаков, простившись со всеми, сел на машину и укатил, причем мы ему приказали прежде всего предложить белому Ревкому отпустить его ровно в 12 час. 10 мин. ночи. В случае, к этому времени Цыплаков не вернется, мы откроем огонь по куреням и, главным образом, по зданию, занимаемому белым ревкомом, по которому яко-бы у нас еще днем установлен прицел судовой артиллерии.

Цыплаков уехал, а около пяти минут первого, он уже вернулся и рассказал следующее:

„Гайдамаки приняли его почти так-же, как и меня, но были очень довольны, увидев, что мы прислали ответ, так как они, очевидно, думали получить какой-либо компромисс. Но когда наш ответ был прочитан вслух, они пришли в точно такое же бешенство, как и вчера, и попытались было кинуться на Цыплакова, но последний заявил, что есть еще поручение Ревкома и на словах. Банда остановилась, и он им заявил следующее:

„Уезжая к вам, я прежде всего попрощался со всеми товарищами, так как после того, что вы пытались сделать с нашим председателем тов. Кривошеевым, я знал, что могу и не вернуться. Ревком заявил, что если я не возвращусь к 10-ти минутам 1-го часа к ним, то в ваш Ревком немедленно полетят 10-ти дюймовые снаряды с эскадры. Прицел по вас мы установили еще днем. Никаких отдельных приказаний на эскадру даваться не будет, а у нас просто сидят сейчас дежурные у телефона на кораблях и в штабе Ревкома и командоры у орудий, в случае, им со штаба сообщат в определенный срок, что Цыплаков от Рады еще

8*

не вернулся—это явится для них сигналом немедленно открыть огонь по вашему зданию.

Банда оторопела, не зная что делать, так как уже подходили последние минуты. Поэтому она бросилась на Цыплакова, но не загораживала, как меня, а кто как мог давал ему пинки и гнал прочь от себя в автомобиль.

Цыплаков прибыл во-время. Конечно, прицелов по белому Ревкому никто не устанавливал по той простой причине, что по нем нельзя было установить их, так как Ревком помещался за-городом. Впереди его были здания в 4—5 этажей, в то время, как сам он помещался в старом, казарменном двухэтажном, следовательно, бить его можно было только перекидным огнем. Вообще же бить ночью, не пристрелявшись, как следует, это значит убивать ни в чем неповинных обывателей.

Итак, жребий брошен; сообщили вторично во все боевые участки о том, чтобы усилили разведку, подтянули резервы, но гудков по заводам давать не велели до первых выстрелов со стороны белого Ревкома.

Наконец, уже час; все тихо; спрашиваем „Пироговку", что слышно, что доносит разведка. Отвечают: „Разведка была в самых куренях, готовятся авто-броневики, гайдамаки волнуются, пьяны все поголовно: во всех куренях спирт пьют прямо кружками. Понять точно ничего нельзя, но по всему видно, что готовятся к наступлению. Юнкера в боевом порядке прибыли к 3-му куреню, а также масса пришлого офицерства; всего до 10-ти тысяч уже вооруженных людей. Все толкается пьяное, стройного ничего не видно. То же с некоторыми изменениями сообщается и в 2 часа ночи из штаба на товарной станции. Ответ тот же, за исключением того, что 2 броневика во втором курене сделали пробу хода машин по двору.

Ночь тянется слишком медлительно. Нервы настолько у всех повышены, что больше уже некуда, каждый только толкует одно: „а черт бы вас побрал, хоть бы уж скорей начинали".

Наконец, половина 4-го и „Пироговка" звонит: „Гайдамаки и юнкера строятся в сотни, вышло 2 броневика на один переулок по направлению к нам и остановились, ругаются, что их послали без прикрытия".

Отвечаем: „значит, почти уже начало?" Через несколько минут новое сообщение: „броневики идут к нам с небольшим прикрытием; к нам же для связи прибыло несколько человек из участка тов. Зайцева, которым приказано держать с нами связь между штабом и станцией".

Даем немедленно указания, что в случае невыдержки связи—уйти к себе, так как на штаб т. Зайцева обрушится сразу самый сильный удар. Могут ли они держаться в самом штабе, если отрежут? Боимся кабы не попали в руки гайдамаков прямые провода штаба, соединяющие Рум-фронт с Одессой.

Штаб в Пироговке отвечает: „если не будут бить с артиллерии, то мы будем держаться в штабе все время, по крайней мере, несколько дней выдержим осаду".

Запрашиваем снова: „как подвешены идущие к нам провода и поймут ли гайдамаки, какие надо обрезать для раз'единения с нами?"

Получаем ответ: „общие, быть может, и порежут, так как они все проходят по одним и тем же столбам, но полевые едва-ли, так как они

идут через крыши и выходят на столбы только через переулок, думаем, что они просто не догадаются рассмотреть".

Отвечаем: „хорошо, действуйте, как указано".

Ровно в 4 часа утра подошли броневики и набросились обстреливать штаб на Пироговке пулеметным огнем, к ним под домами прошла часть прикрытия, которая, увидев, что штаб не отстреливается, посмелела и начала палить из винтовок по окнам штаба. Ахтырцы сообщили, что у них уже начался бой.

Выйдя на балкон, мы услышали, что в утреннем тумане четко слышится отдаленная дробь пулеметного огня и вперемежку винтовочные выстрелы. Заставы немедленно оттянулись назад, к ним присоединились бывшие в разведке, и все отошли к Б. Арнаутской, еще не теряя связи с тов. Зайцевым, т. е. держа под своим обстрелом площадь и станцию Одесса-пассажирская.

Мы приказали немедленно звонить по заводам и дать во всех тревожные гудки. Через несколько минут загудел Ропит, за ним Белино-Фендерих, Ген и др. На эскадре, очевидно, миноносец, завыл сиреной. Тягучие стонущие голоса гигантов-заводов слились в каком-то зловещем крике, разрезая спавшую утреннюю дымку города, а через полчаса бой уже был в полном разгаре. Наши держались очень стойко, каждая улица сдавалась только тогда, когда уже обстрел начинался почти с 3-х сторон.

Для нас было еще невыгодно и то, что офицерня действующей армии, очевидно, палила просто из квартир, но потери с нашей стороны были очень малы. Вскоре наши принуждены были оставить Б. Арнаутскую и стали отступать к улице Кондратенко. Гайдамаки, выйдя в обход, пытались зайти нам в тыл с Ланжерона, но это им не удалось, хотя по улице Полтавской победы они продвинулись почти до пересечения ее с Дерибасовской. Получился треугольник, в который вклинились белые и стали доставать огнем своего левого фланга до порта.

Мы немедленно же бросили помещение ревкома на Николаевском бульваре и перешли в штаб Красной гвардии (Торговая, 4). Здесь была также полная связь с эскадрой и городом, а главное, по Софийской улице были установлены баррикады из трамвайных вагонов. Кроме того, здесь же стояли у каждого переулка и полевые пушки, взятые с парохода „Ростов".

Гайдамаки, тесня наш левый фланг, заняли к 2-м часам дня Ланжерон. Наш левый фланг был обращен в сторону Красно-Бугазского маяка.

Получилась некоторая путаница, так как уже пули долетали до эстокад и даже падали в воду, а эскадра все молчала. Я позвонил по телефону на „Ростислав" и спросил где Кондренко и почему не открывается огня в то время, когда по кораблям уже стреляют из винтовок, а левый фланг оставил белым ланжероновскую полевую батарею.

Ответ получился следующий: Кондренко велел без него огня не открывать, а самого его на эскадре нет.

Я, видя, что по телефону ничего не договоришься, передал тов. Ачканову, что немедленно бегу на эскадру и начну сам руководить огнем.

Тов. Чижиков с красногвардейцами побежал на левый фланг. Я спустился по Торговой в порт и побежал к „Алмазу".

Прибежав к „Алмазу“ и взобравшись на его палубу, я задал тот же вопрос к окружившим меня матросам, почему они не стреляют по Ланжерону?

Команда сгруппировалась за рубкой и снова заявила, что нет Кондренко. Зная, что с „Алмаза“ могут и не послушаться моего приказания, как флагманского корабля Кондренки, я свернул руки трубкой и крикнул на броненосец „Синоп“. Добраться до него было нельзя, ибо нужно было проехать по воде шлюпкой около 100 сажен, а с Полтавской совершенно свободно меня могли пристрелить, так как на шлюпке быстро не двинешься. „Синоп“ услышал мой крик и кто-то высунулся из башни 8-ми дюймового орудия. Я крикнул: „откройте огонь по Ланжерону и по окраине улицы „Полтавской победы“. Через несколько секунд грянул залп 4-х 8-ми дюймовых орудий. На Ланжероне взвился земляной вихрь, выбросив в воздух кучи вековых деревьев совсем с корнями. Грохот пошел и дальше, потрясая прилегающие здания. Следом раздался второй залп.

За „Синопом“ начал „плевать“ и „Ростислав“ из своих 6-ти и 10-ти дюймовых орудий, за ним минный заградитель „Дунай“, и, наконец, затявкали, на подобие дворняжек, и миноносцы из своих 3-х дюймовых. Только один „Меркурий“ стоял и любовался, как лупят его союзников. Но сам он был безвольным свидетелем, ничем не могшим помочь, так как одна 10-ти дюймовая башня „Ростислава“ повернулась к нему и упорно смотрела своими черными зрачками открытых пробок 4 дул.

Огонь на несколько минут остановился и на Ланжероне послышалось „Ура“; наши красногвардейцы с тов. Чижиком погнали снова гайдамаков, которые от судового огня побежали как стадо, не только с Ланжерона, но даже и по улицам. Только теперь откуда-то прибежал Кондренко и, не добегая до „Алмаза“, приказал открыть огонь. Кондренко взглянул на меня и я понял из этого взгляда, что он не доволен. Но я взглянул на него такими глазами, что он сразу понял, что ему придется быть в убытке, если попытается спорить о том, что он отвечает за эскадру и что он должен руководить огнем.

Через час гайдамаки были сбиты окончательно и наши их снова погнали по городу. Обстрела порта уже не было и я, взяв вольный ялик, спрятавшийся под каменной стенкой гавани, поехал на „Ростислав“.

Вызвав наверх дальномерщика, я приказал немедленно установить прицел по колокольне Пантелеймонского подворья. Прицел был установлен, и я запросил после этого штаб, что им известно о станции Одесса-пассажирская, держится ли Зайцев на Одессе-товарной. Оказалось, что телефонная связь имеется с Одессой-главной, так как у Зайцева тоже получился треугольник т. е. Одесса-товарная и дальше к Еврейскому кладбищу и Болгарской улице. Площадь Куликова Поля под обстрелом гайдамаков и штаб на Пироговской в таком же положении и отрезан, но телефон со штабом действует.

Получив такие сведения, я сейчас же передал, чтобы предупредить Зайцева, что мы начнем пускать 10-ти дюймовые снаряды перекидным огнем, взяв сперва прицел по колокольне Пантелеймоновского подворья с рассчетом бросить левей станции на площади. Он же пусть сообщает падение снарядов. Таким образом, при его помощи, мы напра-

вим морской огонь по параллельной улице и достанем курени, не разрушая напрасно зданий. Через пять минут получился ответ, что Зайцева в штабе нет, но кто-то просит, чтобы давали снаряды.

Мы посылаем первый снаряд, который разорвался на площади против станции, выворотив трамвайные столбы, поддерживающие трамвайную сеть.

Получаем ответ: „снаряд лег удачно. Давайте следующий левей сажен на 100". Даем левей, получаем ответ: „дайте еще чуть левей. Даем третий. Ответ: „снаряд разорвался среди улицы южной стороны Куликова Поля. Можете теперь увеличивать дистанцию расстояния и так дойдете до куреней. По нашему от куреней не больше полторы версты, а там можете начинать бросать веерообразно в обе стороны, т. е. поражать 2, 3 и 1 курени.

Минный заградитель „Дунай", почему-то тоже открыл огонь через город, но, очевидно, без корректирования, так как его снаряд угодил так удачно в станционные часы Одесса—пассажирская, что разнес часы, а место, где они были и сейчас стоит пустым, так как он больше ничего не задел. Быть может одесситы это нарочно оставили, как памятник того времени, когда первый раз этот город посетил пролетарский Октябрь. По крайней мере, в 1919 году дыра не была заделана.

Мы начинаем усиливать огонь по Куликову Полю без прицела, а просто для паники.

Наши погнали гайдамаков. Уже в наших руках оказалась не только Дерибасовская, но и улица Кондратенко. К вечеру гайдамаки были отброшены за Б. Арнаутскую. Правый фланг снова вошел и соприкосновение с участком тов. Зайцева. Нас поразило, что штаб на ст. Товарная Одесса ни разу не просил подкрепления, которого к тому же нельзя и дать, так как сообщения были перерезаны. Ему дано было еще при занятии станции каких-нибудь 100 человек, которых он, подержав сутки, отправил нам для подкрепления.

К ночи огонь с эскадры уменьшили настолько, что фактически он уже помощи не давал, а просто сообщал через каждые 5—10 минут, о том, что эскадра не спит. Стала ослабевать и ружейная перестрелка, а с наступлением темноты бой превратился в какую-то сторожевую перестрелку.

До штаба на Пироговской нам дойти все-таки не удалось, так как, хотя с правой стороны мы и выбили гайдамаков и Пироговская с севера была под нашим обстрелом, но на Итальянском и Французском бульварах гайдамаки и офицерня с юнкерами засели почти во всех домах и за каменными заборами с пулеметами и могли поэтому без особого труда снимать всех, кто бы попытался проникнуть к штабу.

Чтобы выбить их оттуда, надо было делать новый большой обход, а у нас не было для этого лишних сил, так как рабочих, как мы и ожидали, вышло не больше 2-х тысяч человек, а фактически в бою участвовали только половина вышедших, остальные снова разбрелись. Матросов всего было под ружьем на берегу не больше 1.500 человек, но они настолько устали, что надо было дать передышку. Поэтому мы и решили держать Б. Арнаутскую в своем распоряжении и дальше не наступать, а перейти к обороне. Все, что можно было снять, решили немедленно снять и поставить в резерв для отдыха.

К 12-ти часам ночи у нас на Торговой образовался настоящий „цыганский табор“. Здесь было больше 1.000 штыков. На лицах у всех бодрость, непрерывные рассказы о всем том, что кому пришлось пережить. Люди спали кто-где упал: среди улицы, по прилегающим дворам, в штабе и в театре, приготовленном вместо лазарета для раненых. Ночь прошла несколько спокойнее первой, так как мы уже свои силы испытали и, главное, нам уже было точно известно, что мы дрались лучше гайдамаков и офицеров, ибо у нас было не больше 3.500 штыков, а у них минимум 15.000, да еще такая вещь, как автоброневики. Правда, 2 из них были уже у нас, 1—отняли анархисты, набросившись на него с ручными гранатами, а второй захватили матросы без гранат, а просто спрятавшись в подвал церкви на Александровском проспекте. Броневик проходил малым ходом, обстреливая улицу Кондратенко. „Братишки“, выскочив из подвала с криками „ура“, кинулись на четвереньках на броневик. Пулеметы не могли бить прямо в землю и строчили поверх ползущих матросов. Последние облепили броневик и винтовками стали колоть сквозь пулеметные люки прислугу броневика. Тогда сразу открылись люки и юнкера просунули руки с белыми платочками. Было уже поздно: все были переколоты и броневик со своими импровизированными шоферами явился в порт и стал против крейсера „Алмаз“. Действовать из них ни один не мог, так как тот, который брали анархисты, оказался с поврежденными моторами, а взятый матросами — с побитыми покрышками. У нас других покрышек не было. На броневиках мы только повесили красные флаги и они стояли, как трофеи. Правда, долго им стоять не пришлось, так как на Севастополь напали крымские татары и оттуда стали через каждую минуту давать радио: „отдайте нам броневики, так как для действия по шоссе они необходимы. Вы же для себя все равно еще достанете“. Ночью действительно их кажется погрузили и погнали в Севастополь. Но они оказались лишними, так как матросы раздавили татарскую буржуазную авантюру, забрав в плен и их Президента Крым-Гирея.

К 2-м часам ночи разведка, посланная тов. Зайцевым, побывала снова в пьяных куренях и донесла, что из города, очевидно, собралось в курени все офицерство, так как идет ругань между гайдамаками и офицерами, которых во дворах куреней стало больше, нежели самих гайдамаков. Батареи гайдамацкого дивизиона едва-ли будут стрелять, так как артиллеристы держат посты у орудий и никого к ним не подпускают, так, что творится в куренях, очень трудно разобрать.

Второй курень частью разрушен; стекол нет нигде; все поле кругом вспахано. Кавалерийского полка больше не существует, даже лошади все разбежались, так как во двор попало несколько снарядов в тот момент, когда полк собирался к бою. Снаряды сделали такую панику, что не только лошади разбежались, но кавалеристы неизвестно куда девались.

Видно было по всему, что вместо гайдамаков, нам на утро предстоит столкнуться с чисто офицерскими частями, почему обо всем было сообщено резерву, а по заводам предупреждено, что в 4 часа снова заревут гудки. Надо выдержать последний бой. В победе мы уже почти не сомневались, так как тов. Зайцев тоже где-то добыл и установил 2 пушки. Значит, и он может громить курени.

Действительно, около 5 часов утра открылся такой ужасный ураганный ружейный и пулеметный огонь со стороны куреней, что немедленно снова „разорвался“ наш фронт, т.-е Зайцев оставил снова „пассажирскую“ и отступил на „товарную“, цепи стали быстро откатываться в город. Штаб „Пироговки“ только сообщал, что снова погнали наших. Ахтырцы же сидят закупоренными, забарикадировав все выходы. На верхних площадках у них пулеметы. Вокруг штаба только щелкают зубами, а как только мы „пришьем“ одного-двух, так гайдамаки часами не приближаются к штабу.

Огонь все усиливался и превратился, наконец, в сплошной треск.

Эскадра начала было отзываться, но бить ей было некуда, так как гайдамаки прорвались через Б. Арнаутскую и снова теснили нас к порту. Значит, можно было бить только по куреням, т.-е. по их тылу, который теперь уже из себя ничего не представлял. Около часу дня улица Полтавской Победы и Ланжерон снова в руках гайдамаков. К этому времени я уже снова перешел из штаба гвардии на „Алмаз“.

„Алмаз“ и „Меркурий“ стояли так неудобно, что с них можно было вести обстрел только Ланжерона, или перекидным огнем.

Именем Ревкома мы приказали миноносцу „Зоркому“ выйти в море и оттуда начать бить по площади Ланжерона и Маразлиевской улице, что нельзя было обстрелять с бухты. Миноносец зашел из района маяка Каролино-Бугая, и начал „угощать“ зарвавшихся белогвардейцев, которые, надо сознаться, дрались отчаянно.

Стрелял „Синоп“. Но почему-то 10-ти дюймовые „Ростислава“, перестали „плевать“; тогда как он легче всего мог бы пристреляться, имея вращающиеся башни.

Я запросил по телефону—в чем дело? И получил ответ тов. Федорова, что команда бастует. Кто-то наговорил, что набили массу мирных жителей, тогда как гайдамаки оставались неуязвимыми и сегодня они кинулись с новой силой. Так как эскадра им вреда почти не приносит, команда решила не стрелять. В общем „митингуем“.

Найдя под пристанью яличника, я потребовал, чтобы он меня вез на „Ростислав“. Последний не соглашался. Я его кое-как уговорил и мы тронулись.

Добравшись до корабля, я велел сейчас же собрать команду в церковной палубе и „пустил нижеследующую демагогию“: товарищи! К нам два раза приезжала Дума просить перемирия от имени гайдамаков, но мы поставили условием прекращение огня только тогда, когда нам гайдамаки выдадут всех своих руководителей. Они уехали. Очевидно, скоро снова появятся: все курени нами разбиты; гайдамаки и офицеры частью бегут в поле; дерутся с нами сейчас только юнкера и офицеры. На Ланжероне пойманных наших товарищей офицера повесили вверх ногами, у некоторых отрезали по локти руки, у некоторых поотрезали носы. Вообще, звери не знают, что делают перед концом своей гибели. Я требую от имени ревкома немедленно открыть частый огонь, дабы дать возможность засветло выбить их из города, а затем пустить на них „Ахтырцев“ преследовать уже по полю. Это настолько имело ошеломляющее впечатление, что сразу раздались крики „к орудиям“, „будем убивать за одного замученного нашего товарища по сто белогвардейцев“, и через несколько сукунд уже снова „заплевали“ по Ланжерону и куре-

ням 10-ти дюймовые башни „Ростислава“, неся с собой ужас и разрушение.

К ночи гайдамаки были окончательно выбиты из города и здесь уже начался форменный разгром куреней.

Немало этому способствовал и бронепоезд, принадлежавший гайдамакам, но за неделю до нашего плана по мысли железнодорожников, поставленный в ремонт, якобы для исправления некоторых частей. (Гайдамаки за день до боя пытались его взять из мастерских, но железнодорожники разобрали части паровоза и заявили, что он еще неисправлен. Так он и стоял, пока, наконец, начался бой). Когда же на 2-й день боя уже шел окончательный разгром, то тов. Зайцеву при общем усилии железнодорожников, бронепоезд удалось выпустить и он начал с запада громить курени. Вообще, момент оказался настолько критическим для гайдамаков, что они были совершенно парализованы. Сражались только юнкера и офицеры, засевшие в больших зданиях в районе станции. Они яростно дрались, пытаясь как-нибудь снова захватить хотя бы часть города и оказаться снова неуязвимыми.

К ночи, видя полный успех, мы снова ослабили судовой огонь. Я отправился в штаб красной гвардии.

Около семи часов к нам в штаб прибыли парламентеры от городской Думы, предлагая посредничество в перемирии и заявляя, что они посланы от гайдамаков. На это мы им заявили, что никакого посредничества быть не может; наши условия очень кратки: выдать всех офицеров „Рады“ и вообще всех руководителей боя, которых сами гайдамаки должны переарестовать и доставить в наш штаб. После этого огонь будет прекращен и мы вступим в переговоры о сдаче остальных, которые должны сложить оружие.

Не успели выехать парламентеры, как явился т. Зайцев.

Тов. Зайцев уже привез заявление самих гайдамаков о том, что они согласны на немедленное перемирие и просят остановить огонь судовой артиллерии. Тов. Зайцеву были даны наши условия, на которых мы согласны прекратить дальнейший разгром, т.-е. выдача всех офицеров.

На автомобиль сел еще один из наших разведчиков и тов. Зайцев опять, проскочив через свою цепь, которой передали не стрелять, и сквозь обстрел юнкеров доставил наш ультиматум гайдамакам.

На эскадру эта новость была немедленно сообщена, равно, как и по всем боевым участкам. Это сразу подняло дух, об усталости забыли совершенно. Кто были в резерве, немедленно двинулись к станции для поддержки сражающихся и дальнейшего нажима на гайдамаков. Анархисты успели к этому времени захватить здание судебных установлений, но никому не сообщили, почему подверглись нашему обстрелу. Впоследствии дело все выяснилось.

Около 11-ти часов ночи уже и ружейный огонь был слаб. Снова явился тов. Зайцев, но на этот раз он уже привез двух гайдамаков, представителей от всех куреней, которые, придя в штаб, прежде всего попадали на колени и заявили, что они дальше не могут выдержать такого адского огня, которым их все время поливают и просят немедленно его остановить, так как он разрушает все, что попадается на пути, и людям совершенно некуда от него укрыться, что они готовы

принять наши условия, но надо все-таки обсудить как следует. Положение сейчас таково, что этого сделать они никак не могут, так как опасно даже сообщаться между куренями без риска быть убитыми. Мы ответили, что они просто тупицы. „Неужели вы не понимаете, спросил я, „что офицерство ведет с нами бой не на жизнь, а на смерть. Сейчас, правда, оно разбито, но продолжает еще драться и, если мы остановим огонь, да еще на сутки, как этого просите вы, то они снова соберутся. А ведь их 11.500 человек, да 2.500 юнкеров. Кроме того, мы не уверены в том, что и вас снова не спровоцируют или не перепоят. Тогда нас уже вне всяких сомнений, раздавят, так как мы слишком устали, да силы наши слишком неравны. Покончив с нами, они расправятся и с вами".

Гайдамаки заявили, что немедленно едут и доложат, но просили хоть ослабить огонь. На это мы согласились, указав, что будем добивать второй и третий курени. В первый же курень мы пока бросать снарядов в течение ночи не будем, предложив в нем группироваться соглашавшихся с нашими условиями.

Этим достигалась следующая выгода. Мы им предлагали концентрироваться в курене, который стоял совершенно отдельно и который не имел прикрытий. Таким образом, в случае, если они там действительно сгруппируются, мы могли бы их свободно, в случае нежелания выполнить наши условия, разбить в течение часа, а главное, им из этого куреня уже совершенно некуда было укрыться.

По их от'езде с т. Зайцевым к нам снова явилась социал-предательская Дума, которая, очевидно, просто пыталась провоцировать нас, так как она, во-первых, сидела где-то в городе, но главное то, что она явилась просить о перемирии тогда, когда уже фактически все шло к концу. Когда нас сбрасывали в море, она не явилась с предложением этих услуг, хотя, безусловно, и знала, что мы на волосок от смерти.

На этот раз ей было конкретно указано, что если она еще раз позволит вмешиваться, то просто-на-просто будет арестована здесь в штабе и водворена куда следует, как представительница белогвардейцев.

Дума удрала. По участкам и на корабли снова было сообщено, что гайдамаки официально сами просят перемирия и что, очевидно, наши условия будут приняты, так как они уже со своей стороны ничего нового не выдвигают.

Наконец, к шести часам утра, с Пироговской заставы нам сообщают следующее: „прекратите обстрел по Преображенской улице, так как по ней будут сейчас вести в штаб красной гвардии арестованных гайдамаками своих руководителей".

Такая весть после нескольких дней нервной боевой жизни была чрезвычайно радостна работникам Красной Гвардии. Эскадра немедленно была оповещена. В это время как раз броненосец „Синоп" послал через город свой последний приветственный „чемодан".

Получив по телефону приказание всей эскадре прекратить огонь, рейд сразу умолк.

Через полчаса на Торговую была доставлена первая партия арестованных офицеров, около пятидесяти человек. А когда стало совсем рассветать, появилась и вторая партия, человек в 150. Всех аресто-

ванных водворили в заранее приготовленный театр, а на эскадру была послана телефонограмма от имени Ревкома, поздравляющая с победой.

В утреннем тумане на рейде сперва послышались рожки горнистов, играющих „отбой“, затем зычные команды: „От орудий отойти“. А через несколько минут где-то робко откликнулось „ура“. Затем „ура“ стало шириться и через несколько минут в тумане, легшем на бухту, слышно было, как эскадра торжествует победу, и „ура“ идет перекатами с одного корабля на другой.

„Ахтырцам“ было дано задание немедленно установить кавалерийскую цепь на путях к Аккерману и ловить всех, убегающих по этому направлению, так как на Аккерман и Тирасполь могли убегать, преимущественно, офицеры, пытаясь пробраться на Румынский фронт к Щербачеву.

В куренях получился полный разгром. Юнкера, видя, что остались одни, мигом разбежались, тем более, что их уже начали обстреливать со всех концов.

Зрелище было поистине редкое. Побежденные потеряли не только воинский, но и человеческий вид. Все они смотрели унылыми, хозяйство их полностью разгромлено, авто-броневики разбросаны по всему двору 1-го куреня. Артиллерия не стояла в порядке. Как оказалось, она и не действовала, в виду отказа гайдамаков стрелять.

Офицеры, которых нам сдали, производили еще более удручающее впечатление: погоны с них во время ареста гайдамаками сорваны, у многих не было даже и головных уборов, шинели поизмяты, лица—тоже, так как они не спали около четырех суток и плюс пили для храбрости.

Необходимо остановиться несколько и на роли западного участка и его руководителей тов. Зайцева, Капралова и Мизикевича, так как благодаря этому участку и уменью руководить боем в условиях, когда связь отсутствует, быть может, на целых 50 % способствовало удачному разгрому белых банд при наличии с нашей стороны очень ограниченных сил.

По докладу, сделанному т. Мизикевичем, членом железнодорожного комитета, и одним из непосредственных участников боя на участке тов. Косаревым, дело обстояло приблизительно следующим образом:

Тов. Зайцев был нами назначен комиссаром Одесского узла и начальником боевого участка этого района.

Как уже говорилось выше, ему дан был запечатанный пакет на имя железнодорожного Комитета Одесса-Главная, в котором Ревком именем Рабоче-Крестьянской Власти об‘являл власть „Рады“ низвергнутой, предлагал немедленно присоединиться к предложению Ревкома. Тов. Зайцев, как лицо, назначенное Ревкомом является ответственным за все действия на своем участке, как в политическом, так и в техническом отношении.

Тов. Зайцеву не разрешалось вскрывать пакета до прибытия на станцию посланного нами отряда, который должен был занять станцию, обезоружив, по возможности без кровопролития, находящиеся там отряды гайдамаков. Зайцев прибыл в комитет, начал рассказывать разные анекдоты и вообще делал все, что мог, дабы удержать комитет, расходившийся уже спать. Наконец, в 12 час. ночи прибыл наш отряд и командир его, явившись в комитет, попросил тов. Зайцева выйти с ним в коридор.

В коридоре командир отрапортовал т. Зайцеву, что он прибыл в его распоряжение от Ревкома.

Зайцев после этого вернулся в комитет и, распечатав пакет, адресованный комитету, прочитал его и, передавая председателю комитета, попросил оказать содействие на случай возникновения паники среди железно-дорожной администрации. Комитет сразу же полностью стал на сторону Ревкома, тем более, что в его числе были, если не большевики, то сочувствующие и охрана „Рады" была немедленно обезоружена без малейших эксцессов, а по линии немедленно было дано соответствующее распоряжение вплоть до Бирзулы, что власть перешла в руки Ревкома, и что на дороге никакие распоряжения Киева больше не действительны.

Первым мероприятием т. Зайцева, как знакомого с местной администрацией, между которой был ряд лиц чисто белогвардейского пошиба, было немедленно снятие последних и замена другими; затем установлена охрана линии Одесса-Главная, Одесса-Товарная и по линиям, идущим на Пересыпь и в Порт.

Следующий шаг—войти в связь с артмастерскими, так как там были готовые орудия, могущие быть использованными. От них т. Зайцеву удалось получить в свой штаб даже представителя в лице тов. Рубинштейна. После этого к нему был командирован матрос Околотин и прапорщик Капралов. Первый им был назначен временно для связи с нами, а впоследствии командиром того самого знаменитого бронепоезда, ремонт которого никак не могли закончить к сроку, требуемому Радой, а второй —начальником штаба его участка. Кроме Мизикевича, на дороге оказалось много сочувствующих ответственных работников, и тов. Зайцев всем им дал соответствующие задания и посты. Штаб был размещен в квартире начальника мастерских гражданина Черкунова (Одесса-Товарная), а так называемый „полевой"—на Одесса-Главная.

Оказалось, что в центральном нашем штабе не все было предусмотрено, а именно, никому не дали задания захватить склад оружия, принадлежавший Румынскому правительству и охранявшийся наполовину гайдамаками и наполовину юнкерами. Только прибывший к нам Околотин доложил об этом, но было уже поздно, да и не было для этого лишних людей.

Пришлось дать задания выполнить эту операцию т. Зайцеву, хотя надежд на это никаких не было. Оказалось, что склад при помощи первоначально посланного отряда и собранных и вооруженных тов. Зайцевым железнодорожников был захвачен, невзирая на то, что это было уже во время предложения нам гайдамаками своего ультиматума.

Артсклад вытащил 2 готовых орудия, которые т. Зайцевым были установлены на плацу для обстрела куреней. Наблюдатель был посажен на водокачке станции. Эти пушки, как оказывается, сыграли не последнюю роль в общем ходе боя.

Интересен один случай из боев этого участка. Обезоруженные гайдамачьи посты, по всей вероятности, удрали не в курени, а просто куда ноги понесли, так как утром прибыла смена около сотни человек. Но эти уже знали, что город занят, и думали, что станция находится у них. Но каково же было их удивление, когда они на станции увидели моряков. Это так повлияло на бойцов Рады, что они бросили винтовки и

разбежались куда глаза глядят, хотя их никто не собирался ни обстреливать, ни преследовать.

Для составления себе отрядов тов. Зайцев распорядился дать тревожный гудок, и рабочие собрались у мастерских, где перед ними выступил Зайцев и другие члены комитета. Откуда-то появились меньшевики и начали запевать свою излюбленную песню о том, что, вот мол, сейчас польется наша кровушка, а за что? никто, не знает, потому что этого хочется каким-то приехавшим матросам. Дело принимало совсем нежелательный оборот, но Зайцев, видя, что меньшевика просто столкнуть нельзя и видя, с другой стороны, что большинство аудитории настроено в нашу пользу, стукнул слегка меньшевика черенком „Нагана" в висок и он полетел с трибуны, не вызвав ни у кого большого сожаления, за исключением небольшой горсточки.

После этого начали выступать только большевики от железнодорожников и, благодаря такому умелому подходу к делу, на дороге удалось поставить под ружье до 1500 чел. рабочих железнодорожников.

Это оказалось настолько важным для общего плана действия, что за район станции совершенно не приходилось беспокоиться, так как не только бумажные распоряжения Рады, но и реальная помощь стали невозможны, ибо из вооруженных людей были посланы всюду новые патрули по линиям. Таким образом, Рада при всем желании, не могла дать помощи своим осажденным в Одессе. Поэтому присланный нами первоначально тов. Зайцеву отряд был возвращен в наш резерв.

Гайдамаки, ведя наступление на город, как оказывается, в одно и то же время, самое сильное повели именно на станции, пытаясь захватить их. Нельзя, конечно, было и мыслить удержать Одессу-Главную, так как перевес был слишком велик на стороне Рады. Надо было только уметь отступить как можно с меньшими потерями. Тов. Зайцев все внимание обратил на постановку разведки и это было решающим в дальнейших событиях его участка, так как белые прежде всего пустили юнкеров в обход на Одессу-Главную.

Благодаря разведке, этот маневр не удался, и штаб немедленно покинул Одессу-Главную и перешел на Одессу-Товарную, где соединился со своим основным штабом. Надо заметить, что обход был совершен около двух часов дня и гайдамаки не сумели перерезать сообщение между железнодорожным районом почти в течение 10 часов. Только когда уже весь отряд в полном порядке отступил и занял новые позиции и Пироговский штаб оказался отрезанным, юнкера поняли, что они опоздали, так как, очевидно, они получили донесение, что Одесса-Главная занята без боя и без пленных.

Тогда они обрушились сразу на ст. Одессу-Малую. Здесь же можно было попробовать поспорить и спор начался, т.-е., кроме пехоты, начали „тявкать" две полевые пушки, установленные на плацу, которые били и по куреням и по прикрытиям, за которыми юнкера пытались ворваться в район станции, что им так и не удалось, потому что рабочие, хотя и плохо стреляли, но находились в хороших прикрытиях.

К этому времени, как гласит доклад т. Мизикевича, над городом пронесся сильный гром, заглушивший все перестрелки, от которого, как-будто где-то рвались на части облака. Это, оказалось, летели первые

„Ростиславские чемоданы“, которые начали рваться на площади Куликова поля у станции Одесса-Главная и, наконец, у самих куреней.

Один снаряд, не взирая на корректирование стрельбы, все-таки влетел на станцию, взорвал цистерну с бензином, натворив переполох.

Между Одесса-Товарной и Одесса-Порт оказались три вагона с патронами, пулеметами, лентами и другими принадлежностями. Караул, очевидно, сам от них бежал, а мы о них не знали и потому это оказалось находкой. Надо было во что бы то ни стало захватить эти вагоны. Но обстрел шел со стороны юнкеров по линиям и было почти невозможно подойти к вагонам. Все же нашлось несколько героев, которые проползли к вагонам; появился откуда-то со стороны порта пригнанный паровоз и вагоны были к нему прицеплены и задним ходом паровоз потащил их в порт, обдаваемый градом пуль. Вагоны были утащены и поставлены в порту под прикрытием эскадры.

Конечно, трудно сейчас все учесть и оценить, как я указывал и раньше, так как судить о нашей военной зрелости в тот момент невозможно, а о тех способностях, которые мы имели в 1918 году, едва ли и говорить приходится. Пожалуй, играл большую роль энтузиазм. Кроме того, мы ведь были разделены и действовали на „авось“, т.-е. если видно, что „наша берет“—наступаем, если нет, значит, надо как можно лучше отступать.

Боевой участок Зайцева, несмотря на огонь юнкеров, когда присмотрелся, что снаряды эскадры ложатся там, где надо юнкерам отступать, перешел в наступление и начал теснить гайдамаков к Одессе-Главной и первому куреню. Эти операции оказались настолько удачно—проведены и согласованы вместе с нашими, что именно к ним и явились гайдамаки с просьбой прекратить огонь с эскадры. Но т. Зайцев продолжал теснить гайдамаков. Присланных парламентеров задержали и потом, прорвавшись вместе с ними сквозь обстрел юнкеров, прислали их в наш штаб.

Оказывается, штаб и боевой участок т. Зайцева беспокоились за нас, что мы, не зная общей ситуации, можем пойти на компромисс с гайдамаками и потому их резолюции, выработанные для предложения гайдамаками, т.-е. их отдельный от нашего ультиматума, указывал на то, что они, т.-е. железнодорожный боевой участок, не считает возможным и нужным делать, хотя бы какие-нибудь уступки и категорически заявляют, чтобы руководители или вожаки белых были выданы все без из‘ятия, в противном случае они будут громить белых до последнего момента, не беря даже пленных. Первый гайдамачий курень был взят ими, а остальные два брать не надо было, так как при подходе общего фронта, они представляли из себя не боевые единицы, а курятники, наполненные мокрыми курами. Так был взят один из сильных оплотов контр-революции, пытавшейся играть на националистических чувствах темной массы трудового народа.

Приведу имена тех борцов, которые сохранились в памяти [1]).

---

[1]) Тов. Макар Чижик. Командовал всеми вооруженными частями береговых отрядов, при чем во всех участках, где не было стройности, он появлялся и исправлял ошибки. В бою всегда был впереди вместе со своей женой, которая была его неразлучным соратником и стреляла ничуть не хуже любого красногвардейца.

Итак, бой был кончен. Рабочий класс, под руководством большевиков, своей кровью написал мандат бывшим людям бывшего века на выезд в дальнюю дорогу с красной трудовой земли. Вечером 18-го января мы уже подсчитывали свои трофеи и свои жертвы. Много полегло и зевак, ничего общего с революцией не имевших, но не мало осталось на улицах Одессы и товарищей, горевших огнем революции и сгоревших на ее пылавшем костре, который с каждым днем и с каждым часом разгорается все сильней и сильней, пока не подожжет мировым пожаром колеблющиеся троны и дворцы, в которых еще продолжают жить угнетатели рабочего класса.

Была выбрана трудящимися Одессы новая власть, которая целиком была вручена большевикам.

Саша Фельдман—какой-то красный метеор, которого можно увидеть вообще везде, где только нужны стойкие товарищи. Он бывал и на заводах, и на фабриках, и в штабах, и в бою и, вообще, во всех уголках. Кроме того, он был спецом насчет разведки. О нем у меня остались следующие воспоминания: как-то так выходило, что, как только переспрашиваем разведку—были ли они в самих куренях, как сейчас передают, что там был Саша Фельдман, переодевшись каким-то нищим. Те даже махоркой его угощали. Для штаба его сведения о противнике были самыми ценными. Последний убит белыми в 1919 г., благодаря изменникам, выдавшим его белым, как оставшегося в Одессе для подпольной работы. Сашу я помню по 1918 г., когда он держал связь между Москвой и Одессой Скоропадского. Мне приходилось два раза пропускать его через демаркационную линию.

Т. Спиридонов (большевик) помощник командира Красной Гвардии. Почти не было ни одного опасного участка, где бы он ни был. Помню как сейчас, пришел он в штаб около 10-ти утра и спрашивает: „как мы совсем разбили белых? или может еще где окажутся притаившиеся?“ Я говорю, что этого быть не может, т. к. работа выполнена, что называется, „под метелку“ в 100%. „Ладно,—говорит, значит теперь лягу отдыхать“. Говорить в этот день он уже не мог, так как совершенно охрип, метаясь день и ночь по участкам боя, отдавая разные распоряжения.

Тов. Федоров и Цыплаков члены судового комитета „Ростислав“, всегда бывшие со своими отрядами в цепях. Как только получалась заминка в подсмене дерущихся, мигом направлялись на корабль и выводили для боя новых товарищей, сами не сменяясь в течение всего боя.

Тов. Власов и Околотин (большевики), из отряда тральщиков. Первый начальник отряда, второй командир выпущенного бронепоезда. До этого последний был разведчиком и для связи между штабом тов. Зайцева и нами. Тов. Мукомель (ныне Мукомль) большевик. Этот был своего рода осью в общем ходе сражений, т. е. держал пироговский штаб с отрядом „Ахтырцев“ в течении всего боя даже и тогда, когда попадал в кольцо белых, совершенно не думая о том, что раздраженная контрреволюция могла начать громить их артиллерийским огнем. Штаб, фактически, во время боя был больше в кольце белых, нежели соединен с нами, тов. Мукомоль с „Ахтырцами“ продержался без смены в течении трех дней.

Тов. Переверзев (большевик, с какого корабля не помню), с презрением относившийся ко всякой опасности. У него была редкостная черта по тому времени—это никогда не обсуждать полученного распоряжения.

Тов. Воронский (старый большевик) редактор наших газет. Не знаю каким путем, но воззвания и газеты печатались. Печатались иногда так, что распространять их не удавалось, т. к. редакция переходила из рук в руки. Убитым он у нас считался несколько раз, т. к. по отдаче редакций в руки белых его вечно нельзя было разыскать и сейчас же начинали толковать о том, что наверно убит, потому что уходил с редакции под обстрелом. Но тов. Воронский всегда оказывался жив и, как только до редакции начинали подбираться наши, тов. Воронский снова отправлялся на свой пост, боясь упустить серьезность момента.

Тов. Юдовский (старый большевик) сражаться не мог, слишком стар уж, но тем не менее его можно было видеть в штабе днем и ночью, где он давал те или иные советы, а иногда и указания и тоже принимал участие в издании газет.

„Дед Трофим“ (старый большевик) по фамилии не знаю, да думаю, что едва ли его фамилию знает и Одесса, так как иначе его никто никогда и не знал. Удивительный дед, нервный до невозможности, и всегда лез сражаться, не взирая на то, что одним глазом едва ли что видел, не говоря уже о преклонных летах. Это старый корень Одессы, ни при каких переменах власти он не покидал этого города.

На следующий день на Куликово поле, изрытое нашими снарядами, потянулись печальные процессии. Туда несли тех, кто честно и храбро умер, кровью написал завет оставшимся в живых для дальнейшей борьбы за дело трудящихся. Куликово поле теперь самый дорогой памятник для рабочего класса красной Одессы. Там лежат лучшие его граждане, отдавшие свою жизнь за рабочее дело.

Оставшиеся в живых помнят этот памятник и никогда уже не забудут о нем ни сами, ни подростающее поколение.

После разгрома белых, власть рабочего класса зажила самой нервной жизнью. На Тирасполь напирали румыны, из Бессарабии двигалась Щербачевская белая стая молодцов — отряд знаменитых впоследствии Дроздовцев, пытаясь захватить Одессу. Там погиб незабвенный тов. Рошаль. Первая попытка сорвалась, т. к. порох еще не весь вышел у моряков, красногвардейцев и рабочих.

Банда до Одессы дойти не могла. Даже в Аккермане побыла только один день, а на утро была выбита не больше как 30-ю моряками судна „Салгир", на котором мне и тов. Кондренко пришлось туда пойти. Получив сдачу, эта банда снова удрала к Щербачеву, а меньшевистская дума только успела расклеить об'явления о том, что она поздравляет настоящих хозяев земли украинской и предлагает населению выполнять все требования хозяев. Хозяева же едва ли и видели эти воззвания, т. к. удрали с такой поспешностью, что даже побросали среди улиц грузовики, вооруженные пулеметами. Но все же черные тучи сгущались, появлялась немецкая черная рать и Одесскому пролетариату пришлось пережить ужасы разных оккупантов.

а провожая товарищей, вынужденных уходить под напорами разных империалистических клик, которых Одесса перевидела за время революции очень много, он всегда говорил „до скорого возвращения", уходил в подполье и продолжал работать. Жив ли — не знаю. Рабочий класс Одессы любит его и уважает.

Мацко и Мизикевич — большевики железнодорожники. Кроме того, что дрались, но они главное с'умели поднять весь железнодорожный пролетариат на борьбу за дело бедняков и тружеников, несмотря на то, что бой был непосильный и на дороге имелось наличие меньшевистского болотца.

Тов. Черкунов — большевик был, кажется, в штабе с тов. Мукомлем, а отец его, не взирая на то, что беспартийный спец, предоставил даже свою квартиру под штаб тов. Зайцева. Учитывая, что это имело место в начале 1918 г., такого факта со стороны наших специалистов нельзя не отметить.

Тов. Лашевич, муж и жена (кажется большевики). Он помогал в штабе, ее же надо считать первой „красной сестрой" Одессы. Под огнем она ездила собирать раненых и работала без смены в лазарете в течении всего боя.

Анна Ефимовна (старая большевичка), ее по фамилии Одесса не знала, выполняла что угодно, и разведчиком, и дипломатом, и сестрой.

Тов. Христев (большевик) Румчеродовский секретарь, бывал ночью в штабе и на боевых участках, помогал во всех местах, где необходим был стойкий товарищ.

Тов. Ачканов (большевик), фактически, бессменный начальник штаба за исключением тех моментов, когда его рабочие резервы таяли, он как то мигом оказывался на заводах и, возвращаясь, сообщал, что сейчас придут те или иные новые отряды на смену уставшим, которые действительно приходили.

Тов. Земит (большевик латыш) командовал прекрасно сформированным и дисциплинированным отрядиком латышей (около 60 чел.). Своим порывом увлекал всех.

Румчеродовцы: Богорад, Лившиц (ныне Литвинов) дрались прекраснейшим образом, увлекая малодушных. Тов. Калинин (большевик) румчеродовец всегда был впереди; на улице Полтавской победы был тяжело ранен с раздроблением кости. Хороших врачей во-время найти оказалось невозможным, и получилась гангрена. Ногу тов. Калинину ампутировали.

Тов. Косарев (большевик) из железнодорожников, бесстрашный боец, всегда был впереди других.

Итак, красная гвардия, моряки и рабочий класс сдали экзамен на право называться свободными и жить по своему усмотрению. И сдали блестяще, вписав в историю борьбы новую красивую страницу беззаветной преданности и храбрости в деле защиты труда от капитала.

Всякий участник этих волнующих и захватывающих событий может с гордостью сказать: „да, я видел и пережил то, что меньшевику и обывателю, распускающему слюни, и во сне не придется видеть, как бы он этого ни хотел“.

Жестоки ли действительно большевики и красногвардейцы, как об этом частенько не только раньше, но и сейчас пописывают богачи и их прислужники меньшевики?

Нет. Доказательством этому могут служить те мероприятия, которые проводились только что зародившейся советской властью в Одессе.

Прежде всего, из пленных без суда никто не был казнен. Наоборот, около 80% были вовсе освобождены, просто как давшие честное слово, что они больше не будут сражаться против нас, где бы то ни было, хотя и не разделяют нашей точки зрения. Часть была освобождена как чистосердечно раскаявшаяся и признавшая ошибочность своих взглядов и лозунгов. Конечно, небольшая группа была расстреляна, но это были отпетые белогвардейцы, которые, находясь в плену, клялись, что они перевешают весь рабочий класс, и уверяли почему-то, что их тронуть не посмеет восставшая „рабская рать“. Конечно, такая сорная трава была убрана с поля, и так достаточно удобренного рабочей кровью.

Второе: Одесса не имела ни копейки денег. Нужно было достать их. За это дело взялся было прогремевший в свое время Муравьев, появившийся к этому времени на Одесском горизонте, заявив, что он расстреляет две сотни буржуев, и деньги будут. Но рабочий класс Одессы даже не поблагодарил за такое оригинальное предложение Муравьева, а поручил это нам в лице меня, тов. Лившица и третьего не помню, с наказом никоим образом не доводить дело до Муравьевских рецептов, и это дело было выполнено блестяще. Одесские, вновь воскресшие, нэпачи должны найти в себе мужество, чтобы сказать, что это именно было так, а не иначе, т. е. они не понесли ни одной кровавой жертвы, не взирая на то, что деньги страшно упирались давать, доказывая, что „во всей Одессе их не более пяти миллионов“. Остальные или вложены в дела, или просто успели уплыть с нашим появлением. Но мы оказались лучшими бухгалтерами и подсчет в 40 миллионов оказался верней, доказательством чему служит то, что при соответствующем нажиме богачи дали нам в течении трех дней около 20 миллионов рублей.

8-го марта 1918 г. я уехал из Одессы, будучи выбранным на четвертый с‘езд Советов. По прибытии в Москву, остался членом ВЦИК‘а 4-го созыва. В красную Одессу вернуться не удалось, да она вскоре была и оставлена Советской властью под давлением немецкой реакции, разлившейся по всей Украине и родившей Павла Скоропадского.

Много прошло с тех пор времени, а память о прошлых славных днях глубоко запала в голову и, очевидно, останется на всю жизнь, как выдающееся яркое событие в жизни пролетариев.

Б. Леонидов.

Октябрь в старой армии [1]).

(Из воспоминаний о Юго-Западном фронте).

Крах июньского наступления.

Самая „сильная ставка“ Временного Правительства—июньское наступление—была бита.

Искусственно созданное „боевое настроение“ фронта хватило едва на три дня. Наступление, начатое 18 июня, 21-го июня уже выдохлось и огромные солдатские массы безудержной лавиной хлынули с фронта, катясь безостановочно в тыл.

Лозунг Временного Правительства „решительное наступление—даст мир“ увлек далеко не всех. Бойцы первой линии, составили главную массу перешедших в наступление, но их хватило не надолго, а резервы, которых было сосредоточено очень много, в наступление отказались идти.

Дороги от Тарнополя на Трембовлю-Копычинцы—Каменец-Подольск и от Бучача на Чортков—Каменец-Подольск—на линию р. Збруч, представляли сплошную серую солдатскую массу, обильно перемешанную многочисленными обозами, батареями: „смешались в кучу кони, люди“...

Отдельные кавалерийские части, авто-броне-части, менее разложившиеся, составили заградительные отряды и пытались под руководством Савинкова, Гобечиа, Филоненко и некоторых членов Искомитюз‘а (испол. ком. юго-зап. фронта), остановить солдатскую лавину, заставить ее оказать сопротивление наступавшим вслед австро-германцам.

Но, увы! это была неразрешимая задача. Не помогали уговоры, заград. отряды, массовые расстрелы из пулеметов... Ничто не могло удержать уставших бойцов, представлявших собой дезорганизованные вооруженные толпы. Все были охвачены паническим страхом и необыкновенной жаждой „домой“.

Чей-либо крик: „немцы“, „кавалерия“, приводил в ужас всю эту толпу и она в страхе бежала.

---

[1]) Частично эти материалы были использованы мной в Октябрьском сборнике журн. „Рев. и Война“. 1921 г.

По дороге эта масса людей, лишенная организованного довольствия и управления, попутно занималась грабежом продовольственных складов и местных жителей.

В Тарнополе действовал „ударный юнкерский батальон“, жестоко и беспощадно расправлявшийся с отступающими солдатами. Без суда и следствия, без всякого разбора, солдаты расстреливались „пачками“. На страх другим—расстрелы производились на площади и расстрелянные выставлялись у ратуши.

Реакция подняла голову и свирепствовала во-всю.

Под влиянием агитации „большевики предали“—слово „большевики“ стало синонимом „шпион“ „предатель“ среди темных и несознательных масс.

Этим пользовались махровые контр-революционеры и хватали всякого заподозренного в большевизме. Тюрьмы наполнялись. Первыми были арестованы те из большевиков, которые пользовались в армии популярностью: Дзевялтовский, Разживин и др.

Эсеро-меньшевистские комитеты потеряли голову и метались из стороны в сторону, не находя выхода из создавшегося положения.

Но первую цель, которую они себе поставили, это—дискредитировать большевиков. Устно и печатно на большевиков выливались ушаты помоев и грязи.

Эта бешеная травля имела известный успех. Стало опасно назваться „большевиком“.

Вместе с тем меньшевики эту травлю старались прикрыть фиговым листком „идейной“ борьбы; они говорили „мы ведем борьбу со шкурниками, именующимися „большевиками“, но мы не преследуем идейных большевиков“.

Фактически-же, конечно, никакой грани не проводилось. Да и нельзя было провести, так как меньшевики называли „шкурниками“ всех, кто шел за большевиками.

Введение смертной казни.

Главнокомандующим Юго-Западного фронта в это время был назначен генерал Корнилов. Комиссаром Временного Правительства был Савинков, его помощниками—Гобечиа и Филоненко.

Эти лица, представлявшие власть на Ю.-З. фронте, твердо решили обуздать „взбунтовавшихся рабов“.

Корнилов посылал телеграмму за телеграммой Временному Правительству с требованием—с одной стороны, введения репрессий вплоть до смертной казни и с другой—ограничения прав армейских комитетов до минимума.

В значительной мере ему помогали Савинков со своими помощниками и.... сами армейские комитеты в лице, главным образом, Искомитюз‘а.

Последний выделил в это время из своего состава „пятерку“, которая и была облечена всеми правами Искомитюз‘а.

Некоторые члены „пятерки“ выехали на фронт, где руководили действиями низших армейских комитетов и заградотрядами.

По предложению Савинкова было созвано экстренное заседание областного комитета эсеров.

Комитет состоял из студента Ковского, вольноопределяющегося (юрист) Левенберга, курсистки Плигиной, подполковника генерального штаба (фамилии не помню), солдата Усова и солдата С.

Заседание происходило в Каменец-Подольске, в квартире некоего владельца фотографии.

На заседание явились Савинков, Филоненко и Гобечиа, и кажется председатель Искомитюза Дашевский.

Савинков докладывает комитету о причине созыва настоящего заседания.

Довольно посредственный оратор, Савинков большой позер, молитвенно закатив кверху глазки-щели, сложив руки на животе, начал тихим голосом, словно ему было страшно тяжело говорить то, о чем он собирался сказать.

— Я пришел к вам, товарищи, как к живительному источнику, черпать новые силы для дальнейшей борьбы. Положение на фронте ужасное! Родина и революция погибнут, если не будут приняты героические меры. Никакое живое слово не поможет здесь и нам нужно прибегнуть к нашему старому испытанному средству—к террору. Лишь введением смертной казни против шкурников, оставляющих фронт и призывающих к оставлению фронта, мы восстановим боеспособность армии и спасем родину и революцию.

Я прошу вашей санкции послать Временному Правительству следующую телеграмму: „Я Борис Викторович Савинков"...

Так начиналась эта телеграмма, точного текста которой я не помню, и требовавшая введения смертной казни.

— Если вы не дадите этой санкции,—продолжает Савинков,— я сам исполню свой революционный долг до конца.

Наступила тишина.

Слово просит Плигина.

— Я не могу понять... как?... значит и идейных большевиков расстреливать?!.. нет, это невозможно!...

Плигина интернационалистка, сильно нервничает, волнуется, видно негодует и не может продолжать говорить. Приведенные выше несколько слов она не сказала, а скорее как-то истерически прокричала.

Левенберг говорит:

— Я противник смертной казни вообще и к этому своей руки не приложу никогда.

Солдат С. пытается полемизировать:

— Эсеры применяли террор против сатрапов царизма, но не против рабочих и крестьян; то что предлагает Савинков не террор, а просто убийство крестьян, за интересы которых вела борьбу партия эсеров.

Филоненко с выразительным нервно-подвижным лицом, прекрасный оратор, возражает горячо солдату С.

— С каких пор стали яйца кур учить? Старого бойца-террориста Савинкова учат что такое террор!...

Гобечиа поддержал Савинкова.

Затем Гобечиа и Филоненко также оглашают телеграммы, посылаемые ими Временному Правительству аналогичного содержания с телеграммой Савинкова.

Солдат С. заявляет:

— Почему Савинков просит санкции на эту телеграмму у комитета после того, как она уже послана и копия дана корреспонденту „Русского слова" Лембичу, который также передал ее уже по телеграфу в редакцию?

Савинков:—Я утверждаю, что это ложь! Телеграмма не послана и никому не известна еще.

Солдату С. не поверили и комитет санкционировал посылку телеграмм.

По окончании заседания Савинков на автомобиле помчался на телеграф штаба. Солдат С. отправился туда же пешком, но копии телеграммы уже не нашел. Савинков предупредил его.

Через несколько дней смертная казнь была введена Временным Правительством, хотя по существу этот декрет ничего нового не внес: фактически, смертная казнь, притом массовая, была уже на фронте печальным фактом.

Корниловщина.

В это утро все типографии, редакция „Голоса фронта" (орган „Искомитюз'а), городской телеграф и почта, жел.-дор. станция, все дороги из города были заняты сильными караулами 7-го Оренбургского казачьего полка.

Члены Искомитюз'а в большинстве ничего не знали. Кажется только члены президиума Колчинский и Дашевский узнали о выступлении Корнилова на рассвете и скрылись на Лысой горе (в Бердичеве), где надеялись на силы расположенных там солдат. Большинство членов Искомитюз'а, почуя что-то недоброе, попрятались. Более активные обходили части гарнизона, знакомясь с их настроением и подготовляя к борьбе. Труднее всего было пробраться к броневикам, так как дороги к ним усиленно охранялись казачьими патрулями. Но все же удалось пробраться к ним и броневики во главе с капитаном (фамилии не помню) обещали стать на сторону Искомитюз'а.

Часам к 12 дня авто-броневики под руководством Дашевского и Колчинского под'ехали к штабу фронта, угрожающе направив на него пулеметы. Конно-ординарческая команда штаба, караульные части и некоторые другие мелкие команды также выступили и появились у штаба.

Быстро обезоруживали казачьи патрули. Казачий полк был загнан в тупик между двух улиц; против него стояли два авто-броневика.

Генералу Деникину предложено было сдаться.

В штаб к нему вошли члены Искомитюз'а Дашевский, Колчинский, Дерюжинский и Торбек.

Генерал Деникин сильно нервничал, волновался. Начальник штаба Марков держался более спокойно, непринужденно и вызывающе заявил: „Силе подчиняюсь!"

Генералу Деникину было предложено написать приказание командиру казачьего полка сложить оружие и подчиниться Искомитюз‘у.

Марков, ехидно улыбаясь, сказал:

— Ведь сила и право у вас, вы и приказывайте!

Деникин приказал Маркову написать приказание.

Затем Деникин, Марков и некоторые др. чины штаба были арестованы и водворены под арест на Лысой горе. Охрана была поручена юнкерам Житомирской школы прапорщиков.

В армиях с генералами быстрее разделались, так как воинские части были все же в руках комитетов больше, чем в руках офицеров и вообще за Корниловым не пошли бы.

Вскоре на Лысую гору были доставлены генералы: Эрдели, Сельвачев, Эльснер и др.

Временно Главнокомандующим Юго-Западного фронта Искомитюз пригласил генерала Огородникова.

Солдаты требовали суда над арестованными генералами тут-же на месте, путем создания суда, согласно положения Временного Правительства о суде над шкурниками.

Но меньшевики и эсеры не соглашались с требованием солдат, указывая на запрет Временного Правительства и необходимость судить всех вместе с генералом Корниловым.

Чтобы солдаты не расправились самосудом, охрана была усилена авто-броневиками.

При переводе генералов в Быхов, толпы солдат хотели расправиться с ними самосудом и лишь с большими усилиями Искомитюз‘у удалось при помощи юнкеров и броневиков отстоять генералов.

Толпа провожала генералов свистом, тюканием и криками: „Смерть изменникам“.

Гарнизон выбрал делегацию для проводов и передачи в Быхове генералов.

Корниловщина явилась переломным моментом в настроении солдат и вместе с введением смертной казни толкнула массы сильно влево.

Большевики стали все заметнее и заметнее пользоваться влиянием в массах и ряды их росли и крепли.

Эсеро-меньшевики напрасно пытались сохранить свое былое влияние.

Накануне октября.

Исторический ход событий развивался по свойственному ему закону и не укладывался в рамки программы эсеров и меньшевиков, а еще меньше подчинялся резолюциям армейских комитетов, руководимых эсерами и меньшевиками.

Революция ширилась и росла, захватывая все большие и большие массы крестьян, волей старых судеб одетых в серые шинели и посаженных в окопы.

Сколько ни твердили эсеры и меньшевики, что „спасение революции“ в поддержке временного правительства, в сохранении линии фронта, в дружной совместной боевой работе с „союзниками“—это мало влияло на солдатские умы, в которых не совмещались понятия: временное правительство, ведение войны и собственные интересы.

И хотя такие тлетворные мысли приписывали обычно „разлагающей пропаганде большевиков“, однако, надо сказать, что в данном случае влияние большевиков было безусловно преувеличено.

Солдатские массы, после трехлетнего сидения в окопах, испытав на себе все тяготы войны, просто своим собственным умом пришли к тому мудрому выводу, что мир лучше войны, что война не в их интересах и что власть, требующая продолжения войны, должна быть свергнута. И как созревший плод такого сознания и явились требования: „Долой временное правительство“ и „Да здравствует немедленный мир“. Но именно этих то требований не могли удовлетворить трубадуры Временного Правительства, как не могло удовлетворить их само правительство Керенского-Милюкова.

Солдатские массы и армейские комитеты говорили на совершенно разных языках и молились разным богам.

Из всех вопросов солдат интересовали больше всего и, главным образом, только два: „мир“ и „земля“. Вопрос о власти был для них, в сущности, вопросом второстепенным и разрешался ими постольку, поскольку он был связан с вопросами о мире и о земле. В армейских комитетах, долженствовавших по идее быть выразителями мнений и настроений солдатских масс, на этот счет были несколько другие понятия: вопрос о власти был для них далеко не второстепенным. И в то время, когда временное правительство потеряло уже всякий кредит в глазах солдатских масс, когда требование „Вся власть советам“ громко звучало по всему фронту, армейские комитеты из всех сил стремились проводить резолюции о поддержке временного правительства.

Эсеры, имевшие в армейских комитетах большинство, выезжали на „социализации земли“, и это было довольно серьезной приманкой для солдат-крестьян. Но все же этой приманкой эсерам не удавалось разрешать вопроса и о мире. Солдаты говорили: „Мы с эсерами за социализацию земли, а с большевиками за мир и за власть советов“.

Но вскоре и „эсеровская социализация земли“ перестала быть приманкой. Солдаты мыслили социализацию земли как немедленный и непосредственный переход земли к крестьянам, а им предлагали еще ждать милости „хозяина земли русской учредилки“.—А тут еще стали поступать из дому печальные вести об арестах членов земельных комитетов, о карательных экспедициях в местностях, где земля была самовольно захвачена крестьянами.

Таким образом, солдатские массы отходили от эсеров и попадали к большевикам.

Введенная смертная казнь на фронте и Корниловщина также не мало тому содействовали.

Все больше и больше армейские комитеты отрывались от масс, все меньше становились выразителями их мнений и становились выборными органами без поддержки избирателей. Однако, комитеты были слепы и глухи: они не замечали своего одиночества и не слышали голоса масс.

А девятый вал приближался, слышен был уже явственно бурлящий рокот его волн и близок был день, когда он захлестнет остатки старого мира. Недовольство солдатских масс росло, все чаще принимая формы открытого, явного недовольства, грозя вылиться в сокрушающую бурю революционного гнева.

Не помогали даже броневики Керенского-Савинкова.

Октябрь назревал.

Октябрь.

Нахлынувшая волна октябрьской революции быстро сметала один за другим эсеро-меньшевистские комитеты, выдвигая на их место военно-революционные. И хотя руководители старых комитетов всячески тормозили перевыборы, однако недовольство солдатских масс ускоряло ход событий.

Быстрее происходила смена комитетов полковых, дивизионных и армейских, как ближе стоявших к массам; несколько затянулись перевыборы фронтового комитета. Перевыборы последнего состоялись лишь 16 ноября на фронтовом с‘езде, протекавшем довольно бурно.

Силы на этом с‘езде разделились так: большевики имели несколько меньше половины всего состава (руководил ими приехавший из Петрограда тов. Лашевич), половина голосов принадлежала эсерам и меньшевикам и незначительная часть—„фракции украинцев“.

После раскола эсеров на „правых“ и „левых“ большевики при поддержке левых с.-р., руководимых тов. Киквидзе, заняли на с‘езде господствующее положение и довольно энергично проводили свои резолюции.

С перевыборами фронтового комитета были ликвидированы старые комитеты и, вместе с ними, потеряли почти совсем свое влияние эсеры и меньшевики.

Солдатские массы в подавляющем большинстве шли за большевиками. Однако, надо сказать, что последним было далеко не легко вести за собой по намеченному пути деморализованные и дезорганизованные части. Солдаты рвались домой и требовали немедленной отправки вглубь России.

Вместе с тем, конечно, нельзя было так просто удовлетворить это требование. С одной стороны необходимо было занимать окопы, пока не окончились мирные переговоры с Германией, с другой стороны, приходилось вести борьбу с Центральной Радой, наседавшей своими частями на армейские революционные организации. Кроме того, руководители Ревкомов хотели, по возможности, вывезти ценное войсковое имущество и материальную часть. Все это вместе взятое принуждало руководителей Ревкомов, по возможности, сохранять хоть в какой-либо доле боеспособность воинских частей.

В связи с такими трудными задачами вся деятельность ревкомов, главным образом, была устремлена в сторону оперативной и административной части и в самой незначительной—чисто революционной, в смысле агитационно-пропагандистской.

Из всех армий юго-западного фронта более всех организованно действовал ревком 7-й армии и, собственно, на его долю выпала самая трудная задача в этот исторический момент развала старого и перехода к новому. В дальнейшем мы будем касаться именно его деятельности, притом в части оперативной, так как, повторяем, это собственно и составляло главную его работу.

(Последующие главы я излагаю, главным образом, по имеющемуся в моем распоряжении официальному отчету оперативного штаба ревкомарма 7).

Оперативная деятельность в декабре 1917 года и общее положение 7 армии.

Оперативный штаб был организован лишь в последних числах декабря месяца 1917 года (ст. стиля), и вся его деятельность относится к январю и февралю 1918 г.

К моменту формирования оперативного штаба колебания революционного комитета 7-й армии были почти изжиты; внутри комитета созревало сознание, что именно оперативные мероприятия должны стать наиболее существенной частью деятельности комитета, и большинством комитета было понято, что прежняя оперативная комиссия, избранная 6 декабря ст. ст. после того, как комитет был пополнен членами 2-го армейского с'езда, переименованная позже в полевой штаб, что эта комиссия не только не выполняет своего назначения, но и вообще бездействует. Действительно, эта комиссия самостоятельно ограничила свои задачи охраной важнейших пунктов армейского управления, с какой целью и были проведены следующие мероприятия: 1) в районе города Бара (штаб 7-й армии) были размещены: 6-й Финляндский стрелковый полк и 4 и 5 батареи из состава 2-й Финляндской стрелковой бригады, 2) в районе ст. Деражня 5-й Финляндский стрелковый полк, имевший своей задачей, как охрану армейских продскладов, так и наблюдение железной дороги в обе стороны от ст. Деражня; 3) в городе Проскурове (местонахождение ревкома 7) был размещен гвардейский Московский полк, до того времени стоявший в тылу 1-го гвардейского корпуса в городе Волочиске. Сюда же к Проскурову был перемещен и 294-й пехотный Березинский полк 74 й пехотной дивизии из состава 41-го армейского корпуса и расположен по шоссе на Старо-Константинов для несения дозорной и охранной службы в сторону последнего, занятого украинцами около середины декабря ст. ст. и представлявшего прямую угрозу, как Проскурову, так и революционному комитету 7-й армии, ибо ревком 11, после занятия Старо-Константинова, был украинцами распущен и продолжал существовать лишь в лице отдельных своих членов, действовавших самостоятельно и разрозненно. В районе того же Проскурова находились также 7-й и 8-й Финляндские стрелковые полки и остальные батареи 2-й Финляндской стрелковой бригады, равно, как штаб 4-й Финляндской стрелковой дивизии и все тыловые части ее.

Отдельные орудия, расположенные на позиции, были направлены по шоссе и к подступам со стороны Старо-Константинова. Финляндские стрелковые полки 7 и 8 несли совместно с гвардейским Московским полком гарнизонную службу в Проскурове и являлись охраной и опорой военно-революционного комитета в его деятельности.

Не лишним будет упомянуть, что 2-я Финляндская стрелковая дивизия была родоначальницей ревкома 7, ибо ее усилиями в 20-х числах ноября ст. ст. 1917 года был распущен армейский комитет 7-й армии прежнего состава и временно арестован его председатель Михайлов. Все эти мероприятия были вызваны определенно враждебными настроениями и действиями украинских частей, хотя необходимо констатировать, что декабрьский период не носил еще характера ожесточенной борьбы; отдельные представители революционных армейских организаций подвер-

гались репрессиям весьма редко: так можно отметить арест украинцами такого видного представителя ревкома 1-го гвардейского корпуса, как тов. Чудновский, или в конце декабря—арест товарищей Особой армии (Гусарского и других), препровожденных в киевскую крепость. Что же касается 7-й армии, то она репрессий по отношению к представителям украинских организаций вовсе не применяла.

Район важнейшего железнодорожного узла Жмеринка от Комаровцев до станции и местечка Жмеринка, включительно, находился под наблюдением и охраной частей 2-го гвардейского корпуса, которые во второй половине декабря ст. стиля пытались самостоятельно продвинуться в сторону Винницы и далее к Киеву, действуя по указанию и под руководством некоего Файнберга, якобы имевшего полномочия от ставки верховного главнокомандующего. Однако, попытка эта окончилась для 2-го гвардейского корпуса полной неудачей. Головной 4-й стрелковый гвардейский полк был ночью окружен и обезоружен в районе Браилова неожиданно прибывшим эшелоном украинцев, и там же была захвачена одна батарея стрелковой гвардейской бригады.

Результатом этого внезапного нападения явилась беспорядочная артиллерийская стрельба со стороны остальных батарей стрелковой гвардейской бригады на утро следующего дня, как бы в ответ на нечаянное и вероломное нападение и разоружение; стрельба и боевые угрозы окончились перемирием на сутки, после чего открылась „мирная конференция“ с представителями Центральной Рады с одной стороны и ревкома 7 с другой. В числе последних был и комиссар 7-й армии, тов. Васянин. Переговоры эти закончились установлением нейтральной полосы, далее которой не должны были продвигаться ни те, ни другие части; были выработаны условия, на которых считалось возможным пропустить 2-й гвардейский корпус в Россию. Условия эти должны были получить утверждение украинского правительства, как исходящие от противной стороны. Ни та, ни другая сторона, как казалось, на положительные результаты переговоров не надеялись, стараясь выведать друг у друга что-либо существенное и, откладывая окончательное решение, выиграть время.

Никаких мер разграничения в смысле кордонной, демаркационной линии установлено не было. Железнодорожное движение в сторону Киева беспрепятственно и регулярно поддерживалось и оставалось без политического наблюдения или поверки, как в ту, так и в другую сторону, а если бы и возникла такая мысль о поверке документов, она осталась бы неосуществленной, ибо поезда во второй половине декабря были до крайности перегружены демобилизованными и самодемобилизующимися солдатами.

Возвращаясь к деятельности оперативной комиссии ревкома 7, приходится, таким образом, констатировать, что никаких мероприятий определенно активного характера в смысле захвата железнодорожных узлов или армейских центров, находившихся в руках украинцев, как Старо-Константинов, Шепетовка, Бердичев, Винница, Казатин, ею не предпринималось, и главнейшей причиной этой неактивности являлось то, что позиция Центральной Рады по отношению к армии была недостаточно выражена и выпукла; так, например, снабжение армии продовольствием и фуражем, хотя и нерегулярно, все же продолжалось (снабжающий

центр находился в руках украинцев). Руководители украинской политики охотно вступали в переговоры с делегациями корпусов и дивизий, обещая в отдельных случаях всевозможные льготы в смысле пропуска в Россию с оружием, ограничивая последнее большею частью ручным, ссылаясь на невозможность подать необходимый подвижной состав для переброски всей материальной части. Наконец, имевшие место столкновения, как например, между частями 2-го гвардейского корпуса и украинцами у Браилова, тяжелое по своим моральным последствиям, действовали на солдат, отнюдь не ободряя их к борьбе, ибо сражаясь и неся потери, как с той так и с другой стороны, рядовые бойцы не понимали в достаточной степени ни цели, ни смысла борьбы, требовавшей новых жертв на путях в Россию. Вот почему аналогичная попытка соседней (на север) 11-й армии занять Старо-Константинов 27-м Витебским полком (с целью изгнания украинцев, восстановления военно-революционного комитета 11-й армии и устранения тем самым украинского влияния на штаб 11-й армии, в лице армейской рады) окончилась неудачно, благодаря колебанию и непониманию солдатской массой целей и значения начавшейся борьбы.

По прибытии на ст. Старо-Константинов эшелон Витебского полка попал в кольцо украинских частей и после переговоров постановил ни с кем в борьбу не вступать и, сложив все оружие и пулеметы в задние, потом в опечатанные вагоны, проследовал, пропущенный украинцами, в Россию, на место своей мирной стоянки в город Тамбов.

Стремление солдатской массы покончить с войной во всяких ее проявлениях было всеобщее и строить оперативные расчеты исключительно на готовности войсковых частей с оружием в руках защищать хотя бы и близкие солдатам революционные лозунги было рисковано и ненадежно.

В связи с таким настроением армии важно отметить еще один элемент, который играл существенную роль во всех стремлениях и попытках—это боязнь снимать войска с фронта, пока еще не заключен мир, так как была мысль, что это поведет к срыву мирных переговоров, а тем самым погубит самое важное и для солдат, действительно, понятное и дорогое дело—дело мира. И в этих опасениях кроется причина, почему все войска, которыми оперировала „оперативная комиссия“, состояли из частей, стоявших в армейском или корпусном резервах, т.-е. непосредственно не занятых на фронте [1]).

Наряду с фактом перемирия и продолжающихся мирных переговоров большое значение имело и то обстоятельство, что ставка верховного главнокомандующего после занятия Бердичева украинцами (2 и 3 декабря ст. стиля) совершенно не поддерживала более связи с армией, никаких указаний оттуда не получалось, ни один курьер из ставки в ревком 7 за декабрь месяц не прибыл; ожидать чего-либо из ставки

---

[1]) Укажем здесь кстати и общий состав 7 армии к моменту переформирования ревкома 7, т.-е. к началу декабря ст. стиля: 12 армейский корпус, 3 Кавказский корпус, 7-й Сибирский корпус, 41-й армейский корпус, 1 гвардейский корпус. Все эти корпуса занимали боевые участки на фронте, примерно, Каменец-Подольск—Волочиск, (оба пункта включительно) в глубоком резерве находились: 11 пехотная дивизия, 2 Финляндская стрелковая дивизия, 2-й гвардейский корпус, 5 кавалерийский корпус, некоторые части украинизировавшегося 31 армейского корпуса и другие оторванные мелкие части и специальные команды.

было безнадежно—радио-телеграмма Крыленко, в первой половине декабря, предлагала ревкому 7 и прочим армиям, отрезанным от прямой связи со ставкой, действовать самостоятельно.

В середине декабря ст. стиля, между 10 и 20 числами, не раз подымался на заседаниях ревкома 7 вопрос о более решительной тактике в обще-армейском масштабе, и все же дальнейшего движения не получил, ибо ни членами президиума, являвшимися фактическими руководителями ревкома и принадлежавшими к партии большевиков и левых социал-революционеров, ни кем-либо другим не вносилось предложений, разработанных хотя бы в принципиальной части. Трудно также причислить к таковым упорное предложение комиссара армии тов. Васянина, считавшего, что единственный выход из положения—это отдача приказа об отходе всей армии в тыл походным порядком, как протест против пагубной политики Центральной Рады.

Переговоры в Киеве с представителями центральной рады.

В таких колебаниях, не решаясь приступить к тем или другим мероприятиям, то устремляясь к крайним формам борьбы с Центральной Радой, но не принимая ничего планомерного и последовательного, то начиная вести переговоры с представителями украинского правительства, комитет 19 декабря ст. стиля незначительным большинством постановил направить делегацию в Киев, дабы этой последней попыткой окончательно испробовать возможности мирного разрешения армейских вопросов, путем соглашения, если не с генеральными секретарями, то, может быть, с Центральной Радой, от которой можно было ждать и меньшей оторванности от масс и меньшего политиканства.

По существу, большинство комитета не питало особых надежд на результаты переговоров этой делегации, но посылка ее психологически связывалась с необходимостью окончательно выяснить наиболее прямым путем политическую физиономию украинского правительства и его позицию в отношении к „большевистской“ армии. В состав делегации вошли товарищи Павлов и Натан, один представитель президиума—тов. Краснов и еще один товарищ из рядов комитета—тов. Малаховский.

Делегация выехала в Киев отдельным вагоном и прибыла туда 23 декабря ст. стиля. Первое посещение решено было сделать к генеральному секретарю по военным делам—Поршу.

Прием внешне приличен, но не дал ничего положительного; из переговоров выяснилось, что армия в целом считается враждебной и инициатива борьбы приписывалась именно армейским руководителям. На прямой вопрос о предоставлении подвижного состава и освобождении путей для следования армейских частей вглубь России, был получен ответ, что вагонов нет, с намеком на факт самостоятельного распоряжения ревкома 7 подвижным составом. Относительно имущества предлагалось довериться честности украинского правительства, которое, мол, не ограбит, а договорится с великорусской властью. В общем, предлагалось „смириться“ и произвести ускоренную демобилизацию безоружных солдат,

так как вооруженных пропускать через узловые центры украинское правительство не рискует, ибо имеются якобы многие данные о грабительских поползновениях войсковых частей, следующих вооруженными. Указание на то, что богатейшая материальная часть может попасть в руки австро-германцев, поляков и прочих групп, было принято иронически с нескрываемым намеком на скорое заключение мирных, а, следовательно, и дружеских отношений с недавним врагом. В целом, по существу, отношение к делегации было небрежное и чувствовалось, что опорою такому отношению являлась непроявленная, но уже существующая связь украинского правительства с Австро-Германией.

Не получив ничего удовлетворительного из беседы с Поршем, делегация решила обратиться к председателю генерального секретариата Винниченко. Но здесь их ожидала полнейшая неудача: Винниченко лично не принял, предлагая в лице своего секретаря выяснить существо вопросов, которые делегация имеет ему пред'явить. От такой системы посредничества делегация вынуждена была отказаться, полагая, что неприем есть уже нескрываемо-отрицательное отношение к делу и планам делегации.

Делегация полагала возможным выступить еще на заседании Малой Рады, но, присутствуя на одном из заседаний, она невольно сделала вывод, что и такая попытка обречена на неудачу, ибо оторванность Малой Рады от назревающих событий, близость которых уже чувствовалась в городе, была очевидной и выступление делегации, если бы и состоялось, должно было быть встречено определенно отрицательно.

Прислушиваясь к разговорам обывателей города Киева, не трудно было уловить уже вполне решенную ориентацию украинского правительства на Австрию и Германию, а, как показали последующие события, к этому времени вопрос полного соглашения с Австро-Германией был уже достигнут и Центральная Рада со дня на день ожидала окончания Брестского мирного совещания и как логическое последствие его—движения австро-германских корпусов вглубь Украины по приглашению Центральной Рады для оккупации и закрепления ее власти.

Сущность заключенного соглашения теперь уже достаточно известна и распространяться о нем излишне. Практическим следствием этого было бы полное разоружение всей армии, захват всего имущества, так как состояние армии к тому времени не давало ни малейшего сомнения в том, что вооруженного сопротивления регулярным частям австро-германских корпусов армия оказать была не в состоянии, на что украинское правительство в своих соображениях полностью и расчитывало.

Попытка связаться с Петроградом прямым проводом (на что было дано разрешение), для переговоров и получения инструкций, успехом не увенчалась; пробыв несколько часов на проводе и получив наконец „Петроград", пригласили к проводу Наркомвоен тов. Подвойского, который сообщил, что он прибудет, но так к проводу и не подошел, после чего связь была потеряна и получить указания и дать с своей стороны ориентировку не представилось никакой возможности.

Делегация вернулась в Проскуров числа 27 декабря ст. стиля, но уже не в собственном вагоне, а обычным пассажирским порядком: армейский штабной вагон Киевскими железнодорожными властями прицеплен не был.

Одновременно с постановлением о посылке делегации в Киев, в том же заседании комитета от 19 декабря было постановлено послать представителя комитета в ставку верховного главнокомандующего для получения от него точных инструкций. Доклады Киевской делегации и представителя, ездившего в ставку, состоялись в заседании 27 декабря. Вкратце доклад Киевской делегации сводился к следующему: ни от генерального секретариата, ни от Центральной Рады ожидать нечего; план их—способствовать распылению и самоуничтожению армии, в громадной своей части настроенной большевистски; интерес Рады сводится к сохранению на Украине возможно большего количества военного имущества; с Советской Великороссией ни знаться, ни считаться не желают; ориентация ясно выраженная—австро-германская, откуда они ждут помощи во всей своей внутренней и внешней политике—почему фронт, как таковой, не существует и забота о нем отпадает.

Вывод из доклада напрашивался сам собой: армия должна была теснее сплотиться и общим усилием найти выход из положения, проложив себе путь на север и восток, ибо не следует забывать, что в громадном большинстве это была армия великорусская, и ни в одном корпусе не было преобладания украинцев.

Определенность такого вывода встретила, однако, некоторое возражение в указаниях, полученных от ставки и доложенных представителем ревкома в том же заседании 27 декабря. Указания эти сводились к следующему: во-первых, были пред‘явлены приказы и схема организации социалистических отрядов из наиболее сознательно и преданно относящихся к Советской власти элементов, причем формировать и располагать эти отряды надлежало в дивизионных резервах. Назначение этих социалистических отрядов было непосредственно связано с еще существующим фронтом, и лишь как отдаленная цель намечалась их возможная роль в предстоящей внутренней борьбе за достижения революции. Кроме сего было указано, что фронт продолжает существовать и в силу этого Крыленко предлагал сохранять и беречь боеспособность частей, считая возможным активные действия со стороны австро-германцев при том или другом повороте переговоров о мире.

По поводу частных сепаратных делегаций и переговоров с представителями Центральной Рады от лица дивизий, корпусов и армий, Крыленко выразил свое явное неудовольствие.

Перелом в деятельности комитета, учреждение оперативного штаба.

Таким образом, выводы обеих делегаций были не вполне тождественны и нужно было некоторое время, чтобы те и другие данные на общем фоне армейских донесений и все более нетерпеливых требований солдатской массы, вылились в какое-либо конкретное и единодушное решение, которое могло бы стать руководящим для всех активных шагов от лица комитета.

С целью выяснить состояние армии и возможности формирования на местах указанных ставкой социалистических отрядов, были командированы в самом конце декабря во все корпуса отдельные полномочные

представители, которым было поручено от лица ревкома поставить в корпусных организациях следующие, особо выработанные указанными представителями совместно с президиумом, вопросы: во-первых, возможность выделения из рядов армии советских отрядов, т. е. групп, подчиняющихся исключительно директивам Совета Народных Комиссаров; во-вторых, отношение армейских масс к фронту, уход с фронта с имуществом или без такового, готовность и решимость защищать имущество. При выяснении этих вопросов подлежало не только принимать во внимание указания, полученные из ставки о формировании социалистических отрядов, но и общее состояние армейских масс и отношение их к определившейся позиции в отношении армии украинской Центральной Рады и ее политической физиономии.

Командировки эти были зафиксированы в заседании комитета 27-го декабря, а 30 и 31 декабря делегаты уже докладывали о результатах своей поездки. Один из командированных, тов. Павлов, ездивший в свой 7-й Сибирский корпус, в своем докладе наиболее полно освещал как состояние частей, так и возможность или необходимость тех или других мероприятий. Выводы его были таковы: организацию социалистических или советских отрядов проводить на местах не следовало, расслоение солдатской массы в настоящее время невозможно, так как встречает препятствие в ней самой, стояние частей на фронте долее нетерпимо и необходимо произвести попытку увода армии в тыл организованным путем, сохраняя имущество в его наиболее ценной части.

В итоге долгих комитетских колебаний, вывод об организованном отводе армии — наиболее активными членами комитета—считался уже тогда, как единственно разумный и отвечающий всем обстоятельствам. Но в том заседании в конце декабря, где он был предложен и сочувственно воспринят, фактического постановления об отводе армии еще не состоялось; стремление же к решительным действиям проявило себя, во-первых, в председательском кризисе, во-вторых, в организации, взамен полевого штаба (бывшая оперкомиссия), нового состава оперативного штаба, во главе которого, в качестве председателя его, был поставлен тов. Павлов. Правда, понадобилось еще несколько дней, чтобы колебания сменились постановлением бесповоротным и обязательным. Так, еще в заседании 3-го января, все время решительный и определенный в своих предложениях, комиссар армии, тов. Васянин, бросает фразу: „Мы теряемся“ и вносит предложение пригласить для обсуждения положения армии и возможности активных ее выступлений и общего выхода из создавшегося положения начальников штабов корпусов и дивизий и соответствующих им комиссаров. Предложение это принимается. Но ранее, чем состоялось совещание (т. е. до 10 января), комитет общим постановлением констатирует, что отход армии, дело решенное.

Наконец, 8 января, вернувшийся из поездки в ставку комиссар юго-западного фронта тов. Кузьмин, ездивший туда совместно с избранным командующим 7-й армией тов. Триандофиловым, определенно информирует комитет, что именно вывод верных советам частей для занятия железных дорог и возможного вывоза имущества с целью тем самым произвести давление на полу-окруженную Центральную Раду и побудить ее к скорейшей сдаче и должен быть основной задачей армии, как ее сейчас понимает ставка; правда, точка зрения ставки стала изве-

стна несколько поздно — решение уже самостоятельно было принято комитетом.

Из сообщенного тов. Кузьминым имело значение и заявление со слов тов. Крыленко, что фронт, как таковой, т. е. стояние против австро-германцев, не должен был в какой-либо мере приниматься во внимание и за снабжение фронта бояться нечего.

Таким образом, колебания комитета в начале января были окончательно изжиты и совещание 10-го января начальников штабов и комиссаров, естественно, должно было считаться с принятым решением, анализируя его исполнимость и давая материал оперативному штабу—во что оно фактически и вылилось.

Итак, с организацией оперативного штаба все операции в районе армии должны были выполняться исключительно через него. Штаб 7-й армии, в оперативной его части, окончательно отмирал и исполнял лишь функции административно-хозяйственные. С целью окончательно парализовать возможные все же со стороны штаба армии проволочки или помехи, было решено перевести его из Бара в Проскуров, что и было исполнено, примерно, к началу февраля.

В состав оперативного штаба, кроме тов. Павлова, в качестве председателя, вошли как наиболее активные его члены тов. Малаховский и Макаров, а с 9 января, в качестве ближайшего помощника тов. Павлова, а оффициально—секретаря оперативного штаба, вошел в его состав тов. Натан, впоследствии, как заместитель тов. Павлова, ставший во главе оперативного штаба с от‘ездом тов. Павлова в Бердичев.

Прежние члены полевого штаба от работ в оперативном штабе отстранились—состав был совершенно обновлен.

Связь и взаимоотношения с фронтовыми революционными организациями.

В 20-х числах декабря ревкомом было получено извещение из ставки верховного главнокомандующего, что последним намечено передать руководство операциями юго-западного фронта вновь образуемому революционному штабу в Ровно (там же находился штаб Особой армии и ее ревком). В распоряжение этого революционного штаба были ставкой переведены деньги в количестве 5 миллионов рублей. Состав штаба образован был из членов Ревкомитюза [1]) и ревкома Особой армии, во главе которого стоял тов. Гусарский. На 30-е декабря был созван фронтовый с‘езд (по составу далеко неполно представивший армии юго-западного фронта). Целью с‘езда было создание об‘единяющей армии фронта революционной организации. Но с первого-же дня с‘езд носил нестройный и неделовой характер, а 31-го декабря украинские части, стоявшие в Здолбунове, внезапным налетом ненадолго заняли Ровно, арестовали председателя с‘езда тов. Гусарского, членов президиума и кассу. И хотя с‘езд, как таковой, продолжал работать и вынес, между прочим,

[1]) „Ревкомитюз“—ревком юго-западного фронта.

резолюцию о выделении надежных советских частей и постановление о захвате железнодорожных путей, образовав из своей среды исполнительный орган,—не было никакой надежды, чтобы эти постановления проведены были в жизнь, ибо ставшие во главе дела люди, члены распавшегося Ревкомитюза, ничем энергичным себя на прежних постах не проявили. Вот почему ревком 7 и его оперативный штаб, предоставленные фактически сами себе, и не ожидали из Ровно или откуда-либо еще указаний, или распоряжений, тем более, что прямой телеграфной связи между Ровно и Проскуровым не было, пока Старо-Константинов находился в руках украинцев. И, действительно, возродившийся в Ровно „Ревкомитюз“ на дела фронта никакого влияния не имел.

Задача и план оперативного штаба ревкомарма 7.

Основной задачей оперативного штаба было—вывести армии с фронта вглубь России. Эта задача могла быть осуществлена через захват и освобождение железнодорожных путей. В этом смысле, практически, ближайший оперативный план слагался следующим образом: овладение Подольской железнодорожной линией в части, захваченной украинцами, закрепление ее за армией, путем переброски в узловые центры достаточно внушительных войсковых сил, восстановление этим путем дорожной связи армии с Полесскими железными дорогами и, тем самым, с глубоким тылом.

Правда, этот кратчайший путь вглубь России не мог быть использован для вывоза всей армии и ее значительной материальной части, ибо путь этот одноколейный, но, как кратчайший, он мог быть быстрее захвачен и использован для вывоза наиболее ценного армейского имущества. Такому плану способствовали и сведения, идущие из ставки верховного главнокомандующего в начале января—о движении советских войск на юг, о захвате Калинковичей, почему можно было ждать, что движению частей на север будет способствовать встречное движение советских войск от Калинковичей на юг. Но так как весь этот район, по имевшимся сведениям, был беден продуктами, то для переброски наибольшей людской массы намечался к использованию южный путь, через Вапнярку и Знаменку на Харьков, для чего и была установлена связь с южнее расположенной 8-й армией и для практических результатов предполагалось создать совещательный орган при ревкоме 7, в составе представителей 8, 7 и 11 армий, дабы координированными действиями вести борьбу за оба направления.

Вся эта оперативная работа, для осуществления вывода армии с фронта, необходимо связывалась с другой стороны с борьбой против украинской Центральной Рады и, тем самым, за главное направление через Киев.

Надо сказать, что борьба с центральной Радой, с ее австрийской ориентацией и явно буржуазным уклоном, составляло как бы вторую задачу оперативного штаба, практически сливавшуюся с первой. Но для непосредственной борьбы с гайдамацкими частями в армии могло бы не оказаться достаточно надежных сил, в то время, как борьба за выход

и одновременная борьба с Радой, препятствующей этому, могла стать достаточным стимулом для многих частей, чтобы не отказываться от участия в операциях.

Такую двойную задачу и решено было возложить в первую голову на 2-й гвардейский корпус, расположенный в районе Жмеринки, движение которого к Киеву по юго-западным железным дорогам, с одной стороны, должно было открыть путь на Киев, с другой—оттягивая на себя гайдамацкие части—облегчило бы захват Подольской железной дороги и прилегающих узлов.

Головным, ударным отрядом, для занятия Подольской железной дороги, была выдвинута 2-я Финляндская стрелковая дивизия в составе 3-х полков с 294 Березинским полком, а закрепление района Старо-Константинова возлагалось на 12 и 13 Сибирские стрелковые дивизии 7-го Особого корпуса.

Активная группа в направлении от Жмеринки на Киев составлялась из частей 2-го гвардейского корпуса, район же Жмеринки и Бара предполагалось занять 11-й пехотной дивизией; 3-й Кавказский корпус намечено было с развитием операции перебросить в район Шепетовка-Бердичев; 12 корпус в состав 12 и 64 дивизий, хорошо организованных, решено было использовать для активных операций, для каковых предназначался и 5-й кавкорпус (в составе его великорусской части). Район действий этих активных групп должен был определиться с развитием хода операций. 1-й гвардейский корпус и 41-й корпус решено было сосредоточить в районе Проскурова и Деражни, откуда и должно было им грузиться для следования в Россию, в зависимости от хода операций и подачи подвижного состава.

Таковы были, в грубых чертах, основы плана.

Главный расчет оперативного штаба на возможность чего-либо добиться в результате намеченных операций заключался в том, что со стороны украинцев действовали части, в составе которых были в большинстве столь же деморализованные длительной войной солдаты-украинцы, как и прочие армейцы, настолько же жаждавшие мира, не охваченные ни враждой, ни стремлением к борьбе с наступающими навстречу им частями. Это подтверждалось разведкой, произведенной в первых числах января в районах сосредоточения украинских частей—Старо-Константинове, Шепетовке, Здолбунове, Бердичеве и Виннице. К тому же разведкой было установлено, что численность украинских частей не велика, что, в сущности, это не боевая сила, а нарочито раздутый мыльный пузырь. С другой стороны—напряженное ожидание армейских частей уже достачно выросло, их стремление домой было настолько остро, что, понятно, можно было ждать и той доли необходимой активности, которая единственно помогла бы им, а тем самым и всей армии, освободиться из неестественного положения, становившегося все чувствительнее для масс. Правда, нельзя было забывать и худшее из возможного—склонность отдельных частей вступить в самостоятельные переговоры с украинцами, что, как видно на примере 27-го Витебского полка, легко приводило к срыву операций. Однако, эти вероятные опасения не могли и не должны были стать препятствием попытке оперативного штаба.

Ход операций по овладению Подольской ж. д. и их результаты.

Дабы не медлить с операцией по освобождению Подольской железной дороги, решено было использовать части, расположенные в то время в исходном пункте всей операции, т. е. в районе Проскурова;—это были 7 и 8 Финляндские стрелковые полки, 4 батареи 2-й Финляндской стрелковой бригады и 294 пехотный Березинский полк. Сюда же немедленно был переброшен и 5-й Финляндский стрелковый полк, замененный в Деражне для несения охранной службы частями 5-го кавалерийского корпуса. Все эти части, согласно общим признакам и по данным декабря месяца, сравнительно, прочно восприняли лозунги советской власти, подчинясь ревкому, и, действительно, выполнили первоначальные задания вполне успешно и, сравнительно, быстро. Правда, самой операции предшествовали митинги и не только в войсковых частях, где выступал большей частью комиссар армии тов. Васянин, но также и в Красной Гвардии Подольской железной дороги, которая в числе 300 человек, участвовала в операции. Отряд этот, под начальством начальника 2-й Финляндской стрелковой дивизии тов. Гейнце, имел своей начальной задачей, как уже сказано, занятие Старо-Константинова. Для усиления отряда ему были приданы одна тяжелая батарея и несколько броневых машин.

Стоявший на восток от д. Западницы по шоссе на Старо-Константинов ближайший к украинским заставам 294-й пехотный Березинский полк, перед самым началом операций вступил в сепаратные переговоры с представителями украинских частей, и потребовался приезд представителя ревкома тов. Васянина и члена оперативного штаба т. Натана, дабы раз'яснить всю вредность таких самостоятельных шагов, сорвать переговоры и вернуть полку его готовность к боевым операциям.

В результате всех предпринятых шагов, Старо-Константинов был занят почти без боя; украинские части, боясь окружения, оставили город без защиты, отступив на Шепетовку. В ближайшие дни по занятии Старо-Константинова, туда были переброшены все подсобные части 2-й Финляндской стрелковой дивизии, которая и намечалась для дальнейшего движения в сторону Шепетовки.

Одновременно с началом операций был отдан приказ 7 Сибирскому корпусу о приготовлении к погрузке для переброски эшелонами в район Старо-Константинова. Но эта часть намеченной операции потерпела неудачу, на чем остановлюсь подробнее.

7-й Сибирский корпус еще в декабре месяце проявлял значительное неспокойствие, хотя в других отношениях сохранял организованность и не распадался самопроизвольно. Основное требование дивизий, как 12, так и 13, входивших в состав корпуса, сводилось к скорейшему уходу с фронта. Одной из дивизий были даже высланы квартирьеры, дабы подготовить место расположения для дивизии в расстоянии дневного перехода. Такое явно обнаруженное неспокойствие внутри корпуса заставляло торопиться с выводом его в тыл. И, одновременно, с началом опе-

раций отрядом тов. Гейнце, был отдан приказ 47 и 48 Сиб. стр. полкам 12-й Стр. див. выступить для посадки, а частично и походным порядком для следования в район между Проскуровым и Старо-Константиновым; эти полки должны были стать начальным гарнизоном в Старо-Константинове, когда отряд Гейнце перейдет Шепетовку. И, несмотря на то, что эшелоны для боевой части были своевременно поданы, Сибирские полки приказа не исполнили, а вся 12-я дивизия самостоятельно перешла в те же дни вглубь, примерно, на расстоянии одного перехода и стянулась в районе Ярмолинцы.

Что же касается развития операции вдоль Подольской ж. д., то она вскоре превратилась в самостоятельные действия отдельных частей и даже всего отряда Гейнце, уйдя из-под руководства оперативного штаба.

Так, для занятия Шепетовки были двинуты вслед за уходящими украинцами Красная Гвардия Подольской железной дороги и 294-й пехотный Березинский полк. Шепетовка была занята, но вновь оторвавшись от близкой связи с ревкомом 7, когда им была достигнута и занята Шепетовка, Березинский полк быстро превратился из боевой части в озорную толпу, частично пьяную. Не разоружив своевременно нейтральную украинскую часть, стоявшую в Шепетовке, полк сам подвергся ее нападению, был частично разоружен, и вступив в сепаратные переговоры и договорившись, направился 4-мя эшелонами в составе около 2.000 человек в Россию, где и расформировался, достигнув Жлобина.

Ненадежность Березинцев заставила оперативный штаб отдать распоряжение 2-й Финляндской дивизии о необходимости переброски в Шепетовку одного из полков дивизии и разоружения стоящих там, хотя бы и нейтральных украинцев.

Однако, в настроении частей 2 Финл. дивизии, по занятии ею Старо-Константинова, произошел перелом: Финляндцы, стараясь стянуть в Старо-Константинов все части дивизии, обратились в Ревком 7 с просьбой о переброске туда и 6 Финляндского стрелкового полка с 4 и 5 батареями, стоявшими в Баре. Ревком, в лице оперативного штаба, пошел навстречу этому желанию и отдал соответствующие распоряжения, но выполнить переброску, за неимением свободных составов, нельзя было быстро, а стремление дивизии было выехать в Россию в полном составе. Ни одно распоряжение оперативного штаба не принималось безусловно; полк в Шепетовку так и не был отправлен, а на настойчивое требование оперативного штаба принять участие в операции по занятию Бердичева и Житомира, политические руководители дивизии отвечали лишь глухим обещанием. Настроение солдатской массы оказалось сильнее прежней, столь стойкой, позиции политических верхов, и дивизия, не дождавшись прибытия 6 стр. полка и батарей, самостоятельно стала грузиться в эшелоны, часто захватываемые силой, и выехала в направлении на Жлобин. Но в районе Овруча, в виду разгоревшейся там в ту пору борьбы советских войск с 1-м польским корпусом Довнар-Запольского, были взорваны железнодорожные мосты и эшелоны дивизии были вынуждены вернуться на Шепетовку, откуда и проследовали на Бердичев, благодаря занятию всей линии Шепетовка—Казатин—Киев частями 2 гвардейского корпуса и отрядом под командованием тов. Павлова.

Это было 23-10 февраля 1918 года. Под Бердичевым 2-й день шел ожесточенный бой с насадающими гайдамаками. Финляндские полки, уже

ранее отказавшиеся от активной борьбы с польскими корпусами, теперь держались не только пассивно, но настойчиво требовали предоставления паровозов для дальнейшего следования, наотрез отказавшись вступить в ряды защитников Бердичева. Оперативный штаб „Ревкомитюза“, опасаясь разлагающего влияния такого настроения на прочие части, вынужден был возможно быстрее вывести 2 Финл. дивизию на пути в Россию.

Таким образом, операция прочного занятия Подольской ж. д. срывалась. Действительно, стоявшая в Шепетовке, до ее занятия Березинцами, единственно активная украинская группа—104 дивизия, довольно популярного среди украинцев комиссара Золотаренки (он же Золотарь) и удравшая с приближением частей ревкома 7, вновь вернулась в район Здолбуново-Шепетовка. Таким образом, вся боевая работа 294 пех. Березинского полка и красной гвардии Подольской ж. д. сведена была к нулю, благодаря разложению березинцев и 2 Финл. стр. дивизии, а между тем следует указать, что никаких директив 294 полку о продвижении дальше Шепетовки со стороны оперативного штаба дано не было; задача, именно, и состояла в прочном и основательном занятии Шепетовки и передаче этого важного узла лишь надежным и достаточным силам.

Довольно существенное влияние, как на Березинцев, так и на 2 Финл. стр. дивизию, в смысле разложения и неподчинения директивам оперативного штаба, имели части 11 армии: так, Екатеринбургский и Тобольский полки 10 дивизии из состава 5 арм. корпуса, захватившие по настоянию дезорганизаторского военно-революционного комитета 5 корпуса силой эшелоны в Волочиске для выезда в Россию, по прибытии в Старо-Константинов были остановлены там частями 2 Финл. дивизии, которые потребовали их разгрузки; но, пообещав занять гарнизоном Шепетовку, они были пропущены до этого пункта, где, остановившись лишь на несколько часов, силой заставили ж.-д. администрацию продвигать свои эшелоны далее в Россию.

Таким образом, вся операция овладения Подольской ж. д. и прочного занятия ее частями армии срывалась, благодаря отказу даже наиболее активных групп всецело подчиняться приказам оперативного штаба и не продвигаться далее намеченных пунктов. И все же отказ намеченных для тех или других операций частей принять в них активное участие не выбивал окончательно раз обнаженного оружия из рук оперативного штаба. Позиция центр. укр. рады была настолько слаба без поддержки внешних сил, что даже срывающиеся атаки могли способствовать разложению поддерживающих ее сил, а приближение к политическому центру—Киеву упорно пробивающих себе путь частей, должно было вызвать сочувствие, а, возможно, и поддержку из среды, не идущей за радой широкой, политически разбуженной, массы. Но на путях к Киеву следовало сперва обеспечить за собой целый ряд важнейших железно-дорожных пунктов и узлов: Винница, Казатин и Фастов с одной стороны, Бердичев и Житомир с другой. Эти пункты необходимо должны были быть очищены от украинских частей и органов. Операции эти велись вдоль Юго-Западной ж. д. и составили особую часть боевой работы оперативного штаба.

Ход операций в направлении Жмеринка—Киев.

2 гвард. корпус, опытом декабрьских попыток, пришел к заключению, что самостоятельно выработанные им шаги могут легко кончиться неудачей, для предупреждения которой приходилось обращаться в ревкомарм 7. Считаясь с образованием оперативного штаба и, приняв во внимание его планы, полевой штаб 2 гвард. корпуса принял как единственно-верный способ действий—координировать свои операции с заданиями оперативного штаба.

События нарастали, однако, быстрее намечавшихся операций: в 10 числах января ст. стиля украинская часть внезапно продвигается к Браилову и занимает его, нарушая тем самым установленную нейтральную полосу. Части 2 гвард. корпуса в ответ обезоружили эту украинскую часть и для ликвидации подобных попыток начали в свою очередь продвижение к Виннице. С оперативным штабом ревкома было договорено, что с продвижением 2 гвард. корпуса вдоль Юго-Западной ж. д. к Киеву, его район, т. е. Жмеринский узел и последующие пункты, будут заниматься вполне надежной группой, не менее дивизии. Задача эта выпадала на долю 19 дивизии 12 арм. корпуса, которая по всем данным выделялась, как своей организованностью, так и сохранением боевой силы в полном об'еме.

План, выработанный оперативным штабом совместно с полевым штабом 2 гвард. корпуса, сводился к следующему. В середине января, по сведениям из Киева, там началась борьба местных рабочих, руководимых партией большевиков, с Центр. Радой. Борьба эта дала вначале перевес рабочим. Можно было ждать, что наиболее надежные гайдамацкие части будут оттянуты украинским правительством к Киеву и сопротивление наступающим вдоль Юго-Западных дорог частям будет оказано слабое. К тому же, приближение армейских частей к Киеву, ослабляя Центр. Раду путем изоляции, должно было повлиять на исход начавшейся борьбы в Киеве; с другой стороны—ответ на доклад ревкома 7, отправленный в ставку верховного главнокомандующего, правда, анонимный, указывал, что армия должна пытаться выйти в Россию более южными путями, ибо северный плохо обеспечен продовольствием, а овладение южными путями и освобождение их должно способствовать снабжению продовольствием голодающего севера. Но из путей на юго-восток направление на Знаменку через Вапнярку или Бирзулу было естественным исходом 8 армии румынского фронта, с которой этот вопрос и выяснялся путем посещения ее штаба представителем оперативного штаба ревкомарма 7. Оставался путь на юго-восток через Фастов, который мог быть использован даже, если Киев останется в руках украинцев. Необходимо было спешить с операцией и потому, что вероятное занятие Винницы и Казатина отдавало в руки армии богатые продовольственные и интендантские склады, тем самым сберегая ее от грозящего преждевременного разложения. Вся эта операция должна была способствовать и занятию Бердичева—задача, которая все неотложнее стояла пред армией.

Продвижение 2 гвард. корпуса в сторону Киева, начавшееся после 11 января, происходило неожиданно быстро: к 20 января был занят Казатин и передовые части продвинулись к Фастову. Первоначально пред-

полагалось, как уже сказано, расположить 19 дивизию, подкрепляющую тыл 2 гвард. корпуса в районе Жмеринки целиком, но быстрое продвижение корпуса заставило уже 1 из отправленных полков 19 дивизии, а именно 76 Кубанский, продвинуть далее Жмеринки, выгрузив его в Гнивани, хотя это встретило сопротивление со стороны полка. Следующие два полка 19 дивизии были уже непосредственно двинуты в Казатин—место, предназначавшееся для сосредоточения всей 19 дивизии, откуда отдельные части ее были, впрочем, перемещены в Бердичев.

В связи с этим изменился и план переброски других частей: так, 7 Сибирскому корпусу, за отказом его частей переходить в район Старо-Константинова, был определен район Жмеринка—Винница, куда фактически и была переброшена целиком 12 Сибирская дивизия в 1 половине февраля ст. стиля. Также изменен был район сосредоточения 3 Кавказ. корпуса—вместо Шепетовки Под. ж. д. был избран Фастов Ю.-З. ж. д., куда за неимением достаточного количества подвижного состава, пока перебрасывалась лишь 21 дивизия этого корпуса, а остальным частям надлежало сосредоточиваться в районе Бара. Туда же, несколько южнее Бара, должны были переходить и все прочие, кроме 19 дивизии, части 12 армейского корпуса, ожидая там, совместно с подошедшими 3 полками 11 дивизии, погрузки для дальнейшего продвижения.

Занятие всех пунктов юго-зап. ж. д. было произведено почти без столкновений с украинскими частями—командный состав коих разбежался, а рядовые украинцы дружелюбно встречали армейцев. Занятие Казатина определило начало операции против Бердичева именно со стороны этого пункта. Для совершения этой операции пришлось взять из Проскурова последний полк, составлявший его гарнизон — гв. Московский,—заменив его другими частями 1 гвард. корпуса. Не лишне заметить, что переброска частей 1 гвард. корпуса в район Проскурова происходила не без затруднений; достигая Проскурова, части не желали выгружаться, требуя дальнейшей отправки, как это особенно резко имело место с гв. Финляндским полком. 2 гвард. корпус, продвигаясь к Киеву, быстро перебрасывал свои части в этом направлении, двигаясь относительно кучно. Для обеспечения разведки и упрочения занятия пути юго-запад. ж. д. в помощь 2 гвард. корпусу были двинуты походным порядком из района Летичева к Виннице великорусские части 5 кавал. корпуса, которые впоследствии принимали участие в боях под Бердичевым и, совместно с частями 2 гвард. корпуса, по занятии Киева, вышли в Великороссию.

В 20 числах января передовые части 2 гвард. корпуса подошли к предместьям Киева, который в то время испытывал натиск с севера, со стороны Муравьева. С окончанием бомбардировки города и по занятии его 2 гв. корпус вливается в Киев и по предположению Ревкомитюза, должен был составить основной гарнизон города, тем более, что отряд Муравьева в Киеве не задержался, продвинувшись в Одессу для борьбы с румынами. Но, с одной стороны, неблагоприятная обстановка расквартирования в казармах, не очищенных от последствий ожесточенной борьбы, с другой стороны—общее всем армейцам нескрываемое желание выехать возможно скорее вглубь России, в особенности тогда, когда, наконец, пути стали открытыми, побудило корпус не исполнить данного ему задания и последовательно прибывающие части эшелонами

направлялись в Великороссию, выгружаясь в Воронеже и Козлове, Тамб. г. Это был один лишь корпус из состава 7 армии, которому посчастливилось с большей частью своей материальной части и сравнительно в большом составе достигнуть неуязвимых для последующего наступления немцев пределов Великороссии.

Возвращаясь несколько назад, мы подробнее изложим обстоятельства борьбы за Бердичев и тесно связанную с этим оборону Киева в период немецкого наступления.

Борьба за овладение Бердичевом и Киевом.

Захват ставки юго-западн. фронта Бердичева становился необходимым с того момента, как там крепко осела армейская рада, которая, действуя по директивам Центр. Рады из Киева, начала отдавать ряд приказов явно направляемых к полнейшей деморализации всех армий, входящих в состав юго-западного фронта. Путаница и разложение, вносимые этими приказами, основная мысль которых преследовала определенную цель: „бросить все и демобилизоваться“ была настолько сильна, что в корне разрушала всю попытку ревкомарма 7 внести хотя бы приблизительную планомерность в проводимую стихийно демобилизацию и остановить поток сотен тысяч людей, которые переполняли все станции тыла армий, требовали продовольствия и разрушали транспорт.

Придавая исключительную важность задуманной операции, непосредственно руководить ею выехал тов. Павлов. Для операции в районе ст. Казатин в эшелонах были сосредоточены гв. Московский полк 500 шт., Крымский пех. полк 500 шт., отряд артиллерии и отряд Красной Гвардии 300 человек. Кроме того, походным порядком к Бердичеву был направлен кавалерийский полк в составе около 200 сабель.

Назначенные эшелоны, имея головным—эшелон красной гвардии, с которым следовал и тов. Павлов, с налета занял ст. Глуховцы, где обезоружили заставу украинцев и к вечеру 1 февраля подошли к г. Бердичеву, остановившись от него в 5 верстах. Занимать Бердичев ночью не входило в планы командования по многим причинам и, главным образом, потому, что в городе была расположена 2-я чехо-словацкая дивизия, линия поведения которой была недостаточно выяснена. Решительная атака была отложена до рассвета. Появление наших частей у самого города для штаба фронта было совершенно неожиданно. Руководящие штабом лица совершенно растерялись, что и было соответственно учтено. Командующий экспедицией, стараясь избежать лишних жертв, пред'явил ультиматум—сдать город, ожидая ответа до 8 часов утра, после чего начнется штурм города. С этим ультиматумом были посланы 2 представителя отряда в качестве парламентеров, которые были приняты постами сторожевого охранения и немедленно доставлены в штаб. После обмена мнений представителями штаба армейской рады и парламентерами, последним были предложены, как выход из положения, следующие условия: беспрепятственный пропуск отряда мимо Бердичева с оказанием воинских почестей; на категорическое заявление сдать город, окончательный ответ был таков, что при первой попытке войти в город отряд будет сметен огнем батарей тяжелых орудий, которых

в этот момент в Бердичеве находилось свыше 100. С таким ответом явились парламентеры обратно.

В распоряжении украинского командования, таким образом, имелось достаточно времени, чтобы приготовиться к обороне. Ночью в поезд к начальнику отряда тов. Павлову явились представители чехо-словацкой дивизии, которые от имени дивизии заявили, что они сохраняют полнейший нейтралитет. Были еще сделаны попытки со стороны Бердичевского совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы не занимать гор. Бердичев, которые остались без результата.

Ровно в 8 часов утра 2 февраля началось наступление на Бердичев. Наступающие цепи наших полков, имея по железной дороге двигающийся поезд, вооруженный пулеметами, были встречены беглым ружейным огнем, но решительным, дружным ударом, быстро двигаясь вперед, уже чрез час заняли ст. Бердичев, а затем и город. Защитники города разбежались, а командование еще ночью уехало в Житомир, бросив гарнизон на произвол судьбы. Вся артиллерия, все имущество, а также штаб юго-западного фронта со всеми делами и сотрудниками остались совершенно целыми в полном порядке. Чехо-словацкая дивизия сохранила полный нейтралитет, несмотря на то, что по условиям боя украинские части, не без умысла, конечно, залегли за вагонами эшелона чехо-словаков и нашим огнем, при этом было несколько убито и ранено из числа солдат чехо-словаков, охранявших эшелон.

К вечеру город был очищен от отдельных скрывавшихся украинских частей и началась лихорадочная работа по установлению связи с армиями и налаживание управления ими.

Тов. Павлов стал, таким образом, фактически командующим армиями фронта, хотя к этому времени Киев был занят Муравьевым и командюгзапфронтом об'явил себя Гусарский, освобожденный в Киеве из тюрьмы; но, не имея связи с войсками, осуществить это командование не мог.

Все сотрудники штаба фронта, вначале очень нерешительные, после дружеского обращения к ним тов. Павлова о необходимости продолжать свою работу, заняли свои места, выполняя свою обычную текущую штабную работу. Командование чехо-словацкой дивизии, стоящей в Бердичеве, представилось тов. Павлову и, после переговоров с последним, взяло на себя охрану складов и внешнего порядка в городе. Преступный элемент не замедлил проявить себя целым рядом грабежей и насилий, но, благодаря принятым очень крутым мерам, все успокоились и город зажил своей обычной мирной жизнью.

К этому времени мирные переговоры в Брест-Литовске кончились ничем, „ни мира, ни войны“ об'явлено не было и командование было поставлено в исключительно тяжелое положение. Продление переговоров с теми же результатами хотя бы еще на месяц, без сомнения, дало бы возможность вывезти хотя бы наиболее ценное имущество, как артиллерия, авиапарки, радиостанции, каковые к этому времени были сосредоточены к станциям для погрузки, но этого не случилось, и последствия окончания безрезультатных переговоров сказались в переходе австро-германских войск в общее наступление по всему фронту. Наши войска, частью уже покинувшие оборонительную линию и находящиеся на марше, частью в эшелонах, никакого сопротивления этому насту-

плению не оказали и австро-немецкие корпуса, почти не встречая сопротивления, быстро овладели оборонительной линией и тыловым районом со всеми богатейшими складами, каковые здесь находились. Количество захваченного имущества не поддается учету, но оно огромно и исчислялось сотнями орудий, тысячами пулеметов и миллионами снарядов и проч. Сохранить свое имущество могли только головные части отходящих армий и таковыми для 7 армии были — 2 гвард. корпус, 1 гвард. корпус, 2-я Фин. дивизия и, отчасти — 7 Сибир. корпус и 3 Кавказский; последний с боями отходил из района Каменец-Подольска прямо на восток; при таком положении вещей думать о каком-либо планомерном отходе армии не приходилось, все смешалось, и задачей штаба фронта стало, как единственная, спасти все, что еще можно вывезти в Россию. С этой целью спешно эвакуирован штаб-фронт в г. Курск, со всеми материалами, средствами связи и имуществом и началась эвакуация складов. К этому времени в Бердичев прибыл из Особой армии социалистический отряд в 1.500 человек разных родов оружия под командой тов. Киквидзе, который поступил в подчинение тов. Павлову и расположился в Бердичеве.

Украинское правительство, потеряв Киев, нашло себе пребывание в районе Житомира и, поджидая подхода немецких корпусов, с своей стороны, чтобы ускорить развязку, сосредоточив в Житомире отборные украинские части под командой Петлюры, бросило их на Бердичев с севера. Попытка взять Бердичев с налета обошлась украинцам очень дорого: немногочисленный гарнизон города под общим командованием тов. Павлова, имея в голове социалистический отряд под командованием храброго тов. Киквидзе, отбив атаки бронепоездов и многочисленной пехоты, перейдя в контр-атаку, отбросил противника с огромными потерями на 30 верст от города.

Учитывая, однако, создающуюся обстановку: с одной стороны—приближающиеся полчища австро-немцев с юга и запада и наседающих украинцев с севера, с другой—нежелание драться и полная апатия к событиям наличных войск и отсутствие надобности удерживать такой пункт, как Бердичев, который с ликвидацией штаба терял свое значение, решено было очистить город, эвакуировать имущество и двигаться в Россию. Чехо-словацкий корпус нейтральный до сего времени с приближением немцев насторожился и заявил командующему тов. Павлову, что с немцами они принуждены драться, так как пощады от них они ждать не могут и испросил соответствующих директив.

К этому моменту Советское украинское правительство, организовавшееся в Киеве, настойчиво вызывало тов. Павлова в Киев для совместного обсуждения создавшегося положения и организации военного отпора австро-германским и украинским войскам. Чехо-словацкому корпусу, насчитывающему к тому времени около 40 тысяч штыков с богатой материальной частью, была дана директива—походным порядком продвигаться к Киеву и занять позиции на подступах к Киеву с юга и юго-запада, упираясь флангом в Днепр.

Остальные части Бердичевского гарнизона перебрасывались эшелонами, а 2 гвард. корпус получил приказание задержаться в Киеве. Нашими силами и силами чехо-словацкого корпуса предполагалось сдержать наступление немцев и оставить в своем обладании Киев, как важный военный и административный центр.

Обстоятельства сложились, однако, совершенно иначе. Прибыв в Киев, тов. Павлов после обмена мнениями с тов. Коцюбинским, тогда Наркомвоен, установил, что реальных сил в распоряжении украинского Советского Правительства совершенно нет, если не считать несколько отдельных отрядов, наспех сколоченных, под командованием т. Чудновского.

Части 2 гвард. корпуса категорически отказались оставаться в Киеве и все эшелоны, прибывающие в Киев, требовали иногда силой оружия немедленного их отправления далее на север. Из частей, прибывающих из Бердичева в Киеве задержался только социалистический отряд Киквидзе, другие же части даже не разгружаясь, проследовали далее. Таким образом, для обороны Киева оставались совершенно незначительные силы, которые противостоять 2 германским корпусам, приближающимся к Киеву, не могли. Надежда еще оставалась на чехо-словацкий корпус, который, ведя арьергардные бои с наседающей кавалерией, приближался к Киеву; но и эта надежда отпала, когда полки чехо-словаков в полном порядке, не остановившись в Киеве, прошли через него и, переправившись через р. Днепр, расположились в районе Дарницы. Таким образом, Киев был предоставлен самому себе и оборонять его за незначительностью сил явилось задачей невозможной. Надежда на киевских рабочих, которых без труда можно было вооружить за счет огромных киевских складов, также не оправдалась—рабочие заняли пассивную позицию и только железнодорожники образовали дружину до 1000 человек, заготовив тут же поезд для своего следования дальше.

Такая обстановка поставила в необходимость начобороны г. Киева, того же тов. Павлова, совершенно открыто заявить украинскому советскому правительству, что на удержание Киева надежд нет никаких, и что необходимо эвакуировать как само правительство, так и все то, что представляет наибольшую ценность, в другое место. Такая необходимость, повидимому, украинскому Советскому правительству не представлялась достаточно ясной и обоснованной и, после целого ряда предложений, касающихся организации обороны, украинское правительство все же решило выехать в г. Полтаву.

С от'ездом правительства из Киева были вывезены наличные ценности, а также было отправлено 80 эшелонов различного имущества с прицепкой к составу по 2 лучших паровоза. Всего паровозов в киевском депо имелось около 400, умышленно согнанных в Киев со всех линий Центральной Радой. Отправленные эшелоны, а также эшелоны с войсками, совершенно забили все приемочные станции и дальнейшее продвижение новых составов стало невозможным; тем не менее, отдано было приказание составить из лучших паровозов состав, который, однако, по техническим условиям, нельзя было отправить через ж.-д. мост на р. Днепр и пришлось от этой задачи отказаться, отправляя паровозы одиночным порядком.

К этому времени части тов. Чудновского, прикрывающие Киев, были сбиты—обозначился обход г. Киева справа по направлению к ж.-д. мосту, единственному, как путь отступления, после чего штаб обороны с последним поездом, прикрываясь бронепоездом, отошел на Дарницу.

В дальнейшем руководство борьбой на Украине перешло в руки т. Антонова-Овсеенко и описание этого не входит в нашу задачу.

Работа оперативного штаба в последний период пребывания в Проскурове.

Со взятием Киева все старания оперативного штаба были направлены к возможно скорейшему и возможно большему вывозу частей и материальной части по Юго-запад. ж. д. в предназначенные им места сосредоточения на путях к Киеву и в самом городе. Но надежды на усиленный приток подвижного состава и топлива не оправдались: количество эшелонов было до крайности ограничено, часто образовывался простой уже загруженных эшелонов за неимением паровозов. Все же удалось перебросить, хотя и с большой растяжкой, всю 19 дивизию 12 арм. корпуса, последний полк которой—Севастопольский—проследовал в Бердичев лишь 11/24 февраля, когда решена была эвакуация города и, конечно, направлен был прямо в Киев. С большим трудом начата была, так и не законченная в целом, переброска 21 дивизии 3 кавк. корпуса в район Фастова. Были вывезены, а частью отправлены походным порядком несколько тяжелых дивизионов артиллерии с целью приблизить их к более снабженным составом ж.-д. узлам, как Жмеринка. В отношении артиллерии приходилось прибегать и к расформированию, как это имело место по отношению к артиллерии 1 гвард. корпуса, 41 арм. корпуса, частично и 7 корпуса, свозя материальную часть, частью в артиллерийские склады погрузочных станций, как Ярмолинцы. Проскуров, Деражня, откуда по расчету, фактически не осуществленному, надлежало всю эту богатейшую боевую часть грузить, если прибудет подвижной состав.

Пехотные части 1 гвард. корпуса были все, за исключением взятого ранее в Бердичев и проследовавшего оттуда в Россию, гв. Московского полка, сосредоточены в районе Проскурова и несколько восточнее лежащей станции Богдановцы. Состав 1-й, и в особенности 2-й гвардейской дивизий был к тому времени очень мал, благодаря усиленной систематической и самостоятельно проведенной демобилизации, каковая в 1 гвард. корпусе проводилась под влиянием соседнего с севера 5 арм. корпуса 11 армии. Пехотные части 41 арм. корпуса все уже к тому времени самостоятельно разложились и расформировались. Из всех частей 41-го арм. корпуса особое внимание оперативного штаба привлекал 36 инж. полк, который сохранился и должен был грузиться для вывоза в глубокий тыл. Но как по отношению и к гвардейскому саперному полку это оказалось невыполненным за недостатком составов. Как уже отмечено, 12 сиб. дивизия 7 сиб. корпуса почти полностью была перевезена в район между Жмеринкой и Винницей, сюда же начала переход и 13 сиб. дивизия, своего полного перехода не закончившая. Попытка получить составы в достаточном количестве всеми остальными группами успехом также не увенчалась. 3-й Кавк., 12 арм. и 7 Сиб. корпуса было намечено и подтверждено приказами о продвижении походным порядком в назначенные для корпусов районы;—приказы эти были выполнены едва ли только некоторыми частями 3 Кавказ. корпуса. Вся система перебросок преследовала все те же две задачи: отвод армейских групп в глубокий тыловой район для погрузки их там, пользуясь луч-

шим ж.-д. движением двух-колейного пути Юго-зап. ж. д., это с одной стороны, а с другой, укрепление положения частей овладевших Юго-зап. ж.-д. от Жмеринки до Киева.

Большим препятствием в этом направлении явилась все больше разраставшаяся стихийная демобилизация солдат, которые буквально заняли все узловые станции и превращали движущиеся эшелоны в сплошную серую массу. Разложение же соседнего Румынского фронта и борьба с румынами еще более усилило приток неорганизованной солдатской массы, появившейся и в Каменец-Подольске и в Баре и в Жмеринке. И, наконец, особо повлияло на все расчеты и планы-прекращение мирных переговоров Советского правительства с немцами и одновременно начавшееся наступление немцев, быстро распространявшееся к югу. Подольская ж. д., уже и ранее не захваченная прочной рукой сознательных армейцев, теперь естественно подпадала под близкий удар австро-германцев и авангардов идущих украинцев. Бои под Бердичевым обозначали уже и нарастающую угрозу перерыва Юго-зап. ж. д., что и не преминуло осуществиться, как только Бердичев был взят. Киев оказался лишь на краткий период открытой отдушиной и не выполнил своей задачи помощи фронту в течение 2-недельного освобождения от власти Центр. Рады. Период связи с Киевом явился для армии лишь кратковременной передышкой, после которой события нарастали с угрожающей быстротой. К концу 1-й половины февраля окончательно определился захват украинско-германскими частями всего района Особой армии и тыла 11 армии с Шепетовкой и Бердичевым.

Конец существования ревкома 7 армии.

27/14 февраля утром ревком 7, а в его составе и оперативный штаб, отдельным специальным составом прибыл в Жмеринку. Была установлена телеграфная связь с Проскуровым, где в управлении НЭХО 7 сохранился аппарат Юза. Вся забота оперативного штаба свелась к извещению армейских групп о создавшемся положении и настойчивом подтверждении приказов о походном движении к линии Юго-запад. ж. д. и подачи эшелонов в Проскуров для погрузки частей 1 гвард. корпуса, малочисленных по составу, а, возможно, и ценной материальной части, в громадном количестве свезенной в склад при станции. К чести 7 армии надо сказать, что брошенного на произвол судьбы имущества, артиллерии или обозов, без своза их в надлежащие склады, в районе армии не наблюдалось. Но необходимость использовать малочисленные эшелоны для переброски боеспособных частей и для погрузки битком набитых станций с одной стороны, отсутствие рабочей силы на складах с другой, обрекало большой ценности имущество попасть в те руки, которые овладеют складочными пунктами. Жмеринский узел был также загружен целым рядом ценных эшелонов и 7 и 8 армий, требовавших дальнейшего продвижения.

Ж.-д. администрация определенно национально-украинского направления намеренно задерживала отправку эшелонов, почему оперативный штаб и в этом направлении взял инициативу в свои руки, настаивая на очередной отправке эшелонов на юг через Знаменку.

Поддерживая телеграфную связь с Проскуровым и, отчасти, с 7 Сб. корпусом и осведомленный о начавшемся продвижении австро-германских войск, оперативный штаб внес предложение—составить из числа членов комитета и имеющихся налицо подрывников небольшую подрывную команду, которой поручить взорвать мосты между Проскуровым и Волочиском, что могло хотя несколько задержать австро-германцев, облегчив эвакуацию Проскурова.

Команда была составлена, и в ночь на 28/15, с некоторой задержкой из-за неподачи паровоза, направилась к Волочиску. Подрывниками был взорван один, попорчен и сожжен другой мост между Проскуровым и Волочиском в районе Черного Острова. Но одновременно с этой последней операцией австрийская разведка в ту же ночь походным порядком продвигается вдоль ж.-д. полотна к ст. Проскуров и занимает ее. Осведомленная о продвижении к Волочиску подрывного армейского состава, австрийская разведка на обратном пути встречает его ручными гранатами и обстрелом. Однако, подрывники покинули состав и присоединились к комитету, частично в Жмеринке, а большинство лишь в Курске, следуя вглубь России под видом обычно распущенных армейцев.

Австрийская разведка, занявшая ст. Проскуров, была численностью около 60 человек и могла быть легко разоружена. Оставшийся для содействия по погрузке имущества на ст. Проскуров т. Глебов пытался склонить грузившийся в ту ночь на товарной станции гвард. Семеновский полк внезапным налетом обезвредить австрияков, но в ответ получил отказ: „мы“, говорили семеновцы,—для погрузки, а не для сражения прибыли на станцию“.

В составе Семеновского полка в ту пору было около 500 человек, из которых не менее половины бойцов—и предложение тов. Глебова было посильно и осуществимо.

Оставаясь в Жмеринке 28/15 февраля и 1 марта, ревком вошел в связь с имеющейся налицо военной организацией. Жмеринский узел и возможная оборона его определенно интересовала штаб армий Муравьева, которых в то время числилось три, и наиболее северная из них была под командой Асеева и имела наименование 1 Революционной армии. Его распоряжением был организован полевой штаб Жмеринского укрепленного района во главе с т. Алексеевым, бывшим офицером 12-й Сиб. дивизии, которому и вверялось разработать план и осуществить оборону узла. Но ревком 7 и, в частности, его оперативный штаб не сочли возможным принять участие в этой работе, так как многочисленность стоявших в Жмеринском районе частей (12 Сиб. дивизия, 6 Финлянд. полк в Жмеринке, 7 Кубанский в Гнивани и отряд Красной гвардии при ст. Жмеринка, не считая артиллерийских частей, отнюдь не обманывала в их готовности обороняться и исполнять боевые задания.

Командующий Асеев передал в распоряжение Алексеева значительную сумму денег для выдачи особого жалования в размере 100 рублей каждому из стрелков, выразивших желание подчиниться боевым приказам. Но солдаты, забрав деньги, на следующий день требовали эшелонов для отправки в Россию, а иные полки категорически об‘явили себя нейтральными по отношению к предстоящей борьбе. Да и весь полевой штаб носил какой-то хаотический характер,

не обнаруживая сколько-нибудь нормальной организации и деятельности.

В ночь на 2 марта нового стиля, когда от‘езд ревкома был решен, ибо пребывание в Жмеринке легко могло закончиться внезапно пленением в обороняемом, но, в сущности, не обороноспособном узле, и когда фактически отход эшелона ревкома задерживался лишь из желания отправить возможно большее количество составов из Жмеринки на юг, прибыл в своем поезде командующий 1 армией т. Асеев и тут состоялось совещание, куда были приглашены и представители ревкома 7, относительно обороны узла. Командующему Асееву план представлялся в полной мере осуществимым и он поручил его выполнить тов. Алексееву силами Красной Гвардии и небольшой обещанной поддержкой, обороняя подступы со стороны Могилева и со стороны Проскурова, а равно и Винницы.

Но пока шло совещание, два эшелона австрийцев, прикрываясь ложными сведениями ж.-д. служащих с промежуточных между Проскуровым и Жмеринкой станций, приближались к Жмеринке и к рассвету достигли поста Подольского, откуда цепями наступали на станцию. Редкая стрельба австрийцев, развиваясь, быстро стала поражать весь район узла.

Первым стремительно проскочил мимо эшелона ревкома состав жмеринской Красной Гвардии; с промедлением и с трудом нагоняя пары, двинулся за ним обстреливаемый в задние вагоны эшелон ревкома, с которого было видно, как разбуженный готовился к обороне бронепоезд 9 Заамурского ж.-д. батальона и слышна была ответная стрельба автоэшелона ревкома 7.

Так закончилось пребывание ревкома 7 и оперативного его штаба в армейском районе.

Путь следования в Россию через Бирзулу, Знаменку и Харьков пройден был благополучно и лишь в Курске состоялась встреча с представителями Ревкомитюза, в частности, с тов. Павловым.

Заключение.

7-я армия подверглась тому же нароставшему разложению, как и прочие, но были в жизни и развитии событий внутри 7-й армии и некоторые особенности и частные причины, которые сводились к следующему:

1) Недостаток денег во всех корпусах, особенно обострившийся во второй половине ноября и все прогрессирующий в последующее время. Несмотря на усиленные хлопоты, этот недостаток был восполнен крайне скудно—удалось заполучить лишь 100 тысяч рублей, заимообразно взятых Ревкомом 7 через местное казначейство у проскуровских купцов, и 200 тысяч рублей, полученных в феврале из штаба фронта. Это, конечно, было ничтожной суммой, если принять во внимание, что именно в описываемый период, благодаря планомерной и самостоятельно проводимой демобилизации, расход денег в частях по выплате жалования и суточных был очень велик, и учитывая, что состав армии в целом к 1-му января был еще очень значителен, приблизительно не менее 300 тысяч человек.

2) Большая недостача фуража, как зернового, так и сена и соломы в интендантских складах, что, благодаря неполной выдаче и за неимением денег невозможности пополнить недостающее количество покупкой, — систематически разрушало, как обозы, так и артиллерийские части (кавалерия, лучше обеспеченная деньгами, в общем, страдала меньше). Остающихся лошадей приходилось зачастую кормить за счет денег, вырученных за продажу слабых или ставших излишними, благодаря демобилизации коноводов.

3) Демократизация армии, проведенная в первой половине декабря на началах выборности начальствующих лиц, выдвинула на видные командные посты лиц, как из числа офицеров, так и солдат, которые нередко считали себя обязанными удовлетворять запросы и требования масс в первую голову, хотя-бы это и шло в разрез с общим планом, проводимым сверху, или фактической возможностью к осуществлению. То же явление наблюдалось и во многих комитетах, популярность которых среди избирателей возростала пропорционально их податливости запросам солдатской массы. В этом смысле многие комитеты далеко не стояли на революционной высоте; примером могут служить комитеты 41-го армейского корпуса, как корпусный военно-революционный, так и многие из полковых, которые не только не способствовали удержанию частей от развала и преждевременного расформирования, но сами брали это дело в свои руки и придавали ему „организованный“ и „планомерно проводимый“ характер. Поправить или приостановить в подобном случае развал оказывалось невозможным.

4) Необычайно слабое железнодорожное движение, особенно ухудшившееся в период с января по февраль, т.-е. в период наиболее активной оперативной работы, не только подрывало последнюю, замедляя намеченную в общем плане перевозки часть, задерживая продвижение погруженных эшелонов на сутки и на двое в ожидании паровозов, но вносило в недоверчивую массу излишнее сомнение по поводу обещания или намерений, исходящих от оперативного штаба и создавало такую обстановку, когда конвоируемые охранной командой эшелоны никому и ни для кого не отдавались, хотя бы новое требование или изменение назначения эшелонов исходило от того же оперативного штаба, чьим распоряжением был эшелон первоначально предоставлен в руки конвоиров. Все это невольно подрывало доверие, отнимая у масс надежду когда-либо организованно уйти с фронта в Россию.

5) Приказы о демобилизации, исходившие из центра (ставки главковерха), совершенно не учитывали ни провозоспособности ж. д., ни положения на местах, в частности, юго-западного фронта и нередко являлись разлагающим средством во время незаконченой операции, к тому же, порядок демобилизации, указанный в приказах, гораздо быстрей вносил разрушение в артиллерийские части, инженерные и кавалерию, нежели в пехоту, благодаря тому, что в первых было относительно больше солдат старших возрастов. Радио в корпусах перехватывали приказы иногда раньше, нежели они становились известными комитету армии и, в лучшем случае, корпус запрашивал, как быть; в худшем случае, приступая к самостоятельно проводимой демобилизации, такой корпус в свою очередь заразительно и пагубно действовал на соседнюю группу, что быстро давало себя знать.

6) Приказы генерального секретаря по военным делам украинского правительства, сперва Петлюры, а затем Порша, безусловно вносили свою долю в разложение армии, да и расчет их был таков, в особенности выделяющийся и, по своему знаменитый, приказ Петлюры об отпуске всех великороссов в 3-х недельный отпуск с позднейшей явкой к своим уездным начальникам. Штаб фронта в Бердичеве в более мягкой, и часто прикрытой, форме вторил приказам украинского правительства. Штаб армии не раз, вольно или невольно, способствовал распространению этих приказов в корпусах, где корпусные и дивизионные „рады“ уже открыто агитировали и провоцировали. Вышеизложенное дает ясное представление о тех общих для всех армий, а также и частных для 7 армии, причинах, которые подтачивали ее боевую силу, подрывали самое существование армии, обращали ее в дезорганизованную толпу.

Как уже отмечалось нами, основным, наиболее отчетливым чувством солдата за весь этот период было то, что „воевать больше не надо“ и „пора домой“; и если в 7-й армии хотя кое-как соблюдалось сроки демобилизации по приказам ревкома 7, если были дивизии, как 19, которые вовсе не опережали официально установляемых комитетом армии сроков демобилизации, то это следует об‘яснить в значительной мере лишь тем, что 7 армия с самого начала революции наиболее свободно и быстро сорганизовавшаяся, сознательно или бессознательно, но берегла свою армейскую целостность и, путем ложных обещаний стоять на фронте то до Покрова, то до 1 ноября, то до Нового года, все же продолжала стоять, хотя и не столь прочно.

Остается еще сказать несколько слов об отношении армейцев к походам и участию в боевых операциях.

Наблюдался почти полный отказ частей совершать походное движение, как только они выдвигались к линии железной дороги. Так, предложенный соответствующим приказом переход частей 52-й дивизии 3-го Кавказского корпуса из-под Каменец-Подольска к Бару, вылился лишь в поход 206-го Сальянского полка, который, кстати сказать, о прибытии в Бар извещения не дал и, по всей видимости, из Бара, погрузившись, выехал одним из эшелонов, так как во время нахождения ревкома в Жмеринке сальянцев в Баре не было.

Боевое напряжение и стойкость во время столкновений носило случайный и нервный характер и краткий пыл, подогретый обещанием быстрого отдыха или окончательного от‘езда вглубь России для расформирования, быстро угасал, как только сражение затягивалось и давало нерешительные результаты. Так было под Бердичевым, когда при взятии его, гвардейский Московский полк честно выполнил задание исключительно благодаря обещанию, что он затем выезжает в Россию; или позже, при обороне Бердичева, Крымский полк 19-й пехотной дивизии и кавалерийские части 11-й кавказской дивизии 5-го кавкорпуса, достойно сражаясь в первый день, на второй—уже нуждались в особой заботе, выразившейся в выдаче усиленного довольствия, пива и, наконец, суточных денег по 5 и 10 руб. на человека.

Вообще же все операции и в особенности, взятие Винницы 2-м гв. корпусом, сопровождались значительным разграблением интендант-

ских складов, а порой и частного имущества, что при сложившихся условиях отсутствия дисциплины и послушания нелегко было прекратить или устранить. Наконец, длительное участие в походах или в передвижениях, связанных с более или менее сложными операциями, налагало особое утомление, толкавшее к уходу по первому удобному поводу.

В заключение еще несколько слов о формах „политпросветработы", которые были в армии в условиях того времени.

У читателя невольно возникнет недоумение по поводу того, что во всем очерке почти ничего не говорится о политработе и сравнительно, очень мало о настроении частей.

Но дело в том, что по существу этих вопросов много и говорить нечего. То, что сказано вскользь о настроении частей, в достаточной мере характеризует его. Настроение определялось несколькими словами: „мир во что бы-то ни стало" и „домой".

Всякого рода агитация, призывы имели успех лишь в том случае, если они базировались на этих требованиях солдатской массы.

Надо лишь сказать, что эти требования у солдат явились не только следствием чрезмерной усталости и возникшего сознания в бесцельности для них этой войны, но и вследствие более узких практических соображений.

Для солдат, в подавляющем своем большинстве крестьян, революция связывалась непосредственно с овладением землей. Из газет и писем из деревень они знали, что во многих местах дележ земли уже начался и резонно считали, что лучший кусок захватит тот, кто в это время дома. Отсюда и было, главным образом, столь сильное стремление домой. По этой же причине невозможно было создать длительного, устойчивого боевого настроения, несмотря на то, что в общем и целом массы были безусловно революционно настроены.

Что же касается политработы в армии, то единственной формой ее был митинг. Круг вопросов, обсуждавшихся на митингах, был довольно ограничен: о текущем моменте—эта тема была самая распространенная, так как давала возможность говорить именно по вопросам, волнующим солдатские умы: о власти, о мире, о земле. Иногда эти вопросы выделялись: говорили только о земле, или только о мире, или о власти. Но в то время эти вопросы в сущности сливались и трудно было разграничить, когда оратор говорит „о мире", когда „о власти" и т. д.

Такие формы политработы обусловливались самим моментом. С одной стороны кадр партийных работников был весьма мал и слабо подготовлен для ведения более серьезной политработы в таких массах; с другой—необходимо было считаться с настроением солдат, умы которых были в то время заняты лишь определенными вопросами.

Да тогда не было и времени, и возможности углублять политзнания в массах,—важно было завоевать умы, увлечь массу за собой, а это возможно было лишь зажигательной митинговой речью, „бьющей" в определенном направлении.

При этом надо еще отметить, что митинги устраивались не в каком-либо плане политработы, а чаще всего по какому-либо случаю, носившему утилитарный характер, как-то: перед выборами, для поднятия

революционного и боевого настроения, для ликвидации какого-либо конфликта и т. д. Отдельные попытки плановой работы были, но не проводились по указанным выше причинам.

Таковы были в общих чертах формы политработы, оправдывавшиеся условиями того времени. И как ни кажется бледной такая политработа, надо констатировать, что она все же многое и многое сделала для просветления темных солдатских масс и работники того времени заслуживают памяти истории, ибо часто, при том переменчивом настроении масс, выступить на митинге—равносильно было подвигу. Случаи расправы с агитаторами были не так уже редки в армии, в особенности, с агитаторами большевиками, когда им приходилось выступать в частях особо темных, как, например, в казачьих.

К истории Красной Гвардии.

I.

Казатинская организация.

Целый ряд обязательных постановлений Временного Правительства на Украине привели к тому, что вместо проповедываемого нашей партией большевиков идеи общего вооружения всех рабочих, оказалось к половине июля 1917 года полное отсутствие оружия не только у широких масс железнодорожных рабочих, но даже у членов партии. Наряду с этим зато шло интенсивное вооружение деревни.

Это была особая политика украинских шовинистических организаций: „спилок“, „гуртков“ и проч.

В половине июля Казатинская организация партии большевиков (ст. Казатин Ю.-З. ж. д. Киевской губ., Бердичевского уезда) на общем собрании вынесла резолюцию о принятии решительных мер к предотвращению дальнейшего разоружения рабочих и обязательному вооружению всех членов партии. Тут же было постановлено об организации боевой жел.-дор. дружины, при чем в постановлении не было указано назначение этой дружины. (Нужно заметить, что наши партийные собрания проходили открыто в зале аудитории при большом стечении публики из числа так называемой жел.-дор. интеллигенции). На основании указанного постановления нами было созвано общее собрание рабочих без согласования этого вопроса с местным союзным органом в лице участкового жел.-дор. комитета, во главе которого стоял упорный враг партии—в будущем ближайший сотрудник Скоропадского и последующих украинских властей, Назаров.

Несмотря на определенное давление участкового комитета на железнодорожных рабочих, собрание все-таки состоялось и достаточно многочисленное.

После нашего доклада о необходимости организации боевой дружины, из „публики“ посыпались запросы: не является ли эта организация скрытой „Красной гвардией“, каковы ее задания и функции? и т. д.

Раз‘яснения пришлось давать несколько уклончивые. В результате, общее собрание постановило организовать вооруженную дружину, дав ей назначение исключительно по охране имущества жел. дор., отвергая элемент политический.

После собрания была об'явлена запись в дружину; записавшихся оказалось свыше ста человек, которые тут же из своей среды избрали начальника. Тем дело пока и кончилось.

Никакими мерами необходимого числа ружей и патронов получить не удалось. В это время член партии т. Соколов доставил из Киева ящик револьверов, кажется, штук 30, выданных Губкомом исключительно для членов партии. Обращения к воинским частям тоже ни к чему не привели, но мысль о боевой жел.-дор. дружине все-таки крепко засела у лучшей части рабочих и вопрос этот неоднократно подымался в местном Совете рабочих и солдатских депутатов. К концу 1917 года Казатинская организация партии большевиков, насчитывавшая тогда в своих рядах до 140 человек, пользуясь разбродом в украинских воинских частях, успела собрать до 70 винтовок в обмен на хлеб или теплую одежду, но патронов было мало. Добыли мы также и один пулемет с двумя лентами патронов у проходящего украинского эшелона за фунт табаку и десяток коробок спичек. Исправность пулемета в первых числах января была испытана в поле верстах в двух от станции. Мы совершенно не предполагали, что эта проба одного пулемета произведет эффект в украинских кругах и передастся тревожно в ряды украинских воинских частей, не только расположенных в Казатине, но и в окрестностях его. Оказалось, что пробная стрельба пулемета была истолкована украинскими кругами, как начало выступления большевиков. Распространились слухи о громадных запасах оружия у большевиков и явились очевидцы выставленных якобы большевиками вокруг Казатина многих орудий, направленных на станцию. Действительно, в поле против фермы Тебенского были поставлены орудия, но поставлены они были распоряжением Скоропадского, как нач. укр. корпуса, в виде угрозы пулеметной роте украинского корпуса, распропагандированной большевиками и вышедшей из повиновения. Рота эта была расположена на ферме. Орудия в действие приведены не были, так как пулеметная рота по соглашению с партией в одну прекрасную ночь вся разбежалась, захватив ружья и приведя в негодность все 24 пулемета.

Точно не помню, но, кажется, 5 января 1918 года, председатель участкового жел.-дор. комитета Назаров, пользуясь вооруженной силой украинских солдат, ночью потребовал из депо паровоз на парах с одним вагоном. Дежуривший по депо механик Баранецкий принужден был дать паровоз, но в буксы подсыпал песку. Мы тогда точно не знали, что затевает Назаров и не знали, что под его прикрытием должен спастись из Казатина Скоропадский. Потом оказалось, что Назаров, натворив массу гадостей и боясь за свою шкуру, напугал и самого Скоропадского и они решили бежать из Казатина в виду якобы угрозы со стороны большевиков. Бежать им удалось, но в дороге паровоз закапризничал, буксы стали нагреваться. Назаров из Попельни дал депешу, что своим врагам он сумеет отомстить и т. д. Вслед за бегством Скоропадского и Назарова началось поголовное бегство всего украинского корпуса. Положение к концу первой половины января оказалось таким, что пришлось брать в свои руки всю власть, а для этого необходимо было создать вооруженную силу.

15/I—1918 года в аудитории было собрание рабочих и тут же составилось решение организовать „боевую жел.-дор. дружину" в числе

120 человек. В тот же день, часов в 12 ночи, направили человек 20 к заведывающему хозяйством какой-то воинской части, у которой был большой склад оружия, и потребовали выдачи 200 винтовок и запаса патронов; винтовки были получены полностью, но патронов вышло всего по 30 шт. на каждого дружинника. Впоследствии патронов мы добыли громадное количество. Большинство жел.-дор. рабочих были солдатами, и нам не трудно было в течение нескольких часов сформировать вполне организованную боевую часть, которая избрала своим начальником Председателя уездкома партии т. Б. А. Катакази и заместителем его К. Г. Карпенко (ныне председатель Казатинского Учкпрофсожа). В ту же ночь первая полурота заняла посты по охране интендантского склада огнестрельных припасов в артиллерийском городке, сделала обход станции и местечка и установила охрану на вокзале. На второй день дружина занялась разоружением украинских частей, что проходило почти без всякого сопротивления и уже через несколько дней в руках дружины оказался громадный арсенал всякого оружия, воинских припасов вплоть до орудий; не было только лошадей, годных для боевой работы. Надо было торопиться с организацией боевой дружины, так как к этому времени с фронта двигались по направлению в Россию большевистские части, застрявшие временно в районе Жмеринки, которым нужно было расчистить дорогу до Киева. Район Казатин—Фастов был в наших руках, в районе же Казатин-Винница еще держались „вольные казаки". Так как на этом протяжении были случаи разоружения большевистских частей, как, например, одного батальона Волынск. гвард. полка, то нам представилось необходимым исследовать этот путь и выяснить силу „вольных казаков" и связаться с первым эшелоном большевистских войск, задержавшихся в Жмеринке. Впереди стоял Кексгольмский гвард. полк с начальником штаба 3 гвард. див. т. Качаловым. Мы выделили пять товарищей, которые и направились в сторону Жмеринки. Четверо из них дошли к месту назначения, а один тов. Щепанский попал в плен к казакам (впоследствии его удалось освободить).

Пока завязывались сношения со Жмеринкой, дружина опять собралась в аудитории на общее собрание и об'явила себя „Красной гвардией". Это было 22 января. Во время собрания здание аудитории было окружено „вольными казаками", появившимися в Казатине внезапно со стороны м. Махновки и г. Бердичева. Нач. Красной Гвардии т. Катакази был захвачен и уведен в подвал под пас. зданием, где оказался и т. Щепанский. Вмешательством некоторых влиятельных украинцев оба к вечеру были освобождены. „Вольные казаки" заняли один большой барак и расположились в нем. Рядом, в другом бараке были размещены красногвардейцы, исключительно, из числа плотничной артели—великороссов, в большинстве большевиков.

Обе вооруженные силы содержали наружные караулы у своих бараков. В эту же ночь было решено, что для успеха дела нужно организовать конную дружину. Хорошие лошади были только у оставшихся еще в Казатине украинских офицеров. Большинство лошадей было собрано в одной конюшне при доме, где помещалось офицерское общежитие. Выяснилось, что при лошадях нет военной охраны, а поставлен лишь ночной сторож. Нарядили четырех товарищей для овладения этими лошадьми, из них т. Катакази, как человек пожилой, взял на себя мис-

сию отвлечь бдительность сторожа и закрыть конюшни, остальные три товарища во главе с т. Карпенко, с винтовками за плечами, выломали во дворе ворота вскочили на лошадей, взяв в повода остальных и увели таким образом сразу 17 лошадей.

На утро уже была организована „конная Красная гвардия“ и в то же утро из Казатина исчезли „вольные казаки“. Часть конного отряда, кажется, 11 всадников под командой т. Карпенко были сейчас же посланы для защиты Мехеринецкого сахарного завода и сельско-хозяйственной школы от нападения и разграбления бандитами, сформированными из беглых украинских солдат.

Действия нашего отряда были успешны, потребовалась небольшая перестрелка, в результате которой банды были оттеснены. Для дальнейшей охраны завода было оставлено 5 всадников. Остальная часть конной Красной гвардии повела разведку в сторону Винницы и в конце связалась с головным отрядом Кексгольмского полка у ст. Голендры. При этом головном отряде оказались и четыре наших товарища, командированных раньше для связи. Не могу установить точно дня, в который мы имели счастье встретить в Казатине вступление Кексгольмского полка, а за ними уже потянулись один за другими большевистские части.

Красная гвардия несла караулы, охраняя покой прибывающих частей, которые должны были организоваться для наступления на Фастов и дальше на Киев. К этому времени со стороны Радзивилова и Здолбунова „повеяло“ немцами. Нужно было торопиться пропуском через Казатин на Киев всех большевистских частей, двигавшихся от границы Галиции. Кексгольмский полк, не дожидаясь подхода артиллерии, ринулся к Фастову, где был украинцами оставлен сильный заслон. В первых числах февраля нач. Красн. гвард. получил через комиссара станции требование т. Качалова немедленно бросить на Фастовский фронт, хотя бы небольшой отряд Красн. гвардии, главным образом, для воодушевления Кексгольмского полка. Нач. Крас. гвардии в 2 часа ночи поднял на ноги свободных от караулов товарищей, живших в общей казарме, и распорядился приготовиться к выступлению.

Тут было 46 человек членов партии и все, как один, в течение нескольких минут были одеты и вооружены. Знаменщик при двух часовых вышел вперед, а за ним последовала вся группа. Обстоятельства скоро изменились: т. Качалов занял Фастов почти без боя и мы не имели счастья стать плечем к плечу с кексгольмцами. В дальнейшем взятие Киева привело к концентрации украинских частей в районе Житомира, где укрепившись, они начали угрожать Бердичеву.

Захват Бердичева украинцами имел бы последствием овладение Казатином, а следовательно, магистраль Жмеринка—Киев была бы прервана и большевистские полки потеряли бы возможность проследовать с фронта в Россию. Мы получили распоряжение во что бы то ни стало отстаивать Бердичев и не допустить перерезать где-нибудь железнодорожный путь на Киев. Бердичевская боевая организация оказалась не в силах отбивать беспрестанные атаки украинцев со стороны Житомира, а потому мы выделили на этот фронт часть своих красногвардейцев, которые в течение двух недель с успехом удерживали фронт.

К середине февраля немцы уже были у ст. Романова. Со стороны Житомира атаки украинцев усилились. Начальник красной гвардии обратился к командованию поспешно проходящих большевистских эшелонов выделить одну часть для образования заслона у Малаховки и Брадецкого сахарного завода со стороны Бердичева во избежание обхода украинцами Бердичева. Для этой цели был назначен Крымский пехотный полк и конно-стрелковый полк. Но полки эти спешили на родину и потому здесь долго не удержались, направившись к Киеву по грунтовым дорогам.

Дальше удерживать Бердичев мы не смогли. Немцы спешно группировались у ст. Печановка и Романово. Конные части гайдамаков стали появляться в районе Бердичева.

Бежавшие из Киева по Житомирскому шоссе украинцы оправились и уже организованно повели наступление на Бердичев—Казатин, войдя в контакт с гайдамаками.

Положение Бердичева и Казатина стало критическим. Воинских частей в Бердичеве уже не было. Проходящие большевистские эшелоны в Казатине не задерживались и многие из них бросили свои вагоны и шли к Киеву пешим порядком.

Никаких распоряжений или указаний из Киева мы не получали. Пришлось снять своих красногвардейцев с Бердичевского фронта для обороны подступов к Казатину со стороны м. Махновки, но предварительно была выделена группа в 5—6 красногвардейцев во главе с т. Храповицким для разведки в сторону ст. Романово. Группа эта была снабжена подрывным материалом.

Добравшись до ст. Чудново и выяснив, что ст. Романово уже прочно занята немцами, наша группа добралась до большого моста на перегоне ст. Чудново—Романово и основательно взорвала его, а затем благополучно возвратилась в Казатин.

Немцы были на долго лишены возможности пропустить свои поезда, но тем не менее через два дня появились бронемашины в окрестностях Бердичевского уезда, а затем немцы стали накопляться по эту стороны взорванного моста.

Числа 25 февраля состоялось об‘единенное заседание исполкома совета, комитета партии, представителей Красной гвардии и железнодорожной администрации по вопросу о принятии необходимых мер к охране ст. Казатин на случай отступления Красной гвардии.

Во время заседания предсовета (он же предпартии и начальник Красной гвардии) был вызван к телефону из Бердичева, откуда поспешно передали, что „телеграфной связи между Бердичевым и Казатином нет“. Последний телефон сейчас снимается, мостик между Бердичевым и Казатином взорван гайдамаками, обошедшими Бердичев. Последние оставшиеся в Бердичеве боевые и партийные организации, сейчас покидают Бердичев грунтовыми дорогами. Предлагается Казатинским организациям и активным членам совета немедленно выехать из Казатина, пока путь на Киев еще свободен“. Однако, мы еще задержались в Казатине до 28 февраля 1918 года.

Какого-либо порядка в движении поездов, конечно, уже не было. Прибытие поездов с большевистскими эшелонами из Жмеринки прекратилось. Но в Казатине еще стояли один санитарный поезд и эшелон артиллерийского полка в ожидании паровозов.

Утром 28/II прибыл в Казатин поезд отряда тов. Павлова. Он предлагал поспешить отправкой последних поездов.

К этому времени в Казатине еще оставалось 25 красногвардейцев (великороссы выехали несколько раньше), которые своей боевой деятельностью достаточно были известны Казатину, а потому не могли оставаться в дальнейшем во избежание расправы с ними гайдамаков. Мы уже знали, что ими было проделано с большевиками и красногвардейцами в Бердичеве.

Этим товарищам предложено немедленно собраться для от'езда из Казатина. Приступили к оборудованию специального вагона, установили пулеметы, погрузили оружие и патроны.

К вечеру 28 февраля последним поездом мы выехали из Казатина. Прибыв в Киев, мы уже не застали в городе ни боевых, ни партийных организаций, центральный комитет союза железнодор., почти распался, никаких указаний или распоряжений получить было неоткуда, равно как не было откуда получить средства или продукты питания, ибо мы выехали и без денег и без всякого продовольствия.

2/III немцы уже приблизились к Киеву со стороны Киево-Ковельской линии. Оставаться в Киеве было невозможно, и мы выехали с поездом на Харьков.

Числа 17 или 18 марта 1918 года мы вступили в организовавшийся тогда в Харькове первый рабоче-крестьянский красноармейский полк, образовав в 3-й роте отдельный взвод.

В конце марта уже в качестве красноармейцев мы приняли участие в наступлении и овладении г. Сумы и, таким образом, получили первое красноармейское боевое крещение, оставив позади на суд истории свою небольшую красногвардейскую боевую страду в борьбе за рабочее дело.

Вл. Катаказн.

2.

Кр. Гвардия при главных Гомельских жел.-дор. мастерских.

Организация Красной Гвардии при главных Гомельских мастерских началась в ноябре месяце 1917 года, когда прибыл бронепоезд с матросами в Гомель во главе с тов. Берзиным для восстановления порядка и несения охраны, как в городе в Советских учреждениях, так и на железной дороге. Организаторами Красной Гвардии были т.т. Якубов и Волков — столяры главных Гомельских мастерских, а потом приняли участие и т.т. Казимиров, Адамов, Панибратцев, Богданов, Катерли, Чебров и многие другие товарищи.

К 1-му февраля 1918 года, в Красной Гвардии при Гомельских мастерских было около 200 человек. В промежуток этого времени броневик т. Берзина, к которому примкнули и наши красногвардейцы, двинулся по направлению к Украине, где и начались переговоры с Украинской буржуазной делегацией около ст. Тереховка в 40 верстах от Гомеля. Украинская делегация приехала в Гомельские мастерские; было созвано узловое собрание мастерских, где украинская делегация просила

рабочих и служащих помочь им не допустить большевиков на Украину, а они за это обещали засыпать хлебом рабочих. Но рабочие ответили „нам не нужен ваш хлеб, а нужна Советская власть“.

Несмотря на вооруженное сопротивление украинской буржуазии, на Украине Советская власть все-таки установилась.

В феврале месяце немецкая белогвардейщина начала наступление со стороны Речицы. Сражаться с такой силой Гомельской Красной Гвардии было трудно. Пришлось эвакуировать имущество с Гомельских мастерских (запасные медные части паровозов и вагонов и пр.), это дело было поручено временно назначенному комитетом мастерских члену комитета тов. Туловскому, который на этот период считался комиссаром мастерских. Погрузивши поезд из 9—10 вагонов меди и бронзы, он отправился с ними на ст. Ромны, где и ожидал нашего приезда. Когда немцы подходили к Гомелю и были в 2-х—3-х верстах, нам пришлось выехать из Гомеля предпоследними 28 февраля 1918 года, забрав с собой весь подвижной состав из классных вагонов. Приехавши в Сновск, хотели взорвать мост через реку Сновь, дабы не пустить скоро продвигавшегося противника, но нас уговорили рабочие Сновского депо, что они сами не допустят и сделают это своевременно, на что мы согласились и поехали дальше. В Бахмаче заметили, что у нас число красногвардейцев уменьшилось, так как некоторые начали уходить домой в Гомель. Все же мы решили поехать дальше до конечной станции нашей дороги Ромны.

Приехавши на ст. Ромны, совместно с комитетом мастерских, пошли в совет, но такового уже не нашли; это было 2—3 марта, а совет за 2—3 дня до нашего приезда выехал из Ромен.

Мы взяли власть в свои руки на железной дороге и поставили везде охрану, где надо было и пулеметы поставили, хотя нас осталось только человек 80 не больше.

На другой день, совместно с комитетом, представителем которого был Остапенко, взялись оборудовать себе броневик из вагона снегочистителя; броневик был готов через 4 дня.

Некоторые товарищи начали раз‘езжаться домой и осталось нас всего человек 40. Вскоре в Ромнах опять организовался Ревком, с которым мы имели тесную связь.

Вдруг получается грозная телеграмма со стороны Ромодана следующего содержания: „предлагается всем сложить оружие, а кто этого не исполнит, тот будет расстрелян“. Мы не струсили, а обставили станцию пулеметами и с поезда выставили пару пулеметов на случай неустойки и с нетерпением ждали: кто же тут едет—свои или гайдамаки? Через час прибывает поезд с 3—4 вагонами, в которых находились наши, хорошо вооруженные винтовками и пулеметами. Узнавши об этом, мы очень обрадовались. Это оказался отряд тов. Примакова, который предложил нескольким товарищам присоединиться к нему и поехать в сторону Бахмача. Поехали т.т. Якубов, Панибратцев и другие, в общем человек 10.

Нам необходимы были лошади для разведки и мы поручили т. Адамову с 2-мя т.т. ехать верст за 20—30 и реквизировать лошадей. Уехали они без всяких документов. Во главе оставшихся 30 человек был тов. Богданов. Прибыли потом матросы, которые пьянствовали, а впослед-

ствии прибыл и поезд штаба юго-западного фронта—тов. Бош, Пятаков и др.

Дней через 10—17 вернулись и т.т. Примаков с Якубовым. Проследовал поезд с чехо-словаками со стороны Ромодана в сторону Бахмача. Последние, между прочим, впоследствии в Бахмаче были разбиты немцами.

В Ромнах сорганизовали об'единенный военный комитет, в который вошли Примаков, Бош, Пятаков, Якубов, Богданов и некоторые товарищи из других отрядов, фамилии которых не помню.

После нескольких заседаний пустили наш броневик в ход, так как немцы уже были недалеко—верстах в 20-ти. Первый раз поехали с пулеметами, но одних их было недостаточно и пришлось вернуться за орудием. На платформу поставили орудие и опять поехали на фронт с броневиком.

В это время в Ромнах произвели мобилизацию и отправили человек 300 на фронт вместе с нашими красногвардейцами. Мобилизованные, услышав стрельбу, „дали ходу“ и когда под'ехали осторожно к фронту, то мобилизованных осталось не больше 30 человек. Нам было трудно отбиваться и мы понемногу отступали.

На станции Ромны начали полную эвакуацию интендантских складов и железнодорожных пакгаузов. Поезд с медью, эвакуированный из Гомельских мастерских, отправили и сдали в Воронеже. Кроме сего также отправили один поезд с хлебом в сторону Москвы.

Недели через 3 нам пришлось выехать из Ромен вместе со штабом; другие отряды уехали раньше. Перед самым отходом нашего поезда явился т. Адамов с 2-мя т.т. бледный и измученный. Оказалось, что они попали к кулакам в руки и их присудило кулачество общим собранием в деревне к смертной казни, как большевиков, за реквизицию лошадей, но им удалось вырваться, благодаря одному товарищу из крестьян.

При от'езде из Ромен поезд т. Бош был обстрелян белогвардейцами. Некоторые из т.т. были ранены, некоторые убиты. С броневиком пришлось отступать до станции Лохвицы. Там узнали, что дальше ехать нельзя, так как из Ромодана наступают гайдамаки. Решили ехать по ветке на Гадяч. Благодаря броневику, мы врагов понемногу задерживали, несмотря на их большую силу, и добрались до Гадяча. Тов. Чеброву и др. поручили поехать в село и мобилизовать крестьянские подводы, так как до железной дороги было в одну сторону 45 верст, а в другую—80 верст. Решили ехать подводами 45 верст до станции Лебедин. Часа через 3—4 тов. Чебров пригнал подвод 300—400, на которые погрузили эвакуированное имущество и с ними направились в сторону Харькова. Из Лебедина отправились совместно с Киевской Красной Гвардией, во главе которой стоял тов. Лещевский.

По прибытии в Харьков сдали имущество и Красная Гвардия Гомельских мастерских опять отделилась от Киевских и поехала в Брянск. Там была маленькая часть Гомельской Красной Гвардии. По приезде в Брянск приняли на себя охрану мостов, станции и железной дороги и закончили постройку броневика.

Вскоре мы уехали в Москву и оттуда на Самаро-Златоустовскую жел. дорогу работать в Уфимских мастерских.

Поработав всего около двух месяцев, пришлось отступать с подрывным железнодорожным отрядом из Уфы, а, по приезде в Москву, часть поехала в Гомель работать в подпольи, а остальные товарищи уехали работать на Рязано-Уральскую железную дорогу в Саратовские и другие мастерские.

Д. Богданов.

3.

Кр. Гвардия Боковского Горного района.

На Фоминовском руднике Боковского района, расположенном близ станции Щетово Екат. ж. д., между станциями Добальцево и Зверево, в мае месяце 1917 года была следующая конструкция управления района: на каждом руднике был комитет (род совета старост), а в районе существовал Совет Рабочих, а впоследствии и Крестьянских Депутатов. Комитет и Совет ведал всеми делами по управлению и были до того авторитетны в массах, что каждое их решение было для всех обязательно, и выполнялось без всяких возражений и отговорок. Таким образом, фактически власть советов в этом районе была уже в мае 1917 года. Председателем совета был (ныне покойный) тов. Переверзев—с.-р. максималист по убеждению и полный сторонник власти советов. До октября месяца вся власть держалась исключительно на комитетах и Совете. На рудниках были милиционеры, находившиеся в ведении, номинально, н-ка милиции, а фактически, комитетов и Совета.

После Октябрьской революции и появления на сцене Каледина, издавшего обязательное постановление об об'явлении рудников на военном положении, у Совета и у конференции на станции Добальцево встретилась необходимость иметь вооруженную защиту от появившихся в районе рудников по распоряжению Каледина казаков. Роль защитников от казаков взяли было стоявшие на ст. Никитовка два полка бывш. драгун, но после обследования комиссией от конференции состояния этих полков, оказалось, что они не надежны, так как имели десятка по два драгун, с совсем расшатанной дисциплиной. По обсуждении создавшегося положения, Совет принял решение: не подчиняться власти Каледина и образовать Красную Гвардию из рабочих—бывших солдат.

Так было положено основание к образованию Красной Гвардии в том районе, перешедшем скоро и на другие районы. Гвардия была образована и по рудникам, и при Совете и находилась в распоряжении Совета.

Хотя Гвардия была и не особенно многочисленна, но казаки все жили мирно и ничем себя не выказывали. В том районе они стояли в селе Малокрепинском. В Совете были их представители: от офицеров, урядников и рядовых казаков. Ни в какое распоряжение Совета они совершенно не вмешивались, до тех пор, пока не был убит каким то отрядом тов. Переверзев, обманным образом с секретарем и красногвардейцем заманенный к н-ку милиции по делу в село Малокрепинское. После этого случая Советом было подтверждено прежнее решение не подчиняться Каледину и предоставлено право желающим оставить район (до этого никто район оставить без разрешения не мог), а Красной Гвардии было дано право действовать против казаков оружием.

Насколько было опасно для казаков вновь образованная Гвардия видно из того, что на похороны тов. Переверзева казаки не появились, хотя похороны и собрали несколько десятков тысяч рабочих, что обязательным постановлением Каледина запрещалось под страхом расстрела. А вскоре стоявшие казаки были совсем из района убраны.

Так была образована Красная Гвардия, которая и существовала там до момента занятия района Калединым.

Оружие для Красной Гвардии приходилось добывать нелегальным путем из Харькова, через существовавший тогда на станции Добальцево конспиративный Революционный Комитет, расстрелянный впоследствии отрядом Каледина.

Василий Платонов.

4.

Кр. Гвардия сл. Михайловка.

Первые организованные следы Красной Гвардии на Дону были заложены в Устьмедведицком округе. Местом формирования ее была слобода Михайловка при станции Серебряково. Состав Красной Гвардии был в большинстве из рабочих этого района: кожевенных заводов, кузнечно-слесарных мастерских, мельниц и трудовое крестьянство и казачество. К началу января 1918 года Красная Гвардия Устьмедведицкого округа, под руководством подпольного ревкома, представляла уже реальную силу.

Правые эсэры, стоявшие в то время у власти, во главе с офицером Лапиным, предчувствуя гибель, немедленно вызвали на помощь полковника Потоцкого с отрядом юнкеров со станции Урюпинской. Отряд прибыл в слободу Михайловку под первое января и занял важные пункты по линии жел. дороги. Главной крепостью у них было здание винного завода, обнесенное каменной стеной, где они продолжали пополнять свои ряды местной буржуазией, гимназистами, студентами.

Первые руководители Красной Гвардии т. т. Вихров, Голубенко, Шейкин не упускали момента, усиливая свой отряд и на 12-е января 1918 года, при помощи Царицынской организации, уничтожили отряд юнкеров и офицеров, занимавших Михайловку. Из трехсот офицеров спаслись только полковник Потоцкий и шесть юнкеров, уехавших на паровозе, остальная же масса была изрублена на месте боя.

Власть, таким образом, перешла к Совету. Ревком после непродолжительного времени созвал с‘езд Советов округа, на котором был избран окружной исполком. Отряд Красной Гвардии продолжал в дальнейшем формироваться под руководством тов. Кувшинова с участием тов. Вихрова, Севастьянова, Самсонова. Здесь уже были сформированы две роты пехоты и эскадрон кавалерии. Одна рота все время сражалась на Чирском участке против полковника Мамонтова, будучи одной из боеспособных и хорошо организованных частей. Были походы на Устьмедведицу с участием отряда Петрова и Борисоглебского отряда Красной Гвардии. Части Красной Гвардии Устьмедведицкого округа впоследствии влились во вновь сформированную Красную Армию в количестве девяти рот пехоты и двух эскадронов кавалерии, сражаясь в рядах 23-й стрелковой дивизии.

И. С. Кувшинов.

С. Банченко.

Дела минувших дней.

(Из воспоминаний рядового бойца).

Мы большевики.

С первых дней революции у нас в части был большевистский дух. Это было благодаря тому, что у нас были такие хорошие организаторы, как тов. Стариков, Юрасов, Туров и Дымов, а также тов. Плановский. Наш батарейный комитет сразу взялся за просвещение. Но литературы было мало. Тогда мы общим собранием постановили послать в центр за книгами кого-нибудь из развитых солдат.

Посланный товарищ привез много книг, а также рассказал, каково настроение западного фронта, откуда захватил несколько номеров газет „Окопная правда“ издаваемой фракцией большевиков.

Жизнь у нас забила ключем. Постепенно большевистский дух перебрался и в 1-ю батарею, а через несколько недель примкнула к нам и 2-я батарея, где сперва была организация с.-р.

В конце концов, наш дивизион стал на твердый путь большевизма.

В начале осени наша батарея стала на позиции, сменив 2-ю батарею. Когда мы приехали в г. Элеу, там стали нас иронически спрашивать: „А, ну-ка, что за большевики!?“

Но мы гордо стали на позицию и продолжали нашу работу. Подходило время выборов в Учредительное Собрание. Каждая партия стала усиленно проводить агитацию в свою пользу. Благодаря сильным организациям с.-р. и с.-дем., большевистской литературы и агитаторов сюда не допускали. Но мы не дремали. Хотя мы и не были достаточно политически развиты, но у нас была стойкость и спайка. Каждый солдат старался привлечь из других частей на сторону большевиков. Начинают раздавать кандидатские списки. Большевистский был № 7. Мы тогда и повели агитацию за седьмой номер.

Однажды я попадаю на митинг в г. Элеу, где был собран весь гарнизон. Трибуна была возле Клуба с.-р. на балконе второго этажа. Я начал говорить в пользу большевиков, после чего разбросал несколько десятков прокламаций.

Меня сразу схватили и хотели бросить с балкона с криком „немецкий шпион“. „Убить его, убить!“

Но не тут то было. Здѐсь как раз было много наших солдат, а также и других довольно развитых товарищей, которые запротестовали:

„Стой! Не смейте бросать! На это свобода слова. Каждый пусть выскажет свое мнение“.

Я еще больше ободрился, чувствуя поддержку солдатской массы. В то время основными лозунгами большевиков были:

„Долой войну!“ „Да здравствует мир без анексий и контрибуций!“ „Земля всему трудовому народу без выкупа“. „Фабрики и заводы рабочим!“ „Вся власть рабочим и крестьянам!“ „Да здравствует братский союз пролетариата всего мира!“

Эти лозунги так импонировали солдатской массе, что большинство собравшихся на митинге кричали: „Мы большевики“. „Да здравствует партия большевиков!“

Под эти слова я сошел с балкона в толпу. Меня сразу подхватили на руки с криком „ура!“ „Да здравствуют мортирцы“.

После этого „мортирцев“ знали не только части 123 стр. дивизии, но весь 5-й Кавказский корпус. Где только не появишься, сразу солдаты спрашивают: „ а правда, что большевики — немецкие шпионы?“ Начинаешь пояснять и в конце концов они переходят на сторону большевиков.

Кончилось голосование в „Учредилку“. Мы с нетерпением ждали результатов. Оказалось, наш труд даром не пропал. Кроме нашего дивизиона, голосовал почти весь Варнавенский полк, пулеметная команда; в других частях многие голосовали также за № 7, т.-е. за партию большевиков.

Результаты выборов к нам не скоро дошли, так как в Закавказьи образовалось Временное Правительство во главе с генералом Пржевальским и всѐ сведения из центра задерживались.

С 13-го на 14-е ноября турецкая армия перешла в наступление. Всю ночь кипел бой. Главные силы турок напирали на большевистский батальон Варнавенского полка, где стояла наша батарея. Но большевики не дрогнули. Они своему слову были верны: „Вперед не пойдем и назад не отступим“. Так и было.

К утру противник стал отступать, бросая убитых, раненых, винтовки, пулеметы и патроны. Наши части с криком „ура“ заняли свои окопы, но дальше не пошли.

Часов в девять утра турецкий делегат (офицер) приехал к нам и заявил: „Россия с Германией об‘явили перемирие и мы об‘являем перемирие“.

В штабе дивизии об этом не знали и сразу не поверили, пока телефонограммой не сговорились с главным штабом Кавказской армии и тогда только узнали, что в Петрограде власть перешла к Советам с Лениным во главе.

Когда мы узнали об этом, стали ожидать с нетерпением мира, чувствуя, что Советская власть заключит его.

Дня через 4 наш дивизион был снят и отправлен в глубокий тыл в село Платаново, что в 12 верстах от гор. Трапезунда. Через некоторое время к нам прибыл и Варнавенский полк. Мы-то и составили Платановский гарнизон.

В Платанове жизнь забила ключом. Построили театр, где ставили спектакли. Через некоторое время приехал из командировки Туров и привез много литературы из Красного Питера. Он привез также приказ С.Н.К. о снятии погон и о выборах своих командиров.

Как только прочитали этот приказ, все солдаты сорвали свои погоны, а также кое-кто из офицеров. Но некоторым офицерам долго не хотелось сбрасывать погоны; то же самое и командиру батареи, который ночью сбежал неизвестно куда.

На второй день мы выбрали себе командиров. Наш комитет об'явил гарнизонное собрание, где прочитал этот приказ. Полк тоже сразу приступил к выборам своих командиров.

Но этого мало. Наш дивизионный комитет об этом приказе сообщил в армейский комитет, а также оповестил все ближайшие части, что мы, согласно приказа нашего правительства, переизбрали свой комсостав и сбросили погоны.

С этих пор на нас все эс-эры и меньшевики так обозлились, что готовы были даже нас уничтожить. Начальник Трапезундского гарнизона хотел даже выслать войска для обезоруживания Платановского гарнизона. Но Трапезундский совет воспрепятствовал этому и нас оставили в покое.

Приехавший т. Туров обрисовал также судьбу едущих домой солдат, которых дорогой обезоруживают и отбирают все обмундирование. Поэтому мы всем дивизионом и полком постановили: „Всем солдатам, подлежащим увольнению, не ехать до тех пор, пока организованным путем, целиком с частью, не поедут в Россию, сдав все оружие и хозяйство советам“. Так мы и сделали.

В конце декабря к нам приехал из Новороссийска председатель горсовета тов. Рубин и стал просить у нас помощи от наседающего генерала Филимонова на гор. Новороссийск.

Мы ему заявили: „Если нас целиком перевезут туда, то мы всей душой пойдем против белопогонников“. Он нам дал обещание, что в скором времени пришлет пароходы. Мы с нетерпением стали их ожидать.

Бой с турецкими бандитами.

Двадцать четвертого января 1918 года в 7 часов вечера в селе Платанове поднялась сильная стрельба. Турецкие банды ворвались в Платаново и хотели было захватить нас внезапно. Но этого им не удалось. Полк быстро развернулся и пошел в контр-атаку, а батареи открыли такой огонь, что бандитам и спрятаться было негде. Бандиты были разбиты и отступили. На второй день около 5 часов вечера они вторично повели уже регулярное наступление, но были опять отогнаны. Так продолжалось несколько дней.

27-го января бандиты, в количестве около 7 тысяч, повели решительное наступление, обложив нас кругом.

Наш начальник гарнизона по телефону стал просить помощи из города Трапезунда, но там на нас не обратили внимания и в помощи отказали. Нам пришлось драться с 2-х часов дня до захода солнца. Вечером бой утих. Банды отступили, но нам уже оставаться здесь было

невозможно, так как патронов и снарядов осталось малое количество и держаться нам уже было нечем. Поэтому начальник гарнизона распорядился всем собраться и вечером отступить. Захватив самое нужное для нас, мы ночью двинулись в гор. Трапезунд, а остатки имущества сожгли, чтобы не досталось бандитам.

Итак, мы прибыли в гор. Трапезунд и расположились на площади „Свобода“.

28-го, около 7 часов вечера, в городе поднялась паника. Турецкие банды подошли к гор. Трапезунду и из оставленных 127-й артиллерийской бригадой орудий стали обстреливать город. От внезапного нападения турок солдаты гарнизона в панике бросились кто куда.

Но Варнавенский полк и наш дивизион быстро собрались и выступили за город, где приняли бой с турками. Те сразу отступили, и наши герои, сняв с брошенных турками орудий замки, вернулись с песнями назад.

К вечеру паника утихла и части выставили сторожевое охранение.

Ночь прошла спокойно. 29-го, часов около 10-ти, нам сообщили, что пароходы за нами пришли. Но один пароход был силой захвачен Туркестанскими частями и нам остался только один.

В 6 часов вечера мы стали грузиться, но всего погрузить не могли; зарядных ящиков взяли по одному на орудие; лошадей на батарею взяли по 96 и на управление дивизиона—12. Полк тоже взял 160 лошадей, а остальных пустили на волю, как сделали и другие части. Взяли несколько миллионов патрон, несколько тысяч гранат и винтовок, а также запаслись продовольствием и в 9 часов вечера выехали в открытое море.

Нас встречают как защитников.

Когда я вылез на палубу парохода, уже было утро. Но солнца не было видно, утро было пасмурное. На палубе было много проснувшихся солдат. Все стояли и смотрели вдаль. Я тоже, узнав о скором подходе к пристани, стал нетерпеливо всматриваться в сторону берега, но его еще не было заметно.

Пройдясь несколько раз по пароходу, я сел возле мачты и закурил. Вдруг слышу чей-то радостный крик:

— „Товарищи, вон город виден“.

Все бросились в сторону, куда указывал товарищ. Действительно, город постепенно стал все более и более приближаться. Настроение у всех было радостное. Все весело болтали о разных пустяках, шутили.

Пароход, под‘ехав вплотную к пристани, остановился. Командир дивизиона отдал распоряжение выгружаться. Но не успели еще снять и двух орудий, как приказали прекратить выгрузку до окончания митинга. Я подумал, какой еще митинг тут будет, но повернувшись лицом к городу, увидел шедшие толпы рабочих, над головами которых реяли красные знамена. Мне сразу показалось это странным. Ведь я привык все время видеть серую шинель, а теперь передо мною пестреют разноцветные костюмы.

Толпа подошла вплотную и митинг открылся. Приветственные слова нам сыпались от каждого выступающего оратора. Этот митинг так зажег

сердца наших солдат, что все стремились ехать скорее на фронт. Нам на митинге обрисовали положение рабочих и крестьян в местах, занятых белогвардейцами. Также упомянули о производимых ими насилиях над солдатами фронтовиками, что, конечно, нам не понравилось, и все дали клятву, что не уедут до тех пор, пока не уничтожат наседающего врага на гор. Новороссийск и пока не очистят путь от Новороссийска к центру.

Митинг кончился, рабочие пошли на заводы, а мы быстро приступили к разгрузке. К вечеру кончили выгрузку и переехали в казармы на площадь по Золотаревой улице, где и расположились на стоянку. На второй день нас повели в городскую баню и выдали по паре белья.

Мы выступили на фронт.

Отдохнув немного, нашему дивизиону было предписано выслать одну батарею на позицию с одним Варнавенским батальоном. Каждая батарея на перебой хотела попасть на фронт первой. Тогда дивизионный комитет решил бросить жребий и кому попадет „№ 1", того батарея должна пойти. Бросили жребий и „№ 1" попал нашей батарее, т.-е. 3-й. На второй день командир батареи поехал на фронт, разведать местность. Оказалось, что действовать нашими орудиями невозможно, в виду большой грязи и что можно приспособиться, только действуя по железной дороге. Так и сделали. 3-й Варнавенский батальон стал действовать вдоль железной дороги, а наша батарея с площадок по железной дороги.

В первом бою нам пришлось столкнуться с юнкерским батальоном и с „крестовским" отрядом. Белые держались крепко, но наши части, под прикрытием сильного артиллерийского огня, с криком „ура" разбили на-голову белогвардейские передовые части, захватив много юнкеров, казаков и духовенства в плен. Конечно, пощады им не было.

С первых же боев мы продвигались вперед и вперед к Екатеринодару (теперь Краснодару).

Но не только мы продвигались вперед от Новороссийска, из Ростова и Армавира тоже наступали красные отряды и 39 стр. дивизия, которая раньше подошла к городу и его заняла.

В это время мы были еще в станице Северской. Генерал Филимонов со своей армией отступил через Энемский аул в Пензенскую, Калужскую и Ставропольскую станицы, и мы свободно заняли ст. Афипскую.

Путь был очищен и весь дивизион погрузился в эшелоны и приехал в Екатеринодар, где мы опять собрались в одну семью.

В городе мы не разгружались, а стояли в эшелонах на Черноморской станции.

Дня через три Кубревком предложил нам перейти в Красную армию, которая в то же время стала формироваться в городе, но наши не согласились. Тогда нам было предложено сдать оружие и ехать домой, но так как большинство было из приволжских губерний, то решили ехать в Царицын и там расформировываться.

После такого решения, все проживающие в Кубанской области и Ставропольской губернии забрали все свои документы и поехали по

своим домам. Я также забрал все соответствующие документы и 1-го апреля поехал домой в станицу Афипскую.

Так окончил свое существование наш 41-й мортирный артиллерийский дивизион. Но Варнавенский полк постигла другая участь.

Еще по прибытии полк разделился на два лагеря: в 1-й и 2-й батальоны влились все сознательные солдаты, а также проживающие в Кубанской, Терской, Донской области и Саратовской, Астраханской и Ставропольской губернии, а остальные отделились в 3-й и 4-й батальоны. Последние запротестовали против наступления на Кубань: „Зачем мы будем здесь воевать,—так говорили они,—надо домой ехать“.

И в конце концов они раз‘ехались кто куда. После этого еще многие присоединились к первым двум батальонам, кому некуда было деваться.

Эти два батальона еще долго существовали после нашего расформирования и только после разгрома Корнилова, недели через две они раз‘ехались по домам.

5-го апреля.

Часов около 9-ти утра, когда я еще лежал в постели, ко мне пришел товарищ. Лицо у него было неспокойно.

— В чем дело?—спрашиваю я его.

— А в том,—говорит он, что—Корнилов соединился с Филимоновым и хотят наступать сегодня или завтра в нашу станицу.

Я встал и начал одеваться.

— Сергей,—говорит товарищ,—идем сегодня в Крымскую батарею, запишемся там, это будет спокойнее, чем дома сидеть.

— Идем!—согласился я.

Я сам думал поступить куда-нибудь в отряд, где будет надежнее, чем дома.

Но когда мы пришли, Крымской батареи уже не было на станции, мы застали только комбата, который сказал нам: „Пожалуйста, с удовольствием, только сегодня же приходите в батарею“. Мы забрали винтовки, шашки, револьверы и попрощавшись с родными, отправились в Крымскую батарею.

Батарею мы уже застали в боевом положении, обстреливавшей Дмитриевский мост, где противник пытался переправиться. Противник продемонстрировал перед нашей цепью и скрылся.

Солнце уже стало склоняться к западу, когда было получено известие, что белогвардейцы наступают на Смоленскую станицу. Командующий нашим фронтом дал распоряжение о высылке одного взвода артиллерии с Анапским отрядом, который был направлен в Смоленскую станицу.

Командир батареи приказал помкомбату взять 2-й взвод и отправиться за Анапским отрядом.

Здесь нам с товарищем пришлось расстаться, так как он находился в первом взводе, а я во втором. Меня назначили запасным номером 4-й пушки.

Полчаса спустя после приказания взвод был уже готов. Помкомбат получил соответствующее приказание от комбата и дал распоряжение

двигаться за ним взводу. Солнце уже скрылось, когда мы под'ехали к отряду. Отряд двигался медленно, так что нам часто приходилось останавливаться и ждать, когда он пройдет дальше.

Не дойдя верст около 4-х до Смоленской, мы были остановлены окриком: „Стой!“

— В чем дело?—спрашивает помкомбат, одного из всадников.— Дальше дороги нет,—отвечает он.—Как так дороги нет?—спрашивает помкомбат.—Разве уже станица занята белогвардейцами?

— Да,—отвечает всадник,—не только станица, но вот он уже перед носом.

Не успел еще он договорить, как впереди поднялась стрельба и отряд быстро рассыпался в цепь. Наш взвод отошел вправо к хутору, куда прибыл уже поздно, где остановился на ночлег.

Боя большого не было. Была маленькая перестрелка, которая часам к десяти вечера притихла, а с батареи мы не выпустили ни одного снаряда.

6-го апреля.

Я проснулся под треск пулеметов. Еще было рано. На востоке только что показалась утренняя заря, когда белогвардейская дикая дивизия прорвалась на правом фланге и продвигалась к железному мосту. На левом фланге поднялся такой ураганный огонь, что нельзя было различить стрельбы из пулемета и винтовки. Артиллерия крыла во-всю.

По приказанию помкомбата орудия моментально были направлены по дикой дивизии, открыв беглый огонь.

Токольская рота, в составе 200 человек, которая держала связь с правым флангом Анапского отряда, быстро перешла в наступление. Но продвигаться вперед нельзя было, так как кавалерии было в несколько раз больше, чем токольцев.

На железной дороге, возле Убинского железного моста, показался столб дыму и взрывы. Сперва мы рассчитывали, что это бронепоезд бьет по кавалерии, но после узнали, что это кавалерия взорвала путь, чем хотела отрезать путь эшелонам, стоящим на ст. Афипской. Взорвав путь, кавалерия бросилась назад. По ней была открыта сильная пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба. Но это продолжалось недолго, так как кавалерия быстро скрылась в Дубравнике.

Правый фланг отбил противника, но на левом получилось другое.

Как в пословице говорится: „в семье не без урода“, так и здесь получилось. От р. Афипса до Рашпилевого хутора занимал позицию Дербентский полк (бывшей 39-й дивизии и перешедший целиком в Красную армию), который держал связь с Анапским отрядом, насчитывавшим около 5 тысяч штыков. Ночью комполка тов. Золотарев снял свой полк и отошел в город, а на том месте оставил Афипскую роту, в составе 200 человек, где находился наш первый взвод. Справа и слева этой роты были прорывы версты на три. Всего здесь насчитывалось войска от р. Афипы и до ст. Северской, на протяжении 15 верст, приблизительно, не считая обозных людей, около пяти с половиной тысяч

штыков, трехсот сабель при 8 орудиях и одном бронепоезде, а противника было—до 20 тысяч офицерства и тысяч на 10 казаков [1]). Ясно, что при таком огромном превосходстве противника, наши части не могли бы удержать его натиска. Так и получилось.

Противник ударил по Афипской роте. Красный отряд держался около часа, но под сильным натиском наша рота начала отходить. 1-й взвод батареи бил до тех пор, пока не подошла белогвардейская пехота вплотную, тогда только, взяв орудия на передки, во весь карьер бросились отступать. Кавалерия противника преследовала по пятам отступающую роту. В то же время ударили по нашему, т.-е. Анапскому, отряду в левый фланг и Анапский отряд тоже стал отходить.

Со всех сторон нас жали в кучу, но крепкая Токольская рота не растерялась. Она наискось стала с боем отходить к железной дороге ближе к ст. Северской. Отход был трудный. Грязь набиралась на колеса и на ноги так, что на каждой сажени приходилось останавливаться и чистить ноги. Многие стали сбрасывать сапоги и лишнюю одежду и бросать на дороге, но винтовок и патрон ни один из токольцев не бросил.

Часов около 10 утра мы с трудом добрались до железной дороги. Здесь уже лучше было двигаться,—пехоте по дороге, а обозам и артиллерии здесь тоже было лучше, так как до нас здесь дорога была немного укатана.

Не успели еще переправиться через мост, как из леса Звездопольской плантации выскочила кавалерия и карьером бросилась в атаку на нас. Быстрым огнем пулеметов и артиллерии она была отброшена влево и в погоню за ней пустился отряд кавалерии под командованием Елисея Воронова—из казаков станицы Афипской. Но наших было мало и далеко за противником не пришлось гнаться. Пробежав версты три, остановились и постепенно отошли назад.

Этим временем мы воспользовались и поспешно перебрались на левый берег р. Убинки.

Отдохнув немного в Северской станице, по приказанию командующего Черноморским фронтом, части обратно перешли через реку и повели наступление. Но было уже поздно. Белогвардейцы пробрались в глубокий тыл к нам и стали жечь хутора и нам не пришлось отойти обратно на ст. Северскую, а держать оборонительную позицию со стороны хуторов Коваленково, Кошарского и др.

Здесь мы простояли до самой темной ночи. Часов в 9 вечера нашей батарее, а также Токольской роте, которая стояла впереди нас, был отдан приказ грузиться на поезд. Когда мы под‘ехали к эшелону, то здесь встретили 1-й взвод нашей батареи, который отступал через ст. Афипскую и Коваленков хутор.

Мы предполагали, что 1-й взвод попал в руки белых и теперь никого нет уже в живых. Но, благодаря хорошим лошадям, они успели уйти от наседавшего врага и благополучно добрались до ст. Северской, сделав круг верст на 15 лишних.

Мы быстро погрузились и отправились на ст. Афипскую, где простояли ночь и до 2-х часов следующего дня. Потом поехали в Крымскую исправлять пушки, которые сильно попортились от беспрерывной стрельбы.

---

[1]) Цифры автором, очевидно по незнанию, преувеличены. *Ред.*

Что было дальше.

Прибыв на ст. Крымскую, мы сразу взялись за исправление пушек. За сутки все было сделано.

Погода была хорошая и орудийные выстрелы доносились от самого Энама. Мы сначала предполагали, что бой идет в Ильской станице, но впоследствии узнали, что это все время стрелял броне-поезд „Борец за свободу“ № 2, который обстреливал ст. Афипскую, занятую белогвардейцами.

На второй день я встретил много беженцев со своей станицы, а также и своих родных, которые бросили все и убежали из дому. Я достал им хлеба и консервы. Родные плакали. Я их успокаивал. Особенно плакала моя мать, так как отец хотел сам итти в ряды Красной Армии.

— „Хиба так воюют, — говорил отец, — ны вспили біли підийти, як всі бросились тікать. Я хоть и ни був на позици, а думаю що ны став-бы тікать. Ну куди бігты, все равно ни втічэш далеко“.

Вечером наш Комбат получил предписание ехать вместе с Крымским батальоном и часов в 12 ночи наш поезд отправился на ст. Северскую. Разгрузившись, мы стали возле станции ждать распоряжений.

Здесь я узнал, что наша станица очищена от белых. Я попросил у комбата разрешения доехать домой, на что командир согласился, и я, сев на лошадь, отправился.

Когда я приехал домой, то дома уже застал мать, которая еще раньше меня пришла домой.

Было уже утро, когда я приехал домой, я очень обрадовался, когда увидел, что лошади не взяты, а также и корова осталась дома. Покушав как следует я попрощался с матерью и поехал в батарею.

В батарею я вернулся около 12 часов дня, догнав ее в пути, по дороге к Таврическому хутору, за Крымским батальоном.

Туда мы прибыли почти вечером. Крымский батальон отправился по направлению „Нового“ аула, а мы остановились под хутором, дабы немного отдохнуть.

Вечером мы стали на позицию и здесь, укрепившись как следует, заняли оборонительную позицию, не давая белым врываться в хутора.

На этой позиции мы простояли до 14-го апреля.

14-го апреля.

Вечером батальон продвинулся к Кубани и наша батарея следовала за ним. Подойдя к Кубани, нами было получено приказание переправиться на правый берег и занять стан. Елисаветскую. Паром был взорван белыми, когда они переправлялись на правый берег, и нам подали баржи с пароходом, на которых мы благополучно переправились и ночью вошли в станицу.

В станице мы не застали не только белых, но и красных, так как наши конные части сбили противника и погнали его по направлению ст. Воронцовки и Медведовки.

Здесь мы узнали, что генерал Корнилов под Краснодаром тяжело ранен в голову и вскоре скончался. Вместо него принял командование генерал Алексеев.

Батарея уходит по домам.

На второй день наша батарея совместно с батальоном, по приказанию командующего, пошла за отступающим противником, но мы их не догнали, а дойдя до ст. Ново-Величковки, по распоряжению командования, погрузились на поезд и отправились в г. Екатеринодар.

Прибыв на ст. Екатеринодар, наш эшелон стал на запасный путь. Здесь было много воинских поездов, ожидавших распоряжений штаба главнокомандующего.

Часов около 10 утра пришел сам Главком и собрал митинг, где стал призывать вступить в ряды Красной Армии (мы тогда назывались еще отрядами, а не частями регулярной Красной Армии). Но наш батальон и батарея не хотели давать подписку на 6 месяцев, а указали, что если надо будет, то мы в любую минуту вступим в полном составе и будем подчиняться так же, как и регулярная армия, а пока мы хотим отдохнуть и просим нас отправить в станицу Крымскую.

После митинга наш эшелон был направлен в Крымскую, куда мы прибыли в 8 ч. вечера, выгрузились и стали в казармы.

Сдача ст. Тихорецкой.

Между тем белогвардейцы усиленно готовились. Генерал Алексеев стал быстро формировать свою армию. Ему на помощь пришли германские офицеры, занимавшие в то время часть Донской области и гор. Ростов. Он от них через Каледина получал винтовки, патроны, снаряды и другие военные припасы и, когда все было готово, он повел первое наступление на ст. Песчанокопскую, стараясь отрезать нас от центра России, т.-е. перерезать путь к гор. Царицыну, откуда мы получали все военные припасы.

Наш главком тов. Кальнин тоже не спал. Наверное у него с Алексеевым цель была одна. По его приказанию все военные припасы были свезены на ст. Тихорецкую В.ж.д. Сюда также были переведены мастерские ремонта орудий, пулеметов, винтовок и ремонта автомобилей. В Краснодаре почти ничего не оставил. Здесь хотя и было еще много морских снарядов разного калибра, но их по чьему-то распоряжению развезли по подвалам города. Даже многие красноармейцы подозревали, что здесь творится что-то неладное. Так оно и вышло.

Белогвардейцы, заняв железную дорогу, начали спешно продвигаться к ст. Тихорецкой и, когда они подошли вплотную, то против них Кальнин отправил один только полк конницы Донских казаков, большинство вооруженных пиками, а остальные части были разосланы по разным направлениям, и лишь маленькую частицу оставил для защиты Тихорецкой.

Когда белогвардейцы подошли вплотную и стали обстреливать станцию, то к Кальнину обратились с вопросами:

— „Что делать с арсеналом?“ Он на это ответил:

„Не беспокойтесь, они не войдут на станцию. Их немного и я надеюсь, даже уверен в том, что их здесь наши части разобьют в пух“. Но этим он только замазывал глаза, чтобы мы не трогали арсенала.

Под сильным напором белогвардейцев наши незначительные части стали отступать. Тогда только Кальнин дал распоряжение об эвакуации ст. Тихорецкой, когда возможно было только унести свои ноги и голову, а об арсенале нечего было и думать. Нагруженных эшелонов вышло всего 3, а остальные двигались порожние. Остальное же было сдано в руки белогвардейцам.

Когда стали отходить от станции, то здесь уже каждый понял, что это есть не что иное, как измена „главкома". Один всадник при сдаче Тихорецкой увидел Кальнина улыбающимся, разозлился и, подскочив к нему, пронзил ему бок. После этого мы больше Кальнина не видели. По слухам, он как будто умер в лазарете от тяжелой раны, а некоторые говорили, что он умер еще на месте; но фактически не знает никто, где он, жив или нет, во всяком случае он больше не командовал нашей армией.

Приближение белогвардейцев сильно повлияло на буржуазию и на богатое казачество. Везде поднялись восстания, которые расчищали дорогу белогвардейцам.

Краснодару угрожала опасность. Вместо Кальнина командующим всеми вооруженными силами Северного Кавказа был назначен Сорокин. „Пришел на смену волку тигр". Но он не мог наладить фронта, а белогвардейцы стали подходить все ближе и ближе к городу. Тогда армейский совет решил созвать экстренный армейский с'езд.

С'езд был созван. На повестке дня был вопрос один, но самый больной: защита Краснодара. По поводу этого вопроса много было прений, предложений, но в конце концов решили выбрать командующего Краснодарским фронтом с двумя помощниками. Выборы кончились и командующим Красным фронтом был избран самый лучший командир отрядов тов. Ковтюх, а помощниками ему выдвинули тов. Рогачева, начальника отряда и тов. Демуса командира Краснодарского полка.

На этом и закончили. Поручили все постановления провести в жизнь армейскому комитету, а сами разошлись по своим частям.

Мы стали надеяться, что теперь дело пойдет хорошо. Людей выдвинули самых пролетарских, которые смогут дело наладить. Но наши постановления и наша надежда остались на бумаге.

Сорокин не признал их за выборных и давал свои распоряжения, Чорного—своего помощника—он назначил командующим Краснодарским фронтом, а Ковтюху приказал со своим отрядом отправиться на Таманский полуостров, где был фронт от немцев, наступающих из Керчи. Но из солдат такой махинации никто не знал, т. к. все распоряжения получали наши мелкие командиры за подписью Ковтюха.

14-го августа.

В ночь на 14-е августа Краснодарский полк был расположен между Тихорецкой веткой и Кавказской. С левого фланга он держал связь с Кубаночерноморским полком. Часов около 12 ночи белогвардейцы повели наступление. Наши части были сбиты с позиции и отошли к садам. На утро части были приведены в порядок и по приказанию командующего

рассыпались в цепь, заняв окопы. Краснодарский полк от Кубани до Кавказской ветки держал связь с левого фланга с вышеуказанным полком.

На восходе солнца наши части пошли в наступление. Закипел жестокий бой. Силы противника были очень велики; он двигался в четырепять цепей и имел большое количество артиллерии и бомбометов.

У нас же было на два полка две батареи и один бронепоезд, да и то в одной батареи не было снарядов. В Краснодарской батарее (после 7-я бат. 1-й Куб. арт. бригады) снарядов было достаточно. Но одной против 6—7 батарей и 2 бронепоездов бороться было невозможно. Больше приходилось молчать или передвигаться с позиции на позицию. Но всетаки она работала в то время удовлетворительно.

Сильного неприятельского артиллерийского огня наши пехотные части не выдержали и отошли в заранее заготовленные окопы под городскими садами. Противник же стал преследовать по пятам наши части.

Отойдя в окопы, наши части, под обстрелом неприятельского огня, снова бросились в атаку. Противник был сбит и наши с криком „ура" погнали его. Правый фланг обошел было станицу Пашковскую, но противник, бросив свои крупные резервы на помощь отступающим и, перейдя в контр-атаку, обратил наши части в паническое отступление.

В наших частях не хватило патронов. Кричат: „давайте патроны", но их нет не только в передовом обозе, но даже и в транспорте. Артиллерия кричит: „давай снаряды". Снарядов тоже нет. В частях развал. Кр-цы бросают один за одним окопы и уходят в тыл. Противник приостановил по всему фронту наступление, только упорно продвигался к кладбищу, пытаясь занять сенной базар, и тогда прорваться на станцию, намереваясь отрезать частям путь отступления за реку Кубань.

Солнце уже стало садиться, когда наша батарея снялась с позиции и начала отступать. В окопах уже почти никого не было. Белогвардейский бронепоезд доставал своим обстрелом по станции, где эшелоны один за другим уходили за Кубань.

В‘ехав в город, мы направились к штабу артиллерии для получения распоряжений, но там уже никого не осталось. Тогда мы двинулись на мост.

В городе шла маленькая перестрелка. Это подпольные белогвардейцы, увидя отступающих кр-цев, стали их обезоруживать, а если какой сопротивлялся, то они его пристреливали.

Под‘ехали к мосту. Около него образовалась пробка из обозов и беженцев. Мы с трудом пробрались через эту толпу, переехали через мост, и отправились без остановки к Энемскому раз‘езду на ночлег.

На утро, по чьему-то распоряжению, некоторые разбитые части сгруппировались и пошли к мосту, намереваясь перебраться обратно в город и занять его. Но было уже поздно. Наш бронепоезд не мог удержать за собой мост и его пришлось облить нефтью и зажечь. Кроме того, он был взорван, да еще сильно. Пехотные части тогда рассыпались вдоль Кубани и редкой цепью стали продвигаться вверх над рекою. Это было сделано для того, чтобы белогвардейцы не обошли наши отступающие части.

„Даешь Краснодар!“

После отступления, недели через полторы, во всех частях появилась уверенность, что скоро обратно будут в Краснодаре. Везде стали слышны крики: „даешь Краснодар“. Из этих слов можно было понять, что дать только умное распоряжение и город будет в наших руках.

По предписанию наша батарея погрузилась в поезд и отправилась в гор. Армавир. Такая же участь постигла и остальные батареи. Прибыв в Армавир, нас отправили на станцию Гульневич, где мы разгрузились и стали возле хутора Гульневича до особого распоряжения. Переночевав здесь, утром получили предписание стать с Северо-Лабинским полком, который стоял на левом берегу Кубани, против ст. Казанской. Здесь мы простояли около пяти дней.

Но вот вечером получаем от помкомполка известие, чтобы скорее собирались и отходили в ближайшие имения, т. к. комполка со всей кавалерией перешел на сторону белых и только вырвалось несколько человек, которые не захотели идти к белым.

На второй день был издан приказ идти в наступление. Все с радостью бросились вперед, сбивая противника. Наши части быстро двигались вперед и за один день достигли почти ст. Тифлисской. Но этому кто-то помешал. На следующий день, рано утром противник повел наступление. Северо-Лабинский полк хотел было удержаться на своих позициях, но с левого фланга ночью части были сняты и неизвестно куда ушли. Частями, с вечера занимавшими эту позицию оказались 3-я и 4-я колонны, так назывался Жлобинский отряд, которые самовольно снялись с позиции, не сообщив нашему полку. Противник стал обрезать нас и нам волей-неволей пришлось отступать быстро на старое место. К вечеру мы пытались еще продвинуться вперед, но безрезультатно.

На второй день противник повел наступление и благодаря неправильным распоряжениям нашего командования, нашим частям пришлось отойти на значительное расстояние. На следующий день повторилась та же картина и к вечеру нам пришлось сдать г. Армавир.

Опять опечалились все бойцы. Здесь они уже видели на деле, что нас продают. Пошел сильный ропот на Сорокина, но наши мелкие и даже крупные командиры не верили в измену Сорокина. Некоторые из начальников колонн тоже стали подозревать в измене Сорокина, но им никто не верил. Приходилось мириться и на этом.

С этих пор мы стали терпеть неудачи за неудачами. Бойцы все более стали подозревать в измене Сорокина. Все надежды побывать снова в Краснодаре рухнули. „Даешь Краснодар!“ уже не стало слышно в наших рядах. Мы отходили на новые позиции.

Соединение с таманцами.

В середине сентября, все время отступая, добрались до г. Армавира.

Вскоре произошло весьма важное событие, имевшее для наших отступающих и начавших разлагаться частей, решительное значение, подняв их упавший дух. Этим радостным событием являлось соединение наших

войск с таманцами, частью вооруженных сил Сев. Кавказа, оставленных на Таманском полуострове оторванными от главных сил [1]).

До этого времени между нами были распространены слухи о гибели таманцев, окруженных превосходными силами белогвардейцев и, действительно, без поддержки главных сил, обреченных на гибель. Но вот появились слухи о движении со стороны Майкова каких-то войск, которые „бьют и белых и красных". Мы были в недоумении. Сорокин же, узнав, повидимому, о подходе Таманцев, продолжал свою гнусную политику; ни с того, ни с сего отдал приказ об отступлении. Мы отступили, до ст. Овечко, где и заняли позиции. Всего через день, вдруг слышим доносится со стороны оставленного нами Армавира сильнейшая канонада. В чем дело? Одни предполагали, что взбунтовались белогвардейские солдаты против своих офицеров, другие с радостью передавали надежду о подходе красных войск. Каково же было наше удивление и как мы обрадовались, узнав 20-го IX, что это были Таманцы, проделавшие огромный и трудный поход, наконец, прорвавшиеся сквозь кольцо белогвардейцев, чтобы соединиться с нами. По прибытии Таманцев положение переменилось. Все были в хорошем боевом настроении. У бойцов появилась уверенность в своих силах, стали поговаривать о наступлении, о взятии от белогвардейцев назад Кубани.

Под прикрытием Таманцев, главные силы войск Сев. Кавказа стали переформировываться, приводить себя в порядок.

К концу октября Таманцы, переформированные в Таманскую армию, под командованием тов. Ковтюха, были переброшены в район ст. Невинномысской, с задачей наступления на г. Ставрополь.

Мы же вскоре должны были начать свое дальнейшее отступление.

Смерть Сорокина.

После отступления от Армавира в массе бойцов все чаще и чаще стали раздаваться голоса о предательстве Сорокина, о связи его с белогвардейцами. Но Сорокин так умел вести свое гнусное дело, что не было возможности обвинить его в чем-либо определенном.

Наконец, Сорокин, убивший собственноручно тов. Матвеева, одного из самых лучших командиров-Таманцев и расстрелявший нескольких членов Ц.И.К.С.-К.С.Р.Д., был убит раз'яренной толпой красноармейцев. По рассказам красноармейцев это произошло при следующих обстоятельствах:

О смерти тов. Матвеева и членов С.К. Исполн. Комитета известие пронеслось по всей армии. Об этом было извещено во всех частях с предписанием: где бы не захватили Сорокина арестовать его со всем его штабом и предать смерти. Такое известие сильно ударило по всей Красной армии; особенно запечалились тов. Таманцы, что они своего любимого командира тов. Матвеева больше не увидят. Зло в сердцах кр-цев засело глубоко. Каждому хотелось поймать Сорокина и своими собственными руками отомстить ему за своего наилучшего командира.

---

[1]) См. описание походов кр. Таманской Армии. „Гражданская война". I том. *Ред.*

Сорокин, не зная, что в Ставрополе находится Красная армия, направился прямо к зданию, где стоял белогвардейский штаб, но здесь его не оказалось, а вместо него, был штаб Таманской армии. Сорокин увидя, что не туда попал, бросился было бежать, но Таманская конница быстро нагнав его, без всякого сопротивления арестовала весь его штаб и охрану.

О поимке Сорокина известие разнеслось по всему фронту и тылу, и когда его доставили к штабу, то уже здесь было много собравшихся кр-цев, ожидавших его.

Вот подвезли его к штабу. Его хотели было допросить и узнать, зачем он приехал в Ставрополь и какие еще цели были у него в дальнейшем. Но обозленные кр-цы схватили его и расправились самосудом.

Так кончилась жизнь изменника, погубившего десятки тысяч доблестных кр-цев нашей Кавказской отдельной армии, и расстроившей наши ряды.

Но нам не везет.

Как не старались наши командиры привести в порядок армию, но их труд и старание были напрасны. Этому способствовали следующие обстоятельства.

Зима нас захватила почти всех раздетыми. Погода была сырая, дули сильные ветры. Армия вся мерзла. Во всей армии стал еще более свирепствовать тиф. С каждым днем ряды сильно уменьшались. Пополнений не было. В Ставропольской губ. об'явили мобилизацию, но на мобилизованных надежды не было, так как сколько их не присылали в части, как пополнение, они разбегались, или же переходили на сторону белых. Нам пришлось бросить Ставрополь и отступать. Белогвардейские части настроены были хорошо, они чувствовали нашу слабость и поэтому бешеными атаками везде разбивали наши части. Где бы только мы не вздумали задержаться, все было безрезультатно. Ко всему этому у нас еще нехватало патронов и снарядов и наши части без всякого сопротивления принуждены были оставить всю Ставропольскую губ. и отойти в Терскую область. Но терцы тоже были не лучше Ставропольцев. Они на нас смотрели, как на какую-то грабительскую банду и при всяких наших неудачах старались еще больше посеять в наших рядах панику.

Великое отступление XI Армии.

Наша 1-я куб. артиллерийская бригада стояла на отдыхе в селе Карамыке Ст. губ. Она еще прибыла в последних числах ноября м-ца. Здесь она была переформирована: из 8 батарей сделали 6 и было сформировано управление дивизиона.

Стоя на месте, все кр-цы от тоски и горя стали пить. Только можно было видеть веселого кр-ца тогда, когда он был пьян. Но трезвые были всегда грустные.

Простояли мы здесь до 19-го января (по старому стилю 6-го). Этот день был праздником православной церкви. Крещение Иисуса Христа.

В церкви ударили к заутрени в колокол очень рано. Когда стало рассветать, из церкви народ пошел к реке, как водится, святить воду.

Но вот мы получаем от комдива приказание быстрей снять линию и выезжать к штабу. В сердце у каждого появилась тревога. Мы быстро сложились на бричку, выехали к штабу и стали снимать линию, но нам этого не удалось сделать, так как под селом стала слышна перестрелка и наши батареи крупным шагом поехали на село, а мы, бросив собирать линию, также поспешили за батареями.

Выезжаем за село по направлению к гор. Георгиевску. Белогвардейская конница уже стала обходить нас и только благодаря нашей коннице, под командованием Воронова, нам удалось выбраться более или менее благополучно. Одна из наших батарей быстро проскочила через мостик (через реку Куму) и поворотив орудия стала обстреливать противника, который вскоре был остановлен. Но совсем задержать его натиска нам не удалось и мы отошли в Георгиевск.

В Георгиевске этого не ожидали и эвакуация города не производилась. Поднялся сильный переполох. Начали кое-что грузить на поезда, но уж было поздно. Белогвардейцы наседали со всех сторон и наши части, оставив город, отошли к следующей станции по направлению к ст. Прохладной.

В это время, командующим нашей армии был назначен член Р.В.С. тов. Левандовский, но и ему наладить фронт и поставить армию на боевую ногу также не удалось, так как армия нуждалась в продолжительном отдыхе, чего дать нельзя было.

Утром наши батареи с конницей под командованием Воронова перешли в наступление, захватив несколько десятков белогвардейцев в плен, но дальнейшее наше продвижение было безрезультатно и мы обратно отошли в станицу.

На следующий день рано утром нам пришлось оставить станицу и отойти до Прохладной.

Погода была плохая. День и ночь моросил мелкий дождь. Батареям действовать было трудно, так как вследствие непролазной грязи, которая мучила лошадей, мы с трудом могли только отходить без всякого сопротивления.

С Прохладной мы поехали дальше. Пронесся „Солдатский вестник“, что мы как будто будем отходить до Астрахани и не через жилые места, а через большие Калмыкские степи. Многие уже знали, что это за степь и нас пугали, что все равно там погибнут все, кто вздумает пойти через них. Но на это не обращали внимания и мы с каждым днем все ближе и ближе подходили к ним.

Часов около девяти утра мы стали подходить к городу Моздоку. Со всех сторон была слышна стрельба. На станции дрались броневики. Настроение у нас было подавленное. Почти все говорили: ну здесь наверно „капут“ будет. В‘езжаем в город, а там по улицам скопилась такая масса воинских и беженских обозов, что и проехать было негде. Наши батареи с трудом пробрались между обозами и вышли к железной дороге за город. Но дальше опять хода нет. Впереди нас восставшие чеченцы заняли возвышенности и стали обстреливать нас. Тогда командир 2-го дивизиона, собрав всех верховых из батареи, именно: разведчиков

телефонистов, орудийных начальников и др., пробравшись за Кубань с криком „ура“ бросился на чеченцев. Те от внезапного нападения бросились в бегство и таким путем дорога была очищена, дав возможность не только своим батареям, но и другим частям отходить дальше.

Из города все не вышли, так как белогвардейцы скоро его заняли и захватили большую часть обоза добровольно оставшихся Терских казаков, которые без всякого сопротивления стали переходить на сторону белых, не желая дальше идти с нами.

Отойдя до ст. (название не помню) по распоряжению тов. Левандовского наши части стали задерживаться. Здесь мы встретились с полками 12-й армии, которая вышла нам на помощь. Быстро произвели перегруппировку в некоторых еще не совсем разбитых частях, мы выступили на позицию для поддержки полкам Ленинскому и Украинскому— 12-й армии. Пошли вперед, но уставшие части не могли продвигаться и противник, перейдя в контр-атаку, сбил наши части и нам обратно пришлось отступать с крупными для нас потерями. К вечеру бой утих и мы опять стали отступать по направлению на Кизляр.

Полки 12-й армии понесли крупные потери, вследствие чего у них пропало настроение идти в наступление.

Наступили морозы, выпал небольшой снег и наши части совсем опустили головы, ибо все были почти голые. Для обозов и артиллерии, конечно, эта погода была благоприятная, так как земля замерзла, выпал снег небольшой и благодаря этому двигаться стало легко: в сутки стали проезжать по 30 и 40 верст с отдыхом. Двигались день и ночь, пока не достигли города Кизляра.

Первые дни нашего отступления не так отразились на нас, но когда мы стали двигаться дальше, то здесь уж каждому стало понятно, что нас везде Сорокин „продавал оптом и в розницу“.

В поездах было много снарядов, патрон и обмундирования и др. военного имущества, в чем армия сильно нуждалась. Но сейчас уж было поздно остановить армию и снабдить ее всем необходимым, ибо те кр-цы, которые еще не были больны, нуждались в отдыхе и от сильной усталости их нельзя было остановить для боевых действий.

Вся железная дорога была забита поездами и дальше им ходу не было. Последний выход был: жечь все то, что могло попасть в руки белогвардейцев. По всей дороге стоял смрад и дым от пылающих вагонов. Взрывы снарядов и треск патронов наполняли воздух и этот хаос наводил на людей ужас и панику.

Боевые припасы были не только в вагонах, но даже на многих станциях по железной дороге; много было спрятано в сараях и под соломой. Как только находили это наши кр-цы, то зажигали вместе с сараями и соломой. День и ночь по дороге стоял гул такой, что не давал спокойно уснуть отступающим кр-цам и мирным жителям.

Наша артиллерийская бригада в Кизляр прибыла ночью и расположилась возле самого города. За эту ночь наше командование выработало план дальнейшего отступления, наметив какие части должны двигаться вперед, а какие должны быть позади и задерживать наседающего противника. В арьергарде идти выпала доля нашей бригаде с кавалерийским отрядом т.т. Воронова и Кочубея.

Отход начался с рассвета следующего дня. Сзади осталась конница, которая уничтожила остатки военного имущества. Переехали мы в город и здесь началась кошмарная картина.

Когда войска проходили мимо винных складов, находившихся за городом, то все почти кр-цы и даже комсостав набросились на вино и с жадностью стали пить его как воду. Вина были хорошие. Многое из него было восьми и двенадцатилетнее. Но с самого утра многие ничего не ели и от одного-двух стаканов сразу сваливались с ног. Но было много и сознательных товарищей, которые, видя такую картину, стали выливать из бочек вино.

Но вот с трудом от'ехали от этой отравы и обстановка переменилась. Степь, камыш, и только изредка деревья. У кр-цев в голове появились мысли: „А там что будет? Здесь хотя камыш растет, а там голый песок". Разговоров почти не слышно, только изредка слышно покрикивание на лошадей, где попадается песчаная дорога.

Погода была солнечная, теплая. Дорога сухая, только изредка была плохая, в виду глубокого песчаника. Ветру почти не наблюдалось. Многие оглядываются назад, как будто в последний раз прощались со своим родным Кавказом. Вероятно, многие вспоминали о своей хлебной Кубани, как они ели там белый хлеб, мясо, сало, молоко, а теперь даже нет и черного хлеба. Тоска запала глубоко в сердца наших кр-цев и каждый, уныло опустив голову, двигался вперед, думая о том, что его ожидает там впереди. Ведь там где-то есть Россия, которая примет их, как защитников Советской власти. Но она далеко еще. На пути большие преграды—голая степь, непроходимые пески, песчаные заносы, которые могут многих из нас похоронить навеки.

Но посмотрев назад и вспомнив, что сзади их настигает самый злейший враг, каждый давал себе клятву „не отставать".

Но вот на пути попадается небольшая станица и наша бригада становится на ночлег.

Задымились трубы в домах, по дворам запылали костры. Это усталые красноармейцы готовят ужин, а также пекут хлеб и лепешки. Они делают запас на всю дорогу, ибо знает каждый, что там печь хлеб и лепешки негде будет. Но вот костры замирают и кр-цы, подкрепив свои силы, засыпают крепким сном после долгой и мучительной дороги.

На следующий день с раннего утра наши обозы и батареи потянулись длинной вереницей дальше. Опять та же картина. Все задумчивы, не разговорчивы и спешно обгоняют друг друга. Куда спешат и сами не знают. Одни только батареи двигаются спокойно, ибо орудия от быстрой езды быстро портятся.

Вот показалось село Черный рынок и мы в'ехали в него. Остановились на улице, и каждый кр-ец, имевший на руках лошадей, бросился запасать корм, зная, что не накормивши лошадей, придется идти пешком.

Корм был плохой: камыш, „резуха", но голодное животное с жадностью ело и этот ничтожный корм, не оставляя даже и толстых корешков.

Кр-цы пекут, варят, жарят. Поевши, начали дремать. Но ночевать здесь не пришлось, ибо белые по пятам преследовали нас и к вечеру все обозы и батареи направились в степь.

Кругом песок.

Первые дни продвижения по степи были благоприятны. Дорога была относительно хорошая. Дни были солнечные и тихие, только по утрам наблюдались небольшие заморозки. Все отступающие красноармейцы забыли, что было у них сзади и с твердой уверенностью двигались вперед.

Стали раздаваться шутки друг над другом: „Ну, как, товарищ, хорошо здесь ехать? Небось, ты теперь бы покушал Кубанского борщу!"

Но вот положение стало изменяться. Мы вступили в глубокие пески. Лошади стали останавливаться и верста за верстой мы принуждены были бросать сперва снаряды из ящиков. Скоро дошло дело и до орудий и пулеметов, а о другом военном имуществе и говорить не приходится. Кр-цы начали отставать. От недоброкачественной воды стали заболевать один за другим. Есть тоже приходилось понемногу, ибо каждый понимал, что если сегодня он с'ест все, то завтра будет совсем голодный. Разговоры прекратились. Все двигаются как тени. На лице у каждого нет уже больше улыбки и веселья. Все мрачно и угрюмо двигаются вперед и вперед.

Вдруг показалась вдали с правой стороны церковь. У всех забились радостно сердца, увидев перед собой село. Это была Золотарева пристань. Обгоняя друг друга, чтобы вперед доехать до села и захватить дровишек и что-либо с'естное для приготовления пищи, мы скоро достигли села.

Но в селе уже тысячи подвод и десятки тысяч кр-цев, прибывших вперед и захвативших все то, что здесь можно было достать. Остановившись возле домов, кр-цы бросились кто за чем. У кого были на руках лошади, тот первым долгом старался достать корм лошадям, а те, у кого не было лошадей, бросились за дровами и „кизяками" для приготовления пищи. Многие здесь накупили рыбы. Покупали здесь не только соленую рыбу, но даже и сушенную, которая была приготовлена давно. Ничего не оставили. Хлебных продуктов в селе найти нельзя было, ибо население само их не имело.

Запылали костры, поднялась беготня и возня возле костров и воздух наполнился приятным запахом. Варили, жарили, пекли кто что мог. Подкрепившись, кр-цы развалились на песок отдохнуть.

Отдохнув немного, снова тронулись в путь. Нам сообщили, что до первого села попадется два хутора с калмыцкими жителями. Но дорога будет трудная и что здесь никто не проезжает.

Так и оказалось. На первых верстах мы в'ехали в большие сугробы песку. Лошади еле тянули фургоны и орудия. Погода изменилась. Начались сильные морозы и ветер стал подувать с востока. Но холодно нам не было, ибо от такой дороги пот лил градом и каждый кр-ец, пройдя 2—3 версты, садился отдыхать.

Куда ни посмотришь, везде песок и песок; только изредка попадаются озера с солено-горькой водой. Но усталый кр-ец с жадностью набрасывался на воду и пил ее как самую хорошую. От этой воды еще больше усилилось заболевание тифом и дизентерией, которые выводили все больше и больше кр-цев из строя.

На второй день к вечеру мы под'ехали к Калмыцкой ставке и, минуя этот поселок, прибыли к двум небольшим хуторам, населенным калмыками, где и остановились на ночлег.

Последний переход.

Запылали костры. Некоторые кр-цы рассыпались по степи, собирая кизяки и небольшие кустарники для костров. Но больше всего костры разжигали из поломанных бричек, которые приходилось бросать, так как лошади отказывались их больше тянуть. Здоровые красноармейцы, подкрепив себя едой, были веселы, и даже изредка раздавались песни, в которых слышалась тоска по вольной Кубани и богатым Кубанским степям. Но здесь же раздавались жалостные стоны и крики больных, которых знобило и к которым приближалась мучительная смерть.

Костры стали утихать и шум умолк. Это кр-цы, подкрепив себя, легли и заснули крепким сном. Не спится одним больным; на них сон не сходит и они тяжко стонут.

Около двух часов ночи подул сильный ветер и к утру разразился ураган.

Утром обозы двинулись вперед, держась друг около друга вплотную, чтобы не отстать и не сбиться с пути. Осталось 35 верст, но эти версты показались так велики, как будто каждая верста была двойная. А ветер дул все сильнее и сильнее. День обратился в ночь. По всей дороге поднялся крик и стон. Ослабевших кр-цев ветер сбивал и они падали на землю. Через несколько минут они заносились песком и снегом. Этот ужас к обеду достиг невероятных размеров. Сперва попадались на пути редкие случаи погибших кр-цев от голода, холода и болезней, но с каждым шагом вперед все больше и больше встречались лежащие кр-цы, кто совсем уже умер, а кто еще был жив и еле-еле стонал.

Кругом крик, стоны, кто просит дать помощи умирающему, а некоторые просят добить, чтобы не мучиться долго, но никто не обращал внимания на умирающих, ибо через некоторое время сам попадал в такое положение.

Пески забрали десятки тысяч под свой покров этих героев, стойких и непоколебимых в своей уверенности, что рано или поздно, а власть трудящихся в России восторжествует над угнетателями. С такой уверенностью они и умирали в диких и непроходимых степях. Те, кто остался жив после этого, помимо того отступления по дикой пустыне, не забудет призыв тех кр-цев, которые, умирая, говорили: Товарищи, я умираю, но вы, кто будет жив, не ударьте в грязь лицом, доведите дело до конца".

Но вот к вечеру ветер стал утихать, воздух расчистился и впереди нас показалось селение. Увидев село, каждый крепился, желая добраться до села. Но многие не могли уже добраться до села и, не дойдя 2-х или 1-й версты, падали и скоро застывали от сильного мороза и пронзительного ветра. Некоторые на четвереньках ползли до жилых помещений и, добравшись до изб, спокойно в них умирали.

Под'езжая к селу Оленницкому, каждый надеялся достать в нем что-либо покушать и при таких мыслях облизывал губы, думая, как он будет сладко есть. Надежды были напрасны.

У жителей не оказалось хлеба: ведь в таких песках не родится хлеб и они сами его доставляют из Ставропольской губ. А теперь у них

нет, потому что происходившие там бои мешали доставке хлеба. Сами же они занимаются исключительно рыболовством и то не для себя, а служа в крупных промыслах.

После ночевки на утро было получено распоряжение: кто еще может идти—направиться в следующие села. Мы тронулись дальше. Приехав в село Яйдыки, наша и 2-я Кубанская артиллерийская бригада получили распоряжение стать на отдых в селе, находящемся верстах в 25 от Яйдыка и мы тронулись в назначенное место.

Положение изменилось.

Добравшись до указанного пункта, нас разместили по квартирам. Но есть здесь было также нечего. У некоторых, конечно, были небольшие запасы муки и сухарей и те сразу же взялись за приготовление пищи. Наше начальство узнало об этом и сейчас же приняло меры: находившиеся на руках продукты распределили поровну между всеми, чтобы каждый хоть немного мог поддержать свои силы, пока доставят продукты из Астрахани.

Через два дня подвезли хлеба и мяса. Сейчас же принялись за раздачу небольшого пайка. Все здоровые, подкрепив себя, заговорили уже другим языком. Настроение изменилось. Пошли пляски, пение, как будто они все время здесь и жили. Забыли про те страшные дни, которые они пережили в желтых песках. Начали говорить о фронтах, о победах. К нам было доставлено несколько номеров газет „Красный воин", издававшейся XI армией в гор. Астрахани. На страницах газеты мы увидели, что противник везде наседает на Советскую власть, и, узнав об этом, кр-цы стали шумно выражать свое желание идти на фронт и драться до последнего со своим злейшим врагом.

Простояв около шести дней, мы снова тронулись в путь ближе к г. Астрахани. Теперь уже не то, что было раньше. Все бодро шли с уверенностью, что в Астрахани они отдохнут и снова бросятся в бой.

Дошли наконец до г. Астрахани. Все артиллерийские части получили предписание отбыть карантин в специально отведенном для сего месте недалеко от города. Жизнь снова забила ключем. Хотя хлеба и не хватало, так как давали по $^3/_4$ фунта на день, но зато была дешевая рыба. Все с жадностью набросились на рыбу. „Но рыбка воду любит" и, наевшись досыта рыбы, стали сильно пить воду. Это не преминуло отразиться на нашем здоровьи.

Разразилась эпидемия. Лазареты скоро были переполнены и наша артиллерия должна была открыть свой лазарет. Но всех больных поместить в лазарет нельзя было.

Эпидемия распространялась и на население. Не было такой хаты, где бы не лежало больных. Смертность учащалась. На кладбище стали возить не по одному человеку, а целым транспортом.

„Даешь Кубань!“

Наконец, тиф был побежден. Изо всей артиллерии, которая стояла в Карантинном, сформировали 2 дивизиона, которые влились в 33 стр. дивизию. Началась усиленная подготовка. Все выздоровевшие кр-цы забыли о недавно минувшем своем положении и зажили по-новому. Обзавелись библиотеками, читальнями. Самым главным орудием наших читален была небольшая газета „Красный воин“, которая о всем новом извещала нас. Кр-цы так свыклись с ней, что с нетерпением ждали ее. Это был наш самый любимый друг, который сообщал нам о положении политики Советской власти на фронтах и о многом другом.

Подходил май месяц и наши кр-цы становились бодрее и крепче. Выбросили лозунг „Даешь Кубань!“ Этот лозунг говорил о том, что мы можем доказать белогвардейцам, что мы непобедимы, что мы в любую минуту можем броситься на него для освобождения своих родных земель, стонущих под игом белогвардейцев.

А. Кривошеев.

Будни Красной Армии.

(Воспоминания о XII Красной Армии).

Первичные ячейки, из коих, собственно, зародилась XII армия, надо отнести к формировавшимся украинским дивизиям в демаркационной линии еще во время Скоропадчины на границе Курской и Харьковской губ., в уездах: Корочанском, Суджанском, Льговском и, частично, в районе Орши. Тут было заложено основание 6-го Украинского полка, прозванного „полком Киселя“ по фамилии его командира и других полков. Здесь же эти полки сводились в бригады. Большое участие в формировании этих частей принимали: т. т. Пятаков,Ауссем, Затонский, Антонов, Артем и другие. В состав полков входили преимущественно украинцы, появлявшиеся из-за демаркационной линии, не желая терпеть гнет Скоропадчины, которые тут же вступали в будущую свою украинскую армию.

Формирование шло очень медленно. В Республике не хватало снаряжения для частей восточного фронта, т.-е. против Колчака; надо все было доставать с большим трудом. Но все же мало-по-малу части прибавлялись и принимали некоторый вид боевых единиц.

Их формирование не было закончено, так как грянула немецкая революция и надо было наступать на Украину. На ряду с наступлением шла и непрерывная работа по скупке у немецких солдат снаряжения и вооружения. Вместе с этими недоформированными частями пошла и 9-я дивизия, формировавшаяся в Курске и не успевшая получить надлежащий обоз и потому двинувшаяся в наступление на санках с приказом начдиву: по наступлении оттепели, бросать сани и закупать по пути обоз по об‘явленным Р. В. С. ценам.

Я помню как сейчас те приказы, которые были даны при наступлении на Украину. В общем они сводились к следующему: не взирая ни на какие успехи, итти только до левого берега Днепра и там закрепляться, не двигаясь дальше до новых распоряжений. Центр еще тогда очень правильно учитывал опасность от влитых в полки и еще не переварившихся в них части партизан, которых на Украине было очень много. К последним в известной пропорции примешивался преступный элемент, который под видом борьбы за освобождение трудящихся, просто-

на-просто считал „партизанщину“ своей профессией. Но разве могли удержать приказы настоящих детей Украины, которые все стремились докатиться до родных мест и, с одной стороны, показать, что они сами отвоевали свою землю, с другой, посмотреть, что сделал „щирый украинец“ Скоропадский с оставленными близкими и родными.

Таким образом, лавина наступавших двинулась безудержно дальше за Днепр и при взятии Киева—войск уже оказалось до 80.000 штыков. Как были одеты эти части, сказать очень трудно; здесь были и генеральские шинели с красной и зеленой подкладкой, были и меховые шубы с богатого плеча, были и такие, что одна нога в сапоге, другая в валенке, были и вовсе раздетые. Но у всех было одно, чего не было ни в одной еще в мире армии—революционный под‘ем и жажда наступать и наступать!

Армия, взяв Киев, задержалась несколько дней у Бердичева и Житомира, сломила остатки Петлюры и погнала их прочь к Черному морю и через границы Галиции. Все бежали при виде людей, идущих драться не за деньги, а за лучшее будущее, с твердым намерением погибнуть или выгнать пришельцев, пытавшихся защищать низвергавшуюся власть богачей.

Еще при движении к Черному морю было видно, что в армии неблагополучно, что в полках оказалось много преступного элемента, любящего жить за счет других, и, главное, пьянствующего.

На Крымском полуострове, на небольшом клочке земли, у города Керчи, сидели остатки контр-революции и ждали, когда, наконец, им представится удобный случай проявить себя.

И вот, в июне месяце 1919 года, наконец, настала эта желанная для помещиков и капиталистов пора. Григорьев взял Одессу и кроме водки забрал все, что принадлежало всему пролетариату. Погрузив все в эшелоны, он повез в Александрию. Все это раздавалось несознательной красноармейской массе. Здесь уже почти налицо стал факт, что Григорьев—ставленник белых и Петлюры, но кто решался говорить об этом красноармейцам, тот немедленно, в лучшем случае, изгонялся, а в худшем—тут же арестовывался за такое отношение к „батьке-атаману“. Я и сейчас помню, как тов. Шафранский попробовал на митинге открыто указать, что Григорьев имеет связь с нашими врагами, и как на него бросились все в знаменитой „Верблюжке“ (откуда вышел Верблюжский полк—опора Григорьева). И только тогда открылось, что Григорьев изменник, когда в один и тот же день был об‘явлен знаменитый Григорьевский манифест и тогда же было перехвачено румынское радио, извещавшее, что Григорьев восстал против большевиков. Радио сообщило эту новость даже за несколько дней раньше выпуска Григорьевского манифеста.

Против Григорьева из Харькова и Екатеринослава начал наступать тов. Ворошилов, из Киева другие части Красной армии, из Одессы сформированные части в Одесском округе и Григорьева стали теснить. Но еще не успели его раздавить, как началось наступление белых на Кр. Крымскую армию. С моря стали бить по нашим героям двенадцатидюймовыми снарядами и армия стала отступать. За ней бросились белые. Армия, не ждавшая такого поворота дела, была фактически застигнута врасплох. Сил, действительно революционных, оказалось не так

много, а присосавшийся для наживы элемент побежал, увлекая за собой и сознательную массу.

Я помню, когда еще не был сдан Мелитополь, части Красной армии были уже в это время даже в Одессе, по взводу и больше. На вопрос:

— Откуда вы, товарищи?—отвечали:—Мы с Крымской армии.

— Чего же вы сюда попали?

— Отступили.

— А где ваш полк?

— Разбит.

Конечно, это были шкурники, которых все время разоружали, дабы спасти хотя вооружение, часть же рассыпалась по Херсонскому уезду и засела во ржи, где принялась за свое настоящее ремесло. Сюда выделился исключительно самый преступный элемент; они занимались тем, что убивали крестьян, едущих в поле на работу, снимали с них одежду, забирали лошадей, проводили их за 20 верст, продавали там, и снова садились в рожь, за что и получили среди крестьян название „Житомирские полки“ (от слова жито, т.-е. рожь). Здесь творилось что-то кошмарное; к ним еще присоединились и местные бандиты Кривого Рога, руководимые знаменитым Скляром и Сидором, прозванным за свой саженный рост „полтора Сидора“. Это был зверь в образе человека, он мало того, что убивал, но вырезывал сердце; такую операцию он проделал на станции Белая Криница над одним матросом и одним красноармейцем латышского батальона. Этот бандит нами был пойман и на той же Белой Кринице убит.

Белые быстро наступали. Крымская армия была послана на защиту Екатеринослава против банд Григорьева, но уже видно было и тогда, что от армии ничего сознательного почти не осталось. Вожжи были выпущены. Тут еще рядом стоял такой же пьяный фронт Махно. Наконец, белые ударили и по этому пьяному фронту и он побежал, а трезвые, честные части держались до тех пор, пока не оказались обойденными. Армия стала рваться на клочки, потянулась отступать по разным направлениям. Екатеринослав был сдан. Неуспевшие перейти Днепр потянулись к западу по Правобережью на соединение с частями Киевского района. Но белые пошли на перерез. Они разорвали армию на три клочка, из которых один отступил на Харьков—Екатеринослав, другой на Киев, а третий даже и сюда не мог попасть, так как в помощь белым еще и Махно начал разоруживать своих же и перерезал линию Вознесенск—Помощная. К нему тогда целиком перешли две бригады, уже переформированные из Крымской армии, командование над которой принял тов. Федько и которая была названа 58-й дивизией. Эти остатки потянулись сперва на Вознесенск, но когда две бригады пошли к Махно, то остатки третьей, сдавши Николаев, пошли через Колосовку на Голту на соединение с такой же отрезанной геройской 45-й дивизией, дравшейся в районе Винница—Вапнярка с наседавшим Петлюрой. Белые высадили дессант в Одессе и захватили ее. Началось новое отступление. 47-я дивизия, где не успели сменить белогвардейский командный состав, почти целиком осталась на стороне белых и из нее выскочили только начдив Лагофет, военкомдив Пасечник, было спасено около 7-ми орудий, да около 500 штыков. Все остальное осталось

на стороне неприятеля. Таким образом, остатки вполне сознательных бойцов, как то: 521, 517, 518, 520, 519, 522 полки 58-й, ее же батальон связи и полки 45-й дивизии, были окружены на далеком юге и отделены от своих отступивших красных частей расстоянием минимум на 700 верст. Прорваться было совершенно некуда: Махно, выбив нас с Помощной и Вознесенка, сдал их белым; Одессу мы сдали белым, Вапнярка была в руках Петлюры. Умань также—и для красных самоотверженных героев осталось пространство между Голтой и Бирзулой.

Составился Р. В. С. Южной группы, бывшей под командованием тов. Якира, из членов тов. Яна и Затонского, начдивами остались тов. Федько 58-й и тов. Гарькавый 45-й. Из одесских военных специалистов, как честный революционер, ушел вместе с дивизиями только адмирал старой службы Александр Васильевич Немитц, который принял на себя должность начальника штаба Южгруппы.

Не говоря уже о том далеком пространстве, которое нас замкнуло, этот красный участок с каждым днем делался все меньше. Бригада 45-й дивизии, которая все время дралась против Петлюры, израсходовала свои патроны и стала катиться назад. А патронов не было. Их не было у нас уже около полмесяца до этого, а к моменту, мною описываемому, ей были высланы последние—по 10-ти патронов на человека. К счастью, тов. Затонский привез 200.000 патронов, но они попали в район между Вознесенском и Одессой и подвезти их никак невозможно было. Не имея ничего другого, эти вагоны были перехвачены в районе станции Куяльник и гужем уже перевезены на Голту. Тут мы несколько ожили: ведь патронов хватит для 4—5 сражений, иначе говоря, отстреливаний при отступлении.

Броневики были уже взорваны. В Николаеве были взорваны, как восставшие и мечтавшие перейти к Махно „Спартак“, „Урицкий“, „Худяков“ с морскими орудиями, „Юдовский“ и „Имени Свердлова“, лучшие из броневиков. На Бирзуле были взорваны все остальные. Артиллерия, которую можно было превратить в полевую, была поставлена на лафеты, а остальную „пустили в воздух“. К Махно перешло около 40 орудий, в Одессе при измене 47 дивизии тоже осталось до 30-ти орудий и мы пошли — 58-я с 19-20 орудиями, 45-я—точно не помню, но кажется едва-ли с большим количеством. Пулеметов также было очень мало. Так например: в нашем полку было всего 4 пулемета.

Малодушные, в том числе и я, совершенно опустили головы, но геройски держали себя тов. Якир, Гарькавый, Федько, Мокроусов, Немитц и Голубенко—политком 45-ой дивизии. Было несколько совещаний, но никаких конкретных решений вынесено не было. Решили попытаться сговориться с Махно. Неужели он до того стал изменником, что и теперь когда красные войска отрезаны и брошены на растерзание помещичьей своре, не согласится заодно действовать, хотя бы пока мы прорвемся к своим. А прорваться было совсем не легкая штука; дорог не было, паровозы и бронепоезда уничтожены, артиллерии очень мало и единственное что уцелело, то это непоколебимое желание прорваться, в особенности в 45 дивизии. Расстояние совершенно никого не страшило. По вопросу переговоров с Махно, тов. Затонский заявил, что он в них не участвует и что за все последствия соединения нашего с Махно, он на себя никакой ответственности не берет; но тем не менее он не отвергал

необходимости испробовать все возможности. И вот тов. Голубенко отправился в Голту для переговоров с Махно. Вызвали его к проводу, разъяснили ему наше и вместе и его же положение. Он, выслушав все, заявил: „Вы обманули Украину, а главное расстреляли моих товарищей в Гуляй-Поле, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности, ответственными работниками, поступлю так же, как вы с моими товарищами в Гуляй-Поле, а затем будем разговаривать о совместных действиях“. После этих переговоров никаких новых возможностей со стороны уже никто не ждал, а надо было во что бы то ни стало в два—три дня куда-то двинуться, иначе кольцо замкнется на месте и мы будем сдавлены со всех сторон превосходящим нас чуть не в пятьдесят раз противником — Петлюрой, белыми и Махно. Время же совершенно не терпело, так как каждый день нас сжимали все плотней и плотней.

Тов. Немитц разработал план прорыва прямо, бросив мечты о железных дорогах, мотивируя тем, что никакой противник не поверит, чтобы мы могли рискнуть на такой трюк; ведь вопрос не в десятках верст, а чуть не в тысячах. За то время, пока противник нас разгадает, мы можем уйти по крайней мере на 60—80 верст. Пока он станет пробовать гнаться, мы уже будем очень далеко, а учитывая, что, в нашей революционной войне, армии привыкли действовать в большинстве случаев вблизи магистралей, можно надеяться, что Петлюра и белые едва-ли окажутся искусней нас драться без дорог. Главное же наше преимущество то, что нам некуда отступать и наши части должны только драться, зная, что позади нас враги так же, как и на флангах.

Когда этот план уже окончательно был принят, начдив 58, тов. Федько заявил, что за остатки дивизии не может ручаться, так как она должна соприкасаться при прохождении своим правым флангом с разведками Махно и безусловно вся перейдет на его сторону. Оказалось, что с одной стороны остались исключительно боевые части, но с другой, все они родом крымчаки или херсонцы, и с третьей, еще не все уверены в прорыве и потому могут перейти к Махно. Самым боевым полком считался 1-й, впоследствии 517-й, составленный из крестьян Днепровского уезда, но в нем же сильнее всего симпатии к Махно. Тов. Федько предложил следующий план: 58-я дивизия прекрасно будет драться против Петлюры, поэтому поставить ее на левый фланг, а 45-ю перевести на правый. Но этот маневр должен был занять у нас минимум неделю, ждать же мы уже не могли и трех дней. Тогда я заявил, что поскольку 517-й полк самый боевой, я берусь его вывести и отвечаю головой, что к Махно он не пойдет, а еще лучше, если я стану в авангарде дивизии и буду расчищать путь для дивизии. Поскольку полк будет принимать все первые удары на себя, ему некогда будет думать о Махно, а оторвавшись на 100—150 верст, о Махно будет похоронена и самая мысль, ибо до него уже так же не будет доступа, как и до наших отступивших красных частей. Мое предложение было принято и опять, очевидно, не потому, что оно было слишком убедительно, а потому, что нового ничего нельзя было придумать, и не только нельзя, но и некогда. После этого меня позвал тов. Затонский сделал мне маленькое нравоучение, напомнил мне о том, за что я берусь и мы уехали в штаб 58-й дивизии.

Бригаде, дравшейся против Петлюры, было уже прямо указано, что мы решили уходить без железных дорог. Она должна была драться еще два дня, делая вид, что мы пробуем пробиться на Вапнярку. За это время мы должны оторваться и двинуться быстрым маршем вперед по направлению Умани. Она же, т.-е. бригада, должна в ночь, когда мы отойдем больше, чем на 30 верст, оторваться от противника и составить наш арьергард.

Так все было и сделано. Провизии у нас было достаточно—мы из Крыма гнали с собой 18.000 овец, до 8-ми тысяч голов коров и быков; в экономиях везде шла молотьба хлеба и мы, выбивая Петлюру, должны были молотить, молоть и тут же забирать хлеб, идя дальше. Снарядов у нас было достаточное количество. Кроме того, мы решили не бросать ни авто-броневиков, ни грузовых и легковых машин. Все это мы потащили на быках, повпрягав в авто-броневики по 4 пары быков, в грузовые по 2 и 3 и, в легковые по паре, или на верблюдах (последних мы также забрали). Проходя, мы должны были забирать заодно ремни с молотилок, чтобы после нас уже нечем было молотить. Это выполнялось в точности.

Около 4-х часов утра мы двинулись в поход. Справа пошла бригада тов. Мокроусова, наша вторая в середине, с первым полком в авангарде, левее—остатки 47-й, а в 20-ти верстах штаб дивизии с арьергардом (некоторые собранные команды); левее, на расстоянии 30-ти верст, пошла 45-я с расчетом подойти вместе к Умани и взять ее, и если там явится возможность, то немедленно перегрузиться в эшелоны и рваться по железной дороге на Киев, по линии Христиновка-Казатин-Фастов-Киев. Если же эти пути в районе Киева уже в наших руках, тогда пробиваться дальше, держа направление между Киевом и Житомиром. Дальнейшее покажет само, куда надо идти.

В нашем распоряжении было 5 полевых радио-станций и мы все время сносились по беспроволочному телеграфу с Киевом шифром, сообщив ему, что мы решили прорываться.

Первая ночевка, если не будет нигде серьезного сопротивления, была назначена нашему полку в селе Секретарка. Но мы к нему прибыли еще в 4 часа дня (разбив небольшие банды Петлюры) и поэтому решили идти дальше, держа направление на село Грушки. Заночевали, пройдя Секретарку на шесть верст, о чем и донесли; выслали глубокие разведки конных; оставили один батальон дежурным, сами легли спать. Связь первый день с соседними полками была из рук вон плоха, но на второй день все уже было в порядке и мы точно знали, где движутся соседние полки. Фактически, это были взводы, так напр., 10-й полк насчитывал 120 штыков, а 5-й—300, наш же считался самым большим и насчитывал 400 штыков, 521-й т.-е. Мокроусова насчитывал, правда, до 1200 т. штыков и другие его полки были до 800 штыков.

На рассвете мы получили приказ идти дальше. Конечный пункт назначен Грушки, куда мы и направились. Но часов около 4 дня, когда мы перешли пехотой и кавалерией узкоколейную дорогу Голованевск, Одвиополь, Гайсин, из леса вынырнул Петлюровский бронепоезд и начал нас засыпать снарядами. Пехота и кавалерия были уже за полотном и он набросился на остатки полка, шедшего рысью на крестьянских подводах. С нашей стороны не последовало ни одного выстрела, но кавалерия сейчас же пустилась на перерез с целью взорвать пути отступ-

ления бронепоезду. Он, заметив наш маневр, прекратил обстрел и ушел на запад. Позади должны были проходить части 45-й дивизии, нашей бригады и бригады тов. Мокроусова. Мы тогда, пользуясь уходом бронепоезда, забежали и вручную под „Дубинушку“ стащили узкоколейное полотно в степь, разбив соединения. К этому времени бронепоезд, выйдя на место, откуда ему было видно, что путь отступления еще не был отрезан, начал было снова по нас стрелять, но мы спрятались в лес, и он, видя, что его огонь не произвел совершенно никакого эффекта или замешательства, ретировался на Гайсин. Здесь в лесу оказались большие баштаны: арбузы и дыни как раз поспели, и мы, закупив у сторожей сколько возможно, досыта наелись.

Мы к вечеру узнали, что бригадой тов. Мокроусова взят Голованевск. Оказывается, что гайдамацкая разведка и связь были очень легкомысленны и непредусмотрительны, как это видно из нижесказанного. Так, например: вечером, накануне взятия Голованевска, наша разведка ошибочно попала в Голованевск. Выходить уже некуда было, так как она попала прямо к начальнику гарнизона (петлюровскому прапорщику). Видя, что влопались, они заявили, что идут впереди повстанческого отряда из-под Одессы под командой некоего Шарова, и что имеют приказание явиться в Голованевск к местному старшине и заказать на 3.000 казаков хлеб на завтра. Этот начальник гарнизона вместо того, чтобы проверить их мандаты и т. д., созвал немедленно своих офицеров и приказал сейчас же немедленно по всему местечку разверстать выпечку хлеба, заявив, что он к 10 утра эту задачу выполнит. Тогда, поблагодарив его, наша разведка ушла по-добру—по-здорову и, явившись, донесла, что гарнизон состоит не больше, как из сотни гайдамаков, плохо вооруженных разнокалиберными винтовками, без дисциплины, а рядом в Покатилове имеется гарнизон человек в 200 таких же бандитов.

Выяснив это положение, полки не стали ни к чему готовиться, а на рассвете в автомобиле поехал сам тов. Мокроусов с двумя ад‘ютантами и арестовал весь этот гарнизон вместе с начальником гарнизона, освободив из них трех человек, которые собрали заказанный хлеб. Был захвачен заодно и провод с Покатиловым, где сидел какой-то заброшенный полковник, с которым от имени начальника гарнизона Голованевска мы вступили в переговоры на украинском языке, попросив его выслать нам роту казаков в виду приближения большевиков. При этом предупредили, что наш гарнизон будет ожидать соединения на опушке леса со знаменем. Таким образом, была наряжена одна рота 521-го полка с „жовтоблокитным прапором“, которая и арестовала гарнизон местечка Покатилова без всякого кровопролития. После этого всю эту гайдамацкую компанию собрали вместе, отобрали винтовки и предложили убираться по домам, за что гайдамаки были очень благодарны, так как они ожидали далеко худшего.

Теперь мы должны были сделать большой переход по направлению Умани до села Томашевка (в 10 верстах от Умани), где начать окапываться и ждать подхода частей, после чего, с подходом 45-й дивизии, взять с налета Умань. Но оказалось, что мы настолько быстро проскочили и разбили все банды до Умани, что у петлюровских атаманов создалось впечатление, что идет какая-то рать, от которой лучше всего удирать по-добру—по-здорову. Умань была брошена на рассвете, а гар-

низон Петлюры отступил на станцию Христиновка. На рассвете нами была послана разведка, которая, вернувшись, доложила, что Умань оставлена. Тогда мы вступили в Умань с развернутыми знаменами, с оркестрами и, пройдя Умань, стали в селе Ивановка, сейчас же за Уманью, а штаб дивизии вошел в Умань. Здесь мы пробыли сутки, пока подошла и 45-я дивизия, после чего пошли по направлению Христиновки, куда подошли вечером, когда уже стемнело (не к самой Христиновке, а к лесу в районе этой станции). Ехали на крестьянских подводах.

Вдруг, над нами раздались орудийные выстрелы. Оказалось, что наша разведка, проворонила бронепоезд противника, который открыл по нас огонь. Этот бронепоезд стоял всего полторы версты от нас, но его прислуга или была перепугана, или там вообще управляли огнем женщины, так как снаряды пролетали через нас и падали за концом обоза, приблизительно в 200 саженях. Крестьяне, как непривычные, сразу было устроили панику со своими подводами, но тут сейчас же спохватились с подвод красноармейцы, которые заявили, что если кто-нибудь попробует выехать из колонны, будет на месте положен. Все стихло и приостановилось. Мы ждали, что будет дальше. Бронепоезд бросил около 20 снарядов, но заметив, что наша конная разведка проскочила по опушке леса мимо него, решил заблаговременно удрать, боясь, что Христиновка нами будет захвачена с налета и он останется отрезанным. Тогда и мы, видя со своей стороны, что на Христиновку прямо идти нельзя, решили свернуть здесь же в село Паланку, где и заночевать, о чем немедленно донесли в штаб бригады.

Часов около 10 ночи нам удалось в лесу посредством нашей разведки, набросать наш провод на общий железнодорожный и подслушивать разговор петлюровского командования. Выяснилась следующая картина: из Гайсина вызывает некий командующий Павленко и запрашивает:

— „Подошли ли большевики до Умани?“

Из Христиновки отвечают, что Умань они уже заняли. Павленко начинает браниться и спрашивает, почему ему пан Тютюник не сообщил.

Ответ: „не знаю и самого добродия Тютюника тоже не видел и потерял с ним связь“. Сидящий в Христиновке обещает все это исправить, между прочим, он докладывает Павленке точно о нашем полке, так, например: штыков 300—350, кавалерии до 120 человек, орудий 2 и бомбометов 2, стали в Паланки только что, в 3 часа он поведет на них наступление (пока они отдыхают), а в 5 часов донесет радостную весть.

Перехвативши такое донесение, мы сейчас же развернули полк, положили его цепью по направлению Христиновки, пешую разведку послали ползком идти по линии магистрали сколько будет возможно и доносить. Кавалерию направили к опушке леса, так как наше местопребывание было тем невыгодно, что Паланка расположена на поляне, окруженной со всех сторон лесом. Орудия были поставлены у свежей скирды соломы, которая служила им прикрытием.

Таким образом, мы с напряженным вниманием ждали 3 часов, тем более, что нас несколько смущала последняя фраза: „в 5 часов донесу радостную весть“. Под этим мы понимали, что очевидно на их стороне далеко большие силы, тем более, что уже имелись сведения о брошенных нам на перерез 5-й и 12-й Петлюровских дивизий. Но вот 3 часа—и ни

звука; уже и 4—та же тишина. Наконец, и рассвет — никого нет. Тогда мы поняли, что это просто-на-просто вранье Петлюровского командования одного другому и что у них пока вообще впереди нас крупных сосредоточенных сил нет.

Нас снова стал обстреливать его бронепоезд, но наша артиллерия пятью выстрелами мигом заставила его убраться и мы благополучно продолжали свой путь. Наше направление было на село Ладыженка, куда мы и подошли к 9 часам вечера. Как раз начал накрапывать дождик и довольно холодный. Левее нас должен был идти 5-й и 10-й наши полки.

Слышим гром нескольких батарей, бьющих залпами. В том, что это не наши батареи, для нас было ясно, так как и у 5-го и у 10-го полка было только по 2 пушки. Прискакала наша связь и донесла, что на 5-й и 10-й полки наступает противник большими силами и, очевидно, целый дивизион артиллерии. Не имея никаких указаний и находясь в то же время как раз на правом фланге начавшегося боя, мы, не долго думая, развернули полк, оставив обозы второго разряда в Ладыженке и бросились с фланга на противника. Успели подойти в темноте на 100 сажен в то время, как он был занят наступлением, так как оба наших полка попятились назад. Мы дали один залп. Затем, выждав еще 2—3 минуты, дали второй. Это сразу расстроило ряды противника. Тогда мы дали залп из всех винтовок, двух орудий и двух бомбометов. Противник в панике смешался. Мы крикнули „ура“ и побежали, чтобы схватиться в штыки. Но у петлюровцев, очевидно, это не принято и поэтому вызвало такой ужас, что не только они стали отступать, но буквально бежали, бросая оружие, пулеметы и снаряжение.

Через полтора часа поле битвы сразу умолкло. Нами было взято 6 орудий, 14 пулеметов, 600 пленных и другая добыча. Из дивизий больше ничего не осталось. Оказалось—всего орудий против нас было 11. Это и были самые знаменитые, так называемые, 5-я и 12-я партизанские дивизии.

Справившись с этой задачей, мы пошли дальше, не останавливаясь в Ладыженке, имея задание взять сахарный завод севернее Монастырища, в котором засели отборные гайдамаки в числе до 300 человек. Подойдя к заводу на 5 верст, мы остановились в леску на несколько минут, а затем цепью пошли на завод, послав кавалерию в разведку с расчетом охватить завод. Но оказалось, что у них была также хорошая разведка и наблюдательный пункт с правой стороны завода в лесу, откуда раздался сперва один, затем три под-ряд винтовочных выстрела, очевидно, сигнальных. Мы хранили молчание и ползли молча, имея на спине каждый сноп ржи, в виду того, что было уже холодно, а красноармейцы были раздеты и, кроме того, ночью это не было похоже на цепь, даже в 50 шагах, а просто похоже на обыкновенные разбросанные по полю снопы. Мы продолжали обходить завод, ожидая сигнала, чтобы разом пойти со всех концов на приступ. Но вот уже и завод, вот уже наш полк его обложил со всех сторон, а оттуда—ни звука. Наконец, пошли в завод. Оказывается, гайдамаки бежали из него уже часа полтора назад в северном направлении. Мы тогда, набрав здесь запас сахара, пробовали заплатить, но завхоз и завком заявили, что у них нет предписания продавать, а имеется только указание, что воинским частям отпускать

по талонным книжкам снабжения, что мы и сделали. Выполнив все формальности, мы, уже не садясь на подводы, пошли рассыпным строем.

Таким образом, мы вышли в Лукашевку, где встретили крестьянские подводы. На вопрос: „Откуда?“ получили ответ, что отвезли таких же чертей, как и вы, которые от вас убегают, а вы гонитесь. На наш вопрос:

„Далеко-ли отвезли?“—ответили, что бросили отсюда верстах в 5-ти, а там они взяли другие подводы. Мы зашли в советское имение, где в полном разгаре шла молотьба хлеба. Мы заодно пустили паровую мельницу, приспособленную к той же молотилке — и начали заодно и молоть хлеб. Заведующий совхозяйством пришел и заявил, что „Петлюровский старшина заказал ему поросенка и пару гиндиків, а сам утик, а порося и гиндик, уже поспів, почему він прохае итти и обідать“. Мы, конечно, поблагодарили его и пошли. С‘ели поросенка, индюков; затем, к 5-ти часам прибыл начснабдив тов. Пономарев, который остался вести дальнейшую молотьбу. Мы, набрав запасы овса, и около 50-ти пудов муки, тронулись дальше по направлению Володарки.

По наведенным нами справкам, гарнизон Володарки состоял из 1200 человек пехоты и небольшого количества кавалерии, а впереди его, т. е. на подступах в лесу, находится отдельный Галицкий железный отряд численностью в 400 штыков и 100 сабель. Но где этот железный отряд, который не раз делал чудеса храбрости, никто не знал. Получив эти сведения, мы начали готовиться как следует к бою. Все подтянулись, в особенности, разведчики. Имея эти сведения мы пошли, направляясь к Степку, выслав предварительно глубокую разведку. К часу ночи мы были в двух верстах от села Степок и конная разведка донесла, что Степок пуст и что там никого нет. Зная, что впереди его в четырехпяти верстах есть еще село, мы решили не заходя в Степок пройти в это следующее село и там остановиться на ночлег, что и сделали.

Когда мы остановились, было уже около 4-х часов утра. В доме священника стал штаб, а полк по крестьянским хатам, при чем в сторожевое охранение была выделена одна рота. На рассвете, как только стало сереть, мы услышали выстрелы и наша застава, залегши за селом, сообщила, что мы находимся в полукольце противника. Полк немедленно был поднят на ноги, рассыпался также вокруг села. Мы начали делать перебежки, затем вторая рота с криком „ура“ кинулась на противника. Последний сорвался и стал бежать. Таким образом, мы его разорвали на три части. Первые две были с восходом солнца почти уничтожены целиком, а третья загнана в небольшой лесок, где и окружена. К 12 часам дня привели остатки и этого клочка (около 15-ти человек), сам же командир этого отряда на пролетке стал уходить, сидя верхом на пулемете. Но по счастью, над дорогой шла глубокая канава, очевидно, отделявшая барскую землю от крестьянской. В этой канаве засело семь красноармейцев. Когда командир со своими помощниками поравнялись с засадой, она выскочила и кинулась на пролетку. Командир, не успев привести в действие пулемета, как был уже оседлан красноармейцем и, видя, что стрелять некуда, он вырвался и стал бежать по полю, выбрасывая из походной сумки документы. Но окрик „стой! иначе застрелим“ заставил его остановиться.

Как выяснилось, мы разбили знаменитый железный Галицкий отряд. Люди его почти все были перебиты и в плен попалось семь пуле-

метов, обоз и около 40 человек остатки его казаков, да около 20-ти человек тяжело раненых, которые нами были перенесены в наш штаб.

Теперь я опишу, как все это произошло, что мы попали в кольцо „железного Галицкого отряда“.

Оказывается, что наша разведка донесла, что в селе Степок никого нет, на основании расспросов самих солдат „железного отряда“.

Мы же расположившись дальше Степок, уже на рассвете послали связь и донесение комбригу Маслову о том, что мы в Степке не стали, и думали со своей стороны, что он со штабом станет в Степке, потому и верховой наш направился туда.

Что же оказалось? Оказалось, что здесь именно и стоял штаб „Галицкого отряда“ и наш кавалерист привез донесение не своему комбригу, а командиру галицкого отряда в то время, когда его отряд уже вступил с нами в бой.

Видя, что попал к чужим и видя невозможность выбраться обратно, так как на окраинах все улицы были заняты его дозорами, наш кавалерист пустился прямо по улице к месту, где собралось много солдат „железного отряда“. Под‘ехав к ним в карьер, он осадив лошадь, спросил:

— Где начальник? Его в свою очередь спросили:

— А ты откуда? Он знал, что впереди есть еще какой-то 14 курень, ответил:

— С 14 куреня.

— Ага, добре, пан командир ось тутечки, показали ему галичане. Но ему надо было удирать и он повернул лошадь через цепь дозора.

— Куды ж ты йідешь? Сюда нельзя.

— Та мени по своим ділам треба.

Но ему загородили дорогу. Тогда он, видя, что его уже поняли, выхватил револьвер и убил наповал загородившего ему дорогу, а сам, пришпорив лошадь, понесся по улице. Солдаты сперва растерялись, но потом открыли по нем огонь. Но ни одного попадания не оказалось и он благополучно вырвался. В это время уже шел бой с „железным отрядом“ и наш кавалерист, проскочив сквозь их цепь, прибежал к штабу полка и донес о всем, что творилось в Степке.

Комбриг Маслов, оказалось, также не получил нашего донесения о том, что мы стали не в Степке, и когда заслышал выстрелы, то сел на машину и кинулся к нам узнать, что творится в авангарде бригады. Конечно, зная, что по приказу, штаб полка должен быть в Степке, он также приехал на автомобиле в штаб „Галицкого отряда“ как раз в то время, как командир его, видя, что его отряд не выдержал и покатился, разрываясь на клочки, бросился спасать положение, а оставшийся помощник сидел в селе. Комбриг Маслов прибежал и прямо с налета крикнул:

— „Позвать мне командира!“ Ему ответили, что „командир пишов до загина“ (так назывался этот отряд „отдельный железный галицийский загин“).

„До какого дурацкого загина?“ крикнул он. „Где идет бой и какая сила против нас“! Ему ответили:—„звистно большевики“.

Тогда и комбриг понял, что перед ним галичане и он глазами указал шофферу „давай ход“. Шофер рванул, машина не сдала, а он выхватив маузер, уложил вокруг себя трех галичан, прежде чем выскочил из села.

К этому времени к нашему полку дорога была уже чиста, так как от „загина“ остались только клочки, перебежавшие в лес, и комбриг, приехав к нам, начал нас разносить, да, пожалуй, и было за что.

В этом бою к нам в руки попал очень ценный и необходимый для нас документ. Дело в том, что в тот же день, когда мы взяли Умань, мы получили по радио сообщение, что наши части отступают все дальше и дальше и что они, между прочим, сдали Киев. Деникин уже взял Харьков, Курск и подходит к Орлу. У нас никакого испуга это не вызвало, но войскам решили об этом до поры до времени не сообщать, чтобы не вызывать разочарования в том, что мы не приближаемся к своей заветной цели, так как она от нас уходит. Надо упомянуть, что к этому времени к нам присоединилось еще до 1500 штыков, перешедших ранее к Махно и увидевших, что это был провокатор и белогвардеец, который вовсе не думает защищать право бедняков и потому, насмотревшись у Махно на все безобразия, пьянство и расхлябанность, они как честные сыны трудящихся, решили догнать нас, что и выполнили. Дорогой у нас работала американская типография, весившая 30 пудов, которую мы установили на одном из грузовиков. Связь уже у нас вся была хороша, в особенности, авто-машинами, так как в Головановске мы взяли до 10000 ведер спирта, чем и обеспечили все машины.

Между документами, захваченными в штабе „железного отряда“, нашлась копия секретного акта перемирия Петлюры с Деникиным, где указывается куда отходить Петлюровской армии (в районе Киева и где проходит демаркационная линия шириной до 15-ти верст). Из этого документа мы увидели для нас самое главное, что последняя железнодорожная магистраль, на которой нас могли встретить как Петлюровцы, так и Деникинцы, оказалась также находящейся в нейтральной зоне. Между документами, кроме того, была фотография вооруженных патриоток галичанок:—взвод около 40 девушек, с винтовками, в одинаковых гимнастических костюмах, отчего они казались очень красивыми.

Часам к 4-м, полк закусивший, чем кто мог, так как обед из-за боя и после него, из-за стаскивания пленных и ухода за ранеными, сварить не удалось, сменивши крестьянские подводы, двинулись на Володарку с расчетом к темноте подойти верст на десять, затем послать глубокую разведку во все концы и к рассвету взять ее с налета.

Когда стемнело, мы уже были от нее верстах в семи. По обеим сторонам, версты в две от нас, тянулся лес. Вдруг, мы увидели сигнальные огни в лесу на обоих наших флангах. Полк остановили; кавалерии приказали итти по опушке леса по обе стороны; вызвали со второго разряда обоза кухни и начали обед, который теперь уже был изготовлен. После обеда, видя, что мы все равно открыты, тем более, что в самой Володарке были брошены три ракеты, мы начали подходить ближе самым тихим маршем, оставив пятую роту для прикрытия обоза и выделив роту в помощь разведке. Таким образом, у нас была вполне надежная разведка во все стороны. В лесу, по обе стороны, продолжались сигнализации. Мы же, не взирая на все это, продолжали двигаться тихим ходом и вскоре подошли к самым мостам Володарки, от которых оставалась верста.

Рота, бывшая в разведке, донесла, что мосты заняты дозорами, что на первом стоит около 10-ти человек, а на остальных неизвестно; слышны перекликивания между ними:—дозоры находились в двухстах саженях

от нас. Подойти не было никакой возможности, так как мосты были переброшены через речку, а сама речка была не глубока, но болотиста.

Нашлись охотники. Через болото перешли человек до 40. Им дано было задание снять дозоры без выстрела и без крика. Мы, затаив дыхание, ждали.

Прошло с полчаса. Вдруг, в темноте вырисовываются фигуры, а затем и группа людей человек в 30. Оказалось, что на первом мосту дозор сняли без выстрела в количестве 9 чел., которых и привели без малейшего шума; только один с перепугу прыгнул с откоса и, очевидно, утонул в тине. На вопрос:

— „А как на последнем мосту?"

Дозор доложил, что вот один дозорный из последнего поста; другой был от него саженях в 20 на улице. Последний кинулся и убежал в город. Здесь уже ничего не оставалось делать, как сейчас же броситься в город. Все равно противник ведь не будет же настолько глуп, что поверит, что здесь только разведка, а мы далеко, тем более, что о подходе нас ему было уже известно.

Тогда мы выделили 40 человек кавалерии, роту пехоты; на берегу оставили три пулемета (4 пошли с ротой). Сюда же подвезли пушки и бомбометы и дали приказ, как только подлезут к первой улице, так пехота сразу закричит „ура" и бросится по главной улице по направлению к площади, на которой уже слышался стук обозов (очевидно, они начали оттягивать обозы). Кавалерия идет следом за пехотой, держась заборов, дабы напрасно не губить лошадей. Мы с криком „ура", даем с этого берега залп из пушек и бомбометов.

Приказ отдан, рота пошла, кавалерия тоже. Сидим, ждем. В воздухе тихо. Ночь темная: на пять шагов нельзя различить товарища. Времени только 12 ночи.

Вдруг воздух потрясло громовое „ура". Засверкали винтовочные выстрелы, затем пулемет заиграл „гопак" (один из пеших разведчиков пулеметом выбивал песни). Это сразу дало сигнал, что наши первые бросились. Мы дали залп, взяв его над крышами домов, а из бомбометов, взяв на угад прицел на площадь. Когда раздались эти раскаты в бывшей до сего времени зловещей тишине, да еще в долине речек, это был такой оглушительный гром, как будто провалилось и порвалось на клочки небо и горы и само местечко Володарка. Такой эффект в боях вообще редко бывает. Его можно было наблюдать только на Кавказе при обстреле турецких позиций с моря в Лазистане, где от ущелья получался такой гул и треск в облаках.

Со стороны города посыпался град пуль, но пушечных выстрелов ни одного. Пули падали видно без всякого прицела, да его нельзя было и взять, и они как шмели летали по разным направлениям.

Следом за ротой кинулись и другие. Командир тов. Таран тоже побежал. Это был типичный партизан, бросавший управление полком во всякое время, думая, что он больше сделает, будучи сам, где-либо или за разведчика, или просто за бойца впереди, даже тогда, когда и так не перегонишь ни одного красноармейца в наступлении.

Через полчаса мы все уже были на площади. Всех поймать врасплох все-таки не удалось. На площади осталось два больших кипящих котла с большими кусками нарезанной говядины, за которые и принимались

подходившие части, не взирая на то, что не больше полтора часа назад мы ужинали. Выстрелы убежавших и преследовавших уже слышались только за городом. На шоссе лежала железная бочка спирта около 20 ведер. На одной оставленной подводе были навалены дамские платья.

Таким образом, Володарка была взята минут в 20—25. Гарнизон в количестве больше 1200 штыков, не попробовав даже справиться о том— сколько же на него наступает, бежал, бросив весь свой обоз. Только с колокольни глупый пулеметчик—штабс-капитан—не успел уйти или точно не разобрал в чем дело. Этот бедняк так с пулеметом и был взят, когда он бессмысленно из него стрелял.

Когда стало рассветать, то уже знал и комбриг и начдив, что Володарка нами взята и еще не успело солнце взойти были уже здесь и поздравляли нас, заодно дав сейчас же и приказ идти на Сквиру.

К Сквире мы подошли к 3-м часам дня. Заблаговременно послали вперед кавалерию произвести разведку, так как и бежавшие остатки противника из Володарки тоже направились на Сквиру. Я говорю „остатки" потому, что более 600 человек без вооружения явились к нам утром и заявили, что они насильно Петлюрой мобилизованы и потому отступать не стали, а разбросали по огородам свои винтовки и решили утром явиться новым властям. На это я им ответил, что мы власть и новая— мы же и старая пролетарская и посему, кто желает—может вступать в наши полки, а нежелающие отправляйтесь по домам. Но в случае, если Петлюра задумает еще раз мобилизовать, то уходите к нам, потому, что если второй раз поймаем в войсках Петлюры, то будем расстреливать, как обманщиков. Вся эта публика „щиро нас подякувала" за избавление от „Семена" и пошла по домам, чуть не танцуя за такой исход войны, так как для них она уже была окончена.

Наша кавалерия, видя, что перед Сквирой никаких разведок или застав нет, вошла прямо в Сквиру. Оказалось, что и там никого нет. Город словно вымер. На площади оказалось два-три человека, которые и сообщили, что петлюровцы с час тому назад убежали из города на крестьянских подводах. Тогда наши кавалеристы заняли почту и прислали нарочного доложить. Мы в свою очередь послали донесение комбригу, а сами, подойдя к Сквире, развернули знамя полка. Полк выстроили и с оркестром прошли через город. За нами следом потянулись и остальные части. Из погребов стали вылезать жители, сперва понемногу, но потом стали почти запружать улицу. На расспросы стали отвечать наперебой, жалуясь на все ужасы, которые здесь творили бессильные банды, насилуя девушек и расстреливая ни в чем неповинных горожан и т. д. Многие начали проситься идти с нами до выхода, на что мы им ответили, что следом за нашими частями, будет итти наш штаб дивизии, который они узнают по радио-станции. Рассказали им, как узнать радио-станцию в сложенном виде и предложили им просить разрешения в штабе.

Население нас благодарило и начало буквально все вылезать на улицу. Где-то сорвалось „ура", которое стало шириться и, наконец, все население города стало нас приветствовать криками „ура", „да здравствует бессмертная Красная Армия". Красноармейцы проходили радостные и гордые. У нас впереди только и было еще опасного—это Попельня, т.-е. пересекающая ширококолейная магистраль, соединяющая Деникина и Петлюру.

Но тут к нашему ликованию опять добавилась ложка горького яду. Радио принесло довольно-таки неважное извещение: поздравляем де вас со взятием Сквиры и сообщаем вам, что мы Житомир сдали. Ну, думаем,— трудно определить, кто из нас скорее действует: или мы разбиваем и прорываемся, или наши товарищи там все отступают. Ведь эдак пожалуй мы их до Москвы не догоним, как бы не старались.

Пошутили и решили сообщить полку, что Киев сдан, но о Житомире ни слова. Направление пока не меняем, но план уже наметили следующий. Если сдан и Орел, то значит есть два пути: итти между Житомиром и Киевом, затем пройдя шоссе правее Радомысля, втянуться в Пинские болота и выйти на ст. Орша Смоленской губернии, северо-западнее Орла. Идя по этому плану, нам придется недельку голодать и пройти разные болота, но еще осень настоящая не наступила и потому можно проскочить. Второй план—повернуть на Фастов—Киев, разбить гарнизон Киева и на его плечах проскочить на Дарницу и выйти к своим на Чернигов. Чернигов еще был в наших руках.

Первый план был совершенно осуществим без всякого риска и потерь, так как втянись мы в Пинские болота, за нами никакой идиот не погонится. Второй же план был также осуществим, так как привыкши за дорогу итти только вперед и ни перед чем не останавливаться, мы судили совершенно об'ективно, что из киевского деникинского гарнизона останется только мокрое место. А в том, что противник никогда не поверит и вообще не будет иметь даже мысли на такую дерзость с нашей стороны, мы были уверены, да иначе и быть не могло.

Каким-то образом, эти два плана узнали красноармейцы, и надо было поражаться, как они радовались, когда пронесся слух, что мы яко-бы остановились на втором плане. Каждый уже рассуждал, как это он будет гнаться за белогвардейским офицером, как тот убегая будет кричать: „не смей срывать мерзавец царской милости, ибо ты этим оскорбляешь его величество“ и т. д. Иные толковали о том, что они захватят английские френчи и оденут их сейчас, кавалеристы толковали о том, что у них наверное будут английские красивые седла, а артиллеристы рассказывали—как хорошо устроены шестидюймовые английские пушки и какие у них хорошие прицелы, и что такие пушки они, конечно, будут иметь.

На Киев мы все-таки итти не решили. С одной стороны, потому что по радио нам это категорически было запрещено во избежание лишней траты человеческих жизней. Во-вторых, потому что у нас впереди есть путь—демаркационная линия, и она проходит как раз по направлению Попельня, Браилов, Радомысль.

Поэтому, мы к ночи подошли к какому-то селу (названия я не записал), и решили, выслав разведку, выспаться и подойти к Попельне на рассвете. Но это оказалось только мечтой, так как не успели мы лечь, как получился приказ теперь же итти к Попельне, имея разведку на 30 верст, т.-е. в переводе на наш язык и по количеству штыков нашего полка это значит—итти немедленно, иначе мы разорвемся, так как часть лошадей уже совершенно выбилась из сил. А пустить на такое расстояние разведку, это значит—оторвать от себя последние силы кавалерии и бросить на большое расстояние от полка. Поэтому, мы двинулись всем

полком, а разведка пошла вперед с приказанием следовать перед полком не дальше, как на 15 верст.

Таким образом, к рассвету мы подошли к станции Попельня. Было уже светло, когда мы рассыпным строем подошли к ней. Ничего не было видно, за исключением одного бронепоезда, который стоял молча, как заблудившийся путник. Мы шли стоя, не ложась. Расстояние между броневиком и нами осталось уже не больше полторы версты. Он стоит онемелым. Мы молча идем. Кавалерии часть пошла, чтобы взорвать ж.-д. путь со стороны Деникина, другая направилась на запад, дабы отрезать броневику отступление.

И вот тут свершилось то, чего мы вообще не ждали: броневик, не дав ни одного выстрела, быстро помчался на запад, очевидно, заметив нашу кавалерию, но скорее всего, что он получил сведения, что там движутся к линии полки. Фактически это так и было: подходили полки 45 дивизии. Мы, видя, что он уходит без боя и зная, что мы ему также никакого вреда не причиним из винтовск., а выдавать заранее свою артиллерию также нет смысла, ринулись пехотой на станцию и занялись уничтожением водокачки и взрывом стрелочных крестовин. Все это мы проделывали посредством бомб системы Новицкого, связывая их в букеты. Через час мы, послав донесение, пошли дальше. Броневик же, как и надо было ожидать, открыл огонь по подходившим частям 45 дивизии. Это, как потом оказалось, был знаменитый шестиплощадный броневик „Помста", разделенный впоследствии на три. Однако артиллерия полков 45 дивизии также начала ему отвечать. Но, очевидно, один одного сразу не могли пересилить. Все-таки полки не остановились. Артиллерия заняла позиции и била по броневику, а пехотные полки, сделав маленький крюк, потянулись на Попельню, где благополучно и прошли вслед за нами.

Дуэль между броневиком и нашими батареями была очень длительна и окончилась только к ночи. Очевидно, броневик все-таки „уговорили" не скандалить и скоро заставили замолчать.

Таким образом, был перейден последний опасный рубеж и полки расположились на ночлег: наш—в селе Гать, а полки 45 дивизии, вытянувшись параллельно с нами, раскинулись в местечке Ходороков. Развернув свою радио-станцию, мы вдруг услышали такой же мощности полевую станцию где-то недалеко. Сперва мы считали, что это станция белых, но вдруг наши позывные были ею пойманы и она ответила.

— Слушаю 44 дивизия.—Мы тогда запросили.

— Где ваш штаб?—и получили ответ—в Коростене.

— А как расположен ваш фронт? Отвечают:—наш фронт севернее Житомира в 15 верстах, а дальше на восток идет по реке Тетерев.— Тогда мы заявили, что мы южная группа в составе 45-й и 58-й дивизии с остатками 47-й, и предложили, что, по нашему, соединиться лучше всего в Житомире, который занят поляками. Мы предложили план дальнейших совместных действий: „Вы, 44-я, будете наступать с севера, а если ваши части устали, то делайте только демонстрацию, мы же, благодаря контрреволюционным газетам, „давно уже разбиты и нас не существует" и поэтому шляхта с юга никого не ожидает, а потому мы, ударив на Житомир с юга, безусловно возьмем с налета. Этот план был одобрен уже Р. В. С. XII армии. И вот, пройдя Браилов, части 58 направились на шоссе

Житомир—Киев в районе Гуровщина, Ставище, Макаров, а 45-я пошла на Житомир.

План взятия Житомира был не выполнен, а просто красиво разыгран, как было намечено. Сердца красноармейцев забились небывалой радостью: за Житомиром гремит красная артиллерия, обстреливая с севера, то 44 наступает на Житомир. Наша 45-я подошла, как будто из земли выросла, и ринулась при первых выстрелах с нашей стороны на Житомир. Проходит час—два. Слышится потрясающее всю окрестность „ура". Полки врываются в Житомир. Поляки уже давно растерянно бегут, не понимая, откуда вся эта сила на их голову свалилась и, главное, с юга кричат. Очевидно, ругаются, что их обошли с тыла. А красноармейцы Южгруппы уже встречаются на улицах занятого города с знаменитыми богунцами, таращанцами, пластунцами и другими неизменными украинскими бригадами 44-й дивизии.

Встречаются начальники штабов, целуются, у всех слезы выступают на глазах и от радости многие не знают, что сразу говорить. Незнакомых нет: как-то вышло, что все знакомы. Бросаются красноармейцы один к другому; на время даже все смешалось. Сыплются вопросы, сколько за дорогу потеряли, сколько времени шли, как питались. Даются гордые правдивые ответы.

— Нам, товарищи, было в походе очень хорошо, ни одного боя не было, чтобы мы отступили.

— В Умани так мы захватили ихнюю типографию, в то время как она печатала о том, что по лесам вылавливаются остатки большевиков маленькими партиями по 10—20 человек.

— Знаете, товарищи, мы было полопались со смеха: наш тов. комбриг на чистой стороне газеты напечатал свое и вышла на утро газета и белогвардейская и красная. На одной стороне читаем, что нас уже нет, а на другой стороне читаем: „Петлюра, подавишься, у нас еще и твои мобилизованные есть".

Спрашивает таращанец:

— Какие его мобилизованные? Как они к вам попали?

— Да как, мы их ночью разобьем, а они утром к нам приходят и спрашивают, где ваш командир?

— Да что вам надо?

— Мы мобилизованные Петлюрой. Он сбежал, когда вы с ним начали бой, а мы в огороды попрятались. Сидели, сидели и не знаем, что нам дальше делать, а вот теперь пришли к вам явиться, чтобы нас за дезертиров не посчитали.

По площади несся раскатистый здоровый смех братьев, красных героев, встретившихся, после месячного перехода, и снова соединившихся.

Слышишь дальше: „товарищ, а как у вас насчет питания?"

— Ого! у нас, товарищи, хватает всего; мы еще и вам пригнали.

— Как?

— Да так! Мы ведь от самой Керчи прошли Крым, Херсонскую губ., Подольскую и Киевскую. Так что, в Крыму мы весь скот советских имений забрали, ели всю дорогу и вам пригнали до 15-ти тысяч овец, до 7-ми тысяч быков. Было больше, да мы в дороге ели, не считаясь ни с какими порциями. Наши командиры и комиссары прика-

зывали, чтобы в дороге норм не придерживались, а лучше следили, чтобы не растаскивали скот.

— Дорогой у вас никто не отбил?

„Ну да! держи карман, как раз, отобьешь! Еще мы у Петлюры отбили себе гурт и наш даже увеличился".

— Ну, а вы как, товарищ? что это вы так сразу много отступили?

— А чорт их знает, не знаю,—с некоторым смущением отвечает таращанец.—Говорят, что нам надо отступить, потому что фронт, говорят, выравнивают, что мы и так уже остались в полукольце. Ну, а тут слышим—вы скоро будете. У нас все говорили, что вас осталось не больше, как полк, ну, а теперь, значит, дальше не пойдем отступать! Твердо решает таращанец.

— Ни за что!—отвечает наш.

— Вы знаете—нас не пустили в Киев. Мы просились прямо на Киев. Вот знаете была бы работа для Деникина! Ну, да теперь все равно. День-два отдохнем, а потом, наверно, рядом с вами станем и будем готовиться к походу в Киев. У нас, товарищ, знаете, одно плохо: сильно все обносились. Ничего. Теперь в Киев войдем,—там оденемся: что отберут у буржуазии, а что и на складах у белых найдем.

Куда ни подойди, везде одни и те-же восторженные разговоры и восклицания: „да что ты?" „Да неужели". Все что было на душе и на устах каждого красноармейца в этот великий день для „южной группы" едва ли можно описать, это можно только пережить. Итак, оторванный клочек красных бойцов XII красной армии снова влился в нее, проделав марш около 1000, а некоторые части и больше, верст. За дорогу „Южгруппа" набрала до 40 орудий, до 70 пулеметов, около 500 штук разных винтовок; привезла весь почти свой инвентарь снабжения; привезла массу сахару, муки, пригнала скот; привезла свои авто-броневики, грузовые, легковые, свои радио-станции, и, вообще, за дорогу наверстала все то, что несознательная часть красноармейцев унесла к Махно, уйдя туда и сама. Прошел первый день в расспросах и т. д. и выяснилось, что 44-я, действительно, в полукольце. От Киева до Тетерева стоят белые на Левобережьи. Они распространились почти до Чернигова: у них Бахмач, у них Борзна. Надо было выравнять линию фронта.

РВС XII с нашим выходом сейчас же поставил себе задачу занять позицию по шоссе Киев-Житомир. Наш полк получил следующий приказ: оторваться от дивизии, превратиться временно в партизан, пройти лесами на Тетерев и в районе железной дороги соединиться с „III-им Интерполком", а затем, тесня белых по линии железной дороги, идти на Киев, в районе которого и соединиться со своими полками.—Конечный пункт указан ст. Буча.

Итак, пройдя длинный путь с боями, прорвав сотни вражеских колец с твердым желанием и верой в пролетарскую победу, истинные сыны трудового народа с далекого юга пришли на холодный и голодноватый север для того, чтобы, не по примеру самостийников и других затуманенных и обманутых контр-революционерами темных своих братьев, а по своему, по пролетарски, по рабочему, общим фронтом идти туда, куда им укажет власть рабочих и крестьян, всегда с гордостью готовые умереть за правое дело не у своей избы, а там, где это будет признано необходимым.

Однако, задание получено и надо готовиться выполнить. К 2-м часам дня мобилизованы крестьянские подводы и полк из села Ставище садится на подводы и рысью направляется, взяв крестьянина в проводники. Едем лесами, наполненными бандами белых и, вообще, бандитов разных мастей, с расчетом выйти к железной дороге между станц. Тетерев и Трубецкая.

К 7-ми часам утра, пробежав более 50-ти верст, полк остановился в лесу, свернув с мало проезжей дороги. Выяснив, что до полотна ж. д. не больше трех верст, полк составил из одного батальона резерв, одну роту 2-го батальона выставил в разведку, одну в дежурство по тревоге и одна пошла лесом по направлению к дороге, растянувшись цепочкой.

Подойдя к полотну ж. д., рота послала вперед несколько человек, чтобы всех не открыть, взглянуть, что там есть. Посланные немедленно вернулись и сообщили, что у линии видели до 30-ти чел. белых, имевших какое-то прикрытие. Сейчас же было решено обойти их с двух сторон и попытаться захватить, не открывая огня и вообще не поднимая шума.

Эта задача была выполнена блестяще: по густому кустарнику подлезли почти на 10 сажен и с криком „руки вверх! брось винтовки", все поднялись, держа винтовки в упор белым. У них остался путь отступления на другую сторону полотна, но они, очевидно, мало рассчитывали на свою победу, что бросили винтовки и подняли руки.

— Бегом в лес к нам!—крикнул командир роты тов. Подвойский, и белоармейцы побежали к нам в лес. Здесь, долго не давая им разминать язык, был задан вопрос, что сторожили и кто командир?

Выступил рослый молодой белогвардеец с лицом довольно пышным, на вид не более 25-ти лет, взяв под козырек, стукнул каблуками и ответил:—я старший по команде.

— Что вы здесь делали? — задал ему вопрос командир роты. Он, не отнимая руки от козырька:—моя команда составляет прикрытие броневика.—Где этот броневик?—снова задали ему вопрос.

Броневик находится у станции Тетерев для охраны переправы против наших полков.

— Есть ли еще при броневике пехота?

— Да, имеется еще до 50-ти человек у броневика.

Ему сейчас же было сделано следующее заявление: — Вот, что, гражданин начальник. Вы находитесь в плену в Красной Армии. Если ваши показания окажутся ложными и около броневика окажется не 50 человек, а батальон — имейте в виду, что вы будете на месте расстреляны за ложные показания. В том же, что белые вас не отобьют, это мы вам гарантируем так же, как и то, что из Киева вас погоним в самом недалеком будущем. Поэтому, вы сейчас нами будете переправлены с вашими солдатами в наш глубокий тыл. Ваши показания записаны, — имейте это в виду — и не сделайте себе необдуманного вреда. Предлагаем, до отправления сказать еще раз: подтверждаете ли ваши первоначальные показания? — Да я вам сказал сущую правду; я могу ошибиться на три—пять человек.

— Хорошо! Конвойные, ведите пленных в штаб полка,—приказал т. Подвойский,—и пошлите сейчас же сюда кавалериста.

— Рота—в кустарник; засесть снова! Минут через 10, как только вошли в лес взятые в плен, появился кавалерист, чуть не выскочил из леса на лошади, за что получил ругню Подвойского на матросском жаргоне. Кавалерист нырнул снова за деревья. К нему подошел Подвойский и дал приказание идти сейчас же рысью человек 10-ти за колено, которое образует здесь дорога и не более, как в трех верстах от нас разобрать путь так, чтобы броневик этого при отступлении не наметил, т.-е. развинтить рельсы, подбить клинья, разведя их немного, чтобы броневик, подойдя на это место, сошел с рельс. Такое задание нами давалось потому, что здесь уже броневики могут нам сослужить службу, так как мы снова уже на дороге. Работу вести без всякого шума, при чем, в случае, если броневик вынырнет раньше времени, приготовить бревна и забросать путь, но не поперек, так как он может их сбросить крестовинами, пристроенными впереди колес, а по длине рельс.

Кавалерист уехал, а через 20 минут уже прискакал второй и доложил, что путь поврежден, как было приказано, и кавалеристы, спешившись, сидят в лесу в 100 саженях против поврежденного места.

— Хорошо,—ответил тов. Подвойский,—сидеть и ждать и сейчас же просить, чтобы к вам была подтащена одна пушка на случай, если броневик, сойдя с рельс, начнет отстреливаться,—дать сдачи. Мы же сейчас пройдем лесом к нему и откроем пулеметный огонь по нем сзади. Он, видя, что его обошли, бросится уходить. Понятно для тебя?

— Да, вполне,—и кавалерист скрылся за кустами. Рота же пошла лесом к броневику и, подойдя на расстояние не больше 100 сажен, открыла из кустов огонь. Броневик, как и надо было ожидать, бросил клубы пара через краны и ринулся задним ходом уходить, развивая ход так, что даже колеса забуксовали. Охрана, находившаяся впереди него кинулась налево от полотна в лес, где и скрылась. Мы, как только броневик укатил, побежали к месту, где разобран путь. Но еще не добежали, как услышали какой-то глухой шум. Оказалось, что невзирая на наши тщательные приготовления, броневик не только сошел с рельс, но и чуть не лег боком. Площадка с пушкой накренилась сильно на правый бок, врезавшись между шпалами в насыпь по самый корпус тендера, а у паровоза разбились краны и пар зашипел, вырвавшись на свободу от сжимавших его поршней.

Прислуга мигом начала выскакивать; а как только раздался пулеметный огонь кавалеристов, она мигом удрала в лес тоже на левую сторону полотна. Мы прибежали все к броневику с такой большой радостью, что и разведки вокруг себя не оставили. Только спустя пять минут опомнились и часть снова рассыпалась по лесу.

Немедленно послали кавалериста доложить о первых удачах, и через час получили распоряжение идти на реку Тетерев, прямо по полотну, так как белые безусловно проворонят переправу. Поскольку это удастся, связаться со стоящим на той стороне Тетерева „Интерполком".

Мы отправились. Подойдя к берегу р. Тетерев, мы подняли на штыке белый платочек и стали махать. На той стороне реки никого не было видно. Из кустов вышло еще несколько красноармейцев и стали кричать:—Третий Интерполк! Выходите! Это мы—южная группа. Броневик уже лежит под откосом, а его прикрытие нами взято в плен.— В ответ с того берега ни с того ни с сего в нас стали строчить из пу-

леметов. Мы удрали за деревья и принялись ругать „Третий Интерполк“ на всех знакомых нам вариантах за его непонимание.

Но ведь ругай не ругай, а ведь приказано во что бы то ни стало соединиться. Была бы у нас здесь шлюпка—дело было бы далеко проще: садим одного в шлюпку с белым флагом на штыке и он едет. Одного, конечно, не станут обстреливать. Но шлюпки нет, а время не терпит, так как Киев, вероятно, уже знает о том, что его броневик попал к нам и возможно, что уже какая-либо близ расположенная часть движется на выручку. Поэтому мы снова отправились на берег Тетерева. Один человек вылез и снова стал кричать. Ни звука. Лес молчит. Снова высунулись уже человек десять. На этот раз с того берега ухнула пушка и снаряд, очевидно, зная, что свои, прошел мимо голов. Мы убежали опять в лес, повторив еще раз свое неприличное приветствие „Интерполку“.

Сели в лесу; одного послали, чтобы передал кавалеристу немедленно ехать в полк и доложить, что нас „Интерполк“ не признает и вообще не желает с нами иметь ничего общего. Кавалерист отправился, а мы начали завтракать, набрали в лесу диких груш — они оказались очень вкусными, и мы, поставив на опушке открытые дозоры, немножко даже придремнули.

Так нас застали и ночь и утро. Наконец, вместо нашего вызова, слышим вызов с той стороны:—Днепровский полк!

Чу, слушай, наш полк зовут! Слышим снова: „Днепровцы“. (Это кличка нашего полка, так как в нем все красноармейцы были Днепровского уезда).

Мы выбежали сразу из леса. Смотрим уже „третий Интерполк“. Стоит несколько красноармейцев, белая простынь на бревне. При виде нас, раздается „ура“. Мы с этого берега кричим „ура“. Машем рукой прекратить крик; надо же вести переговоры. Из лесу все высыпают.

— Есть у вас шлюпки?—спрашиваем мы.

Отвечают:—У нас есть даже несколько,—и дальше спрашивают:—

— Это мы вчера по вас стреляли?

— Да, а то по ком же? Отвечаем.

— Ну мы извиняемся,—несется с того берега.—Над нами белые такие обманы проделывали и мы вас приняли за них. Сейчас получили радио из вашего штаба о том, что вы вчера к нам выходили, а мы вас обстреляли.

— Ну ладно,—кричим, — довольно, давайте шлюпку.

„Нет, товарищи, вам шлюпку не надо. Нашему полку приказано переправляться на вашу сторону и идти по левой стороне. Вместе будем идти на Киев. Мы тогда с своей стороны, как-то невольно, закричали „ура“ и предложили им скорей перебираться.

Не позже, как через полчаса уже появились первые переехавшие, а затем шлюпок около десяти засновали через речку и к вечеру уже почти весь полк был на этой стороне. Полк оказался состоящим из мадьяр, немцев, китайцев, латышей, румын. Русских не больше 10%. Народ все здоровый, загорелый, по-русски понимает плохо. Один подает руку и смеется—не знает как по русски: „здравствуй“; другой подает руку и говорит: „бонжур“, а наш красноармеец спрашивает: что он сказал?

Тот машет рукой и смеется, а далее говорит: „ече плох русски знай“. А чтобы раз‘яснить, что он „плохо знай“, высовывает язык и показывает на него, т.-е. „не знаю вашего языка“.

— Да, ладно, и не надо,—отвечает наш.—Знай только нашу программу. Подбегает их политком—чех, знает и по-русски хорошо и на всех языках переводит сказавшему. Тот в восторге:

— Го, программу знай карош,—и показывает, что он решил умереть за эту программу, а потом говорит политкому, что, кончив в России, пойдем на запад, и у них будет такая же власть из крестьян и рабочих и будет такая же красная армия.

Еще не успев наговориться с товарищами Интерполка, к нам прибежали наши с дозора и передали, что еще одна наша рота пошла по направлению к Киеву, держась правой стороны полотна, и нам также приказано идти. Полк будет пробираться лесом, так как возможно, что у Деникина есть разведка и потому выдавать ей всех людей и артиллерию не следует. Нашим же двум ротам идти до станции Бородянка и захватить Бородянский мост. Если удастся идти дальше и занять станцию Клавдиево, Немешаево и конечный пункт—платформу Ворзель.

Весь полк движется по лесу на расстоянии одной версты от линии параллельно нам. Связь полная. „Интерполку“ принесли приказ Комюжгруппы тов. Якира идти левой стороной полотна, захватывая и очищая близлежащие села, параллельно с нашим полком, и по взятии „днепровцами“ платформы Ворзель, Интерполку, развивая операцию по левой стороне магистрали, занять Гостомысль.

Мы попрощались с „Интерполком“, пожелав, чтобы они поскорей выслали к нам свою связь. Проходим броневик; его уже наши обезоруживают: на всякий случай стащили с него мортирку, с полевой сняли замок, сняли пулеметы. Мы себе набрали патронов и пошли дальше, распевая по лесу свои красные песенки.

Пройдя еще версты три-четыре, вдруг, с левой стороны полотна из опушки грянул в нас чуть не в упор залп целой батареи (4 орудия).

— „Ложись!“—крикнул командир батальона и заместитель компoлка тов. Кулишь, и все, прилипли к песку.

Батарея ухает. Один залп за другим, снаряды ложатся в каких-нибудь 70-ти саженях.

— „Подлезай к рельсам и из-за них открывай пулеметный и ружейный огонь. Старайся залпами!“—передается приказание.

Снаряды летели или через нас, или попадали в полотно, высоко вздымая песок из насыпи и обдавая нас. Все полезли к полотну и оттуда через несколько секунд раздался один залп, другой, третий. Батарея все ухает.

Наконец, заработал и наш пулеметчик-музыкант, выбивая „Интернационал“ на своем пулемете. Батарея ухает реже. Слышим,—по цепи передается — „ни одного выстрела больше! Лежать и молчать! Из-за рельс никому не высовываться! Ждать команды! Как только батарея умолкнет, с криками „ура“ бросаться на батарею!“

Лежат, все молчат. Еще залп, еще два-три. Наконец, перерыв. Долгий: минут пять, и снова залп. Молчим, лежим, засыпанные песком и пылью. Проходит пять-десять минут. Чуть не стали уже выглядывать—опять залп. Лежим.

Вдруг, с опушки леса выходит какое-то „его превосходительство“, погон широкий. Молча смотрит и что-то в полголоса говорит в сторону леса. Выходят еще два, наконец, еще, и появилась группа человек 15 с погонами.

Мы шепчем: „а где же их солдаты, что все офицеры? Наверно, у орудий?“

Один красноармеец поворачивается и шепчет: „тов. Кулиш, давайте бросимся на них. Кажется, начальство все уже здесь, а солдаты, услышав „ура“, побежат. Ведь им только такого предлога и надо, чтобы перебежать на нашу сторону“.

— Молчи, убирайся к чорту!—отвечает тот.

— Лежи, не высовывайся, а то заметят.

Лежим еще. Высыпала, наконец, кучка солдат. Слышен разговор: „Куда же они исчезли, наверно удрали в лес?“

„Нет“, ввязывается другой, очевидно наблюдатель, „в лес никто не бежал. Я следил, как упали все, так и не поднимались“.

Конечно, трудно было нас видеть, потому что мы все были смешаны с песком, а, главное, насыпь высока—больше аршина.

— Неужели всех смели?—говорит „превосходительство“ и продолжает:—Ну-ка Иван Васильевич и вы ад‘ютант, возьмите пять солдат и мигом посмотрите, что там на той стороне, „много ли котлет мы приготовили его превосходительству?“

— „Слушаюсь!“—несется, и вызываются солдаты по фамилии.

Лежу и думаю: „боже, какие трусы! на 50 шагов, на чистом месте и то вперед солдата посылают“. Со мной рядом кто-то шепчет: „котлеты без жира, „ваша светлость“. Наверно подавитесь“. Поворачиваю голову—смотрю—Кольнер, еврейчик, уже третий и последний: двух братьев убили еще при выходе из Николаева во время боя на улице, третий уцелел.

Наконец, идут; солдаты нехотя впереди, за ними начальство. Лежим; думаю, чего же это еще ждет Кулиш. Посматриваю в его сторону.

Вдруг, в полголоса, короткое „ура“.—„Ура“ раздался раскат и лавина через секунду уже на опушке, где должны быть орудия. „Сиятельства“ метнулись, вроде, кто им жару всыпал в сапоги, и, надо отдать им справедливость, бегать они мастаки: ни одного не догнали. Три пушки оказались исправными и с замками, одна без замка, очевидно, успели схватить.

Сперва кинулись все к пушкам. Вдруг кричит Кулиш. „Беги в лес! где же патроны и снаряды? ничего нет. Наверно, недалеко, поблизости. Делайте перебежки между деревьями и бегите, по крайней мере, на три версты, рассыпаясь веером. Если ничего не будет, бросайте дозоры и возвращайтесь“.

Понеслись дальше красноармейцы уже без криков, а потихоньку.

— Тащи, хлопцы, пушки вручную через полотно.

Прибежали наши артиллеристы, смотрят: из леса вытаскиваем пушку.

—Ура,—кричат.—Английская?—спрашивают. Орудия действительно оказались английские шестидюймовые „Викерса“.

Пригнали наших лошадей и, вместо шестерика, заложили 12. При помощи пехоты пушки перетащили через полотно и погнали в штаб

полка. Кто-то громко крикнул:—тащи их в штаб полка;—другой, рядом стоящий, вдруг, выпаливает:—Тю, ты что сдурел?

— А что?—весело отвечает первый.—Зачем говоришь о полке!

— Ах! я забыл! виновато отвечает тот и умолкает.

Пушки повезли. „Интерполк" прислал своего разведчика из команды связи. Спрашиваем:—далеко вы от нас?

— Да, еще далеко: версты 4 будет, но мы движемся.

— Ладно, скорее приходите, будет веселей!

Пришла на смену одна рота—из наших одна пошла на обед; пришла и другая;—пошли и мы на обед. Роты пошли дальше опять-таки по опушке к станции Бородянка. Мы пообедали, но отдыхать не дали. Полк все время двигался в лесу без дороги и очень медленно, а надо было, чтобы далеко наши роты не отрывались.

Мы снова подвигались, сбивая дикие груши. Наконец, уже вечереет и мы около Бородянского моста.

Разведка детально выяснила и сообщила: у Бородянки стоит около роты пехоты на мосту; с той стороны и на нашей стороне ни души, на полотне видны окопавшиеся пулеметчики; броневиков не видно; если и есть, то, наверно, дальше; за речку пробраться нельзя. Ладно, довольно и этого, подождем „Интерполка", а то еще влетим правой стороной так, что на левой окажутся белые, думаем мы.

Снеслись с „Интерполком". Получили сведения, что он к 12 ночи подойдет к нам. Ложимся спать. К 1-му часу ночи привозят приказ: благодарность всем товарищам от начдива тов. Федько и „Бородянский мост взять во что бы то ни стало".

Выслушиваем приказ. Слышу раздается среди красноармейцев:

— Возьмем! о чем беспокоиться. Раз надо взять, о чем же еще говорить, конечно, возьмем!

Смотрю, ходит среди красноармейцев тов. Таран, командир полка.

— Ну, так що хлопцы? зараз пидем брать Бородянский міст? чи, може піджидем „Интерполка?"

— А когда возьмем, тогда что? дальше идти?—спрашивает красноармеец-коммунист Беленко.

— Нет, тогда будем ждать „Интерполка".

— Тогда идем сейчас, а тогда уже ляжем отдыхать. Ладно идем! Какая рота пойдет?

В разговор вмешивается тов. Кулиш:—чогошь там рота? хай дви йдуть. Чорт их знае: може ще начнуть отстреливаться.

— Та, ни воны не вспиют,—отвечает Таран,—я кажу, що хай иде одна.

Тов. Кулиш, штабс-капитан старой службы, прекрасный товарищ, самоотверженный революционер и на редкость умеющий выносить всякие лишения, лучше красноармейцев.

Таран соглашается:—ну дві, так дві. Яки ж підут?

— Вторая идем,—раздается голос какого-то красноармейца.

— Идем,—отвечают другие, и вторая поднимается из-за толстых стволов сосен, под которыми везде лежали красноармейцы.

— Первая, идем,—слышно дальше.—А какая идет еще?

— Вторая.

— А ладно, с ней идем. Это наш коллега, мы с ней наибольше вместе.

Через 10 минут рота во главе с тов. Тараном скрылась в лесу.

Проходит томительный час, сон куда-то скрылся. Оставшиеся начинают копировать тов. Тарана, как он будет летать открыто на пулемет и ругаться.

— Ишь яка подлючина, ще стриля. Ось я тебе стрельну, так що у тебе и перепонки лопнуть, и т. д.

Наконец, слышим пулеметный огонь; проходит 2—3 минуты—слышится „ура“, затем выстрелы—реже и реже, и минут через 10 опять тишина.

— В чем дело? Надо бы кого-нибудь выслать к разведке узнать, в чем дело, не скосили ли наших?

— Ничего подобного,—слышится от подходящего к разговаривающим красноармейцам.—Я только что из цепи. Они почти и не дрались—сбежали; два пулемета нам бросили: один „Максим“, другой „Кольтовский“. А „Максим“ какой, немецкий?—спрашивает Кулиш.—Не знаю, не рассмотрел.—Как, на высоком станке? не на тележке?—спрашивает пулеметчик.—Нет, не на тележке, а на кобыле.

— Ха, ха, ха,—раздается от пулеметчиков, это ж тебе и есть немецкий „Максим“.—Один срывается:—сейчас побегу и выпрошу себе.—За ним схватывается другой и третий и все пулеметчики помчались по темному лесу, мечтая каждый получить немецкий „Максим“, потому что такие пулеметы очень уж удобны для стрельбы с пролетки.

На рассвете наш тов. Таран не только дальше не пошел, а уже был на станции Немешаево, откуда прислал красноармейца с приказом полку идти тоже к нему, послать верховую связь для розыска 518 полка, который должен быть на правом фланге дивизии, просить роту красноармейцев из 519 полка в помощь на день, два, так как полк Тарана почти уже три дня не спит и все в движении; обозы перевести на Новую греблю и пригнать из обоза 2-го разряда овец, а также доставить к полку все кухни.

Здесь мы простояли весь следующий день. К вечеру пришла рота в 120 штыков. Пригнали овец, привезли кухни, сварили жирный суп, начали кушать с чесноком, которого у нас были навалены целые патронные двуколки.

Приехал командир „Интерполка“ и сообщил, что его полк в одной версте от нас и что с левой стороны полотна села очищаются верст на 20 от линии. Поговорив еще немного, мы послали прибывшую роту на мост на смену своей и, выделив со своего полка один взвод в дозор, дежурный батальон лег по-ротно отдельно, а все остальные легли спать.

На рассвете белые кинулись отнять мост и отняли. Прибывшие к нам на помощь тов. 519 полка были почти на половину из Одесского комсомола, мало обстрелянные и потому, не выдержав натиска, побежали. Пока шла перестрелка, все проснулись. Узнали, что наши бросили мост, кинулись к Тарану. Где Таран? Надо бежать к мосту, и кому бежать—батальону или одной роте? Тарана нет.

Схватился дежурный батальон и, протирая глаза, побежал к мосту. Но на мосту оказывается уже опять Таран. С той стороны, видно, копошатся белогвардейцы, ведя бестолковую стрельбу, а с нашей стороны Таран, прижавшись к самому мосту, „посыпает“ их из „Льюиса“ и, главное, сам-один. Белогвардейцы опять кинулись на утек. Наши, еще

не добежавши, дали залп по той стороне моста, и Таран, поднявшись, побежал через мост, продолжая „посыпать“ их из своего ручного „Льюиса“.

Прибежали—мост уже опять у нас. Таран сам выбил белых. Оказывается, наши молодые красноармейцы бросили белым два пулемета, из которых Таран захватил только один, другой белые унесли.

Таран ругается:—Чорт бы вас побрал, не поміч, а неміч, ось любуйся: одного пулемета позбулись. Треба их зараз отправить обратно, обійдемось і без них.

Итак, наши необстрелянные товарищи были посланы обратно в свой полк.

Подошел и „Интерполк“, и мы снова пошли в лес. Поравнявшись со своими обозами первого разряда, пошли дальше, чтобы выйти параллельно с платформой Ворзель. В лесу оказалась поляна, в квадрате до версты каждая сторона. Здесь мы, не выходя на поляну, расположились. Сюда приказал Таран перевести и весь полк.

Полк подошел, и к 4-м часам вечера мы тронулись на занятие платформы Ворзель.

Когда мы уже подошли к раз‘езду, то оказалось, что белые его уже бросили и отступили на Бучу. Мы стали; посоветовались и решили итти до Бучи, хотя такого приказа и не имели.

Но, вдруг, скачет к нам наш кавалерист; лошадь взмылена. Подбежал, соскочил с лошади. Все его обступили,—видно, что он взволнован.

— В чем дело?—спрашиваем.

— 518 полк, с которым мы должны держать связь, сегодня в 2 часа дня разбит на-голову. Никого не осталось в живых.

— Как, кем?

— Здесь появились волчанцы и осетины.

— Сколько же их.

— Не знаю. Говорят, что кавалерии - сабель 400 и пехоты - штыков 800.

— От тобі,—говорит Таран.—А де его разбили?

— В селе Козинцах.

— А де теперь ти сами осетины?—Говорят, что в Хмельном.

Я раскрыл карту и смотрю: Хмельное у нас осталось вправо на фланге.

Если они там, то они нас могут обойти, а обозы наши безусловно разгонят. Ладно, полку сейчас же итти на старое место на полянку, а Ворзель передать „Интерполку“, который уже подходил.

Передав „Интерполку“ Ворзель и рассказав, в чем дело, мы немедленно кинулись обратно в лес. Из лесу стали выходить обезоруженные красноармейцы по 5—10 чел. Оказывается—из нашего 518 полка.

— В чем дело? почему вы без винтовок?

— Да нас застали врасплох во время обеда. Окружила кавалерия; много изрубила, остальные попрятались кто куда попало по огородам.

— Куда направилась дикая кавалерия?

— В Хмельное и, наверное, там в лесу засела выжидать вас.

— Ну, добре, хай жде,—ответил Таран.

Уже стемнело, когда мы вышли на полянку. Я предложил проделать отбитие кавалерийских атак, чем мы и занялись.

Проделав это учение, переспросив красноармейцев, поняли они или нет, и убедившись, что все запомнили, мы пошли в лес, поужинали и легли спать. Часам к 12 ночи к нам приехал комбриг тов. Маслов и политкомбриг тов. Губанов. Спрашивают, почему мы не в Ворзеле, а здесь. Мы им рассказали, в чем дело: что Ворзель пока держит „Интерполк“, имеющий задание взять Гостомль, а мы отошли, чтобы к рассвету найти белую кавалерию и волчанцев и выбить их из нашего района.

Комбриг приказал итти в обход Хмельного, т.-е. на Бучу. Мы сейчас же поднялись и пошли через лес.

Стало уже сереть; наступало утро. Мы прошли лес и перед Козинцами вышли снова на поляну, тянувшуюся до самых Козинцев версты на 2—2½. Слева началась сперва очень редкая перестрелка, превратившаяся скоро в бой. Значит, „Интерполк“ попал уже на подошедшие, и как слышно по ружейному и пулеметному огню, большие части противника. Справа и почти уже несколько позади нас остались засевшие волчанцы и осетины-кавалерия. Наша кавалерия уже еле волочила ноги. Нам прислали в помощь отряд кавалерии тов. Урсулова—80 сабель.

Сперва мы остановились и прислушивались к бою, который шел в лесу с левой стороны полотна, т.-е. на нашем левом фланге.

Потом комбриг приказал идти дальше, вытянув пехоту цепью через всю поляну до Козинцов. В случае, если выскочит кавалерия, не стрелять, пока не приблизится на сто шагов, затем давать сразу залпы Пулеметчиков разместить между цепью через каждые 200 сажен.

Построив такую цепь, мы потащили артиллерию и поставили у Козинцев в леску, занимавшем около 2 десятин. Вскоре кавалерия тов. Урсулова начала осыпать белых со своих Льюисов в тыл. Не прошло и часа, как белые „сорвали когти“ и кинулись удирать по направлению Бучи и Гостомля. На Буче показался броневик и стал бросать снаряды, которые без всякой цели падали где попало. Наша артиллерия начала пристрелку и за четвертым снарядом, который разорвался около броневика, заставила его удирать. Это подходил знаменитый броневик „генерал Корнилов“, но он сейчас же ушел на Беличи, т.-е. почти в Киев.

Наконец, белые рванулись во-всю. Верстах в пяти от нас скакала их артиллерия. Все это нам было видно, но преследовать было нечем, так как 40 сабель ничего не могли сделать с бегущими полками. А артиллерия белых, видя, что их преследует всего несколько десятков сабель, дала тягу и белым удалось удрать. По их следу вся дорога оказалась устлана погонами.

К 2 часам дня мы заняли Козинцы. Крестьяне рассказывали, как наш 518 полк был разбит, благодаря тому, что слишком уж по домашнему обедал; пулеметчики отдельно где-то в советском имении, пехота тоже чуть не по всему селу. Убитых оказалось вовсе немного, а именно до 30 человек; остальные просто в панике разбежались.

Наконец, мы получили сведения, что кухни полка удрали в Макаров, куда, между прочим, перешел и наш обоз. Около кухонь опять собрались разбежавшиеся красноармейцы. Полк, как выяснилось, потерял оба орудия и семь пулеметов.

Мы сейчас же переодели в крестьянское платье красноармейцев и послали пешими в лес к селу Хмельному. К вечеру они вернулись и доложили, что конница действительно есть в лесу, но сколько, они вы-

яснить не могли. Видели ихнюю разведку, которая спрашивала, сколько у нас кавалерии. Они ответили, что тоже не знают, но, наверное, всадников 300.

Получив эти сведения, наша кавалерия и тов. Урсулова была сейчас же соединена и ей дано задание подкормить лошадей, а зорькой напасть на банду и во что бы то ни стало отнять все обратно, тем более, что „Красный полк", составленный из коммунистов в количестве 600 человек на ст. Бирзула вошел с нами в связь через Макарово. Значит банда уже оказалась в свою очередь отрезанной нами.

Мы тронулись в село Михайловское с расчетом пройти его ночью, дабы белые не могли выяснить количество штыков в нашем отряде; засесть в лесу против станции Буча и там сидеть в засаде и ждать подхода полков для того, чтоб выравнять линию нашего фронта—Житомир, Макаров, Буча. Штаб дивизии расположился в Радомысле.

Взятые нами в плен оказались красноармейцами, попавшими в плен к Деникину на Царицынском фронте. Они заявили, что им в обозе сидеть стыдно и им выдали винтовки и причислили ко второй роте. Их же командир дал показание, что он насильно мобилизованный, бедный вольноопределяющийся. На самом деле из подслушанного телефонного разговора Бучи и Ворзеля выяснилось, что это один из князей Святополк-Мирских. За неправильное показание он был приговорен к расстрелу Ревтрибуналом нашей дивизии и расстрелян.

Урсулов точно выполнил возложенные на него задания. Осетины были ими окружены и разбиты на-голову, при чем все пулеметы вернулись к нам. Вернулось и одно орудие, а другое они загнали в болото и мы его вытащили только через два дня. Зато он привел около 30-ти хороших лошадей и до 100 штук седел. Пехоты же, как выяснилось, никакой и не было и все „волчанцы" дрались именно против „Интерполка", от которого с позором бежали. Мы разместились в лесу. Но так как наши обозы были от нас в 30 верстах, и днем ничего не приказано нам доставлять, чтобы не открыть нашего присутствия, а ночью такое расстояние трудно было пройти, тем более гнать овец, мы начали голодать.

Зато наше положение было действительно прелестным: мы уже сидим три дня и каждый день ловим белых, как карасей. Они все считают, что в лесу путается остаток разбитого ими полка и потому появляются на опушку для разведки пять-шесть человек и мы их без крика забираем. На третий день в лес вошел целый взвод, который также остался у нас. Над нашими головами стал летать аэроплан, держась не выше 50 сажен. Мы по нем не открывали огня, чтобы не выдать себя, а он нас, если и видел, то по два-три человека.

Все же белые поняли, что тут не разведка. Наконец они додумались. Подошел броневик и начал наугад обстреливать весь лес. Снаряды рвались между нами, но вреда, конечно, принести не могли, так как здесь сосны были в обхвате до сажени и больше и под их корнями снаряды не страшны. Пострелявши, пока ему не надоело, он ушел.

На утро мы получили приказ: хорошенько произвести разведку и попробовать взять Бучачский мост через реку Ирпень. Взявши мост, у нас уже явится возможность сообщать Драгомирову, сидящему в Киеве, посредством их же шестидюймовых орудий, что мы уже с ним соседи,

так как снаряды будут ложиться у Святошино и, вообще, у окрестностей г. Киева.

Мы уже голодали: хлеб кончился и мы перешли исключительно на дикие груши, которых здесь было еще больше и которые были еще вкуснее. Красноармейцы поругивались, которым уже стал надоедать „десерт“. На следующий день мы решили пойти в атаку на мост, что и сделали около 4 часов дня. Вторая и пятая рота, выйдя из леса, кинулась на „ура“ к мосту. Местность совершенно голая. Это первая за все время неудачная атака. У белых оказались на обратной стороне глубокие окопы, в них 4 орудия, около десятка пулеметов, три бомбомета и, кроме того, вынырнул броневик. Все это обрушило свой огонь на нас.

Раздались стоны раненых. Роты сперва легли, а затем быстро стали по команде перебежками снова отступать в лес. К тому же у нас еще разорвались оба бомбомета, переранив всю прислугу 6—7 человек. Отступив в лес, мы вынуждены были немедленно пустить усиленные разведки вдоль Ирпеня, чтобы нас не обошли, так как теперь уже белые знали, что это „Днепровцы“, и надо было теперь же восстановить связь с „Красным Полком“. Выслали всю кавалерию для разведки, дозора и связи.

На следующий день белые повели наступление по Житомирскому шоссе на „Красный полк“, что нам показало, что они опять попали впросак, так как мы у них оказались не только на их правом фланге, а почти в тылу. Мы решили, не ожидая распоряжения, пойти в тыл им, тем более, что „Красный полк“ стал отступать. Оказалось, что такой же целью задался и 521 полк бригады тов. Мокроусова и кавалерия отряда т. Княгницкого, которые уже обошли наступавших „волчанцев“, захватив всю артиллерию, т.-е. шесть английских тяжелых орудий 6-ти дюймового калибра системы Викерса со всеми упряжками, около 80 человек тоже бывших красноармейцев и до 60 человек командного состава.

Офицеры, захваченные врасплох, не успели снять погонов. Так всех их мы вместе с пушками погнали в штаб, а „волчанцы“, узнав, что случилось у них в тылу, когда начала „поливать“ наша артиллерия, кинулись просто-на-просто удирать в Киев, тем более, что очень близко. Тут уж наши товарищи бессарабцы, захватившие артиллерию, позволили некоторое безобидное издевательство над одним из „его превосходительств“ так лет под 50. На вид старик довольно плотный. Ему посадили на плечи прапорщика и заставили, чтоб последний всю дорогу пел „Интернационал“. Генерал, конечно, нес прапорщика, пыхтя и ввязая в песках, а прапорщик заявил, что он „Интернационала“ не знает, что он знает только „яблочко“.

— Ну, пой „яблочко“, чорт с тобой, но не сиди зря на шее у старого человека.

И вот, прапорщик до хрипоты всю дорогу пел „яблочко“. Какая судьба постигла всех этих фронтовых „артистов“—я не знаю.

В этот же вечер я получил приказ из дивизии, что по приказанию Р.В.С. XII, мне приказано немедленно оставить дивизию, сдать свою должность красноармейца своим остающимся в любимом полку товарищам и прибыть в распоряжение Р.В.С, который стоял штабом в Новозыбкове.

Через несколько дней отправился в Новозыбков, где мне снова дали назначение в 60-ю дивизию политкомом бригады. Но у меня открылся старый морской ревматизм и я уже не мог ходить. Тем не менее в дивизию я все же поехал.

Приехав в Городню Черниговской губернии и явившись начдиву тов. Крапивянскому, я получил другое назначение, а именно комиссаром снабжения дивизии.

Пробыв здесь около 10 дней, я получил приказ о назначении меня черниговским губвоенкомом. На Чернигов готовилось наступление и мне было приказано, по взятии Чернигова, немедленно формироватъ комиссариат.

В день годовщины Октябрьской революции Чернигов нами был взят. Через месяц Р.В.С. переехал уже в Нежин, так как войска уже подходили к Киеву.

В Киев мы заходили тремя полками в начале октября для того, чтобы одеться—и оделись, между прочим, заставили написать Шульгина в белогвардейской газете правду о нас. Он писал, что надо брать пример у красных, которые умеют драться, не то, что добровольцы, которые умеют только грабить.

По переезде Р.В.С. в Нежин, последний снова вызвал меня в Нежин, приказав передать Губвоенкомство тов. Рощину.

Прибыв в Нежин, я получил назначение Ревтопкарма XII. Со своей любимой XII армией я, конечно, связи не потерял, так как находился уже при Р.В.С. армии со своим аппаратом. Но уже не принимал не только участия в дальнейших геройских подвигах этой армии, но даже и касательства, а только следил с каждым днем за всеми любимцами—боевиками, которые продолжали свое святое дело, сражаясь за права бедняков в этой богатой геройскими подвигами и революционной дерзостью XII Красной армии.

